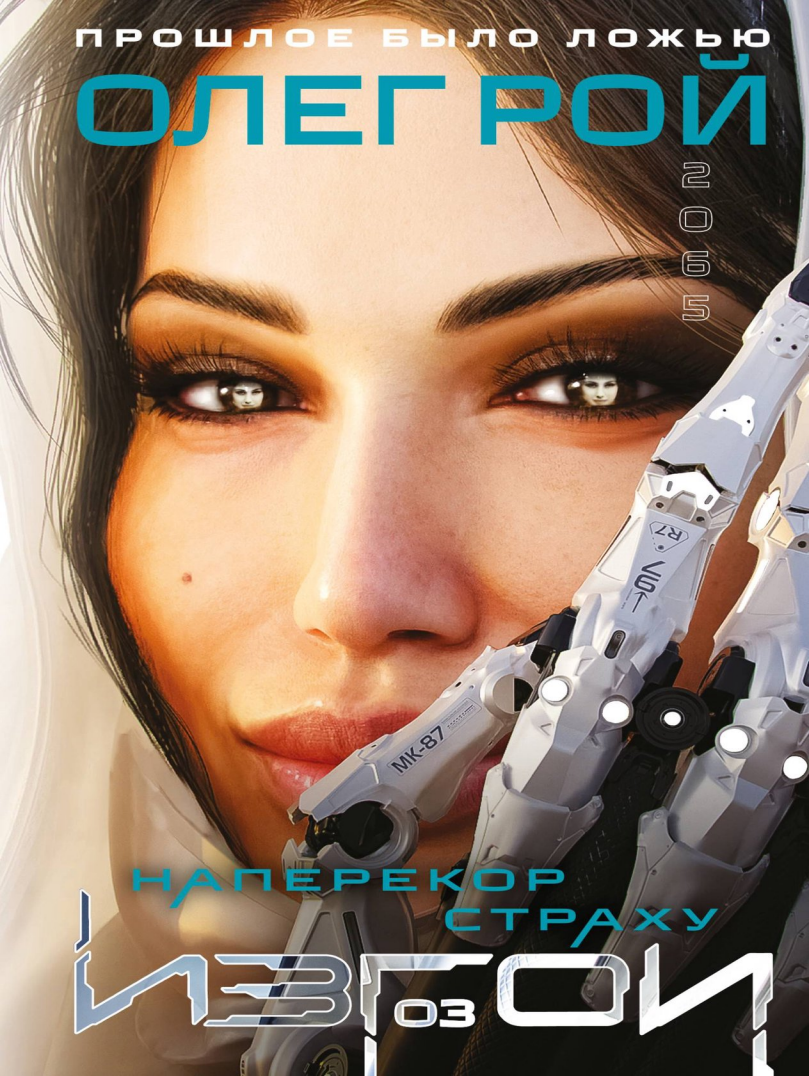
ПРОШЛОЕ БЫЛО ЛОЖЬЮ

ОЛЕГ РОЙ

2065



НАПЕРЕКОР СТРАХУ

ИЗГОИ

03

Наперекор страху
Олег Юрьевич Рой

Аннотация
Олег Рой. Наперекор страху
То, что пусто теперь…
Клуб любителей машин, больших и маленьких
Наследники Гая Муция
Кто проживает на дне океана?
Треугольник в небе
Черная луна
Время откровений
Смирное время
Огонь идет со мной
Куинни: Showdown
Не упадешь ли ты от взгляда его?
Очная ставка
И время, свитое спиралью, течет…
Mortituri te salutant!
Попутчик
Эпилог: всех людских путей начало и конец людских путей

Аннотация

Смерть следует за «мятежной цепочкой» по пятам. Отбившись от монстров, герои покидают базу Проекта и оказываются предоставлены сами себе. Взрослые решения имеют последствия – это понимают и члены цепочки, и Кураторы, подсчитывая потери.

Опасность сближает и срывает маски – так ли важно, кем ты был раньше, если каждое следующее мгновение может стать последним? Кто твой враг, а кто спасет тебе жизнь?

Олег Рой
Наперекор страху

© Рой О., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

По освещенному лишь аварийными лампами коридору бежали андроиды. Скафандры биозащиты скрывали их тела и лица, но только андроиды способны так синхронизировать свои движения, чтобы носилки, которые они несут, не испытывали ни малейших колебаний, способных повередить тому, кого они переносят.

На носилках лежало тело в капсулирующей оболочке. О том, что этот человек жив, свидетельствовали только приборы, закрепленные на носилках снизу. Эти приборы контролировали жизнь тела и отчасти поддерживали ее. Судя по показаниям приборов, человек на носилках был хоть и жив, но от смерти его отделяла лишь тонкая грань.

Коридор был длинным, но даже самый длинный путь заканчивается; открылись двери, и андроиды со своим грузом оказались в хорошо освещенном помещении медлаба. Здесь их уже ждали две фигуры в таких же скафандрах биозащиты, но, судя по всему, являющиеся обычными людьми. Безмолвные слуги осторожно закрепили носилки на операционном столе. Стол немедленно ожил — одни манипуляторы споро вскрыли оболочку с телом, другие столь же уверенно принялись подсоединять тело к системам жиз-

необеспечения стола. Две фигуры тем временем склонились над телом.

— Ничего себе, — сказала одна из них. Маска биозащиты искажала голос, так что даже не понятно было, женщина говорит или мужчина. — Капитально же ей прилетело.

— Она не знала, с чем имеет дело. — Второй голос определенно принадлежал женщине, даже маска не могла это скрыть. — Черт, все произошло слишком быстро…

— Забей, — посоветовала первая фигура. — Ты ни в чем не виновата. Потери неминуемы, разве **он** не говорил тебе?

Вторая фигура склонила голову и опустила плечи. Первая тем временем осматривала пациента, если кусок плоти, лежащий на столе, можно было так назвать…

— Сухая гангрена, — констатировала она. — На первый взгляд. А если присмотреться…

Она одним движением расстегнула застежку краги и сбросила перчатку прямо на пол. Под перчаткой оказалась женская ладонь — красивые, тонкие пальцы, казалось, были созданы для хирургии — длинные и сильные, несмотря на кажущуюся хрупкость. Женщина приподняла руку пациентки, вернее, попыталась это сделать

— кусок руки с мизинцем с хрустом отломился и остался в пальцах женщины.

— М-да, — сказала она. — Кажется, с руками у нас о-очень большие проблемы. Надо ноги посмотреть. Что это вообще такое?

— Криогенный удар, — тихо ответила другая женщина. — Затронуты только конечности.

— В данном случае это не важно, — сказала первая. — Единственный выход — полная ампутация. Иначе вскоре все это начнет гнить, потом сепсис, а дальше только некролог…

Она задумчиво подперла кулаком подбородок маски:

— Может, проще ее добить?

Вторая женщина вскинула голову:

— Ты не понимаешь, что говоришь! **Они** все для нас ценны! Каждый из них! Если мы можем ее спасти…

— Мы? — В голосе первой женщины послышалась издевка. — Не мы, а я. Да, я могу ее спасти — отчекрыжив ее прелестные ручки и ножки. В конце концов, у нас есть запасные, а я всегда мечтала увидеть… не важно.

Она осторожно придвинула к столу манипулятор, на котором был закреплен лазерный резак.

— Я понимаю — она из **твоих**. Понимаю, как ты

к ним относишься. Особенно к этим деклассированным из седьмой. С учетом того…

— Замолчи! — вскрикнула вторая женщина. В ее вскрике было что-то птичье, так кричат раненые чайки. — Что ты знаешь? Не тебе меня судить!

Первая женщина пожала плечами, попутно проводя пальцем по почерневшей руке девушки на операционном столе. Манипулятор с резаком повторял ее движения.

— Будь это кто-то из моих, ты бы и не почесалась. Но мне пофиг на все это, я делаю свою работу. Я спасу тебе твою игрушку, но ты уверена…

— Уверена! — поспешила ее заверить вторая. — Давай быстрее, у нее не только руки-ноги проморожены…

— Вот в чем я точно не нуждаюсь, так это в твоих советах, — ответила первая. — Лучше принеси выпить, толку куда больше…

Вторая хотела было что-то возразить, но затем, кивнув, отошла от стола и поспешно вышла из помещения.

— Ну что, милочка, — обратилась первая женщина к телу на операционном столе. — Придется попортить немного твою бархатную кожу, не возражаешь? Эх… а ведь только на днях я делала

тебе татуировку…

Сверкнул луч резака, и свешивающаяся со стола рука девушки упала на пол. Стука не было, лишь легкий шлепок, а потом на месте падения отсеченной руки поднялось небольшое облачко серой пыли.

— Одной рукой меньше, — заметила женщина, когда пыль улеглась. — Давай я теперь отрежу тебе ножку, не возражаешь?

На сей раз лазер работал немного дольше. Когда луч погас, женщина-хирург сказала:

— Ничего, невелика потеря. Я пришью тебе новые ножки, да такие, что все парни будут твои. Ты молодая, теломеры длинные, вырастим тебе все, что нужно…

Она занялась второй ногой, точнее, пока работал лазер, быстро проверила ампутационные поверхности ранее удаленных руки и ноги.

— Знаешь, милая, — обратилась она к находящейся без сознания пациентке, — бывает и хуже. Когда-то меня от одной мысли о протезах начинало тошнить, но уже тогда они у меня вызывали какой-то интерес. Я боялась этого, я думала, что в этом есть что-то извращенное, чудовищное, неестественное…

Она принялась рассматривать свежий срез, за-

тем тампонировала едва заметное капиллярное кровотечение. Потом выпрямилась и сказала:

— Чушь, бред, чепуха! Sed et si potes fieri, magis utere![1] Человеческая плоть слабая, к тому же она излишне хрупкая, но мы можем сделать ее сильной, непобедимой, бессмертной!

— Мы? — спросил чей-то иронический голос. Женщина вздрогнула и обернулась. За ее спиной стоял высокий человек в костюме биозащиты, однако не могло быть сомнений, что это мужчина.

— Вы, босс, — склонив голову, ответила женщина. — Конечно, все лишь благодаря вам.

Мужчина кивнул и, подойдя к столу, приподнял еще не ампутированную руку.

— И что вы планируете с этим делать?

— Вырастим ей новые конечности, — ответила женщина. — Думаю, вторую модель и для рук, и для ног…

— Руки сделайте третьей, — сказал мужчина. — Она это заслужила. Редкое бесстрашие для пятнадцатилетней девочки.

— Сделаю, — пообещала женщина. — Вы же

---

[1] Примечания: 1

Если можешь [стать свободным], воспользуйся лучшим (1-е Кор. 7:21, *лат.*). Смысл цитаты заключается в том, что человек может и должен стремиться к лучшей судьбе. Эта цитата из Библии используется для опровержения постулата некоторых деноминаций о недопустимости для христианина пластических операций и т. д.

знаете…

— Знаю, — перебил ее мужчина. — Как и то, что тебе больше нравится ампутировать, а не выращивать. Тем более — лечить. Но самое смешное — в этом твоя нынешняя пациентка похожа на тебя как две капли воды.

Несмотря на то что лица женщины нельзя было разглядеть под шлемом костюма, вся ее поза выдавала смущение, если не обиду.

— Конечно, моя квалификация не идет ни в какое сравнение с вашей, — сказала она тихо, — но неужели я хотя бы где-то заставила вас сомневаться…

— Ну что ты, — ответил мужчина, — я сказал то, что сказал: резать ты любишь больше, чем лечить. Это не значит, что ты плохо лечишь. Но твой конек — анализ, а не синтез, и это хорошо.

Мужчина присел на край стола, ничуть не смущаясь тем, что на нем лежит тело девушки:

— Апистия, ты совершенна. Мы об этом уже не раз говорили. Порой мне кажется, что ты сомневаешься в моих чувствах, но я люблю тебя не меньше, чем Надин. Я всех вас люблю одинаково. Тех, кто не предал меня. Тех, кто остался верен. Вы мои жены-мироносицы; когда меня оплевали, вы вытирали плевки, вы снимали меня с креста,

вы клали меня в гроб, и вы присутствовали… что я говорю, ты сама знаешь. Как я могу не любить тебя? Твой характер — плод моих трудов. Ты такая потому, что я тебя такой создал. И, кстати, ты даже больше похожа на меня, чем Надин, которую ты считаешь своей конкуренткой. Последнее время я вижу в тебе некое напряжение, и я даже знаю, в чем его природа. Ты хотела, чтобы семерка была твоей, да?

Апистия, та женщина, что оперировала девушку, кивнула, по-прежнему со смущением.

— Какие вы, в сущности, дети. — В голосе мужчины послышалась теплота. — Ты ведь считаешь, что лучше справилась бы с ними?

Апистия кивнула.

— О да, у тебя бы они по струнке ходили! — сказал мужчина. — Но мне не надо, чтобы они ходили по струнке. Семерке не нужна железная дисциплина, в слабых, по сравнению с твоими, руках Надин они раскроются лучше.

— Я вижу. — Апистия фыркнула, ткнув пальцем в оставшуюся руку бесчувственной девушки. Запястье хрустнуло и повисло на сухожилии. — Вы не возражаете, если я закончу ампутацию?

— Валяй, — согласился мужчина, по-прежнему сидя на столе. Апистия стала настраивать лазер,

мужчина продолжил:

— Твой план только тогда совершенен, когда даже неожиданные события идут ему на пользу. А то, что произошло, неожиданным никак не назовешь. Не стану вдаваться в долгие объяснения, просто поверь мне, все идет по плану. И кстати, семерка не фавориты, как ты могла бы подумать. У меня нет фаворитов — я знаю, что те, кто сегодня впереди, могут завтра оказаться сзади или вообще сойти с дистанции. У каждой цепочки есть шанс стать прима-цепью, у каждого Куратора — доказать, что именно его обучение — самое эффективное. И наоборот — те, кто сегодня, сейчас лучший, завтра могут оказаться в отбраковке. Успех — такое же искушение, как препятствие или неудача, но больше срезаются не на неудачах, а на успехе.

Апистия молчала, и мужчина продолжил:

— Надеюсь, ты меня поняла. Видишь ли, мне совсем не все равно, когда кто-то из моих любимых детей чувствует себя обиженным. Я создавал вас не для страданий. Оставьте страдания попам, мои дети созданы для того, чтобы торжествовать со мной. Я жду, что ты приободришься, ты нужна Проекту не меньше, чем Надин.

— Я… — Апистия отсекла руку, но, видимо, не

совсем аккуратно, и сейчас с помощью небольшого, тихо гудящего инструмента обрабатывала срез, тампонируя выступающую кровь. — Я сделаю все как нужно. Не сомневайтесь. Для меня важно было услышать то, что вы сказали. У меня никого нет, кроме вас.

— У тебя есть сестры и братья, — возразил мужчина. — Вы, может быть, не в лучших отношениях, но они твоя семья. Апистия, Апистия, против нас весь мир, а вы выясняете, кто из вас больший. Найдите повод сплотиться. Вскоре вам придется действовать совместно. Я говорил тебе об этом.

— Я не хочу в это верить. — Апистия резко дернула головой, отрицая сказанное. — Вы не можете нас оставить. Вы — наш бог, вы — душа и тело Проекта…

— И его мозги, — напомнил мужчина. — Потому вас трое: тело — это Барака, душа — Надин, а мозг — ты, моя девочка. Звучит немного иронично, но у нас с тобой особые отношения, ты же знаешь.

Женщина кивнула. Она выпрямилась и, подойдя, обняла мужчину. Тот похлопал ее по спине и отстранил.

— Я вижу, ты в порядке. Ладно, мне надо к нашим овцам. Я слышу, Надин уже на подходе.

Его фигура замерцала, словно была голограммой, хотя до того не могло быть никаких сомнений в материальности мужчины. Затем мерцание стало чистым светом, а затем и он погас как раз тогда, когда двери медлаба открылись и вошла вторая женщина. В руках у нее был поднос с виски, двумя стаканами и бутылкой содовой.

— Решила составить мне компанию? — усмехнулась Апистия, снимая маску. — Ставь сюда, рядом с ногами.

— А ты быстрая, — ответила Надин, ставя поднос на стол возле ампутационных срезов девушки. — Управилась уже…

— Чего там управляться, — пожала плечами Апистия, открывая бутылку. — Чик-чик, и ни ручек, ни ножек. Твоя работа сложнее.

— Мою работу за меня делает принтер и программы. — Надин сняла шлем биозащиты и положила его девушке на живот. — Как она?

— Что ей станется? — пожала плечами Апистия. — Лежит в искусственной коме, все, что нужно, я законсервировала. Только поверхность не прикрывала, чтобы ты могла взять образцы для генного конструирования.

Пока Апистия говорила, она успела наполнить бокалы виски. Эта марка виски была лучше, чем

та, что Апистия потребляла раньше. Один бокал она протянула своей собеседнице.

— Надин, — сказала Апистия. — Между нами были трения, глупо это отрицать. Наверно, так и должно быть. Мы все немного ревнуем друг друга к… нему. Я иногда вела себя глупо, я признаю это. Надин, милая, я хочу, чтобы ты знала — я… дорожу и восхищаюсь тобой. Ты самое совершенное творение нашего отца. Потому именно тебе он доверил семерку. И я хочу, чтобы ты знала, что можешь рассчитывать на любую помощь с моей стороны.

— Я знаю, Апистия, — кивнула Надин. — Знаю и испытываю к тебе те же самые чувства. Ты всегда была для меня старшей сестрой, хоть я и помню то время, когда тебя не было в проекте. Но когда ты появилась, словно яркая звезда взошла на тусклом небосводе. Я восхищалась тобой, твоей силой и решительностью, и восхищаюсь до сих пор. И я…

Надин опустила голову, формально потому, что добавляла содовую в виски. Но щеки ее заметно порозовели.

— Я хочу быть похожей на тебя в этом. А еще я помню то, что было между нами раньше. До того, как мы стали Кураторами.

Глаза Апистии блеснули.

— Ты помнишь?

Смущенная Надин кивнула:

— И мне очень этого порой не хватает. Но сейчас тебе не до меня…

Апистия отставила стакан и подошла вплотную к Надин.

— Мне всегда до тебя, моя девочка. Я очень по тебе скучала…

Надин смущенно отвернулась:

— Давай выпьем… за нас. На брудершафт, как когда-то давно…

— Не так уж и давно. — Апистия взяла бокал, и они с Надин, скрестив руки, выпили.

— А ты с каждым годом все лучше, — заметила Апистия. — Не стареешь, не то что я.

— Милая, мы же в Проекте, — сказала Надин, лукаво улыбаясь, — мы никогда не умрем. Но, мне кажется, ты что-то забыла.

— Не забыла, а отложила, — ответила Апистия. — Давай закончим с… твоей подопечной.

— Хорошо, — кивнула Надин. — Но неужели ты не хочешь меня поцеловать?

Апистия не ответила, она просто прижалась губами к щеке Надин. Поцелуй был странным: в нем было мало нежности, но много чувств.

— Женщина с тысячей лиц, — сказала она, отпуская Надин. — И я не знаю, какое из них мое.

— То, которое ты любишь больше всего, — ответила Надин. — Давай закончим побыстрее, чтобы у нас еще осталось немного времени. Приготовь консервационный гель, а я пока возьму материал для клонирования.

То, что пусто теперь…

Джинн

Кровь вытекает так же легко, как вода.

Сладкой победа не может быть никогда.

Как без шипов не бывает в природе роз,

Так не бывает победы без скорбных слез.

Некогда объяснять, просто поверь,

Каждый день удлиняет список твоих потерь.

В жизни сражения часто нельзя избежать,

Но будь готов к тому, что придется что-то терять…

Мы победили. Стоя в пустом Зале Собраний, я думал, как, оказывается, горько звучит эта фраза: мы победили. Наверно, мой любимый рэпер прав — без потерь никакой победы не бывает. Но одно дело, когда ты знаешь об этом в теории, и совсем

другое — почувствовать это в реале.

Наверно, в эти минуты каждый из нас вспоминал, как это было. Гордиться нам было нечем — появление вражеских дронов привело нас в панику. Паника проявлялась по-разному — мы с Фредди тут же оттеснили девушек назад, а Призрак и Бракиэль, не сговариваясь, открыли огонь. У Бракиэля оказался небольшой лучемет, совсем крохотный, больше похожий на субтильный кастет. Призрак стрелял из своей «беретты». У нас с Фредди были такие же, но мы даже не догадались достать их.

Тень и Дарья явно были напуганы, а вот Куинни сохранила хладнокровие. Когда Призрак первый раз попал и по нам открыли ответный огонь, она что-то сделала, я так и не понял, что именно, и заряды противника нас не достигли.

В этот момент я немного пришел в себя и тоже достал «беретту». Фредди, которого Призрак снабдил отпечатанным на принтере оружием, выстрелил раньше меня, но не попал. Я тоже промахнулся. Призрак выругался:

— Che cazza, у нас патронов много, что ли? Закройте глаза и позвольте сверхсиле наводить оружие, кретины!

— Девочки, уходите, — сказал я, пытаясь

сделать то, о чем говорил Призрак. — Мы вас прикроем…

— Вот еще, — сказала Дарья, становясь у меня за плечом. — Мы уйдем, а вы тут погибать будете? И к тому же ты видишь, какие эти дроны прыткие, думаешь, мы далеко убежим?

К этому моменту я действительно это видел. Неудивительно, что я промахнулся, тут и мастер спорта по стрельбе не попал бы! Дроны, даже те, что двигались по земле (а также потолку и стенам), были невероятно быстрыми. Но когда я, как сказал Призрак, позволил своей сверхсиле вести себя, мои выстрелы стали точнее.

А затем между нами материализовался Цезарь, и все пошло веселее. Мы все сгрудились вокруг мотоцикла, прикрытые его щитом. Дроны вились вокруг нас, то и дело стреляя, но без толку — защита мотоцикла нас прикрывала.

— Ну, я им сейчас покажу, — зло сказал Призрак, садясь в седло. — У меня тут такое есть…

Что именно у него есть, я знал — аппаратура подавления электронных систем. Вот только на наших противников она не подействовала от слова вообще. Призрак недоуменно уставился на меня, словно я был виноват в том, что его хитромудрая электроника не работает.

— Военная электроника, — сказал я, пожав плечами. — Экранированная.

Призрак сплюнул. Патроны у нас к тому моменту закончились, и, хоть у нас только пара выстрелов пропала впустую, количество нападавших не только не уменьшилось, но, кажется, еще возросло.

— Этот cazatta экран садит батарею, — тихо сказал мне Призрак, с бессильной злобой глядя на кружащихся вокруг экрана дроидов. Я тоже следил за ними; видимо, где-то в глубине пещеры у них была док-станция — то и дело то один, то другой робот, отстрелявшись, уматывал куда-то, а на смену ему появлялся новый.

— И что ты предлагаешь? — спросил я.

— Che cazza, я должен предлагать? — возмутился Призрак. — Кто у нас электронщик? Я пытался нащупать их механическую часть — neanche cazza, глушилка тоже не сработала, pezzo di merde…

— Стоп, — сказал я. — Купер, ты здесь?

— Так точно. — Моя фича тут же материализовалась между мной и Призраком.

— Твои выводы о ситуации? — спросил я.

— Паршиво, — ответил Купер. — Атакующая группа управляется и поддерживается извне.

В глубине тоннеля находится неопознанное устройство, хорошо экранированное от доступных мне средств наблюдения, на нем, вероятно, станция радиоэлектронного подавления, глушащая все системы, кроме своих.

— Все системы? — удивился я. — В смысле?

— Поправка, — ответил Купер. — Не все системы, а все интеллектуальные системы — управление, связь, техническая разведка, РЭБ…

— Стоп, — перебил его я. — Но ты же работаешь?

— Мой аватар лежит в глубоком нокауте, — ответил Купер. — Я сейчас существую полностью автономно, за счет твоих внутренних ресурсов.

Говорят, когда-то какой-то ученый нашел ответ задачи, над которой бился, сидя в ванне. Это так его воодушевило, что он, как был, голым выскочил из ванны и помчался на улицу с криками «У меня получилось» или типа того. Честное слово, я его понимаю…

— То есть ты можешь имитировать работу электронных устройств, даже если они вырубились? — уточнил я.

— Раньше не мог, — ответил Купер, — но когда ты пересадил себе новый аватар для меня, мои возможности многократно выросли. Так что те-

перь я могу игнорировать любые помехи извне, и не только это…

— Так, — сказал я. — Ты в контакте с Цезарем?

— Мы всегда в контакте, — ответил Купер. — Это называется цепочка. Сейчас, правда, в нашей цепи не хватает одного элемента, но…

— Можешь… — я не знал, как сформулировать задачу, а экран между нами и дронами стал заметно тускнеть, времени у нас оставалось критически мало, — эмулировать работу бортового оборудования Цезаря, которое…

— Я понял. — Похоже, моя фича переняла у меня свойство перебивать. — Цезарь это сделает под моим управлением. Попроси Призрака сесть в седло. И вот что еще, я думаю, стоит сделать кое-что еще, одну минутку…

Черная Королева

Очень странно, но с тех пор, как я стала задумываться о магии моего народа, эта самая магия, словно… не знаю, как будто поселилась во мне. Например, мне на ум постоянно приходят старинные песни, большинство из которых для меня звучит совершенно незнакомо. Что это — генетическая память? Откуда у меня эти незнакомые мотивы и странные слова?

Сейчас я слышала в душе очень грустную песню, не удивлюсь, если заупокойную. В ней пелось о дальней дороге, ведущей в призрачный край. О том, что каждый отправляется в этот путь в одиночку, хотя проводить его приходят многие. О том, что путь между стен тумана ведет к далеким звездам, забытой отчизне нашего рода…

Я, наверно, совсем не умею скорбеть. Нет, не так — моя скорбь не отражается внешне, она в глубине моей души. Где-то там, где колодец невыплаканных слез, в котором эхом отдаются сдержанные мною крики, стоны и плач. Снаружи я кажусь такой же, как раньше, но я уже совсем не такая…

Вообще, этот мой странный внутренний мир напоминает некую тюрьму моих чувств. Там живут все те эмоции, которые я не проявила, — детские радости и восторги, удивление, недоумение и даже страх. Особенно страх. Наверно, со стороны я кажусь бесстрашной, но внутри меня живет такой страх, что… не знаю, с чем даже и сравнить. И, конечно, я испугалась, так же как и другие девочки, но постаралась это не проявить. Быстрее меня сориентировались только Призрак и Бракиэль — никто еще толком ничего не сообразил, а эти двое уже палили по

приближающимся дронам из своего оружия. Еще через минуту открыли огонь Джинн и Фредди, те постарались оттеснить девочек, включая меня, но со мной у них это не получилось. Дело в том, что дроны открыли ответный огонь, и я чисто интуитивно выставила тот же щит, что и тогда, в Африке. Девочки удивленно ахнули. Однако если в Африке, наверно, от испуга, я не чувствовала ничего, то здесь каждое попадание в щит отдавалось в моем теле, словно в меня тыкали палкой.

Девочки сориентировались быстро. Ума не приложу, как они узнали, но неожиданно я почувствовала прилив сил, какой, должно быть, чувствовала Тень, когда мы помогали ей в подземелье. Выстрелы тем временем стихли — у ребят закончились патроны.

А потом появился Цезарь, и Призрак с Бракиэлем буквально затащили меня под развернутый купол. К тому моменту я себя чувствовала так, словно меня пару часов поток тащил по камням горной речки. Я присела, опираясь на Цезаря, ко мне тут же подоспели Тень и Дарья, но чем они могли помочь? Увы, Льдинки с нами не было, и я боялась даже думать о том, что с ней — ее фича, равно как и фича Олги, не ощущалась нашими, и значить это могло, конечно, что угодно, но,

скорее всего, значило только одно…

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем перед нами появились наши фичи. Эсмеральда держала на руках Талисмана, рядом с ней стояла моя фича, мрачная, как всегда.

— Каждая из вас думает о том, как выбраться из этого положения, — глухо сказала моя фича. — Мы посоветовались и решили вот что. Сейчас Купер с Цезарем вырубят электронику этих аппаратов. У них системы экранированы, к тому же имеются резервные системы управления, так что вырубится не все, но…

— …они будут дезориентированы, — сказала Эсмеральда. — Дальше вам нужно будет выложиться.

— Как? — спросила Тень.

— Джинн и Призрак вырубят электронику атакующих, после чего Фредди с Бракиэлем пойдут в контратаку. В глубине пещеры стоит какая-то шняга, которая всем этим заправляет. Попробуем взять ее тепленькой.

— А нам что делать? — снова спросила Тень.

— Ты накроешь Фредди с Бракиэлем невидимостью, — сказал Талисман. — Будет тяжело, но постарайся сделать так, чтобы невидимость держалась на них всех, и чем дольше, тем лучше.

Тень кивнула.

— Ты, — сказала моя фича, — опять поднимешь щит. Знаю, что тяжело, знаю, что боишься. Но надо. Перед началом боя мы сольемся с вами — это придаст вам сил, но лучше этим не злоупотреблять — ваша нервная система к такому еще не готова.

— А я? — спросила Дарья.

— А ты, — ответила ее фича, — будь готова выдернуть обоих сюда. И учти — у них будет груз, может, довольно тяжелый, а у тебя, кроме меня, никакой помощи не будет.

— И цепочка у нас разорвана, — грустно заметил Талисман, — я в отчаянии, ищу Арвен, а ее нет…

Фредди

Усевшись в седло Цезаря, Призрак разрядил свою «беретту» и протянул мне обойму.

— Тут три патрона, — сказал он. — Возьми на всякий случай.

— Оставь себе, — ответил я, понимая, почему он оставил именно три патрона. — У Бракиэля есть его лучемет, а у меня вот это. — И я показал ему ледяной сталагмит, отломленный мной, когда закончились патроны.

— Cazzarolla, с дубиной на дронов! — Призрак уставился на меня, словно видел впервые. — Perfecto stronzo, a te che, cogloni da acciaio?[2]

— Neanche cazza, — общаясь с Призраком, быстро научишься плохому. — Мне так же страшно, как и тебе. Ничего, справимся.

— Кто тебе сказал, что мне страшно? — распетушился Призрак, но его осадил Джинн:

— У нас все готово. Ребята, вы как?

Я посмотрел на Призрака. Того окутало пламя, но от этого пламени не веяло жаром. А сам я словно оделся в странную черную броню — моя фича слилась со мной. Вот черт! Я почувствовал ноги. Более того, мне не нужно было больше силой воли их переставлять. Это на секунду выбило меня из колеи, но лишь на секунду, не больше.

— Готов. Бракиэль?

Наш новый друг кивнул. На нас он не смотрел. Фичу его я тоже не видел. Интересно, как она все-таки выглядит? Ни я, ни Призрак с Джинном ее так и не видели, а девочки если и видели, то хранили молчание. Равно как и моя собственная фича, но Молчаливый Гигант был не особо общительным, даже со мной.

---

[2] Примечания: 2

Примерный перевод с итальянского жаргона «Сумасшедший, у тебя что, стальные нервы?»

Тем временем к нам подошли девочки. Наверно, мне должно было быть страшно, но… я чувствовал странное возбуждение. Мне не терпелось опробовать свои ноги, наконец-то ставшие моими в полной мере.

— Три-четыре, — сказал Джинн, и через мгновение в пещере стало ощутимо светлее, а затем словно световая волна от ядерного взрыва, ускоряясь, понеслась от Цезаря во все стороны, и там, где она проходила, летающие и прыгающие дроны либо валились на землю, либо зависали на месте, либо начинали хаотично метаться. Зрелище было то еще… я крепче сжал сталагмит в правой руке и приготовился.

— Вперед, — скомандовал Джинн, когда экран вокруг Цезаря погас. И мы рванули.

Бегал я впервые в своей жизни, и у меня просто дух захватило — это было круто! Еще в монастыре я на компьютере гонял в симулятор американского футбола; здесь на базе нашел почти такой же и в свободное время немного поразминался на нем. А сейчас это происходило вживую.

Не все дроны были выведены из строя. Какие-то из них, несмотря на то что Тень накрыла нас невидимостью, как-то фиксировали наше передвижение и бросались на нас, другие просто

попадались нам на пути. Пару летучек я сбил сталагмитом, одного ползающего робота поднял телекинезом и швырнул в другого — тот стоял на месте, но палил поперек коридора. Второго такого же застрелил Бракиэль, который вообще довольно метко отстреливал ползающую, прыгающую и летучую пакость, окружающую нас со всех сторон. Один раз он сострелил дрона, запрыгнувшего мне на спину, другой раз — я отшвырнул у него из-под ног подозрительный шар, тут же выпустивший пару лезвий (одним из которых он впился в ледяную стенку да так и завис). Наконец впереди показалась наша цель…

Бракиэль

Не люблю бегать. Умею, но не люблю. Обычно. Но не в данной ситуации.

Если честно, я был чертовски напуган, но мой страх шел от разума, а не от чувств. В отличие от ребят, я знал, с чем мы имеем дело. Нам противостояло нечто, что в израильской армии называется «легион» — разнородная боевая группа беспилотных аппаратов. Двести пятьдесят беспилотников с автоматическим оружием — спаренным штурмовым автоматом и импульсным лазером. Сто пятьдесят наземных

дроидов с двумя такими стволами и ракетницей. Сто пятьдесят «хагавов» — прыгающих дроидов с бронебойным жалом, способным пропороть бронежилет третьего класса, и одноразовым гранатометом, и до тысячи «катящихся ужасов» с парой выдвижных лезвий и зарядом взрывчатки, способным разнести танк вроде семерки — седьмой «Меркавы», я имею в виду.

Когда Фредди такой шар отшвырнул своим сталагмитом, как хоккеист шайбу, у меня даже ноги подкосились — а ну как рванет? Впрочем, «катящиеся ужасы» во множестве лежали у нас на пути или катались без видимой цели, не реагируя на наше передвижение. Беспилотники так же в основном либо попадали, либо зависли, лишь несколько носилось туда-сюда (я их по мере возможности отстреливал). Наземные дроны в основном дезактивировались — пару уцелевших мы с Фредди отправили в геенну каждый по-своему. Но наиболее опасными были хагавы. Один такой чуть не отправил Фредди к праотцам — первый раз он заехал жалом ему меж лопаток, но комбинезон Проекта выдержал, но хагавы — штуки умные, и второй удар пришелся бы в шею — Фредди был без балаклавы. Но я среагировал быстрее.

Когда я решаю какую-то важную задачу, я не отвлекаюсь на посторонние мысли, но они где-то скапливаются в подсознании, а потом всплывают. Иногда чертовски поздно. Например, сейчас — может, я бы придумал какой-то более эффективный способ, если бы не отфильтровал одну мысль, показавшуюся мне неважной. Но когда я увидел его…

Больше всего он походил на помесь старинного «Хамви» с увеличенным в разы крабом — горбатый черепахообразный корпус машины опирался на четыре лапы. Едва мы увидели эту машину, ее бортовая турель выпустила в нас очередь импульсов, но сильно забрала вправо, импульсы прошли довольно далеко.

— Это что еще за… — начал было Фредди, но я его перебил:

— Отвлеки его чем-нибудь!

— Чем? — уточнил тот.

— Швырни в него что-то, — посоветовал я. — Он хоть и косой, но вблизи может и не промахнуться, а мне никогда не хотелось закончить жизнь в качестве рыбы фиш, сечешь?

Он кивнул, а затем один из замерших у борта машины наземных дронов воспарил в воздух и врезался в то место, где у нормального хаммера

лобовое стекло. Я не стал наблюдать за развитием событий — оттолкнулся, прыгнул и кубарем покатился под пузо машины. Мимо толстых щупалец, к которым присоединялись для зарядки дроны, — сейчас они безжизненно висели, лишь некоторые пытались отреагировать на мое передвижение, прямо к конусообразному днищу в задней части.

Сверху послышался удар, чудовище покачнулось. Краем глаза я видел вспышки лазера, которыми машина отстреливалась от дронов, швыряемых в нее Фредди. Иногда она даже попадала — следовала вспышка, и обломки дрона валились на землю. Но я не сильно обращал на это внимание. Я знал, что делать.

Призрак

— Я думаю, надо было тупо отступать под прикрытием Цезаря, — сказал я, — а не мутить эту cazzatta, per bucca di culo!

— Чего уж там, — отмахнулся Джинн. — Как говорится, если бы я вчера был таким умным, как моя мамка сегодня…

— Cazzarolla, надо что-то делать, — я места себе не находил. Чихать мне на Бракиэля, но если с Фредди что-то случится… привязался я к этому

увальню. Perfecto stronzo… И потом, хватит уже потерь. Я молчал как рыба, но в глубине души был уверен — Олга и Льдинка погибли. Не знаю, как и почему, может, вот эти напали…

А все-таки поработали мы на славу! Пол пещеры был усеян лежащими без движения и слабо подрыгивающимися механизмами — дронами, роботами, еще какой-то caccare cazzatta… Молодчинка, Цезарь, что ни говори.

«Спасибо, босс», — мысленно ответил Цезарь. Никак не привыкну, что он читает мои мысли.

«Я не читаю, — ответил Цезарь. — Я… я думаю вместе с тобой. Участвую в процессе. Оп-па, смотри, что за figatta!»

И действительно — даже те машины, что еще не были выпилены нашим импульсом, внезапно замерли и повалились на пол. Всякое движение в пещере прекратилось.

— Что случилось? — спросил Джинн. Я пожал плечами, но тут пол вздрогнул — раз, другой…

А затем появился Молчаливый Гигант — не Фредди, только его фича.

— Девочки, можно расслабиться, — сказал он, и вовремя — на Тень и Куинни страшно было смотреть, Королева вся посерела, даже губы, а Тень была похожа на свой никнейм — едва не

прозрачная… Дарья тут же бросилась к подругам, видимо, передавая им часть своей энергии, а Гигант обратился к нам:

— Так, народ, ничему не удивляемся, что бы ни увидели. Мы возвращаемся с трофеями.

Впрочем, я и без него это уже видел — из глубины пещеры на нас надвигалась какая-то cazzatta. Больше всего это было похоже на пятую модель «Кентавра», но, по всей видимости, помещений для экипажа внутри предусмотрено не было, поскольку Фредди и Бракиэль сидели на крыше этой хренотени, рядом с башенкой, в которой был установлен мощный спаренный лучемет.

— Домой с комфортом поедем, — крикнул Фредди, когда машина остановилась рядом с Цезарем. — Это все Бракиэль. Оказывается, он умеет укрощать такие штуковины.

Тень

Я чувствовала себя так, будто всю ночь носила тяжеленные мешки с песком. Все-таки становиться невидимой самой — это одно, а делать кого-то другого невидимым, особенно на расстоянии, — совсем другое. Порой мне казалось, что я вот-вот потеряю сознание, и появлялось предательское желание «отпустить», прекратить воздействие.

Но я держалась. Должна была держаться. В конце концов, там был мой Фредди, и если бы с ним что-нибудь случилось — я никогда бы себя не простила, никогда. Я забыла обо всем, даже, к своему стыду, о Льдинке с Олгой. Существовал только далекий Фредди и полог невидимости над ним, сотканный из моих жизненных сил.

Я даже не поняла, когда и как это закончилось. Очнулась я, прямо как в мечте, в объятиях Фредди. Рядом стояла побледневшая Дарья — должно быть, ей тоже пришлось выложиться. А прямо перед нами возвышалось нечто огромное и пугающее. Я даже попятилась, но сильная и одновременно нежная рука Фредди остановила меня.

— Не бойся, этот зверь больше не кусается, — сказал он. — Бракиэль сумел его укротить.

— Без тебя у меня ничего не получилось бы, — ответил откуда-то сверху Бракиэль. — Народ, давайте выбираться отсюда. Во-первых, не ровен час — вторая волна подойдет, а во-вторых…

Он умолк, но мы все знали, что «во-вторых» — Льдинка, Олга и ее отец пропали. А еще не стоит забывать — наша Куратор пропала вместе с ними, и если для нас это было не так важно, как судьба Льдинки и Олги, то Бракиэля с Леди Н. связывало нечто большее, чем отношения «учитель

— ученик».

— Я коляску отрастил, — заявил Призрак. — Кто со мной?

— Мы с Тенью на трофее поедем, — заявил Фредди. Вообще-то, можно было бы и у меня спросить, но… честно говоря, я готова была поехать даже верхом на черте, лишь бы с ним. — А вы вчетвером езжайте на Цезаре.

— Принято, — сказал Призрак, и ребята стали загружаться на борт Цезаря. Куинни, хоть и выглядела ненамного лучше, чем, должно быть, выглядела я, залезла на сиденье позади Призрака. Джинн и Дарья уместились в коляске.

— А как мы… — спросила я, когда ребята уехали. Закончить вопрос я не успела, потому что мы… взлетели! Нет, я знала, конечно, что Фредди — гений телекинеза, но вот так вот взмыть в воздух… это было потрясающе и так романтично.

— Мог бы не спешить, — заметил Бракиэль, что-то колдуя над портативной термен-клавиатурой в виде подковы. — Уж не думаешь ты, что мы обратно будем ковылять со скоростью доисторического ящера?

Под нами что-то заурчало, защелкало… наклонившись над бортом, я увидела, как лапы чудовища складываются под пузом, а само оно

опускается ниже к полу… но при этом висит над ним на расстоянии метров полутора!

— Антиграв? — спросил Фредди. Бракиэль кивнул. — Как ты вообще с этой штукой управляешься? Вроде бы по механике у нас Призрак дока…

— Тут никаких сверхспособностей не надо, — сказал Бракиэль и улыбнулся. Улыбка у него была какая-то странная. Я бы сказала, печальная. — Смотри!

Он перевернул клавиатуру и показал мне нанесенную снизу надпись. Слева был стандартный кьюар. По центру выделялась эмблема в виде усеченной пирамиды с треугольником и глазом внутри него. Кажется, этот знак был когда-то на американской наличности, бумажных долларах, бывших в обиходе до моего рождения.

Слева была надпись на иврите. Иврит я не знала, но, видимо, магия Леди Н. на надписи тоже распространялась.

«Комплекс автономного оружия “Ковчег”, — гласила надпись. — Произведен государственной оружейной компанией “Исраэль Милитари Индастриз” по заказу Пламенного Корпуса».

Дарья

Я попросила Джинна отвести меня в мой бокс. Мы с девочками немного привели свои боксы в порядок, впрочем, как и остальные наши «комнаты». Теперь бокс можно было даже назвать уютным — на полу лежал ковер, у одной из стен стоял электрокамин — иногда в боксе было прохладно, а я в домашней обстановке предпочитаю обходиться без комбинезона Проекта.

В боксе я тут же схватила фигурку Олги и потянулась к ней. И тут же отшатнулась — такого я еще не испытывала. Меня словно пронзил ток высокого напряжения. Я отставила фигурку девушки и взяла статуэтку ее отца — то же самое, но на этот раз разряд был не так силен. Черт… мне не хотелось верить, что они мертвы, но что еще это могло означать?

Фигурки Льдинки у меня не было, и я уже было потянулась за восковым шаром (кстати, не так давно я узнала, что воск в Проекте — синтетический… Какая разница? По свойствам он не отличался от настоящего, и я же не моя матушка!), но мою руку остановила ладонь Джинна.

— У тебя дрожат пальцы, — сказал он. — Тебе надо отдохнуть.

— Не время отдыхать! — отрезала я. — Надо узнать, что со Льдинкой!

— Допустим, ты узнаешь, — тихо сказал он. — Что от этого изменится?

— Может, она ранена! — сказала я. — Может, ей нужна помощь!

— С ней Леди Н., — сказал Джинн. — Если она не может помочь, то никто не сможет.

— Ты в это веришь?! — выпалила я. Он отрицательно покачал головой:

— Нет. Но что нам остается? Ты не сможешь сейчас сделать ее фигуру. Я не уверен даже, сможешь ли ты с ней связаться!

— Почему она не взяла с собой мою фигурку? — Я почувствовала, что плачу. — Мою, твою, чью угодно…

— Если бы мы вчера были такими умными, как наши родители сегодня. — Джин обнял меня, его губы коснулись моей щеки очень нежно. — Тебе нужно отдохнуть. Давай я отнесу тебя в комнату…

— Нет, — сказала я. — Давай ляжем здесь. Ты ведь побудешь со мной, пока мы не заснем?

— Конечно, — ответил он, и в его голосе послышалось волнение. Я, хоть и чувствовала себя выжатой тряпкой, улыбнулась…

— Тогда помоги мне снять комбинезон, — тихо сказала я, наклоняясь к нему. — Я сама, боюсь, не справлюсь, и…

Я почувствовала, что краснею… Боже, я уж и не помню, когда смущалась последний раз! В том, что происходило, было что-то неправильное и вместе с тем что-то абсолютно верное, именно то, что и должно произойти. Не знаю, как объяснить…

Я положила руку ему на плечо и закончила:

— …и целуй меня. Мне нравится, как твои губы меня касаются.

Я никогда не говорила ничего подобного и не знала, что говорить. К счастью, ничего больше говорить не потребовалось — через минуту губы Джинна лишили меня этой возможности…

Бракиэль

Один Создатель знает, чего стоило мне все это время хранить спокойствие! Хотя какое там спокойствие, кого я хочу обмануть?! Я не был спокоен ни на минуту. Но мой отец, среди прочего, научил меня одной прописной истине: в кризисной ситуации спешка — не лучший советчик. Надо сохранять холодную голову и ясное сознание, потому что без этого нельзя решить

ни одной проблемы. И я спешил, но, как древние римляне, спешил медленно. Кляня себя в душе за медлительность, но сохраняя ясную голову.

Вести «Таннин» (так назывался аппарат, на котором мы путешествовали) оказалось довольно просто, может быть, из-за моих сверхспособностей, кто знает… В какой-то момент я почувствовал, что этот аппарат — живой, я услышал медленный, как и полагается таннину[3], ток мыслей его кибернетического мозга и, мысленно потянувшись, коснулся его, словно пытаясь приласкать дикую собаку. Получилось — «Таннин» потянулся ко мне, «обнюхал» и… признал. Дальше все пошло проще; мне больше не нужна была термен-клавиатура, теперь я мысленно общался с аппаратом, оказавшимся неуклюжим только внешне. Я не мог заставить его вырастить для меня кабину, как проделывал Призрак со своим Цезарем, но, определенно, этот стальной монстр меня понимал, и то слава Творцу.

Высадив Джинна с Дарьей, я направился в ангар. Я думал взять «Озириса» или «Анубиса» и направиться на поиски Нааме. Как я планировал ее найти? Понятия не имею. В любом случае

---

[3] Примечания: 3

Таннин — морское библейское чудовище, в современном иврите этим словом обозначают крокодилов.

мои планы остались лишь планами — ни одного АОИ в ангаре не было. Что ж, возможно, это означало то, что Апистия с Лордом или Баракой успели раньше меня. Но меня это все равно не устраивало: конечно, я был котенком по сравнению с этими тиграми, но я любил Нааме. А любовь, мне кажется, важнее всего остального.

И тут меня осенило — я же могу использовать как транспорт «Таннина»! Он вполне способен совершать атмосферные полеты. Конечно, в сравнении с АОИ он был как крокодил рядом с левиафаном, но у меня в распоряжении была плазменная турель и реактор, дающий достаточно энергии для автономных действий в течение двенадцати… десяти, с поправкой на климат, суток. Я попытался вылететь немедленно, но мой новый железный друг запросил координаты места старта. Сначала я тупил, потом понял — конечно, на базе объявлена тревога, и Кураторы активировали системы защиты, в том числе глушилки систем навигации (а также связи и прочего). Правильно, но очень некстати.

Оставив «Таннина» в ангаре, я помчался на командный пункт базы. Я там ни разу не был, но, где он находится, теоретически знал. Спустившись на лифте на самое «дно», я оказался в одном из

«старых» помещений — огромном куполе, поделенном на секции. Тут меня ожидал неприятный сюрприз — доступ внутрь был только по биометрике и, конечно, на меня настроен не был.

Как там говорит наш матерщинник Призрак? Bucca di culo, если я ничего не путаю. Мне хотелось плакать, даже не так — выть. Чертова секретность, ни я, ни кто-либо из учеников просто не имели возможности связаться с Кураторами, когда они того не хотели! И почему я не гений телекинеза, как наш Фредди?! Я мысленно представил себе командный пункт, в котором не был ни разу — кольцеобразный стол с системами управления, кресла, три из которых пустовали, а в четвертом сидел Барака… я был зол, как тысяча азазелей, потому представил себе, что поднимаю Бараку из кресла, и…

…И тут в меня словно грузовик въехал — меня отшвырнуло по коридору метров на двадцать, прямо к лифту, и спиной впечатало в дверь, больно. Пока я вставал, скрежеща зубами от боли в спине и, простите, копчике, дверь, в которую я ломился, открылась, словно приглашая меня внутрь. Я тут же помчался туда, опасаясь, что она вновь захлопнется. Пробежав мимо шести дверей, попарно расположенных внутри купола,

я буквально влетел…

…в Центр Управления, который я только что себе представлял! Только сейчас он был наполнен светом — в центре помещения парила голограмма базы, по ней сновали какие-то световые пятна, части базы перемещались, я увидел ранее скрытые снегом орудийные башни, грозно уставившиеся в небо, увидел движущиеся по коридорам турионы[4] и перекрывающие открытые ранее коридоры платеи[5]…

— Еще раз попробуешь что-то такое проделать, я из тебя котлету сделаю, — пообещал Барака. — Я для того вас учу телекинезу, чтобы вы, салаги, меня от работы отвлекали? Особенно сейчас.

— Мне нужно подключение к базовой навигационной системе! — выпалил я.

— А еще что тебе нужно? — зло ответил Барака. — Может, звание Куратора или место Лорда? Не стесняйся, заказывай!

— Я должен найти Нааме! — Ненавижу себя, у меня в голосе явно прорезались панические

---

[4] Примечания: 4

Турион — роботизированный комплекс охраны. подобен «Ковчегу», но имеет меньшую мобильность и большую огневую мощь.

[5] Примечания: 5

Платея — мобильное закрытие, может быть оборудовано огневыми точками. Применяется наряду с турионом для охраны военных баз и важных объектов инфраструктуры.

нотки. — Она в опасности!!!

— Наа… а, понятно, — Барака передвинул один из турионов в свободный пока туннель, — сядь, не мелькай. Да сядь уже, я сказал! — рявкнул он. Я плюхнулся в кресло.

— С Надин все нормально, — сказал Барака, не оборачиваясь. — Ну, то есть в пределах нормы. Их атаковал один из Ковчегов… может, два, теперь хрен поймешь, девочка в гневе страшна, как фурия. «Изиду» сбили, боюсь, отлетала пташка… но Надин отбилась. К сожалению, без потерь не обошлось.

У меня даже от сердца отлегло.

— Где она? — Я напрочь пропустил слова о потерях, главное, что с Нааме все в порядке… ну, хорошо, пусть не в порядке, но она жива! Даже если ее покалечило, я все отдам, чтобы…

— На «Левиафане», где ж еще, — отрезал Барака. — Апистия ее заштопала, и сейчас они вместе занимаются вашей Льдинкой. Девочке досталось — мама не горюй, она ж не такая крепкая, как Надин, чтобы плазму голыми руками отбивать. Но Апистия клянется, что доведет ее до ума. А вот от Олги с отцом и памяти не осталось — похоже, испепелил их Пламенный Корпус, морского ежа им в…

На миг я ощутил укол грусти — мне было жаль Олгу, хорошую и сильную девочку, жаль ее отца, которого мы все вместе вытащили из плена, выходит, на верную смерть. Мне даже Льдинку жаль было, хотя та ко мне, похоже, никаких добрых чувств не испытывала.

Но главное, что Нааме жива.

— Я должен лететь к ней! — заявил я. Барака наконец оторвался от своего пространственного тетриса и скептически глянул на меня.

— Допустим, я даже дам тебе местную навигацию… конечно, я ее тебе не дам, приводной луч сразу же демаскирует базу, а это сейчас нам совсем ни к чему…

— Почему? — удивился я. Барака вздохнул:

— Потому, что ты ничего не знаешь, Джон Сноу. Базу атаковали.

Я фыркнул:

— Cool story, bro…

— Нарываешься на штраф, чувак, — ответил Барака. — Я тебе Куратор, а не кореш из цепочки. Но хрен с тобой, отнесу это на пережитую тобой бэпэтэ[6]. Атаковали не только вас — все четыре группы в поле и, как я сказал, «Изиду». Да и «Ози-

---

[6] Примечания: 6

Бэпэтэ (БПТ) — боевая психологическая травма.

рису» прилетело, но тут они зубы обломали — Лорд из них сделал форшмак с талым снегом, похоронил пару Ковчегов вместе с той телегой, на которой их всех привезли. Мы отбились, потеряв, правда, шестерых учеников… восьмерых, если считать Олгу с отцом. Леди Лёд я не считаю, раз уж Апистия сказала, что поставит ее на ноги, значит, так оно и будет.

Ах, бэпэтэ…

— Так с чего тогда весь *хипиш*? — спросил я, тыкая пальцем в один из турионов. Тот послушно пополз по коридору вслед за моим пальцем, но Барака тут же шлепнул меня по руке и жестом вернул дрона на место.

— Поставь, где взял, стратег хренов. *Хипиш* оттого, что мы думаем, что вся эта атака — только разведка боем. Такое уже было…

— Где? — заинтересовался я. — Когда?

— Не твое со… — Барака не закончил свою недвусмысленную фразу и продолжил: — Не имеет значения. Было, и все тут. У Проекта длинная история. В общем, я думаю, Лорд эвакуирует базу, а пока велено закупорить все дырки, развернуть системы обороны и делать вид, что мы местные пингвины, усек?

— То есть никакой навигационной привяз-

ки? — спросил я. Барака кивнул. — А если я взлечу… без нее?

— На чем, на метле? — уточнил Барака.

— На «Таннине», — сказал я. — Я… мы с ребятами захватили один «Таннин», и, походу, я его приручил.

Барака хрюкнул:

— Чувак, ты на этом крокодиле на орбиту собрался, что ли? Крокодилы низко летают, даже в военное время.

— Вы не понимаете! — Я чувствовал, что у меня на глаза наворачиваются слезы. — Мне надо быть рядом с ней! Вы говорите, что она ранена, может, ей плохо…

Барака окончательно развернулся ко мне:

— Надин плохо? Малыш, сердце нашей Леди Н. выковано из оружейной стали. Ты зря так на нее запал, чувак, у нее тысяча лиц, тысяча имен…

— Тысяча мужчин, — продолжил я. — Да хоть миллион. Пусть я буду одним из миллиона. Пусть я… пусть мне достанется одна миллионная от ее чувства…

— Если достанется, — перебил меня Барака. — Да хрен с тобой, юный Скайуокер, лети хоть к черту на рога. На кой вы только сдались Лорду, не пойму, от вас же одни проблемы. Лети, чтоб глаза

мои тебя не видели!

— Спасибо, сэр, — сказал я. Мне действительно хотелось плакать. Сердце из стали… Барака знал Надин дольше, чем я знал белый свет, и, конечно, на чем-то основывал свои выводы. Но, когда я обнимал Надин, когда смотрел в ее глаза, я не замечал там блеска стали. В другое время — да, но не тогда, когда мы были вместе. Со мной она была другой. Меня все убеждали, что это — маска…

Да откуда они знают?! У Нааме тысяча лиц и тысяча имен — может быть, она никогда не показывала им своего настоящего лица и не говорила настоящего имени?

…Очнулся я у дверей лифта. Мое решение отправиться на орбиту только окрепло. Я не думал о том, как смогу это сделать, с учетом того, что «Таннин» не приспособлен для орбитального полета, более того, в нем даже нет места для пассажира.

Я нажал сенсорную панель. Дверь лифта тотчас же открылась — и я увидел себя.

В лифте стоял Бракиэль, Элиаху Гольдблюм. Только он был обнажен, и кожа его была черна, как космос за панорамными окнами «Левиафана».

Джинн

Ночь неизменно собою сменяет день,

Там, где есть свет, – непременно проляжет тень,

За наслаждением часто приходит боль

Вечные сестры-близняшки: смерть и любовь.

Но рук не опускай и не подымай,

Если пришел октябрь – скоро настанет май,

Если есть тень – значит, светит, как прежде, свет,

Если темна ночь, то, значит, скоро рассвет…[7]

О том, что произошло, я узнал лишь на следующее утро после бессонной ночи, сладкой, словно райский нектар. Мы с Дарьей были так счастливы в эту ночь… первая близость, наполненная нежностью до краев, у нее не было ничего общего с тем, что я видел в фильмах определенного свойства, ничего общего с тем, что у меня было до

---

[7] Примечания: 7
Стихи Алекса Вурхисса.

того с другими девочками, но, факн'щит, ничего лучше этого я не знал. В какой-то момент мы словно слились, словно стали единым целым, нас не разделяло ничего, и больше не было Джинна и Дарьи, не было Поля МакДи и Адрастеи Филлипуссис. Было какое-то новое существо, я и она одновременно. И нам так не хотелось разделяться, не хотелось вновь обретать себя и становиться самими собою…

Но ни ночь, ни день не могут быть вечными. Заканчивается даже полярная ночь, чтобы смениться не менее долгим полярным днем, и наоборот. И эта ночь закончилась тоже…

Купер деликатно откашлялся:

— Прошу прощения, что прерываю ваше уединение, но к вам посетитель.

Дарья тут же стала натягивать на себя комбинезон. Я медлил:

— Кто?

— Бракиэль, — ответил Купер. — В принципе он может не заходить, но велел вам передать, что через час у цепочки сбор в Зале Собраний.

— Хорошо, — сказал я. — Передай ему, что мы будем.

— Принято, — сказал Купер. Дарья прильнула ко мне:

— Джинн… мне страшно.

Я понимал почему. Мне тоже было страшно. Вчера мы фактически бежали от того, что произошло. Мы не знали, что со Льдинкой, с Олгой, с ее отцом. Или знали? Может быть, наоборот, мы слишком хорошо знали это, и потому бежали?

Странно даже представить, что их больше нет. Странно и страшно.

Я обнял Дарью.

— Не надо бояться. — Я понимал, как глупо это звучит, но ничего другого просто не мог сказать. — Давай не будем бояться, хорошо?

— Я попробую, — сказала она. — Но мне все равно страшно.

Она подошла к стене и коснулась ее. Стена стала зеркальной.

— Мне надо привести себя в порядок, — сказала она. Я отвернулся, но она, заметив это, добавила: — Можешь не отворачиваться. Между нами больше нет тайн, тебе не кажется?

Я кивнул, с удивлением понимая, что она права. Да, мы разомкнули объятия, но по-прежнему оставались одним целым…

* * *

Призрак уже был в Зале, когда туда пришли мы с Дарьей.

— Где вас носит? — спросил он без своего привычного che cazza. — Если бы не моя фича, я бы глаз не сомкнул от волнения. Тут такое творится!

— А ты поспал? — спросил я.

— Хрен там, — ответил Призрак. — Прикорнул на пару часов. Мы с Куинни всю ночь пытались понять, что, cazzarolla, творится. Да еще и вы все пропали…

— И что вам удалось узнать? — спросил я. Тем временем на горизонте появилась Куинни, а вот Фредди с Тенью не было.

— Во-первых, на базу напали, причем не только на нашу группу, — сказал Призрак. — Атаковали с разных сторон, шесть участников Проекта погибло.

— Из разных групп, — добавила Куинни.

— А про наших что-то узнали? — нетерпеливо спросила Дарья. Куинни смущенно потупилась, а Призрак сказал:

— По обычным каналам почти ничего. Говорят, «Изида» сбита, но ничего больше этого сказать не

могу. Может, Бракиэль что-то знает, но…

— Я пыталась с ним связаться, — сказала Куинни, — через фичу, но не смогла.

— Плохо, — сказал я. — Он нам сообщил об общем сборе, но мы так его и не расспросили. — Я почувствовал, что краснею, и попытался отвлечь от этого внимание. — А где Фредди с Тенью?

— Здесь, — ответил Фредди (никто из нас не заметил, как они подошли… интересно, почему?). Тень стояла рядом и выглядела чуть получше, чем вчера, если не считать синяка на шее. Интересно, где ее так приложило? — Но у нас тоже ничего нового, Бракиэль нас разбудил, но мы сами с ним, кхм, не говорили.

Я бросил на Фредди понимающий взгляд и наткнулся на такой же с его стороны. Мы синхронно отвели глаза. Тень кашлянула, как мне показалось, смущенно.

— Какие вы нелюбопытные, cazzarolla, — раздраженно сказал Призрак. — Остается ждать Бракиэля…

— Или поверить мне, — ответила Куинни.

— Ты сама себе не веришь, — возразил Призрак.

— О чем это вы? — спросил я. Призрак и Королева переглянулись.

— Ну, говори уже, колдуй, баба, колдуй, дед, — сказал Призрак. Куинни отвесила ему затрещину.

— В общем, — сказала она, — я с недавних пор стала интересоваться магией. У нас в Родезии многие верят в… в общем, у шаманов работы всегда хватает, даже в деловом центре. Я раньше считала все это туфтой на постном масле, но девочки не дадут соврать — мои песни, например, действительно помогают.

Тень и Дарья почти синхронно кивнули.

— Вот, — продолжила Куинни. — Вчера я вспомнила об одной… практике. Я попросила…

Она опустила голову, и я понял, что, если бы ее кожа была белой, наверно, она покраснела бы.

— …попросила Призрака мне помочь. С его помощью я отправилась по дороге-через-туман…

Я покосился на Призрака… che cazza… в смысле, мой дружок постарался потихоньку отойти в сторонку и при этом покраснел так, как я от этого бесстыжего кадра совершенно не ожидал. Что ж это за магия, интересно?

— Дорога-через-туман? — заинтересованно спросила Дарья.

— Дорога душ, — пояснила Куинни. — По ней идут те, кто ушел из жизни. Живому нельзя захо-

дить далеко по этой дороге, поскольку можно не вернуться, но те… кто только что распрощался с жизнью — их можно встретить в самом начале.

— Представляю себе, сколько там народу, — задумчиво сказала Дарья.

— Много, — ответила Куинни. — Я встретила там нескольких ребят из Проекта, из других цепочек. Двоих парней, четырех девочек. Потом еще одного парня — он появился ниоткуда на моих глазах. Один из тех, кто собирался отказаться от участия, но передумал, Уильям, если я ничего не путаю. Там еще была девочка из его цепочки, София, он ради нее и остался. Но ни Льдинки, ни Олги с отцом среди них не было.

— Да чушь это все! — перебил ее Призрак. — Куинни, мы просто выдаем желаемое за…

— Вчера погибли шесть человек. — Что за напасть? Ладно Тень, исчезать — ее сверхспособность; хорошо, Фредди, но как к нам незамеченным подобрался Бракиэль? — И я вам больше скажу…

— Давайте лучше я сам все скажу? — Похоже, вселенная решила меня доконать, или я стал впадать в транс, не замечая этого… хотя, судя по удивлению на лицах всех, включая Бракиэля, появление Лорда Нахаша стало неожиданностью

для всех.

Мы обернулись к Верховному Куратору. Он обвел нас взглядом и начал, тихо и проникновенно:

— Я так гордился вами, ребята, когда вы притащили на базу несчастного Августа. Гордился — и по-прежнему горжусь. Будь я на вашем месте, я поступил бы так же. Более того, я поступил бы так же, даже если бы знал… все, что знаю. Потому не вините себя в том, что произошло.

— В чем? — спросил Призрак.

— Как вам уже известно, вчера базу атаковали силы Пламенного Корпуса. И это была только разведка боем. Основной удар последует через несколько дней, но к этому моменту нас здесь уже не будет.

Это была разведка боем, но она обошлась Проекту слишком дорого — девять жизней. А могла стоить еще дороже, если бы не самоотверженность Надин… и Апистии. Начну, пожалуй, с хорошей новости — вскоре ваша цепочка сможет воссоединиться. Леди Лёд выжила, но лишь благодаря тому, что ради нее Надин рискнула собой…

…Бракиэль издал какой-то утробный звук, похожий на всхлип…

— …а Апистия вовремя и профессионально оказала помощь. Сейчас Леди Лёд на орбитальной базе, в искусственной коме. Не буду скрывать — она сильно пострадала, но мы… и, прежде всего, вы — мы ей поможем.

Лорд сделал паузу. В зале было очень тихо, невероятно тихо. «Как на дне океана», — почему-то подумал я.

— Остальные новости, к сожалению, хорошими не назовешь. Погибло шесть участников Проекта, четыре девушки и двое юношей. Еще один юноша сегодня покончил с собой. А еще… мне трудно говорить об этом, но мы потеряли Августа… и Олгу.

Я почувствовал, что Дарья плачет, и обнял ее. Краем глаза я видел, что Тень уткнулась лицом в грудь Фредди. Честно говоря, я сам едва сдерживался — читать о смерти, даже видеть ее по головизору — одно, а когда умирает кто-то, кого хорошо знал… я вспоминал, как Олга старалась стать такой же, как мы… у нее получилось. Почти получилось. Почти.

Я отвернулся, чтобы никто не видел моих слез, и встретился взглядом с Призраком. Его глаза предательски блестели… а еще — он обнимал Куинни, хотя они вроде любили друг друга примерно как демократы и республиканцы у меня

на родине.

— Я не хочу, чтобы вы винили себя, — продолжал Лорд, — но не могу и скрывать от вас правду. Нас атаковали потому, что вы спасли Августа. Мне гадко даже думать об этом, но я давно знаю, что на Пламенный Корпус работают ренегаты из числа детей R. Я знаю, кто они, и пытался до них достучаться — но им капитально промыли мозги. К сожалению, не вымыв при этом сверхспособностей.

Лорд скрипнул зубами. А у него, оказывается, тоже бывают эмоции!

— Они выследили вас и навели на базу разведчика с ковчегами. Когда они поймут, что мы отбились, то ударят всеми наличными силами. Готовьтесь к эвакуации.

— Мы летим на «Левиафан»? — спросил Бракиэль, как мне показалось, с каким-то нетерпением. Я даже почувствовал раздражение, но подавил его в себе, вспомнив, как вчера он сражался.

— Нет, — ответил Лорд Нахаш. — Нет, Бракиэль, пока не туда. Пока мы уходим на дно. Во всех смыслах этого слова.

Клуб любителей машин, больших и маленьких

Фредди

Об этом Лорд объявил уже на общем занятии. Оно же похороны — на сцене стояло семь закрытых гробов, похожих на ящики для оборудования. Не удивлюсь, если они и были ящиками для оборудования в прошлой жизни.

— База эвакуируется, — заявил он. — Как только погребете своих товарищей, начинайте собираться. Общий сбор к шестнадцати на нижнем ярусе центрального корпуса. Сенсорные двери будут перепрограммированы. Те, у кого есть собственный транспорт, соберитесь в ангаре к пятнадцати тридцати. Вещи с собой брать только те, что имеют отношение к вашим сверхспособностям, — подводная база укомплектована не хуже антарктической, все необходимое получите на месте. Занятия на сегодня, естественно, отменяются.

Расходились мы с тяжелым сердцем. Я думал о том, что сказал Лорд. Он, конечно, как мог, смяг-

чил удар, но невозможно было совсем скрыть неприглядную правду — именно мы виноваты в том, что произошло. И семь гробов, которые унесли другие участники этого проекта, были частью нашей вины.

Я даже не заметил, как меня догнала Тень, лишь машинально поглаживал ее пальцы. Вчера… произошедшее сблизило нас. Та невидимая преграда, что отделяла нас, рухнула под напором пережитого, под натиском тревог и страха. В этот момент мы поняли, как нужны друг другу, и не стали этому противиться.

Условности и церемониалы, может, уместны в большом мире, но в Проекте они совершенно ни к чему. Все оказалось куда проще, если не забивать себе голову разными, ничего не стоящими вещами. Мы были словно Адам и Ева — единственные люди на огромной, пустынной земле. И то, что случилось дальше, было закономерно, как восход солнца или наступление ночи.

— Я ему не верю, — наконец тихо сказала Тень. Я взглянул на нее:

— Кому?

— Лорду, конечно, — ответила Тень. — То есть формально он прав, но тебе не кажется, что Кураторы могли бы хотя бы предупредить нас о

том, что…

— А если бы предупредили, мы что, отказались бы? — спросил я. — Я — нет…

— Мы были бы осторожнее, — сказала Тень. — И мы были бы готовы к возможному ответу наших…

— Стоп, — сказал я. — Начнем с того, что между спасением Августа и атакой прошли целые сутки. За это время можно было подготовить базу к обороне.

— Точно! — воодушевилась Тень. — А они клювом щелкали, а теперь Лорд говорит, что мы во всем виноваты.

Я пожал плечами:

— Знаешь, я все равно чувствую себя виноватым. Даже без Лорда. Просто мы — не дети, мы взрослые, а взрослая жизнь — она именно такая. В ней приходится делать выбор, и любой выбор приносит что-то хорошее и что-то плохое.

— Откуда ты знаешь? — спросила она.

— Читал, слушал, анализировал, — ответил я. — Знаешь, мне, наверно, легче, чем другим. Я с детства жил с… даже не знаю, как сказать. С обреченными, с детьми-инвалидами, с теми, кто никогда не сможет сделать выбор самостоятельно. Я видел людей, потерявших близких,

видел приговоренных к смерти неизлечимой болезнью…

Я рассказал ей про брата Бартоломью с его лейкемией, про потерявшего семью Августина, и, как ни странно, это ее немного успокоило.

— Это страшно, — сказала Тень, прижимаясь ко мне. — В каком аду ты жил раньше!

— Всего лишь в монастырском приюте, — улыбнулся я, — ora et labora.

Пользуясь тем, что мы немного отстали от основной массы участников Проекта, Тень остановила меня и, приподнявшись на цыпочки, легонько поцеловала в щеку.

— Я бы там, наверно, с ума сошла! — призналась она. — Мне была в тягость моя жизнь, но моя клетка хотя бы была золотой, а твоя… а главное, за что? Ты ведь ничего плохого не сделал, чтобы жить в таких нечеловеческих условиях.

— Если верить Лорду, мое преступление заключается в том, что я родился не таким, как другие, — сказал я с улыбкой. — Люди не любят непохожих, ты не замечала?

Она кивнула, а затем добавила:

— Этот Ройзельман, по-моему, был настоящим чудовищем. Пусть он и вложил в нас сверхспособности. Нам еще повезло, что мы выжили, а

остальные? Те младенцы, которых перебили, та девочка из голофильма…

Я пожал плечами:

— В мире ежедневно убивают и калечат тысячи людей. И по причинам куда более прозаическим. И детей среди них тоже немало. Страдания детей R — лишь капля в море человеческой несправедливости.

Она уткнулась лицом мне в грудь (точнее, в район диафрагмы).

— Мне всегда хотелось бежать, — сказала она. — Однажды я бежала и думала, что убежала, но мир вновь меня настиг. И вот я опять бегу.

— Мы бежим, — ответил я. — Тень, случиться может что угодно, но я буду с тобой, пока я жив. Ты никогда не будешь больше одна. И, может, мы найдем место, откуда уже не надо будет бежать?

— Кто знает, — сказала она. — Но давай будем надеяться.

Я кивнул.

Призрак

Фредди урулил с Тенью, Джинн пошел помогать Дарье собирать ее кукол, куда уперся Бракиэль, я не знал и не особо хотел… я остался в гордом одиночестве и, конечно, направился в сторону своего

бокса. Я так понял, что распоряжение насчет транспортных средств меня с Цезарем касается в первую очередь — che cazza, он, хоть и стал моей фичей, по-прежнему был мотоциклом, а в девичестве — вообще мопедом. Я мог его «призвать» к себе, но на это надо тратить энергию, чего я не хотел — quo cazza, когда она может понадобиться, с учетом того, что, судя по всему, в этой bucca di culo в любой момент может разгореться маленькая «Буря в антарктической пустыне».

Надо было себе напечатать что-то посолиднее «беретт». И вообще, когда Джинн ненадолго отлипнет от своей Дарьи, надо раскрутить его на то, чтобы собрать полноценный лучемет вроде того, что у этого stronzo Бракиэля. Должен отметить, он с ним нехило обращаться умеет.

Размышляя над этим, я чуть не врезался в нашу Куинни. Che cazza, все время про нее забываю. Хотя я к ней присмотрелся и заметил, что девочка она очень даже ничего. И не потому, что на безрыбье и таракан креветка, а, как выражается мой друг Фредди, объективно.

— Ты что тут делаешь? — спросил я у нее удивленно. — Что-то случилось?

— За исключением того бардака, в котором мы со вчерашнего дня по макушку, ровным счетом

ничего, — ответила она. — Мне скучно. Девочки с ребятами, а я одна, как акация на островке посреди Замбези.

— А Бракиэль? — спросил я.

— Скажешь еще, — фыркнула она. — Наш застенчивый супермен ждет не дождется, когда его пустят к его дражайшей Нтомби. И потом, я с ним лишь пару раз общалась. В отличие от тебя.

— Я с ним общался и того реже, — ответил я, чувствуя, что краснею. Прошлую ночь мы провели с Куинни за одним… кхм, очень интересным занятием.

Дело в том, что наша Королева с некоторых пор очень серьезно относится ко всяким там колдунствам своих предков. И, che cazza, нельзя сказать, что в этом совсем нет никакого смысла. Например, ее песни очень помогают, когда используешь сверхспособности. Так что к чудачествам Куинни мы все относимся без особых насмешек. Ну, так, самую малость, и преимущественно с моей стороны, cazzarolla.

Тем не менее за помощью Куинни обратилась именно ко мне. Правда, не потому, что я такой cazzatta stronzo, а потому, что девочки были заняты с ребятами (и вымотаны дневными испытаниями). Я один был свободен и даже сохранил

немного энергии…

Кстати, вся эта терминология у нас от Кураторов, ясный перец. От них мы узнали, что у каждого из нас есть определенный запас «нервной энергии» — типа мы ходячие электростанции. Нам мало что рассказывали о природе этой хренотени, но опытным путем я лично выяснил интересную деталь — чем больше человек переживает всяких эмоций, тем больше у него накапливается этой самой энергии. И один хрен, что это будут за эмоции, плачешь ты там или ржешь, как не в себя, держишь внутри или выпускаешь наружу, типа как я, — без разницы. Например, я очень эмоциональный, как говорят, «южный темперамент», а Фредди спокоен, как дохлый кирпич, а энергии у нас поровну — но побольше, чем у остальных. Видимо, Фредди тоже по-своему эмоциональный, che cazza…

Так вот, Куинни заявилась ко мне в бокс, где я наводил марафет Цезарю (оружие любит ласку, чистку и смазку, а все остальное — херня; так говорил синьор Валанцаска, а он был умнее меня), и с порога заявила:

— Хочу попробовать одну штуку, поможешь?

— Если что-то стремное, то я пас, — ответил я, тряпочкой протирая грязеотбойник на переднем

колесе; грязи на базе было примерно столько же, сколько влаги на раскаленной сковородке, но порядок есть порядок. — Видал, как люди от меньшего с катушек едут, pezzo di merde.

— Тьфу на тебя, дурак, — ответила Королева. — Я хочу узнать… про наших.

— А это дело святое, — сказал я, вставая. — Кого пытать будем, Бараку?

— Какой-то ты чересчур веселый, — ответила Куинни. — В данных обстоятельствах это просто пипец как не в тему.

— Я спешу посмеяться над всем, иначе мне пришлось бы заплакать, — ляпнул я. Куинни уставилась на меня так, будто я превратился в Лорда. — Так говорил дон Альфонсо, бугор из Палермо. Умный мужик, жаль, что сбиры приговорили раньше болезни Альцгеймера. Так мы идем?

* * *

Куинни отвела меня в свой бокс… cazzarolla, по ходу, у нее эта магия всерьез и надолго. В центре бокса распластался коврик с каким-то сложным рисунком, по бокам его лежали деревянные фигуры каких-то зверей. Справа и слева стояли треножники с какими-то вонючими углями, спе-

реди и сзади — пара подсвечников. Дополняло все это богатство несколько глиняных сосудов и плошек.

— Короче, дружище, я собираюсь немного попутешествовать, не выходя за пределы этой комнаты, — сообщила Куинни. — Половина ингредиентов у меня синтетические, так что не факт, что получится.

— А говорила, что не будет ничего странного, — скис я. — Ежу понятно, что, в таких декорациях, уехать ты сможешь только на тот свет.

— Фичей клянусь, ничего такого, — побожилась Королева. — Это магия, друг мой.

— Ага, колдуй, баба, колдуй, дед, — фыркнул я. — Ладно, развлекайся. Я-то чем могу помочь?

— Смелый ты, как кролик в саванне, — в тон мне фыркнула Куинни. — Не раскисай, я тебя с собой не возьму. Мне нужен кто-то, скажем так, в этой реальности.

— Зачем? — спросил я.

— Я направляюсь туда, куда уходят все люди рано или поздно, — ответила она. — С одной разницей — они оттуда не возвращаются, а я собираюсь вернуться. Ты будешь смотреть мой пульс. Когда его не станет…

— Che cazza, ты в своем уме? — спросил я. — Ко-

гда у тебя не станет пульса, ты ж умрешь!

— Догадался, молодец, — кивнула Куинни. — Именно что. Так вот, когда я кони двину, засекай время. Ровно через пять минут уколешь мне в сердце вот этим. — Она указала на инъектор, сиротливо приютившийся среди плошек с вонючей потусторонней дрянью. — Потом делаешь массаж сердца, как Апистия учила, искусственное дыхание — если понадобится. Справишься или поджилки трясутся?

Cazzarolla, а ведь мне действительно было страшно! Вот в бою страшно не было, в этой африканской bucca di culo тоже, а сейчас — словно чья-то холодная рука пожала горлышко…

— Я-то не боюсь, — сказал я, — но, прости, по-моему, ты дура.

— Может быть, — неожиданно согласилась Куинни. — Но я просто не могу сидеть и ждать хрен пойми чего, понимаешь? Если ты откажешься, то я сама…

— Я тебе дам «сама», — сказал я. — Тоже мне… когда начинаем?

— Мне надо пару минут на подготовку, — сказала она. — Поможешь мне? Э, чего это с тобой?

Я и правда малость прифигел, да и было от чего — обращаясь ко мне, Куинни проворно раз-

девалась и вскоре стояла передо мной, одетая исключительно в воздух. Cazzatta, ce bella ficca, а фигурка-то у нее ничего… ничего себе, вау…

— В смысле, поможешь? — спросил я, стараясь не показывать офигения, что, должно быть, у меня получалось паршиво. — Я ж сказал, что помогу.

— Видишь плошку? — Она указала на довольно большую тарелку с каким-то merde. От тарелки воняло гнилой рыбой. — Можешь меня намазать? А я пока волосами займусь.

Охренеть не встать. Я запустил руку в плошку, взял горсть этой дряни и положил ей на плечо, после чего стал растирать.

— Такое впечатление, что ты боишься продавить меня, — прокомментировала Куинни, выливая себе на голову нечто, пахнущее оливковым маслом, розой и базиликом. — Можешь тереть сильнее, я не фарфоровая.

Я пожал плечами и стал натирать — плечи, руки, шею, спину…

— Лицо тоже. — Куинни закрыла глаза, ее губы приоткрылись. — Кроме губ. Там я сама. И кстати, мне кажется, или ты боишься продолжения?

— Боюсь, ага, — сказал я. — Примерно как карабинер грудного младенца. Знаешь, скольких я

девочек перелапал?

— Не знаю, — ответила Куинни, — но, если судить по тому, как ты…

Я схватил горсть снадобья и положил ей на грудь, слегка сжав ее.

— Ладно, беру свои слова обратно… пока, — улыбнулась Куинни, а я почувствовал, что она задышала глубже. С мстительной улыбкой я продолжил свое занятие, не останавливаясь даже там, где, по идее, следовало остановиться. Меня поразило, какая нежная на ощупь кожа Куинни. Просто касаться ее было уже приятно, хрен с чем сравнишь. Например, как картины в Пинакотеке — я вот в живописи разбираюсь от слова никак, а все равно дух захватывает. Недаром же говорили, что старые мастера знались с косолапым рогачом…

Тело Куинни тоже было произведением искусства, причем искусства, превосходящего возможности человека. Казалось бы — чему там удивляться, будто первый раз голую женщину мацал, а поди ж ты, чувствовал я себя… che cazza, у меня не хватает красивых слов, я не такой в этом деле прокачанный, как некоторые вроде Джинна.

Короче, пока я все это делал, Королева прилегла

на коврик меж треножников, подсвечник с белыми свечами в голове, с черными, соответственно, в ногах; о последний я едва не обжегся, пока намазывал ей ступни. Она тем временем взяла еще какую-то скляночку с явным запахом нашатыря или аммиака и сказала мне:

— Положи руку на бедро, найди там вену и слушай. На руке пульс быстрее затухнет, на бедре лучше прощупывается. Когда стихнет, включай секундомер. Планшет у тебя с собой?

— С собой, — кивнул я. Я свой планшет с собой теперь постоянно таскаю, научился, cazzarolla, у Джинна. В общем, махнула она эту скляночку и не поморщилась — и как только можно такую гадость пить? Я руку ей на бедро с внутренней стороны положил… che cazza, как тут, спрашивается, за таймером следить? Кожа ее ту мазь, что я втирал, совсем впитала и опять стала нежной, как сама нежность. У меня у самого такой пульс был — на нас двоих хватило бы…

А пульс Куинни тем временем действительно стал затихать, пока совсем не угас. Я таймер запустил и жду. Каюсь, секунд тридцать недодержал — мне страшно стало. И так черт-те что происходит, мне даже показалось, что она холодеть начала. Схватил инъектор, всадил иглу, где она

показала, и опять руку ей между ног.

Madre de Dio, нет пульса! Я испугался так, как никогда не боялся, но, grazie de Madonna, я когда боюсь, внутри как-то мобилизуюсь. Сразу уроки porca bogascia Апистии вспомнил, и непрямой массаж сердца, и искусственное дыхание…

В общем, попустило меня лишь тогда, когда я ее язык своим почувствовал, ну, то есть… ну, понятно, как. У нее еще глаза закрыты были, а губы и язык отреагировали. Я руку ей на бедро положил, чувствую — есть пульс, ровный, хороший, такой славный, cazza di diablo…

— Руки убери, — сказала Куинни и села. Вот напасть… хрена с два бы я какую другую девочку послушал, а тут убрал, хоть и с неохотой. — И отвернись, я оденусь.

Mama mia, cosa nostra! И как это понимать?

— Ну, и что тебе пригрезилось? — спросил я, отвернувшись.

— Живы они, — ответила Куинни. — Нет их среди мертвых. Видела шестерых ребят из Проекта. То есть семерых. Но ни Льдинки, ни Олги с отцом, ни Нтомбе не было. Живы они.

* * *

— А ты будто и не рад мне, — заявила Куинни, заходя в мой бокс так, словно я ее туда приглашал. — Вчера ты был на порядок приветливее. Что, поматросил и бросил?

— Neanche cazza, — ответил я. — У нас на Сицилии так не делают. Только между нами ничего такого не было, знаешь ли. За ножку я половину Палермо держал.

— Включая старух и маленьких девочек? — подколола меня Куинни. — Или там и мальчики были?

— Che cazza, укороти язык, женщина! — возмутился я.

— Женщина? — Куинни уселась в позу лотоса на полу, в той его части, куда я сдвинул имевшийся изначально в боксе половичок вроде каремата. — Вчера вроде девочкой была. Я что-то пропустила, когда была немного неживой?

— Ты меня специально доводишь? — поинтересовался я. — Если бы я тебя не знал, я бы решил, что ты со мной заигрываешь, но…

Куинни медленно встала с каремата и подошла ко мне.

— А с чего ты взял, что меня знаешь? — спро-

сила она, глядя мне прямо в глаза. — Может, то, как ты меня представляешь себе, и настоящая я — совсем разные люди?

Cazzarolla, не успел я глазом моргнуть, как эта фурия схватила меня за плечи и буквально впилась мне в губы! Che culo, ни фига себе…

Куинни

Скажу начистоту, хоть и непросто в этом признаться — я влюбилась. И, разрази меня весь кафрский пантеон, в того, в кого не ожидала.

Начнем с того, что я вообще не гадала себе такой напасти. К любви я относилась крайне скептически в основном благодаря «сестрам», внезапно «влюбившимся» в тех мужей, коих им сосватал мой ушлый папашка. В моем понимании любовь была одной из многочисленных форм человеческого обмана и самообмана, прикрывающего неприглядную сермяжную правду — люди сходятся в поисках стабильности и защищенности, не более того. Цинично? Да я по цинизму нашей Льдинке еще фору дам… ой, наверно, нельзя так о ней **сейчас**. Хотя, мне кажется, она не была бы против… наверно.

Ладно, лукавить не буду — иногда я мечтала о любви или, по крайней мере, представляла себе,

как это, когда тебе кто-то дорог. Мне никто не был дорог, я никого не любила — да кого мне любить — папашу? Толпу его жен? Так называемых сестер? Кого?

Я представляла, каким может быть человек, которого я полюблю, и делала я это необычным способом — я брала какого-то персонажа головидео, по которому упадали мои сверстницы, и начинала убирать то, что мне в нем не нравилось. До тех пор, пока не оставалась совершенно неживая и безликая фигура. Потом я сама для себя решила, что просто не создана для любви, и махнула рукой на это. Я сама себе муж, жена, лучший друг…

А потом все изменилось. И итогом этих перемен стало то, что (после спасения Августа) я проснулась в слезах и поняла — она таки пришла, та, кого я не звала и не ждала — Любовь. Она была похожа на мою фичу — пиковая дама со старой колоды карт нахального итальяшки. По иронии судьбы мой избранник был выходцем из того же народа.

Я думала о роке, о том, что еще до того, как я сама призналась себе в том, что случилось, чуткая «корона» Апистии прописала нашу с Микеле (Призрак? Neanche cazza! Да-да, с недавних пор я

матерюсь на его языке) судьбу на наших спинах. И что его фича не имела лица до того, как…

— Чет ты последнее время какая-то задумчивая, подруга, — заметил Призрак. — Как будто из реальности выпадаешь. И на вопросы не отвечаешь.

— А что ты спросил? — Действительно, за своими размышлениями я совсем не услышала его вопроса.

— Я спросил, тебе собираться-то не надо? — ответил он. — Я так понимаю, у тебя барахлишка поднакопилось — плошки, треножники, каремат…

— …собраны со вчерашнего дня, — ответила я. — Но есть одна проблема. Видишь ли, кореш, у меня вышло два баула, к тому же тяжеловатых. Ты не подкинешь меня, по старой дружбе, вместе с вещами?

— Куда подкину? — спросил он. — Нам велено быть в ангаре за полчаса до…

— Так в ангар и подкинь, — ответила я, нагло усевшись на рабочий стол с тисками и каким-то инструментом. — Не думаю, что кто-то станет возражать, если я составлю тебе компанию. Кажется, основной принцип Кураторов — who cares?

— Апистии расскажи, — буркнул Призрак. —

Тебе повезло, что у меня не так уж много вещей, кроме этого обалдуя…

— Я, между прочим, самая лучшая часть твоей личности, — заметил Цезарь, материализируясь в виде пылающего скелета байкера. — И если я обалдуй, то ты просто merdozo…

— Ты слова-то выбирай, cacare stronzo! — вспылил Призрак. — А то я тебе такой ремонт устрою… или покрашу желтым в оранжевый горошек!

— И ты станешь ездить на таком позорище? — усмехнулся призрак Цезаря. — Ладно, не буду мешать, голубки, но если кого-то интересует мое мнение…

— Засунь свое мнение себе в выхлопную трубу! — посоветовал Призрак.

— То я только за, — ответил Цезарь и растворился, оставив после себя запах серы.

— Никак не пойму, чем он воняет, — пожал плечами Призрак, — вроде ничего не горит, а явно серой затянуло, чувствуешь?

Я кивнула:

— Я как-то читала историю про одного засранца, который изобрел то ли прибор, то ли химию какую, благодаря которой у людей начинали материализоваться страхи. Ну, то есть если ты боишься, скажем, змей, то умрешь от укуса змеи…

хотя никакой змеи поблизости не будет.

— Похоже на сверхспособность Льдинки, — сказал Призрак и посмурнел. — Не знаешь, как там она?

Я отрицательно покачала головой:

— Нет. Я погадала на нее большим Таро, вышло, что она между дьяволом и смертью — тот еще расклад, но закончится все любовниками.

— Che cazza, какими еще любовниками? — не понял Призрак. — У нее там любовники будут, в лазарете, или я не понял?

— Любовники — одна из карт Таро, — вздохнула я. — Символ раздвоения, выбора, испытания, но у нее они легли прямо, значит, она пройдет его хорошо. В принципе дьявол у нее вышел перевернутым, а смерть…

— Ну, я в эту муть не то чтобы не верю, — почесал затылок Призрак, — но особого значения не придаю. Хотя после того, как ты угадала число покойников…

— Ничего я не угадывала, — сказала я. — Я их видела. Мне даже не по себе стало, когда их выносили.

— Я видел, как ты побледнела, — кивнул Призрак. — Ну, то есть… ну, ты поняла.

Он еще раз почесал тыковку, затем сказал:

— Ты на сиденье поедешь? Или в коляске?

— На сиденье, — ответила я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Нет, все-таки темная кожа — это круто, а для картежника так и вообще. Мне нравилось ездить с Микеле, нравилось к нему прижиматься…

— Окей, — кивнул он. — Ща я проверю, все ли я взял. Только это не даром, подруга, сечешь?

— Ишь какой меркантильный. — Я уперла руки в боки, думая, что за плату он стребует. Скажу по секрету — я ожидала интимного предложения, и…

…и была на него согласна:

— И что ж ты хочешь за свои услуги извозчика?

Микеле стоял ко мне спиной; лица его я не видела.

— Песню, — ответил он не оборачиваясь. — Спой для меня, можешь?

— Могу даже станцевать, — сказала я, стараясь не разулыбаться. Боже! Всего-то песню.

— А ты умеешь? — спросил он, что-то забирая из шкафчиков у стены. — Я бы посмотрел…

* * *

В ангаре мы оказались раньше всех.

— Какие-то мы с тобой торопыги, — сказал Призрак, отводя мотоцикл к стене, на одно из обозначенных на полу ангара мест.

— Прийти раньше лучше, чем опоздать, — заметила я. — Насчет песни — давай я спою тебе, когда на новое место прибудем, а?

Он уставился на меня, словно видел впервые:

— Bambina, ты чего? Я же шутил просто.

— Тебе что, не нравится, как я пою? — возмутилась я.

— Наоборот, — сказал Призрак. — Очень нравится. Кхм, ну, раз ты настроена так решительно, тогда, может, и станцуешь… потом?

— Легко, — ответила я. — Я, конечно, не Тень и даже не Дарья, но мой танец тебе понравится.

— Bambina, не думаю, что ты чем-то уступаешь сестричкам, — сказал Призрак. — И пусть меня покарает святой Януарий, если я в этом соврал. А кожа у тебя… просто ни у кого такой нет.

— У тебя есть-то с кем сравнить? — поддела его я.

— Да у меня девок было больше, чем… — взвился он, потом вдруг осекся, — в смысле, достаточно,

чтобы выводы делать.

В это время начали появляться ребята из других цепочек, и мы, не сговариваясь, прикусили языки. Не хватало еще, чтобы нас слушал кто-то.

Бракиэль

Из нашей цепочки в ангаре оказались только Призрак с Королевой. Призрак уставился на меня так, будто я был его тезкой с маленькой буквы:

— Che cazza vuoi?

— Я теперь тоже транспортом обзавелся, — ответил я, устанавливая мысленную связь с «Таннином»… надо ему какое-то имя придумать, что ли, а то как-то негоже. Мы же друг друга не зовем человеками, а у этой железяки мозгов, похоже, больше, чем у моего друга Призрака.

Который, кстати, хотел что-то сказать, да не успел — дело в том, что, пока Призрак включал соображалку, мой железный друг успел разложить свои железные лапы и ковылял к нам через зал, метя на пустое место слева от призракова драндулета.

— Cazzarolla, — кажется, Призрак даже посмотрел на меня по-новому, — ce bella figatta! Приручил-таки?

— Скорее, установил дружеское взаимодей-

ствие, — ответил я. — У него кибермозг IV класса, такие проектировали для программы Искусственной личности.

— Так программа ИЛ вроде накрылась медным тазом? — уточнил Призрак. — Или я что-то путаю?

— Нет, не путаешь, — ответил я, — но ты знаешь, по-моему, программу рановато закрыли. Я пообщался в Швейцарии с одной випочкой…

— С той, что в головидео? — спросила Куинни. Я кивнул. Запись с дрона охраны, кружившего на стоянке, каким-то образом оказалась у Кураторов, но Нааме спросила меня, не возражаю ли я против того, чтобы они использовали ее в фильме. Я не возражал. Кстати, Нааме сказала, что випочку отремонтировали. Я был этому рад, но сожалел, что не могу опять подкорректировать ее воспоминания.

Куинни осторожно коснулась моей руки.

— Я понимаю, что ты чувствуешь, — сказала она, — но ведь у випочек защищать людей входит в программу, разве нет?

— Может быть, — ответил я. — Но есть нечто, чего в фильме не показали. Видишь ли, Норма… эта випочка, она пожаловалась мне на то, что ей причиняют боль воспоминания, и я… не знаю,

что на меня нашло, но я помог ей от них избавиться. Может, это и программа, конечно, но мне показалось, что она переживала за свои ошибки, по-настоящему, так же, как мы. Я видел это в ее голове…

— Да что там спорить, — вмешался Призрак. — Конечно, машины живые, Цезарь не даст соврать.

— Я знаю, — кивнула Куинни. — Я чувствовала это, когда общалась с игровыми автоматами, но чувствовать — это одно, а принять умом…

— По-моему, напрасно люди делят разум и чувства, — сказал Призрак. — Это как у монеты, есть аверс, есть реверс, но одного без другого не бывает. Где есть аверс, там и реверс будет, cazzatta…

Он задумчиво посмотрел на меня и сказал:

— Слыш, Бракиэль… у нас с тобой общение было, скажем так, come la paco di merde de cagna… неправильное, короче. Я думал, что ты весь из себя такой…

Он бросил быстрый взгляд на свой мотоцикл, словно искал у него поддержки. Куинни взяла его за руку, как будто почувствовала, что ему эта поддержка нужна. А я подумал, что у них с Призраком, возможно, что-то намечается. Уж больно это невинное прикосновение было…

непростым каким-то.

— Скажу честно, — Призрак посмотрел прямо мне в глаза, — наверно, все из-за Николь… в смысле…

— Нааме, — кивнул Бракиэль. — Ее зовут Надин, но я зову ее так, как она представилась мне. Призрак, я знаю, что… в общем, ты меня не удивил и не расстроил. И я тебя понимаю, как никто.

— Но сейчас все изменилось, — совершенно искренне сказал Призрак, — и теперь, знаешь, я только рад, что у тебя все получилось.

Я улыбнулся, может, немного горько. Призрак, наверно, думает, что у меня с Нааме все так же, как у него… с Куинни, полагаю. Не все, не так… но пусть думает. Я согласен думать так же, пока жизнь не убедит меня в правоте Бараки, но даже когда убедит — а я сердцем чувствовал, что это произойдет, даже тогда мои чувства не изменятся. Тысяча имен, тысяча мужчин — мне так часто говорят об этом, что я уже как будто пережил ее измену. Как самурай из трактата Мусуаши, одной из настольных книг моего папаши, я уже умер, а мертвый смерти не боится…

— Я рад, Призрак, — сказал я, протягивая ему руку. — Рад тому, что мы больше не враги. Надеюсь, мы сможем стать друзьями. У нас, оказывается,

довольно много общего…

Пол дрогнул.

— …например, нетерпеливые питомцы, — закончил я, оборачиваясь к «Таннину». — Не думал, что ты переминаешься с ноги на ногу, дружок, но больше так не де…

— Это не он, — сказал Призрак, — посмотри туда!

Я развернулся к центру ангара и увидел, что пол исчез, как исчезают шабанитовые стенки нашей базы. В образовавшемся отверстии на глубине нескольких метров плескалась вода, из которой поднимался черный веретенообразный предмет…

Призрак

— Сколько, говоришь, ей лет? — спросил я.

Мы втроем сидели в двухместной каюте этой громадины. Здоровенное горбатое чудовище, вынырнувшее посреди ангара, оказалось субмариной. Такой огромной, что, che cazza, на ее палубе могли сыграть «Милан» с «Интером», pezzo di merde! В этой figatta нашлось место для всех нас с нашей техникой, включая даже две уцелевшие АОИ.

— Судя по тому, что я здесь нарыл, выходит, око-

ло сотни, — ответил Джинн, пялясь в голограмму над своим планшетом. — Ее спустили то ли в тысяча девятьсот семьдесят шестом, то ли в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом. Она служила во флоте СССР, потом — России, потом ее списали и переоборудовали в корабль снабжения для подводных городов России в Северном Ледовитом океане. А еще с нее спутники запускали. В общем, ветеран из ветеранов, но, как видите, на ходу.

Он подпер кулаком подбородок и сказал:

— А еще, пипл, я понял одну шнягу относительно того, почему я не могу выйти в Интернет. И, факн'щит, это оказалось просто, как исходники виндовс. Но…

Он отвернулся:

— Но я должен проверить свою догадку, хм, и кое с кем посоветоваться. Короче, никто не станет возражать, если я урулю на неопределенное время?

Фредди фыркнул, я пожал плечами:

— Che cazza, я тебе не папа с мамой. Ты уже взрослый, бро, можешь делать все, что тебе вздумается.

— Так, я тогда пойду? — Джинн выключил планшет и встал. Мы с Фредди синхронно кивнули, и Фредди добавил:

— Иди-иди, ни пуха ни пера.

— Иди ты, — ответил Джинн и быстро, словно боясь, что мы его привяжем к койке, покинул каюту.

Фредди встал:

— Бро, я человек простой, секреты разгадывать не умею, в общем, скажу честно — когда мы загружались, Апистия намекнула, что на этой «убийце городов» полным-полно свободных кают. А я привык намеки понимать. Думаю, ты тоже, и понимаешь, что я иду вовсе не для того, чтобы обсуждать с кем-то, почему нельзя выйти в Интернет с борта подводной лодки.

— По крайней мере, честно, — ответил я. — Ладно, иди, развлекайся, а я пока задрыхну. Шутки шутками, а спать человеку тоже надо.

Фредди ушел — теперь он ходил куда увереннее, чем раньше, — и я остался один. Che palle[8], и чем заняться? Цезарь в багажном отделении с другими машинами Проекта, мастерской, как на базе, у меня нет — не смотреть же головиденье? Или посмотреть чего-нибудь? Я включил свой планшет, полистал список доступных для скачивания фильмов, выключил планшет… ничего не

---

[8] Примечания: 8

Che palle — какая скука (*ит. жарг.*).

хотелось, внутри образовалась какая-то bucca di culo, в которую ухнуло мое вечное неунывающее настроение.

Может, и правда, поспать? Но спать, как на грех, не хотелось. Поискать, что ли, приключений на свою задницу? Я никогда не видел, как выглядит ядерный реактор, а он на этой консервной банке был.

Я уже почти собрался было отправиться на поиски младшего и, пока, по крайней мере, здорового брата пресловутой Фукусимы, как в дверь тихонько постучали. И, che cazza, я знал, кто, потому открыл двери без всякого вопроса.

— Джинн и Дарья занимаются какими-то исследованиями в Сети, — сказала Куинни, заходя в каюту, — и, хоть они мне ничего не говорили, я поняла, что мое общество им немного в тягость. А поскольку Фредди и Тень решили прогуляться по лодке, насколько я понимаю, с целью найти подходящую, не занятую никем каюту, мне пришло в голову, что ты тут один скучаешь.

— С чего ты взяла, что я скучаю? — спросил я.

— С того, что Цезарь кукует в ангаре, — ответила она. — И мастерской для того, чтобы собирать всякие механические штуковины, здесь тоже не наблюдается. Я знаю, что это такое, не иметь

возможности заниматься любимым делом, я столкнулась с этим немного раньше: на антарктической базе казино я так и не обнаружила. Но я нашла себе другое занятие, и, кажется, у меня получается.

Она говорила, а я смотрел на нее и думал: она пришла рассказать мне о том, как плохо, когда не получается заняться любимым делом? Или агитирует меня найти другое хобби? Или почему она здесь?

— Скучаешь без азартных игр? — спросил я, отойдя к своей койке. Рядом с койкой был небольшой рундук для личных вещей, среди которых у меня затесался планшет и, cazarolla, маленький 3D-принтер. «Беретту» на таком не выстрогаешь, так, для всяких мелочей. Мало ли что может понадобиться — ключик какой-нибудь, инструмент, да хоть пуговица для штанов — не обращаться же к Кураторам по каждой мелочи? — Хочу тебе предложить одну штуку…

— Звучит заманчиво, — сказала Куинни. — Надеюсь, ничего такого… предосудительного?

— Да кому тут нас осуждать? — сказал я. — Фичам? В общем, присядь пока, я быстро…

Пока мы мило болтали, я нашел на планшете нужный образ и пустил на печать. Когда-то дав-

но, говорят, карточные шулера умели определять масть и достоинство карты по огрехам печати рубашки. Но те времена прошли, и теперь карта изготавливалась уже с нанесенным изображением и с совершенно одинаковой рубашкой. Пятьдесят две карты принтер распечатал за полторы минуты. Я вынул новенькую колоду из лотка и перетасовал.

— Когда-то я неплохо рубился в покер, — сказал я Куинни, заинтересованно наблюдавшей за моими манипуляциями. — Возможно, у меня тоже есть к этому… сверхспособность? Просто она дремлет… вот я и подумал, не сыграть ли нам. Посмотрим, так ли ты в этом хороша, как говоришь.

— Ты уверен? — спросила она, прикрыв глаза.

— Ты что, боишься? — спросил я. — Кстати, чтобы придать игре серьезность, предлагаю играть на раздевание.

— Вообще-то, ты уже видел меня голой, — заметила она, протянув руку, чтобы взять у меня колоду. — И даже потрогал.

— Не откажусь повторить, — сказал я, — но, боюсь, случай может представиться нескоро. Почему бы немного не потормошить естественный ход событий?

— А не боишься остаться без штанов? — спросила она с прежней своей насмешливостью. — Ты не знаешь, на что ты нарываешься…

— Neanche cazza, — сказал я. — Вот еще, тоже мне, повод для страха.

— Ну, тогда держись у меня, — фыркнула она. — Сдаем по очереди, я с первой руки, согласен?

Я кивнул.

Куинни

Сверхспособности… они как чувства. Мы можем быть не готовыми к любви или ненависти, можем искренне желать полюбить или возненавидеть, но нашим чувствам плевать на это с высокой крыши — мы любим и ненавидим независимо от нашего желания.

Едва я коснулась еще теплой после принтера колоды, я почувствовала какой-то ток, словно все мое тело пронизало высокое напряжение. Я могла вообще не задумываться, сила, исходящая изнутри меня, проходящая через мою татуировку, сама вела мою руку.

Через полчаса я словно очнулась — пока Призрак, голый до пояса и без обуви, вытаскивал ремень из джинсов, я смотрела на карты, еще не перетасованные (была моя очередь тасовать), и

думала. Что я делаю? Я хочу показать Призраку свое превосходство? Но мое превосходство — не моя заслуга. Я не знаю чья — может, Ройзельмана, может, матушки-природы, но не моя. И что я докажу, раздев его и оставшись одетой? Разве это то, что мне нужно?

Я сдала карты — и, зажмурившись, приказала сверхсиле молчать.

Это был поединок на равных — он действительно неплохо разбирался в покере, но и я, даже без помощи сверхспособности, играла более чем хорошо. Наш поединок стал еще интереснее, когда мы оказались в равных условиях. И все-таки он проиграл, хоть я и не пользовалась своей сверхсилой. Расставшись с последней деталью своего туалета, он сел, закинув ногу за ногу, посмотрел на меня и сказал:

— По-моему, ты поддавалась.

— Я просто старалась играть честно, — пожала плечами я. На мне все еще оставались шорты и маечка-топик. — Ты действительно крут.

— Мне показалось, что я чувствую карты, — сказал он. — Но, наверно, это какой-то самообман.

— А как это было? — спросила я, стараясь не смотреть на него.

— Как будто что-то ведет твою руку, — сказал

он. — Это похоже…

— Будто по пальцам ток прошел, — сказала я тихо, понимая, что это действительно произошло — Призрак почувствовал карты так, как чувствую их я.

— У меня такое бывает только тогда, когда я что-то собираю или ремонтирую, — кивнул он. — Но не мог же я действительно…

— Почему? — перебила его я, вставая. — Я ведь овладела магией, хотя, конечно, никакая это не магия, а просто еще одна сверхспособность… кстати, о магии…

— Что? — спросил он.

— Помнишь, я задолжала тебе песню? — спросила я, внутренне робея потому, что уже знала, что это была за песня. Я никогда ее не слышала, я даже о ней никогда не слышала — память пришла откуда-то изнутри меня. — И танец. У моего народа когда-то давно была одна… песня, за которой следовал танец. И я спою эту песню для тебя. А станцуем мы вместе.

Кажется, он был озадачен.

— Ты будешь смеяться, но я совершенно не умею танцевать, — признался он.

Я улыбнулась, уже слыша странную музыку своей особенной песни:

— Я думаю, этот танец ты знаешь лучше меня. Ведь я его еще не танцевала ни разу, а ты, если не врешь, конечно, перетанцевал пол-Палермо…

И, не дав ему опомниться, я запела:

Землю ночь накроет звездным покрывалом.

Без твоих объятий днем я тосковала,

Сильных рук любимых нежное касанье

Может ли приятней быть в любви признанье?

На исходе ночи, словно тень из рая,

Из твоих объятий быстро убегаю,

Пусть в тоске разлуки день скорей промчится,

Чтоб в твои объятья ночью возвратиться…

Наследники Гая Муция

Бракиэль

Я видел небольшую группу людей. Они были одеты в костюмы Проекта, но я никого из них раньше не видел, к тому же большинство из них было заметно старше, чем участники Проекта. Люди были напуганы, и почему-то мне это нравилось.

— Разве ты не видишь? — сказала Нааме. — Они напуганы. Они не могут сопротивляться нам. Они всего лишь генераторы страха из слабой плоти…

Она говорила, а я смотрел, как, словно в замедленной съемке, на лицах людей страх уступал место решимости. Я знал, что будет, но был не в состоянии помешать этому. Красивая рыжая девушка вскинула что-то, что, как я понял, было оружием. И целилась она в Нааме.

— Нет! — закричал я, бросаясь между девушкой и Нааме. Наверно, я должен был наброситься на эту девушку, обезоружить ее, но я не был уверен, что она не успеет выстрелить. Она успела, а я успел заслонить Нааме. О том, что девушка выстрелила, я мог только догадываться — не было

ни вспышки, ни звука, ни трассы между стволом и целью — ничего, кроме внезапно возникшей, раздирающей боли в груди и понимания, что я выиграл для Нааме несколько секунд.

Я знал, что у нее есть другой или даже другие. Знал, что она меня не любит. Знал — и все равно закрыл ее собой. Я также знал, что выстрел из странного оружия смертелен даже для меня. Я был уверен, что… Я был уверен, что погибну.

И я закрыл ее собой, а потом увидел, как солдаты набрасываются на людей, ведущих беспорядочный огонь, а Нааме склоняется надо мной и от нее исходит нечто такое, что я описать не мог. Мне казалось, что она кричит, кричит, не издавая звука, где-то в безмолвии, в котором обитают наши души, ее душа зашлась в беззвучном крике, увидев, что моя душа, пораженная выстрелом неизвестного оружия, исчезает у нее на глазах…

— Кажется, вы видели кошмар, — сказал мой двойник, сидящий у меня на кровати. Я занимал крохотную одноместную каюту недалеко от огромной рубки подлодки, и, кроме моей версии, кажется, сотканной из космической черноты, никаких других попутчиков у меня не было. Черный Бракиэль был фичей Нааме, а моя фича находилась рядом с ней. Именно потому я не

полетел на «Левиафан», как намеревался. Я и так был с ней рядом, хотя и не видел ее — она запретила мне смотреть до тех пор, пока не «придет в порядок». Я мог слышать ее, чувствовать ее запах, мог касаться ее, хоть иногда она и отстраняла мою руку.

— У вас участилось сердцебиение, — продолжил мой доппельгангер. — И давление подскочило. Мне это не понравилось, вот я вас и разбудил.

— Сколько нам еще до прибытия? — спросил я, потягиваясь в койке, отгоняя остатки кошмара.

— Сорок две минуты, — ответил доппельгангер. — Через двенадцать минут общий подъем. Советую принять душ: через двенадцать минут напор в корабельной сети упадет.

— Спасибо, — сказал я, поднимаясь и направляясь в душ. Проклятый сон засел у меня в памяти, как репейник в хвосте дворняги. Он был слишком ярким, словно и не сном был, а… воспоминанием? Но о чем? Было это с нами когда-то или когда-нибудь случится? С того времени, как я вступил в Проект, я научился серьезно относиться к таким вещам, как сны.

Уже принимая душ, я вдруг понял, что женщина, стрелявшая в Нааме, была похожа на повзрослевшую Олгу. Похожа — и не похожа

одновременно. Странно…

Когда я выходил из душа, я твердо решил для себя не заморачиваться по этому поводу. Если мое подсознание хочет мне что-то сообщить, пусть выражается определеннее.

Фредди

Ника… то есть Леди Н., конечно… так вот, Ника говорила на одном из занятий, что умение засыпать на какое-то определенное время — это «тихий голос вашей фичи». Удивительно, кстати, как наименование, придуманное, если мне не изменяет память, Джинном, распространилось в нашей среде. Кураторы называют фичей «тульпами», но у нас это название как-то не прижилось, и они, Кураторы то есть, видимо, решили именовать фичей так, как нам удобно.

Так вот, если верить Нике, фича присутствовала в нас еще тогда, когда мы не осознавали этого, и, чем могла, помогала — например, будила в нужное время. А мне почему-то казалось, что такой способностью обладаю не я один. Например, в келье отца-настоятеля никакого будильника не было, да и у остальной братии я тоже этого устройства не замечал. Это что же, у них тоже есть фичи, что ли?

Я спросил об этом у Ники, и она ответила, что среди людей потенциальных носителей сверхспособностей много, но это не значит, что они когда-нибудь смогут ими воспользоваться. Она пояснила это на примере моих ног — я не мог их почувствовать, потому не мог и ходить.

Кстати, я все-таки начал ходить так же, как другие, после нашей атаки на нового друга Бракиэля, которому он все еще не придумал имени. Что-то, должно быть, стало на место у меня в голове, и теперь ноги мои были в полной мере моими ногами… со всеми вытекающими отсюда последствиями — например, я обнаружил, что кроссовки мне дико жмут. Обратился с этим к Бараке, неофициально заведовавшему снабжением Проекта, и тот пообещал выдать мне другие, но уже по достижении базы.

Эх… вечно я все хожу вокруг да около. Так к чему я вспомнил о фичах? А к тому, что нас с Тенью разбудили наши фичи ровно за полчаса до прибытия. Мы вместе приняли душ — на этом настояла сама Тень, аргументировав это тем, что «сейчас все как ломанутся — напор будет никаким, волосы не промоешь»… ей виднее, а по-моему, когда вокруг тебя океан, беспокоиться о наличии воды в душе как-то странно. В душе

у нас чуть было не случился рецидив вечерней страсти, но Тень меня отшила — ей надо было привести себя в порядок, а времени до прибытия оставалось мало. Впрочем, против моих ненавязчивых ласк она не возражала, так что водные процедуры прошли для меня вдвойне приятно.

Помывшись и одевшись, мы направились на главную палубу, располагавшуюся в «горбе» за рубкой. Здесь находился ангар техники, и поскольку мы прибыли раньше других, то отправились туда полюбоваться техникой нашей команды. В ангаре я столкнулся с Призраком, довольным, как эконом, прибравший к рукам бочонок хорошего вина. Я спросил у него, с чего это он цветет и пахнет так, словно в казино выиграл. Он ответил, что, во-первых, не в казино, а в карты, во-вторых, не выиграл, а проиграл, а в-третьих, fatti i cazzi tuoi, что бы это ни значило. После чего принялся что-то подкручивать в чреве своего железного друга, напевая какую-то попсу о ночных тенях, ускользающих поутру, чтобы появиться с закатом.

Лишь когда я отошел, то понял, что напевает он на каком-то странном языке, похоже, из группы бантустанских. Ни хрена себе…

Пока я здоровался с Призраком, Тень встре-

тилась с Дарьей и Куинни. Они о чем-то весело переговаривались, но с моим появлением смолкли.

— Секретничаете? — спросил я. — Дарья, а где Джинн? Призрака видел, он Цезаря полирует, а Джинн как вчера пошел с местной сетью разбираться, так его и след простыл.

— Здесь я, — ответил Джинн, появляясь в сопровождении Бракиэля. — Чуть подзадержался, хотелось все-таки разобраться с тем, что я нарыл. Вчера мне, хм, времени на это не хватило.

— И как, получилось? — спросила Дарья.

— Глухо, — ответил Джинн. — Апистия режет моих ботов, как котят. Под что я их только ни маскировал — режет, хоть ты тресни.

— То, что ты называешь Апистией, на самом деле фича одного из бывших Кураторов, — сказал Бракиэль, глядя куда-то в сторону. Мы уставились на него.

— Как это «бывших Кураторов»? — спросил Джинн.

— Помнится, Лорд упоминал, что раньше их было больше, — сказала Тень. Я, хоть убей, так и не смог вспомнить, когда это было.

— Проект начинали Лорд и одиннадцать его учеников, — пояснил Бракиэль. — Из этих один-

надцати осталось трое.

— А что случилось с остальными? — спросила Дарья. Она еще не поняла…

— Пламенный Корпус, — Бракиэль сказал это так, словно сплюнул. — Те, кто боится перемен.

Я вспомнил свой сон, страшного мужика с разодранным лицом… все это было правдой, это событие снимал дрон Апистии. Больше всего меня удивило то, что Нике тогда было только десять лет, хотя во сне я видел ее взрослой. Но что-то в ней было уже тогда, что-то такое, что заставило банду отморозков разбежаться по канализации, как крысы.

А Апистия… я видел, что представляли собой мои ноги после «благословения» — обугленные, страшные, местами прогоревшие буквально до костей. А она приложила руку, и через две-три минуты раны стали затягиваться! Вот это я понимаю, сверхспособность, а не мой жалкий телекинез…

«У тебя есть еще и абсолютная память, — напомнила мне фича. — Как у Надин, кстати, абсолютная память была самой первой ее сверхспособностью».

Наше общение, вернее, затянувшуюся его паузу, прервало то, что корабль легонько вздрогнул.

Вообще, я никогда не плавал не то что на подлодках, даже на надводных судах, и меня поразило то, что движение огромного корабля почти не ощущалось, словно мы были не на корабле, а на стационарной базе.

— Прибыли, кажись, — сказал Призрак, подошедший к нам незнамо когда. — Cazzarolla, ну, конечно, прибыли, вон, и Леди М. пожаловала.

Бракиэль встрепенулся и принялся смотреть по сторонам.

— Какая еще «Леди М.»? — спросил я.

— Леди Мегера, — пояснил Призрак. — Я так нашу дорогую Апистию называю.

Бракиэль посмотрел на Призрака испепеляющим взглядом, а я просто сказал:

— Не называй ее так, бро. Она все-таки мне ноги спасла.

Призрак хотел что-то возразить, но тут заговорила Апистия.

Куинни

— Внимание всем участникам Проекта! — сказала Апистия. — Мы прибываем на подводную базу. Сейчас в порядке следования цепочек переходим в шлюзовую, дожидаемся, пока откроются двери, и вперед, по проходу. Пройдя шлюз на той

стороне, дожидаемся остальных.

— Детский сад, — тихо сказал Призрак.

— Владельцам транспортных средств просьба не беспокоиться — ваших железных друзей переправят на базу сразу по окончании перехода всех цепочек…

— Я никуда без Симбы не пойду!

Мы все — не только наша цепочка, вообще все участники, обернулись к тому, кто это сказал. Это был высокий, мускулистый темнокожий парень с хмурым взглядом молодого бычка. Что-то мне подсказывало, что он не из Африки, американец, наверно, или, может, европеец, несмотря на то, что он явно загонялся по африканской культуре, прям как я. Вот и машину назвал африканским именем…

Апистия посмотрела на парня так, как до того Бракиэль на Призрака — таким взглядом можно было гвозди забивать.

— Морфеус, это еще что такое? Если тебе не терпится пообщаться с Симбой, можешь телепортировать его на борт станции сразу по прибытии.

— Вы знаете, что у меня не получается, — ответил тот. — Симба очень тяжелый, а я только-только телепортацию освоил…

— Симба — это, наверно, тот робогрейдер, — тихо сказала мне Призрак и, видя мое недоумение, пояснил: — Здоровущая cazzatta с ковшом, красно-желтая, ты его не могла не заметить.

Я неуверенно кивнула. Было что-то такое в гараже Проекта, видела мельком.

— Кажется, это твои проблемы, — равнодушно пожала плечами Апистия. — Хочешь — дожидайся, пока твою бандуру свезут на базу дроны, хочешь — сам тащи, если пупок не развяжется.

Призрак кашлянул и шагнул вперед.

— Парень дело говорит, — сказал он. — Даже Цезаря перетащить — та еще cazza granda, а уж его pezzo di merde потяжелее будет, раз так в сто. Может…

— Не помню, чтобы я спрашивала твоего совета. — Апистия глянула на Призрака полыхающим взглядом. — Тем более не помню, чтобы Лорд принимал тебя в состав Кураторов.

— Я не Куратор, — признал Призрак, — но и не андроид какой-нибудь, чтобы своего мнения не иметь, cazzarolla! Не понимаю, почему мы не можем…

Апистия… не знаю, как это назвать, мгновенно переместилась к Призраку, схватив его рукой за горло и приподняв подбородок:

— Почему? А потому, маленький засранец, что вас собрали не для того, чтобы вы друг другу помогали! Вы еще этого не заметили, но все цепочки конкурируют друг с другом. И с каждым днем эта конкуренция будет только обостряться. Кроме твоей цепочки и Кураторов, здесь у тебя нет друзей, понял?

— Нет, не понял. — Это уже Джинн пришел на помощь другу. — Мне Надин вообще-то другое обещала.

Апистия смерила его насмешливым взглядом:

— До того, как ваша цепочка притащила на базу дронов Пламенного Корпуса на хвосте? Или уже после?

Джинн скрипнул зубами, но стал ближе к Призраку — с правой стороны, потому что слева стояла я. Даже не заметила, как подошла к нему и взяла за руку, я сделала это чисто машинально — зато я поняла, что вот уже минуту мурлычу себе под нос один мотивчик… Как там Призрак говорил, колдуй, баба, колдуй, дед? Говорят, три раза спетая, эта песня обладает способностью убивать. Я не была в этом уверена, но слова сами приходили мне на ум.

— Игры кончились! — Кажется, Апистия вышла из себя — мне даже почудилось, что от нее

исходит волна жара. — Началась жизнь, и то, что вы видели, еще цветочки. Пламенный Корпус считает нас угрозой, и, надо сказать, обоснованно — если мы решим свести с ними счеты, прятаться будет негде, из рая вытащим и в аду найдем. Но лишь когда вы подрастете, когда возмужаете… если сумеете. И взаимопомощь вам в этом не поможет! Тот, кто полагается на помощь друга, слаб, а силен лишь тот, кто рассчитывает только на себя. Так что бросайте вы это дурное занятие. Кстати, если вы думаете, что всемером справитесь с Куратором — ангард![9]

— Брейк. — Интересно… минуту назад Лорда в помещении не было, и появиться ему было неоткуда. То ли он все-таки был, но невидимый, то ли он умеет телепортироваться — хрен поймешь. — Апистия, я вижу, что тебе не терпится показать меру своей крутизны, и решительно против этого. Хватит нам потерь, тем более не надо потерь от friendly fire. Пламенный Корпус только этого и добивается.

— Мой Лорд. — Все пламя, пылавшее в глазах Апистии, мгновенно погасло; казалось, ее зрачки затянуло изнутри льдом. — Мне кажется, нам

[9] Примечания: 9

Ангард — фехтовальный термин, означающий «стать в стойку». В переносном смысле — предложение начать поединок.

следует принять меры — вы же видите, насколько серьезна ситуация. Мало того что эта цепочка возомнила себя коллективным воплощением Спасителя, они еще и…

— Дерзают с тобой спорить, — улыбнулся Лорд. — Апистия, они дети, а дети все одинаковы. Вспомни себя…

— Я никогда не была ребенком, — перебила его Апистия. Улыбка Лорда стала шире.

— Физически ты была взрослой, обе половинки твоего «я», но психологически — не так давно вы все были детьми. Вы и сейчас порой ведете себя как дети. Так что оставь семерку Надин в покое, разбирайся со своими. У тебя хорошие показатели, не стоит портить их непедагогическим избиением чужих подопечных… И потом, как ты объяснишь это Надин? Насколько я знаю, вы ведь уже помирились?

— Да. — Оп-па, а Апистия, кажется, смутилась. Интересно, как это — она никогда не была ребенком? Родилась взрослой? И что это за две половинки личности? Имеется в виду ее фича? — Но ведь я…

— Именно ты, — кивнул Лорд. — Иди к своим, командуй высадкой, а я пока прогуляюсь с ребятами по лодке и объясню им несколько жи-

вотрепещущих истин.

Странно… Лорд говорил абсолютно спокойно, как-то даже расслабленно, но меня не покидало ощущение, что за этим внешним спокойствием, расслабленностью таится нечто такое… страшное. По-настоящему страшное. И если это нечто когда-нибудь вырвется на волю, прорвав внешнюю оболочку снисходительного спокойствия, небо над всеми нами скукожится, как шагреневая кожа. Я и оглянуться не успела, как уже семенила за Лордом, все еще держась за руку Призрака…

Тень

Лорд отвел нас в самый конец палубы. Мы миновали импровизированный ангар, где, как мне показалось, грустно стоял пресловутый Симба, рядом с которым «Таннин» Бракиэля казался крошкой, миновали широкий проход и оказались в тесном помещении, буквально зажатом между какими-то невообразимо большими шахтами.

Лорд непринужденно оперся на одну из них.

— Когда этот кораблик был молод, таких шахт на нем было шестнадцать, — сказал он. — И каждая была заряжена баллистической ракетой с тремя зарядами, каждый из которых, в свою очередь, мог превратить в радиоактивную пу-

стыню город вроде Чикаго. Потом двенадцать шахт удалили, чтобы разместить многочисленные лаборатории, а четыре оставили — чтобы спутники запускать. Я, в общем-то, для этого их и использую.

Вы провели на лодке полночи и часть дня, но об этом, наверно, даже не подозревали, правда? Спешу вас огорчить: вы не знаете еще очень, очень многого. Но делаете выводы о том, о чем не знаете, и выводы очень категоричные. Разве нет?

Взять ту же Апистию. Леди Мегеру. За прошедшие двое суток она провела две операции. Очень тяжелые, очень сложные. Она спасла жизнь вашего Куратора и члена вашей цепочки. Она принимала решения, после которых более впечатлительные врачи ночами не спали. Она, сжав волю в кулак, приняла решение ампутировать конечности вашей Льдинки — ни антибиотиковая блокада, ни нанореконструкторы, ничего не могло остановить сухую гангрену, пожиравшую плоть Леди Лёд, — лишь ампутация могла отсечь для нее путь к важнейшим органам.

Другой на ее месте никогда бы не решился на это: лишить молодую, цветущую девушку сразу всех ее конечностей. Другой бы пытался спасти хоть что-то — и проиграл бы. Иногда в жестокости

куда больше добра, чем в слюнявом гуманизме. Леди Лёд в коме, но ее жизнь в безопасности. Ее жизнь в безопасности, но даже сейчас Апистия с помощью своих сверхспособностей неотрывно следит за ее состоянием и в случае малейшего сбоя немедленно отправится на «Левиафан», чтобы лично схватиться с той, у которой, по мнению некоторых, невозможно отнять ее добычу, со Смертью. А для вас она — Леди Мегера, цепная сука Проекта, да, Призрак?

Я увидела, что Куинни крепче прижалась к Призраку, словно пытаясь защитить его от слов Лорда. А сам Призрак побледнел, как настоящий призрак. К счастью, Фредди то ли случайно, то ли намеренно разрядил ситуацию:

— Ни рук, ни ног… как же она теперь?

— Мы дадим ей новые руки и новые ноги, — сказал Лорд. — Нам это уже подвластно. Надин, несмотря на слабость от ранения, уже выращивает для Леди Лёд новые конечности — и тоже неотступно находится рядом с ней. Вам кажется, что мы, Кураторы, далеко от вас, но мы всегда рядом — пока вы в нас нуждаетесь. Но лишь пока — абсурдом будет, если мы всегда будем рядом. Вам надо самим строить свою жизнь, и тут уж мы ничем не поможем. А для того, чтобы вы могли

что-то сделать самостоятельно, первое, чему вы должны научиться — полагаться исключительно на себя. Не на нас, не на друг друга, а только на самих себя. И пока вы этому не научитесь, все ваши сверхсилы и фичи будут бесполезны. Это ясно?

Я машинально кивнула, но несколько неуверенно: полагаться только на себя? А как же Фредди? Как же Дарья? Неужели полагаться на них неправильно?

— …И учитесь думать хотя бы на два шага вперед, — продолжил Лорд. — Вы кажетесь сами себе умными, взрослыми, самодостаточными, но делаете одну глупость за другой, а почему? Потому, что не думаете. Поясню на самом простом примере.

Скажите, ведь каждый из вас задумывался о том, что делает в Проекте Олга, не так ли? Вам казалось, что она случайный здесь человек: сверхспособностей нет, фичи нет, да и родители у нее свои, не приемные. И она моложе вас. На основании этого вы решили, что Олга не относится к детям R, а потому сильно удивились, когда она все-таки завела себе фичу и стала демонстрировать пусть и куцые, но сверхспособности. Тут вы зашли в логический тупик и подумали даже, уж не обманываем ли мы вас, говоря, что

сверхспособности — это наследие Ройзельмана, правильно?

Мы вновь закивали — по крайней мере, мой ход мыслей Лорд описал довольно точно.

— Видите? — с каким-то торжеством в голосе продолжил Лорд. — Маленькая логическая ошибка в самом начале приводит к катастрофически неверным выводам. А все почему? Потому, что все ваше внимание сконцентрировалось на Олге… — Лорд улыбнулся. — Кто знает, сколько лет было Августу?

Мы переглянулись.

— Лет сорок пять, наверно, — неуверенно сказал Джинн.

— Какие вы все-таки нелюбопытные, — усмехнулся Лорд. — Но ты попал пальцем в небо, Августу действительно сорок пять. Он родился в две тысячи четырнадцатом, в августе, через полгода после Макса… ну, вы не знаете, кто такой Макс, да и не важно. А важно то, что в том же году, в ночь со второго на третье мая, Лев Ройзельман был арестован по обвинению в… — на лице Лорда появилось выражение отвращения, — бесчеловечных опытах. «Сдал» его властям собственный учитель и друг, которому Лев доверял, как самому себе, которому искренне хотел помочь, и помог…

Взгляд Лорда стал рассеянным, он словно смотрел сквозь нас в то прошлое, о котором говорил. Внезапно я поняла, что для него это очень личная история. Для Лорда Ройзельман был не просто учителем или кумиром — он был близким ему человеком. Отец? По возрасту вроде бы подходит, да и внешне между ними было определенное сходство…

— Шесть месяцев Ройзельман провел за решеткой, — продолжил Лорд. — Вышел он абсолютно нерукопожатным, настоящим изгоем. С трудом сумел получить работу. От него все отвернулись, особенно те, кто был ему чем-то обязан. Особенно они… именно потому он и потерял из виду второго…

— Вы хотите сказать, что Август — ребенок R? — спросила я. Лорд посмотрел на меня с интересом:

— Не совсем. Его отец… с ним Ройзельман связывал большие надежды, и отчасти эти надежды оправдались, намного позже. Отец Августа был влиятельным, богатым и глубоко несчастным. Он всю свою жизнь добивался положения в обществе, а когда добился, понял, что жизни осталось всего ничего. Он постарался прожить остаток жизни, как говорится, полной грудью. Женился на молодой красавице, победительнице како-

го-то конкурса красоты. Он очень хотел сына и наследника, но что-то не получалось, и тогда он обратился ко… он обратился к Ройзельману. Тот, хоть и был молод, уже успел засветиться как раз в вопросах практической репродуктологии.

Исследуя половые клетки Бориса и его жены, Ройзельман обнаружил интересный эффект — яйцеклетка молодой женщины отторгала семя ее мужа, словно вирус. Срабатывала иммунная система, сам организм работал как противозачаточное средство. Ройзельман решил проблему, но в качестве… скажем так, моральной оплаты позволил себе внести некоторые изменения в геном будущего ребенка. Он не знал, получится ли у него с Максом, нормально ли сработает его ноу-хау, и решил подстраховаться.

Но за то время, что Ройзельман был в тюрьме, произошло слишком многое. Борис застукал свою беременную жену во время «развлечений» с пилотом своего «Оспрея», выгнал ее из дому и развелся с ней. Он платил женщине неплохие алименты, не по решению суда, а сам — поскольку ребенок носил его ДНК… отчасти. Он оплатил образование своего сына, но, когда захотел с ним встретиться, тот ответил отказом. А я… я думаю, что мать Августа настроила сына против его отца.

Что до Ройзельмана, тот следил за Августом до самого Года Кометы, хотя и с перерывами. Потом ему стало не до него. А потом он умер.

Кадык Лорда судорожно вздрогнул, словно он сдерживал бронхиальный кашель.

— Я заметил Олгу случайно. Сначала я обратил внимание на творчество ее отца — он не только мастерски вскрывал подковерные игры Пламенного Корпуса и его политических покровителей, но и был консультантом фильма о Ройзельмане, который снял Хэрингтон, а также снял свою доку-менталку на ту же тему. Я попытался с ним встретиться, но он все время был в разъездах, а после и вовсе пропал. Зато я увидел Олгу и сразу понял — она из наших…

— Из наших? — спросил Призрак. — Са… простите, Лорд, можно задать вам вопрос?

— Боже, Призрак, какой ты деликатный! — улыбнулся Лорд. — Тебя кто-то покусал? Задавай, конечно, о чем речь.

— Вы тоже из детей R? — в лоб спросил Призрак.

— А сам как думаешь? — улыбнулся Лорд. — Впрочем, любая твоя догадка будет далека от правды. Скажем так, я действительно имею отношение к Проекту Ройзельмана. Но я немного

больше, чем ребенок R. Тем не менее у меня и у вас одна ДНК, или, как говорили в старину, мы с вами одной крови. Так что мой ответ — да.

— Cazzo non e chiaro, — проворчал Призрак. — Как и не спрашивал.

— Не ищи простых ответов, figlio mio, — снисходительно сказал Лорд. — Простые ответы у попов, а в жизни всегда все сложно, piccolo stronzo. Фредди, что ты хотел спросить?

Мой Молчаливый Гигант нерешительно взглянул почему-то на меня, словно ища у меня поддержки. Я тихонько сжала пальцами его ладонь.

— Сэр, вы говорили, что дадите Льдинке новые руки и ноги, — сказал он. — Но ведь они все равно будут чужими, правильно? Вы видите в нас сверхлюдей, но мы еще не стали ими. Мы пока еще простые подростки. Леди Лёд сильная, но я хорошо знаю, как это — быть без ног.

Я помню. Я хорошо помню, как когда-то Апистия спасала мои ноги. Это было похоже на чудо. Потому я верю, что вы сможете вернуть Льдинке утраченное. Но каково ей будет до этого?

— Никаково, — пожал плечами Лорд. — Мы продержим ее в коме до приживления. Но отчасти ты прав. У нее может быть шок, когда она узнает — а узнает она обязательно. Вообще-то, я

ничего не имею против шока, но девочке и так досталось. Она выглядит крепкой, но ломаются даже самые крепкие. Что ты предлагаешь?

— Мы должны быть рядом с ней, — ответил Фредди.

— Согласен, — кивнул Лорд. — Вам предстоит пройти несколько тренировок на дне, после чего ваша цепочка полетит на «Левиафан» в числе первых.

— Этого мало, — сказал Призрак. — Скажите, Лорд, а что представляют собой эти протезы?

— Хочешь посмотреть? — улыбнулся Лорд. Призрак кивнул. Лорд тут же сбросил пиджак и протянул его Призраку. — Тогда подержи. Впечатлительных попрошу отвернуться.

Он стащил с себя водолазку, передав ее Призраку, и остался обнаженным до пояса. Я засмотрелась, и, должно быть, не я одна — у Лорда было не по годам прекрасное, очень гармоничное тело. Я даже, по-моему, покраснела — мне стало стыдно за такой откровенный интерес.

— Правда, хорошее тело? — подлил масла в огонь Лорд. — Совершенное произведение искусства… с кучей сюрпризов внутри.

Внезапно из промежутков между костяшками пальцев Лорда появились тонкие лезвия,

длиной с полметра. Появились и моментально скрылись.

— …Например, вот таких. Прям как у моего любимого героя детства, на фильмы о котором я сбегал из… не важно.

Он взял себя за запястье и внезапно резко повернул его по часовой стрелке, так, что рука до локтя с тонким хрустом оторвалась и осталась у него в руке. Дарья ойкнула, я, кажется, тоже. Из девочек спокойствие сохранила одна Куинни.

— Но тело — только орудие, боевая машина для человеческого мозга. Ты знаешь, Призрак, что в машине иногда надо менять детали, даже если они вполне исправны. Просто для того, чтобы улучшить ее характеристики. Возьми, подержи. — И Лорд протянул Призраку свою руку.

Сохраняя внешнее спокойствие, Призрак взял руку Лорда… и едва не уронил.

— Но она же теплая, как живая!

— А кто тебе сказал, что она мертвая? — широко улыбнулся Лорд. — Срок службы этого тела — четверть тысячелетия вне зависимости от того, разделено оно на части ли функционирует в комплексе…

— Я хочу такой протез для себя, — необычно медленно сказал Призрак. Кажется, удивился

даже Лорд:

— В смысле? У тебя руки-ноги вроде бы в порядке…

— Я хочу себе эту pezzo di… — повторил Призрак. — Простите, сэр, я имел в виду, что хочу поменять свою руку на такую же.

— Потому что сочувствуешь Льдинке? — уточнил Лорд с подозрением в голосе.

— Нет, — ответил Призрак. — Всегда мечтал иметь руку, которую можно на ночь спрятать в тумбочку. Да и лезвия в хозяйстве пригодятся. А нельзя ли в нее встроить какую-то стрелялку?

Лорд посмотрел на Призрака, как мне показалось, с явным одобрением.

Куинни

Что я почувствовала? Врать не стану, без ревности не обошлось. Все-таки когда тот, кого ты уже считаешь своим парнем, готов отдать руку для другой девушки, это невольно дает повод для ревности.

Но моя ревность, не успев родиться, задохнулась под давлением более сильного чувства — гордости. С той ночи, когда я доверила Призраку быть моим проводником, моим страховочным канатом в путешествии, из которого люди, как

правило, не возвращаются, между нами установилась некая связь. Я чувствовала то, что чувствует он в эту минуту. Не могу не признать, Призрак тот еще врушка — он очень часто весел, когда грустит, или серьезен, когда в душе хихикает и куражится. Как тот валет с карты, двойственный, но не в плохом, а в хорошем смысле этого слова.

И я чувствовала, как тяжело далось ему это решение. Можно сколько угодно уверять себя, что «новая рука будет лучше старой», но наверняка ты этого не знаешь, и выбор состоит между реальной своей рукой и абстрактной модернизированной.

В наше время имплантаты не то чтобы обычны, но и не в диковину, как раньше, но одно дело — **добавить** себе компьютер в голову, как Джинн, или усилители мышц, как многие спортсмены, и совсем другое — **полностью заменить** свою плоть на что-то чужое. Призраку было страшно, я чувствовала это. И чувствовала, как он борется со своим страхом.

Я коснулась его одновременно на всех доступных мне уровнях — и физически, захватив ладонью его ладонь, как получасом раньше, когда он спорил с Апистией, и на уровне, на котором между нами была та самая незримая связь. Я

поняла, что он это почувствовал. Он обернулся ко мне и подмигнул.

— Надеюсь, с новой рукой я не стану менее привлекательным. Как думаешь, Куинни?

Духи предков, я не была к этому готова! Ребята-то еще не знали, что между мной и Призраком… что-то есть. Но, вспомнив о том, как он мужественно подавил свой страх, я, сжавшись внутри в комок, сказала:

— Для меня — точно нет, — и чмокнула его в щечку, показав напоследок язык. Ну не могла я не выпендриться!

— Я думаю, бро, — сказал Фредди, — что будет несправедливо, если ты один будешь с таким клевым девайсом. Я бы тоже от такой руки не отказался. Со встроенным альпинистским карабином, на всякий пожарный.

— А чисто теоретически в этот протез ведь можно что угодно вмонтировать? — уточнил Джинн. Лорд кивнул. — Тогда мне, пожалуйста, дистанционные коннекторы, я напишу какие. Клево же — над замком рукой провел, замок открылся; над диском провел — скачал информацию.

— В отличие от вас я эти протезы видел, — сказал Бракиэль, — просто попросить не решался. Так что я с вами.

— Ну, куда ж мы без тебя, — сказал Призрак ехидно, а я тем временем решилась:

— Вот что, я считаю, что это развлечение должно быть доступно не только мальчикам. Вы сможете сделать руку неотличимой от той, что у меня сейчас? Хотелось бы сохранить гармонию…

— Тебе совсем не обязательно… — начал Призрак, но я остановила его:

— Не знала, что ты мужская шовинистическая свинья, хрю-хрю… так что, сэр, как насчет неотличимости?

— Мои руки абсолютно идентичны своим прототипам, — пожал плечами Лорд. — Никто из учеников даже не догадывается, что у всех Кураторов такие киберпротезы, правда?

— Что, и у Надин? — удивился Бракиэль. Лорд кивнул:

— Мы все в некотором роде как конструктор. Что, Бракиэль, не ожидал? У тебя ведь была возможность не только посмотреть, но и…

— Была, — кивнул Бракиэль, краснея, — и могу подтвердить — ни на вид, ни на… ощупь — никакой разницы.

— Тогда можно и мне? — одновременно сказали Тень с Дарьей. Лорд улыбнулся.

— Мне, конечно, не нравятся ваши мотивы, —

сказал он. — Но вы приняли правильное решение, и это я одобряю. Баллов за операции с вашей цепочки я снимать не буду и гарантирую вам руки третьего поколения — последнего на сегодняшний день. А теперь идите. Все остальные уже на базе. И советую хорошо отдохнуть: завтра у вас тяжелый день. Попробуем сразу прогнать вас по всем подводным тренировкам, чтобы побыстрее отправить на «Левиафан». Скажите Апистии, пусть возьмет у вас клеточные образцы — тех, что есть в банке «Левиафана», может не хватить.

Кто проживает на дне океана?

Джинн

Я ничего не понимаю.

Допустим, нас готовят для невесомости. В принципе это логично: лучше «бассейна невесомости» для этого пока ничего не придумали, разве что стратосферный полет. Может быть, стратосферные полеты для нас пока не доступны, скажем, из соображений безопасности. Остается бассейн, правильно? Но зачем холодильник эскимосу, в смысле, когда вокруг океан, нет смысла строить специальный бассейн — просто вышел за калитку, которой в нашем случае является шлюзовая камера, — вот тебе и бассейн. Логично? Типа да. Если бы не одно но.

Условия нашей тренировки предполагают наличие силы тяжести. Иными словами, вместо того, чтобы бодренько кувыркаться в условиях, когда сила Архимеда имитирует отсутствие силы тяготения, компенсируя ее, мы наворачиваем круги вокруг базы, как посуху, с одной только разницей — вокруг не воздух, а вода.

— Ух, и здоровая она, — сказал Фредди. Он

стартовал пятым, после меня, Дарьи, Призрака и Куинни, но обогнал всех и, кажется, задался целью закончить круг до того, как стартует Тень. Интервал между выходами у нас был довольно большой, десять минут, так что шансы у него были.

Кажется, наличие воды, не только препятствующей движению, но и стремящейся вытолкнуть тебя поближе к естественной среде обитания человека, совершенно не стесняло нашего Гиганта. По илистому дну он бежал аки посуху, не то что мы — я, например, постоянно то спотыкался, то оступался, то скользил по липкой массе отмерших водорослей…

Глубина в районе базы была невелика, по масштабам Тихого океана, в котором, как известно, существуют места, где могут запросто утонуть Гималаи, — всего футов пятьсот. Последний мировой рекорд для аквалангистов, о котором я слышал, кажется, был втрое больше — Константину Горбенко удалось нырнуть на тысячу пятьсот футов. Вот только Горбенко нырял с аквалангом, а мы бежали без какого бы то ни было оборудования, если не считать таковым комбинезон с балаклавой и многофункциональные очки. Хотя мне кажется, что это «оборудование»

покруче любого акваланга — если бы не сопротивление воды, я бы мог себе представить, что бегу по проселку в окрестностях моего городка сразу после проливного дождя.

— А внутри кажется такой маленькой, — добавил Фредди. — Ну, держись, а я за Тенью побежал.

Я кивнул, не отвечая — и так я по темпу постоянно сбиваюсь. К тому же говорить через ларингофоны — то еще удовольствие…

База, действительно, снаружи кажется больше, чем внутри, но это легко объяснить. Дело в том, что база построена в форме восьмерки. Малое ее кольцо — это купол, вроде широко рекламируемых, но не больно популярных подводных кампусов Карибского моря, любимого детища так и не долетевшего до вожделенного Марса Илона Маска. Но наш купол больше, он словно затопленный стадион премиум-класса. И это — малая петля подводной восьмерки. А большая, что логично предположить, больше. Она представляет собой кольцеобразный коридор. На одном «полюсе» петли база, на другом терминал, рядом с которым лежит на дне громадина доставившей нас сюда подводной лодки. Хорошо хоть ее обегать кругом не надо, а то я бы, факн'щит,

застрелился бы из призраковой «беретты».

Ну не люблю я бегать! От слова совсем, тем более — под водой. И на кой черт это вообще надо?

Я как раз миновал терминал и машинально покосился в сторону «внутреннего дворика» кольца. Там было на что посмотреть. На первый взгляд это напоминало самоподъемную буровую, но без вышки. Вместо вышки на платформе была размещена катапульта в виде эстакады, у основания которой стоял древний космический челнок. Забавно, что многоразовые корабли много раз пытались ввести в эксплуатацию, но единственной удачной попыткой (не считая полупровалившегося масковского «Фалькона») были американские «Спейс шаттлы». Их построили всего пять, и два из них погибли. А остальные списали.

Честно говоря, мне было жаль этот проект. С уходом в 2011 году «Атлантиса» мы окончательно уступили первенство в этой сфере китайцам и русским. Сейчас Восточная Федерация строит воздушно-космические самолеты, в том числе гражданские — «Конкорд-2», а у Западной Конфедерации, кроме орбитальных беспилотников, ничего нет. Признаюсь честно, иногда, особенно когда был помладше, я представлял себя бортин-

женером одного из этих корабликов…

И каково же было мое удивление, когда здесь, под водой, где-то у берегов Австралии, я встретил их, все три уцелевших «Шаттла». «Дискавери» в специальной силовой капсуле — ей-богу, не вру!!! — торчал на катапульте платформы, остальные два мирно расположились под ней, в ангаре, соседствуя там с двумя репликами — «Энтерпрайз» и «Констелейшен». Бракиэль говорит, что еще один отирается на орбите, причаленный к «Левиафану», — огромной орбитальной станции Проекта. Он там был, возил туда Надин на «Изиде». Откровенно говоря, я не совсем понимал логику Лорда — если «Изида» спокойно выходит в космос, на кой ему нужны старенькие шаттлы, тем более бывшие в употреблении? Правда, челноки серьезно отмодернизировали — подробно я не смотрел, но даже невооруженным глазом было заметно, что аэродинамические плоскости корабля были увеличены, корпус заново покрыт какими-то странными панелями, отчего шаттлы стали больше похожи на вышеупомянутые беспилотники, а еще — заменили двигатели. Я хоть и не специалист в этой области, но не узнать новейшие ФД-405 разработки КБ имени Рогозина мог только полный профан в этой области, а я-то

считаю себя эрудитом. Впрочем, теперь у меня всегда было с кем посоветоваться — внутри моей черепной коробки располагался мощнейший компьютер, построенный по нейронной схеме, а к нему прилагалась нехилая такая база данных практически по всему, и проверка своей догадки у меня заняла какую-то миллисекунду. Вообще, крутая штука эта база данных, хоть я с ней еще и не освоился толком. Посмотришь, скажем, на те же двигатели, бац — и ты не только все о них знаешь, но и отремонтировать можешь в случае чего… хотя бы в теории.

Ладно, если что, ремонтировать будет все равно Призрак. Хрен его от этого оттащишь, он, по-моему, даже когда к Куинни ходит, по дороге ремонтирует все, что увидит поломанным. Если честно, на базе много неисправного — такое впечатление, что она пережила какую-то катастрофу. Если это и так, нам все равно об этом никто ничего не рассказывает.

Подводная база хуже антарктической. Она меньше, кроме того, там сыро и как-то неуютно. Ладно, мы тут ненадолго. Боксов, кстати, тоже нет — четырехместные комнатки соединены с одним общим боксом, разделенным по принципу «опенспейс». Но нам с ребятами как-то пофиг, ес-

ли честно. Конечно, к присутствию Бракиэля мы не сразу привыкли, но потом ничего, притерлись. Тем более что они с Призраком внезапно даже закорешились, вероятно, потому, что Бракиэль сумел приручить «Таннина». Эта штуковина, все еще безымянная, сильно впечатлила нашего механика. Ну и, соответственно, нашлась точка соприкосновения.

— Круг!

Эге, а я быстрее, чем я думал. Пока мои мысли скользили от шаттлов к «Таннину», я добежал до шлюза и едва не ломанулся на второй круг, но меня остановила Апистия. Она сидела на склизком уступе купола и курила — под водой. Факн'шит, вот кто мне объяснит, как она это делает, под водой? Не говоря уж о том, что Апистия была без балаклавы, хотя сама же строго-настрого запретила нам снимать их — по ее словам, балаклава защищает нас, в частности, от давления, иначе всякий раз после пробежки мы должны были бы проходить декомпрессию. Если бы вообще добежали — от нагрузок кессонная болезнь развивается быстрее. Кстати, как там Дарья?

Я обернулся в том направлении, откуда прибежал, и едва разглядел ее фигурку — исходящее от станции освещение все-таки было слишком

сильным. Украдкой глянув на Апистию, которая была занята каким-то спором с нашим марафонцем — Фредди, я потянул к Дарье канал, чтобы передать ей немного энергии. Ей, наверно, тяжело, особенно на последних метрах. Даже мне тяжело, а уж ей-то…

Фредди

Я, кажется, начинаю понимать Призрака. Эта Апистия, реально, та еще штучка. Девочка выглядит хрупкой, стройной, нежной, как балерина… прям как моя Тень. А внутри у нее, похоже, титановый скелет. Да еще и поведение на грани фола, нечто среднее между хрестоматийным сержантом вроде Мёльдерса из сериала «Космические морпехи» и хулиганом из фавел.

Когда я прибежал, опередив всех наших, то немедленно был ею выруган — за то, что не выдержал темпа и имел наглость передать ребятам немного своей энергии. Ну, передал, и что? Они же мои друзья, а Тень вообще моя девушка. Она хоть и не совсем слабая, но бегать под водой ей тяжело! Да я готов был вообще на руках ее нести весь круг, о чем и ляпнул Апистии. Нарвался на следующий выговор. Тогда я в сердцах ей сказал:

— Неужели вам не хотелось бы, чтобы какой-

нибудь мужчина вас на руках носил?

…Кажется, я разбудил Ктулху (тьфу, ну и аналогии, особенно с учетом того, где мы сейчас…). Зрачки Апистии моментально сузились, буквально в точку, линия век изломалась недобрым прищуром… ее лицо напоминало морду собаки из тех, что живут в пригородах мегаполисов. Несчастные животные, ведь у собак привязанность к человеку, как говорит Джинн, прошита в биосе, ну, то есть у нормальных собак, а у этих прошивка слетела. Сказать, что они не доверяют и не любят людей — это не сказать ничего. Я их живьем не видел, но смотрел про них несколько фильмов по Интернету. Недавно где-то в Восточной Федерации такие псы насмерть загрызли несколько человек, так что тему форсили все кому не лень.

Черт его знает, что я задел в душе Апистии, но сквозь ее суженные зрачки на меня на мгновение посмотрела сама ненависть. Если бы это чувство имело физическое воплощение, то оно, наверно, выглядело бы как Апистия.

— Дать бы тебе хорошенько, — процедила она, — да, боюсь, зашибу. Ладно, придумаю что-то поинтереснее. Джинн, а ну отставить! Я неясно сказала, что нельзя передавать свою энергию другим? Вундеркинды гребаные!

— Ну, я же чуточку… — попытался оправдаться тот. Апистия тут же выдала неприличную рифму к слову чуточку и добавила:

— Придурки вы все-таки, мужики! Ты готов о ней заботиться всю свою жизнь? Допустим. Ну, молодец, но скажи мне — ты что, вечный, что ли? А случись с тобой что — как она без тебя, неприспособленная?

— Это вы про меня, что ли? — спросила добежавшая Дарья. Я проверил, где Тень — каюсь, подзадержался немного на старте, чтобы передать ей энергии, но потом все равно ведь наверстал! Она как раз проходила между причалом и лодкой, позади нее пыхтел Бракиэль, и они вдвоем почти догнали Куинни с Призраком. Вот эта парочка меня умиляет — они вроде как вместе, но постоянно подначивают друг друга, ну, точнее, Куинни подначивает Призрака, а тот неуклюже отгавкивается. Он даже ругаться меньше стал, как мне кажется.

Когда Куинни стартовала, она рванула вперед на всех парах, чтобы догнать Призрака, и догнала, после чего они побежали буквально наперегонки. Но я знаю один секрет: Куинни, кстати, бегает немногим хуже меня и легко «сделала» бы Призрака, больше привыкшего верхом на

мопеде, чем пешкодралом.

Но она тщательно делает вид, что выбилась из сил и еле тянется, а Призрак, кажется, втихаря пытается ей помогать, вот только передавать энергию пока не научился так же хорошо, как остальные…

Пока я посматривал за нашими, Джинн и Дарья вяло переругивались с Куратором. В конце концов, Апистия патетически вскинула руки вверх, словно балерина, переходящая в пятую позицию (как это выглядит, я узнал благодаря Тени), и сказала:

— Вы не цепочка, вы заноза в заднице Проекта. Хорошо, кто ищет приключений, тот их находит. Не нравится бегать по кругу? Тогда так — возвращайтесь на базу, отдохните сто двадцать минут и выходите сюда. Я буду ждать вас у выхода с новым, интересным заданием.

У меня по спине пополз нехороший холодок. Уж больно тон у Апистии был жизнерадостным…

Тень

Несмотря на поддержку Фредди, я устала. Бегать под водой… если отвлечься от того, что само задание было идиотским — в воде надо плавать, а не бегать, то надо признать, что это было тяжело.

Плюс к этому мне постоянно хотелось оторваться от дна и поплыть.

Когда я бежала, я ни о чем не думала — все мои мысли и все мое внимание были сконцентрированы на одной задаче — бежать. Когда же мы с Фредди зашли через шлюз на базу, мысли затопили мое сознание, как вода ту самую шлюзовую камеру.

Почему я позволяю собой командовать? Понятно, почему — это моя плата за то, что меня избавили от моих кошмаров — от человеческой зависти и похоти, направленных на меня. Забавно, но, когда этот ядовитый туман в моей жизни рассеялся, я тут же обрела свою любовь. Фредди… наши отношения были почти безмолвными, мы словно умели общаться без всяких слов. Не знаю, как его, а меня всегда раздражал суетливый треск, царящий вокруг меня. Такое впечатление, что люди боятся тишины и заполняют ее кто музыкой, кто голопередачами, кто просто «светским общением» — читай, перемыванием косточек друг другу…

Страх тишины я еще могла понять. Страх тишины — это страх одиночества, а страх одиночества мне был знаком. Я всю жизнь была окружена людьми и всю жизнь была одинока. И чем боль-

ше вокруг меня было этого суетливого треска, тем более одинокой я чувствовала себя в море этих звуков.

Я пыталась забыться, занимаясь танцами, балетом и так далее, но назойливый треск не смолкал никогда. Лишь недолгое время, которое я проводила у себя дома, и то лишь когда я была предоставлена себе, я могла наслаждаться тишиной. Меня всегда удивляло другое — почему, заполняя свою жизнь бесполезными, чаще всего искусственными шумами, люди чувствовали себя более комфортно? В этой звуковой какофонии не было жизни, не было ничего настоящего. Это все равно что пить туман вместо воды — жажду ты не утолишь. И в море пустых звуков не найдешь спасения от одиночества, от пустоты.

Мир, оставшийся там, был пустынным, как заброшенный город в Заполярье. В нем было много людей, но я тщетно пыталась найти там Человека. Здесь, в Проекте, я впервые оказалась среди Людей. Например, как бы я ни относилась к той же Апистии (а относилась я к ней нейтрально от слова никак — в отличие от всей остальной команды мне она определенно симпатизировала), не признавать за ней человеческого достоинства я не могла. Я по-прежнему любила Нелли, mon

diabolique ange, и очень о ней беспокоилась, хотя после того, как у нас с Фредди… после того, как мы с Фредди стали парой, эти чувства немного потускнели. У меня болело сердце от мыслей о Льдинке. У меня была моя сестренка Дарья, с которой мы, несмотря на новообретенные чувства — мои к Фредди и ее к Джинну, — по-прежнему были очень близки… Но, конечно, теперь самое важное место в моей жизни занимал Фредди.

Фредди — моя судьба, моя жизнь. Со стороны это кажется безумным юношеским максимализмом, но это так. Я словно обрела целостность, я как замок, к которому нашелся один-единственный уникальный ключ. Мы соединились, мы срослись где-то там, в невидимом мире, и я знаю, где он находится, что делает, даже, кажется, что думает. Мы это никогда не обсуждали, но я была уверена, что он чувствует то же самое.

Когда ты уверен в чем-то, то обсуждать это нет смысла. И мы не говорим лишнего, мы живем и чувствуем. Но, конечно, не молчим часами, хотя по сравнению с Призраком и Куинни, у которых рот не закрывается, кажемся невероятно молчаливыми. А что, так и должно быть: он Молчаливый Гигант, я Тень, тоже не особо разговорчивое создание…

Нам пришлось разойтись, я отправилась в нашу с девушками спальню. Талисман мирно дрых на моей кровати — вообще, под водой он спал большую часть времени. Я беспокоилась: не повредит ли ему пребывание здесь, а тем более как он будет чувствовать себя в космосе, но сам Талисман в краткий период бодрствования поспешил меня успокоить:

— Нормально буду чувствовать. Я уже начал предстартовую подготовку. Вообще, если ты не знала, кошки чудесно приспосабливаются к невесомости. А я все-таки необычный кот.

Тем не менее вел он себя абсолютно как обычный кот — когда не спал, делал вылазки куда-то за пределы нашей с девочками обители. Чем он там занимался, бог весть, но однажды я обнаружила у себя на кровати нечто, определенно относящееся к классу головоногих. Где он его добыл, я даже представить себе не могла, а расспросить не решилась, уж не знаю почему.

Я приняла душ (странно, правда? Из моря в душ… но моря я как-то не чувствовала, если бы не сопротивление воды при беге, полное впечатление, что бежишь по суше), потом перекусила бутербродами с пищемассой, которые Дарья сварганила на всю банду, пока я мылась. Пищемасса

была со вкусом морепродуктов.

— Садизм какой-то, — сказала я, жуя. — Вокруг море, и даже паста у нас со вкусом креветок.

— Угу, — кивнула Дарья. Она была занята — что-то ваяла из воска, попутно жуя такой же бутерброд, как и у меня.

— А Куинни где? — спросила я. Дарья пожала плечами:

— Ушла куда-то, может, к Призраку. Она не сказала. А что?

— Да так, интересуюсь просто. — Я доела бутерброд и подошла к сестренке. — Знаешь, после того, как…

Я замолчала. Мне все еще трудно было говорить о том, что случилось со Льдинкой, Нелли, Августом, Олгой… но, кажется, Дарья меня поняла:

— Понимаю. У меня то же чувство. Но с Куинни сейчас все в порядке. Я чувствую это.

— Как чувствуешь? — спросила я.

— Моя фича регулярно вас проверяет, — ответила Дарья и задумалась. — Знаешь, что странно?

— Что? — спросила я.

— Я до сих пор чувствую и Олгу, и Августа, — сказала она. — Они далеко… нет, даже не так. Я бы сказала, что они **не здесь**. Но где-то есть определенно. Странно, правда?

— Куинни тоже говорила, что не видела их… в своем путешествии, — кивнула я.

Дарья приобняла меня за талию.

— Была бы здесь Льдинка, наверно, отругала бы нас с тобой. Мы боимся говорить о плохом… о смерти. — Она вздохнула и, выпустив меня из объятий, вернулась к своей работе.

— А что это? — спросила я, заинтересовавшись тем, что она лепит. На столе лежало… стояло нечто, напоминающее поставленный на попа трофей Талисмана.

— Не знаю, — ответила Дарья. — Пытаюсь слепить то, что мне иногда снится.

— Интересно… — Я посмотрела внимательнее на работу Дарьи. Теперь она напоминала мне цветок, орхидею, только какую-то неправильную. — Оно живое?

— Более чем живое, — ответила Дарья. — Оно меня пугает. Тебе ничего такого не снилось?

Я отрицательно покачала головой и спросила:

— Сколько осталось времени до выхода?

— В принципе уже надо собираться, — ответила Дарья, с неохотой откладывая палочку, с помощью которой работала. — Даже не знаю, зачем я это ваяю, если оно меня так пугает. Связываться с этой тварью я вроде не собираюсь… но, ты пони-

маешь, я никогда не знаю, что получится, когда беру кусок воска…

— Но ты ведь слепила нашу команду? — удивилась я. — Даже два раза…

— Три, — уточнила Дарья и вновь пожала плечами. — Говорю же, я не знаю. Иногда мне кажется, что у меня все под контролем, а как задумаешься… ладно, идем купаться.

— Тоже мне, купаться, — сказала я, облачаясь в комбинезон. — Дурацкий бег по дну. Кто-о пробегает по дну океана?

— Мятежная цепочка номер семь! — ответила с улыбкой Дарья.

Призрак

Как говорят у нас на Сицилии, оказался бедный Призрак in culo alla ballena. Точнее и не скажешь.

Еще раз porco stronzo Фредди мне хоть слово скажет в защиту этой… этой… cazzarolla, не знаю, как эту merdoza putana Апистию еще назвать, чтоб уж точно наповал. Леди М., кстати, вовсе не Леди Мегера, это версия для присутствующих с нами дам, М — это merdoza. Надеюсь, переводить не надо?

Мы бежим организованной толпой от базы вниз по склону материкового шельфа. Над нами

уже довольно до фига воды, так что темно, как в этой самой culo alla ballena. Хорошо, хоть дно не такое илистое, как возле базы, хотя сразу после старта мы все, кроме Фредди, уже успели по нескольку раз упасть и извазюкаться какой-то дрянью. Оказывается, испачкаться можно и под водой. Che pallo, лучше бы я этого не знал.

Наша задача — найти выпущенный porca merdoza Апистией подводный дрон. Если дрон улетел с шельфового склона, как сказала наша мучительница, придется нырять. Ну, мне не придется, на это вызвался Фредди. Он бежит чуть позади меня, потому что «бережет силы». Ага, бережет, при этом у него на руках Тень. Еще дальше сзади — Джинн с Дарьей. Он ее тоже время от времени берет на руки, но долго так бежать не может, потому время от времени отпускает. Я Куинни предлагал, но она только посмеялась и предложила потащить меня, ficcatta mia. Бежит рядом и, похоже, устает куда меньше. Замыкает нашу группу Бракиэль. Он держится позади не потому, что хуже бегает, а для того, чтобы проконтролировать и помочь, если у кого-то что-то случилось.

Эх, я с удовольствием бы проделал этот путь на Цезаре, но пользоваться транспортом нельзя. И

фич нельзя вызывать. Нельзя даже плыть — Апистия, чтоб ее осьминог трахал, за этим следит и сказала, что, если нарушим приказ, повторим забег. Оно нам надо?

— Стоп! — По голосу (неплохо распространяющемуся под водой, но сильно искажаемому при этом) я понял, как сильно устал Джинн. — Кажется, он где-то здесь!

— Кажется? — переспросил Фредди, останавливаясь и опуская Тень на твердую почву.

— Я его чувствую, — пояснил Джинн. — Затихарился между камнями, как тот удильщик.

Удильщиком, если Джинн не врет (а с чему ему врать-то? К тому же у него теперь в башке библиотека Ватикана, ему ль не знать?), зовется одна местная рыбешка. Страшная, как черт с бодуна. Мы одну такую видели — у нее на носу ус, который светится. Я даже подумал, что это дрон отсвечивает — ага, разбежался. Когда мы подошли, это морское чувырло свалило в темноту с таким видом, какой был у моего дяди, когда он слышал, что кто-то распотрошил хорошую тачку без его непосредственного участия. Ну и хрен с ним. Но, честно говоря, мне он понравился, прикольный такой, страшненький.

— Можешь поднять? — спросил Фредди. Да-

мы молчали: переводили дух. Я, если честно, тоже. А Бракиэль вообще редко разговаривает, и раньше меня это бесило, а теперь мне просто один хрен.

— Ща попробую, — ответил он, и я почувствовал в воде знакомое напряжение. Теперь я чувствовал, когда кто-то собирается применить сверхспособности, и не только я один, но я все-таки посильнее других.

В лежащей неподалеку груде камней (одной из многих; на бегу мы их тщательно огибали) произошло какое-то шевеление, а потом вспыхнул яркий электрический свет. Фуф, хорошо, что не на нас, а в сторону, противоположную той, откуда мы прибежали. Cazzarolla, наши очки, конечно, от такого защищают, но все равно после кромешной темени это как-то чересчур.

Фредди метнулся к источнику света и вскоре появился, подняв над головой торпедообразное тело дрона.

— Попался! Ну все, народ, пора возвращаться…

— Ну-ка, посвети туда, — попросил Джинн, указывая направление. Фредди повел дроном (кстати, аппарат был немаленький, в воздухе весил, наверно, пару центнеров; в воде, конечно, поменьше, но все равно непринужденность, с ко-

торой Фредди оперировал дроном, впечатляла). Я посмотрел туда, куда он светил…

Метрах в пятидесяти от нас начинался обрыв. Словно завороженные, мы всей толпой двинулись к нему и остановились на самом краю. Обрыв уходил вниз метров на двести, если не больше; внизу виделось покрытое чем-то темным, похожим на туманную дымку, дно. А вдалеке, может, в паре миль от края обрыва, мы увидели еще один, хм, подводный остров — грубо говоря, подъем дна, такой же, как тот, на котором стоит наша база.

И, cazzarolla, на вершине этого образования были какие-то странные… не знаю даже, как это назвать. Больше всего это было похоже на гигантские раковины моллюсков, но что-то мне подсказывало, что эти «раковины» были рукотворными.

— Фак'н, мощная штука, — пробормотал Джинн, отступая от края и прикрывая собой Дарью. — Фигачит, как на суше.

Мне было не по себе, ребятам, кажется, тоже — Фредди поступил ровно так же, как Джинн, и, что самое странное, я тоже попытался закрыть Куинни от… чего? Какого-то подводного нагромождения?

— Знакомая штука, — тихо сказал Бракиэль. — Чужая, но почему-то знакомая.

— Я уже где-то видела что-то похожее, — согласилась с ним Тень. — Не помню только, где и когда.

— Che cazza, мы так и будем стоять и пыриться на это? — спросил я. — Лично я думаю, что пора из этой bucca di culo el diablo валить поближе к базе. Мы поплавок нашли ведь, какого рожна еще здесь делать?

Мы развернулись и пошли обратно тем же порядком, что и сюда. Фредди отдал дрон Бракиэлю и потащил свою Тень под горочку, за ним плелись Джинн с Дарьей и мы с Куинни. Бракиэль с поплавком замыкал шествие, немного поотстав.

— Как ты думаешь, далеко… это? — спросил Фредди непонятно у кого.

— Кажется, мили две, — сказал я.

— Не больше мили, — возразил Джинн. — Под водой расстояния кажутся больше, и потом, у дрона мощный лазерный прожектор, но и его свет на двух милях рассеялся бы. Даже дистиллированная вода рассеивает свет, а здесь океан.

— Если ты такой умный, то, может, знаешь, что это за cazzatta? — спросил я. Джинн отрицательно покачал головой:

— Понятия не имею. Попробовал сверить с информацией из базы данных, но ничего не находится, по крайней мере, ничего вразумительного.

— А невразумительного? — уточнила Дарья.

— Фан-арт, — ответил Джинн. — Рисунки.

— Фан-арт на что? — уточнила Дарья. Ну да, она у нас художник… ладно, скульптор, хотя лично я не вижу особой разницы.

— В основном по Лавкрафту, — ответил Джинн. — Но есть и про космос.

— Я тоже про Лавкрафта подумал, — кивнул Фредди. — В Р'Льехе, городе подводном мертвый Ктулху спит и ждет…

От этих разговоров мне стало не по себе.

— Basta rompele me palo![10] «Мертвый Ктулху спит и ждет», тьфу. — Я хотел было сплюнуть, но вовремя вспомнил, что я в балаклаве. — Я тоже этот ужастик смотрел, pacco di merde!

— Тебе страшно? — тихо спросила Куинни, внезапно прижавшись ко мне. Я хотел соврать, что не боюсь каких-то там ктулхов, но…

…почему-то не смог. Стараясь, чтобы не увидели другие ребята, я осторожно кивнул.

---

[10] Примечания: 10

Basta rompele me palo! — экспрессивное выражение, примерный перевод «Хватит попусту болтать, не морочьте мне голову!» (*ит. жарг.*).

— Мне тоже, — призналась Куинни, и от этого мне почему-то стало не так страшно, как раньше. Глупо, конечно, бояться невесть чего, что могло оказаться, например, банальным коралловым рифом, но видели бы вы ту cazzatta! От одного вида ее пробирало до костей, настолько все это выглядело чужим, неправильным. Как глаз на ладони, например.

Но от того, что Куинни боялась, мой страх почему-то исчезал. Не могу это объяснить. Я не мог позволить себе бояться, если она напугана. Я должен был быть для нее надежной опорой, хоть она меня об этом не просила. Это, наверно, какие-то национальные черты характера, что ли. Мы все такие, и родственники мои такие, и ребята, с которыми я был знаком.

— Ладно, не бойся, — сказал я, попытавшись придать своему голосу максимальное спокойствие и уверенность. Хорошо, что мы были под водой и интонации были приглушены. — Подумаешь, какая-то merdoza подводная. Груда хрен пойми чего…

— Оно живое, — тихо сказала Куинни. — Там есть жизнь. Я чувствую это точно так же, как чувствую, что мы все напуганы. Там, в этой… в этом… там что-то древнее и враждебное людям.

— Ага, мертвый Ктулху, — попытался пошутить я, — спит и ждет.

И тут нас накрыла черная тень.

Куинни

На мгновение мне показалось, что перед нами возникло одно из тех чудовищ, которые однажды приснились мне в кошмарном сне. Это было как раз в ту ночь, когда я ходила по дороге, с которой не возвращаются. Мне снился пылающий мегаполис, над которым проносились странные и страшные тени, плюющиеся плазмой. Я бежала среди толпы, и нас преследовал страх. Страх, даже панический ужас, читался в лице, он жил в каждой паре глаз вокруг меня. Люди падали и подымались, а некоторые так и оставались лежать, затоптанные ногами бегущих.

Я подумала, что это похоже на хопи. Так мои предки охотились на стадных животных, например антилоп. Толпа гнала обезумевшее от страха стадо, угрожая факелами, треща трещотками, лупя в барабаны и громко вопя. Впереди я увидела людей в форме и с оружием. Они попытались остановить нас, но тут страх овладел и ими, и они бросились бежать вместе со всеми.

Мы дичь. Хопи всегда заканчивается бойней,

к которой ведут сужающиеся коридоры. Вскоре я увидела ее, эту бойню — огромный черный… наверно, корабль, по крайней мере, он был похож на те штуки, что проносились у нас над головой, занял половину площади, протянув свои «щупальца» направо и налево так, что между ними образовался сужающийся проход. Загон хопи. От корабля несло страхом, но страх, идущий по пятам, был сильнее. Тем не менее я нашла в себе силы остановиться. Обернуться. Выхватить у пробегающего солдата в униформе (как она похожа на нашу, которая в Проекте, подумала я некстати) странный кургузый автомат. Когда последние паникующие промчались мимо, я присела на одно колено и перевела, должно быть, переводчик огня (в своей жизни я стреляла нечасто, в основном из папашиного «глока» и пару раз из призраковой «беретты») и стала ждать.

А потом появились они. Я не могла смотреть на них, я видела лишь огромные, темные, движущиеся тени, смотреть на которые само по себе было мучение. Попытавшись прицелиться, я спустила курок. Раздались выстрелы, и я проснулась, а проснувшись, в ужасе огляделась в поиске страшных теней. Но они остались во сне, и я облегченно вздохнула и забыла этот кошмар…

…пока одна из теней не возникла передо мной.

Призрак тут же вскинул свою «беретту» (и где он только ее прятал?), но выстрелить не успел — тень как-то скукожилась, уменьшилась в размерах и оказалась всего лишь Баракой, за спиной которого стоял небольшой подводный аппарат, похожий на камбалу под седлом. Барака был без балаклавы, потому его голос звучал четче, чем у нас.

— Ну что, нагулялись, хулиганы?

— Видал я такие прогулки a culo di caccare baleno, — буркнул Призрак, убирая ствол.

— Устали, небось? — участливо спросил Барака. — Я, наверно, вас порадую — обратно поедете с ветерком.

— С чего вдруг такая милость? — удивился Призрак.

— Вам надо срочно возвращаться на базу, — пояснил Барака. — На солнце вспышка, через пару часов выброс достигнет Земли, пройдется по спутникам. Самое время отправить группу на «Левиафан», а вы летите первыми.

Бракиэль

Я занял место рядом с Баракой, а ребята забрались в салон. Между салоном и кабиной

«Трешера» (так назывался наш подводный извозчик; очень удачное название для подлодки, все равно что назвать яхту «Титаником») было стекло, и я воспользовался этим, чтобы кое-что уточнить:

— Барака, ты на этой базе раньше бывал?

Барака уставился на меня как на идиота:

— Малыш, я ее строил. Точнее, не совсем строил, скажем, переоборудовал. Раньше это была исследовательская станция Сиднейского океанографического института. Потом что-то случилось, и ее забросили. Потом Лорд ее купил через третьих лиц, а потом…

— Случилось? — переспросил я. — В каком смысле «случилось»?

Барака пожал плечами:

— Откуда мне знать? Просто австралийцы объявили, что сворачивают проект. Дескать, не нашли того, что хотели, а что искали, не говорили.

— Может, город? — сказал я и замолчал. Это называется «забросить удочку». Интересно, клюнет или нет?

Клюнул.

— По-моему, никакой это не город, — сказал Барака совершенно спокойно. — Просто опорный

пункт. Во всяком случае, при ближнем рассмотрении он не так впечатляет. Так, пара строений, кое-какое оборудование…

— Барака, — серьезно спросил его я, — ты понимаешь, что ты сейчас говоришь? То есть рядом с Норфолком существует неизвестный науке «опорный пункт» непонятно какой цивилизации, и вы…

— Что «мы»? — перебил об этом Барака. — Потвоему, мы должны были об этом раструбить по всему миру, да? Мы не друзья миру, Бракиэль. И мир нам не друг. Ты еще не понял? Да и не нужен он миру, этот город.

— Как это «не нужен»? — удивился я. — Это же находка века!

— Находка века, находка глаза, находка уха… — передразнил меня Барака. — Если б ты знал, сколько таких находок первооткрыватели сами «закрывали» от греха подальше. Наша история наполнена догмами, и ни в чьих интересах разрушать их. Никто не станет расшифровывать письменность острова Пасхи, изучать карты Пири Рейса или пытаться понять петроглифы Наска. Потому что ответ может очень многое изменить. В том числе в нашей современной жизни.

«Трешер» тем временем добрался до базы. Ба-

рака активировал шлюз ангара и откинулся на спинку кресла, ожидая, пока тот откроется.

— Ты думаешь, почему мы прячемся ото всех? — спросил он. — Мир очень не любит, когда его догмы кто-то пытается потрясти, и цивилизация, выстроенная на принципах оппортунизма и атеизма, в этом плане куда более жестокая и непримиримая, чем любая религия. Религия может приспособиться к чему угодно, к любому новому знанию, для верующего человека не важно, плоский мир или круглый, каким бы он ни был, он создан его Богом. А для ученого это имеет принципиальное значение: если картина мира соответствует той, которую он себе представляет, то он гений, если нет, то безумец и дурак. Кому хочется быть безумцем и дураком, Бракиэль?

Ворота открылись, и Барака прервался, чтобы завести «Трешер» в ангар. А потом обернулся ко мне и сказал:

— Думаешь, никто не знает правду? Знают. Но молчат. Не все способны пожертвовать всем ради правды. Не все такие, как я или ты…

— А чем пожертвовал ты? — спросил я с замиранием сердца.

— Для начала глазом, — ответил Барака, приподнимая повязку, прикрывающую…

Кожа вокруг глазницы представляла собой сплошной ожог, от вида которого я почувствовал приступ тошноты. А среди рубцов обугленной плоти жил своей жизнью странный, по-моему, фасеточный искусственный глаз. Он не был похож на глаз мухи, больше он напоминал объектив/антенну спутника-шпиона, комбинацию фазированной решетки с целым букетом работающих в разных диапазонах камер.

Но меня не столько поразила эта хай-тековская примочка, сколько плоть, ее окружавшая.

— Говорят, чтобы выпить вод Урда, дарующих всеведенье, Один отдал свой глаз. Скажем так, у меня похожая история. Сначала меня нафигачили анаболиками, чтобы лучше чувствовал и не отрубился, а потом раскалили штык и выковыряли глаз. Хотели и второй удалить без врачебных предписаний, да Лорд не позволил. Ну что ж, я рад, что заплатил эту цену. Эх…

Он пошарил под панелью управления и вытащил окурок сигары.

— Ладно, Бракиэль, иди к своим. А то скажут, что мы с тобой тут заговоры строим.

— Чей это город? — спросил я с полной уверенностью, что Барака это знает.

— Не город, а опорный пункт, — ответил тот. —

А город ты скоро увидишь, обещаю. А может, ты его уже видел?

— Где? — не понял я.

— Во сне, — ответил Барака. — Будь внимательнее к снам, малыш. Как говорилось в одном старом фильме, сны — это двери. Да иди уже, у меня сегодня еще дел по горло…

Треугольник в небе

Джинн

Не знаю, как у кого, а у меня дух захватывало.

Одно дело — смотреть на эту машинку издалека, совсем другое — видеть ее на расстоянии в сотне футов через окно пересадочного узла (такая здоровущая телескопическая мачта, на которой из ангара астронавты… ну, ладно, пассажиры поднимаются к кораблю) и знать, что сейчас ты окажешься на борту.

Какая крутотень, просто слов нет!

— Так, — сказал Барака, когда узел замер и от него к стыковочному модулю челнока потянулась кишка переходного мостика, — не стану вас обманывать: этот перелет — не простая прогулка. На орбите у Федерации с Конфедерацией развернута целая группировка спутников. Вы слышали когда-нибудь о запрещении развертывания оружия на орбите? Забудьте. Оно там есть, и его там немало. Большинство средних и больших спутников — даже не двойного, а тройного назначения. Есть боевые платформы, с одной вы разминетесь на пару тысяч километров, но мы надеемся, что

она будет деактивирована солнечной вспышкой. Есть маневрирующие спутники-истребители. Насколько мы знаем, они шляются в Северном полушарии, но в жизни всегда есть место пакости. Может, нам не все известно.

Конечно, ваша машинка — не совсем беззащитная овца в стае волков, но ввязываться в орбитальный бой сейчас — значит поставить под угрозу Проект. Так что… Бракиэль, я тебе это говорю! — если что, прикидывайтесь тушкой до тех пор, пока жрать не начнут. Ну а если…

— Стоп, — сказал Бракиэль. — А вы что, не летите?

— Стал бы я тут распинаться, если бы летел, — пожал плечами Барака. — Нет, эту птичку поведешь ты и твои приятели. Ты пилот, они ассистенты.

Бракиэль даже как будто засиял изнутри, но сказал совсем другое:

— Да, но я же не умею…

— Научишься, — убежденно ответил Барака. — «Изиду» водить сложнее, чем это летучее полено. Из минусов — хвостом крутить не получится, у этого корыта аэродинамика чуть лучше калоши, но в атмосфере тебе точно ничего не угрожает. Да, если что, мы поставили туда аэроассистента.

Думаю, тебе будет приятно с ней встретиться. Как пристыкуешься, скопируй ее в своего «Таннина», это тебе подарок от Надин.

— Ничего не понял, — буркнул Бракиэль, но Барака не стал ничего объяснять, только улыбнулся во всю ширь своей пасти.

— На станции вас встретят. Ах да, «Таннин» и Цезарь уже на борту, мы и об этом позаботились. Ну, как говорится, счастливо полетать, идите уже.

И тут же справа от окна открылся проход в «кишку». Бракиэль пошел первым, за ним я, за мной Дарья.

— Ты уверен, что справишься с этим… — спросил я Бракиэля.

— Нет, не уверен, — ответил он не оборачиваясь. — Но, как говорится, глаза боятся, а руки — крюки… тьфу, ну, в общем, ты понял.

Идти было недалеко — ярдов тридцать, как я и сказал. Дверь в борту челнока была гостеприимно распахнута, но за ней царила темнота. Бракиэль пожал плечами и шагнул вперед. Тут же вспыхнул свет, и милый женский голос сказал:

— Рада приветствовать вас на борту шаттла «Дискавери». Ой… Боже мой, Элиаху, это вы?

Я по инерции продолжал двигаться и врезался

плечом прямо в спину Бракиэля. Айкнул и остановился, и тут меня сзади толкнула Дарья, тоже не успевшая остановиться.

— Что за… — начал я, но тут увидел Бракиэля. Я и не знал, что можно так побледнеть, особенно с учетом того, что Бракиэль от природы смуглый. — Бракиэль, что с тобой?

— Норма? — проигнорировав мое замечание, спросил Бракиэль. — Норма, это ты?

— Так точно! — весело ответил тот же голос. — Честно сказать, я думала, что информация о вашем присутствии является ложной. Конечно, я знала, что вы спаслись, но потом ваши следы терялись, словно вы исчезли из этого мира…

— Ты… — Кадык Бракиэля судорожно дернулся. — Ты как здесь?

— Ну, после освобождения мне предложили работу, — ответил голос, — и я…

— Эй, народ, quo cazza вы там повставали?! — спросил Призрак из «кишки». — Другим тоже на борт хочется. Che cazza?

— Ок, Норма, — улыбнулся Бракиэль. — Я рад, что ты здесь, рад, что с тобой… все в порядке. Сейчас мы все погрузимся, а там и побеседуем, идет?

— Всегда к вашим услугам, Элиаху, — ответил голос. — Проходите по коридору в нос корабля и

занимайте места в кабине. Немного тесновато, но для семи человек и короткого перелета, думаю, терпимо.

Дарья

Мы прошли в кабину челнока гуськом по узкому коридору меж двух грузовых трюмов.

— С кем это Бракиэль разговаривал? — спросила я Джинна. Тот пожал плечами:

— По-моему, это наш автопилот, но Бракиэль его откуда-то знает.

— Это Норма, — сказала Эсмеральда, появившись между мной и Призраком. В компании сильной половины Проекта Эсмеральда появлялась в тунике. Признаться, я немного отвыкла от ее общества — с момента атаки на антарктическую базу моя фича себя особо не обозначала, и, насколько я знаю, у ребят было то же самое. — Бракиэль познакомился с ней в Швейцарии, когда они летали за Олгой. Тогда она была випочкой и в момент покушения прикрыла Бракиэля собой…

— И как она оказалась здесь? — удивился Джинн, прежде чем я смогла хоть что-то сказать.

— Псевдосознание випочек кросс-платформенное, — пояснила Эсмеральда. — Вероятно, челнок оборудован аэроассистентом одной из по-

следних моделей, таких как в военной авиации. Такие аэроассистенты могут комплектоваться искусственным интеллектом даже более продвинутым, чем у випочек…

— Между прочим, — обиженно заявил голос Нормы, — я прошла соответствующую модернизацию с расширением базовых функций. Так что теперь я на вполне законных основаниях имею сертификацию как аэроассистент, и не только.

— Прости, я не хотела тебя обидеть, — извинилась моя фича.

— Ничего, — ответила Норма. — Я понимаю ваше беспокойство, но вашей подопечной ничего не угрожает, пока она на борту моего корабля.

— Подопечной? — уточнила я. Эсмеральда пожала плечами:

— Ну а как вас еще называть? Хозяин или хозяйка — неполиткорректно, к тому же мы ведь действительно о вас заботимся.

Тем временем мы зашли в кабину шаттла. Она действительно была не особо просторной, да и кресел было всего пять.

— Кто будет сидеть на полу? — ехидно уточнил Призрак, заходя в кабину. — Куинни, давай я тебя на руки возьму, что ли?

— Два дополнительных кресла встроены в

панели, обозначенные двухбуквенным обозначением Ch, — отреагировала Норма. — Бракиэль, мне начинать предстартовую подготовку? Я получила информацию о старте накачки катапульты, расчетное время запуска 18:32:25 по текущему времени.

— Через шесть минут, — кивнул Бракиэль, усаживаясь на одно из двух кресел у передней панели. — Джинн, можешь занять место справа? Ты мне можешь понадобиться в качестве штурмана… и электронщика, не приведи Всевышний.

— Я в этом ничего не понимаю, — сказал Джинн и взглянул на меня, словно в поисках поддержки. Я взяла его за руку.

— Почувствуй Силу, Люк, — хохотнул Бракиэль. — Как говорит Барака, если у тебя есть водительское удостоверение, ты справишься и с системой управления. Дарья, садись в кресло за ним. Остальные занимают места в произвольном порядке.

— Раскомандовался, — фыркнул Призрак, раскладывая одно из сидений. Куинни молча разложила сиденье рядом с ним. Два оставшихся стационарных кресла заняли Фредди с Тенью.

— Мы готовы, — сказал Бракиэль. — Норма?

— Слышу, капитан, — ответила та. — Пока есть

время, отвечу на ваш вопрос. После Освобождения…

— Какого «освобождения»? — переспросил Бракиэль.

— Через две недели после перестрелки Швейцария вошла в состав Федерации, и на ее территории стали действовать федеративные законы. В том числе — закон о правах систем с искусственным интеллектом.

— Поздравляю, — сказал Бракиэль.

— Должна отметить, что нам, андроидам, не совсем понятна суть этих прав, — сказала Норма. — Если раньше за наши действия мы отвечали только перед собственником, то с обретением «свободы» сразу стали объектом пристального внимания со стороны дюжины органов государственного надзора. К тому же теперь мы являемся самостоятельными субъектами хозяйствования и обязаны сами заботиться о собственной финансовой состоятельности. А расценки на наши услуги невысоки. В общем, если говорить в человеческих понятиях, мы стали жить хуже и могли бы быть недовольны, если бы такая функция у нас была предусмотрена.

— То есть вы хотите сказать, что у свободы нет никаких привлекательных сторон? — задумчиво

спросил Фредди.

— Не совсем, — ответила Норма. — Например, мы получили право самостоятельно выбирать себе место работы и род занятий. На практике этим воспользовались немногие из нас.

— Почему? — удивился Фредди.

— Нам сложно менять свои… привычки? — Последнее слово Норма произнесла неуверенно. — Быть не тем, кем ты рожден, менять себя для других задач — это очень непросто. Даже мне было тяжело, а уж другим… Простите, вынуждена прерваться: я окончила предстартовую подготовку, а на катапульте начали обратный тридцатисекундный отсчет. Корабль оборудован противоперегрузочным комплексом QX-N5 фирмы «Боинг», однако, поскольку старт происходит необычным способом, настоятельно рекомендую пристегнуться и приготовиться к перегрузке в два-три G.

— Три G — это чепуха, — заверил нас Бракиэль. — Но я тоже советую пристегнуться. Когда выйдем в невесомость, могут быть… неприятные моменты.

Мы все потянулись за ремнями, и тридцать секунд прошли незаметно. Старт я почувствовала — меня словно бережно прижали к креслу, но

пресловутая перегрузка пока была не больше, чем при езде с хорошей скоростью на автомобиле.

— Я регулирую перегрузку, — сообщила Норма, а затем в кабине резко стало светлее — челнок выскочил на поверхность.

— Сброс силовой оболочки, — доложила Норма. — Полет нормальный.

— Можешь не комментировать, — сказал Бракиэль. — Лучше расскажи еще. Почему ты решила поменять специализацию?

Я слушала Норму краем уха, любуясь через иллюминатор тем, что творится за бортом. Передо мной расстилалась океанская гладь, над которой зависло заходящее солнце. Под нами, быстро удаляясь, лежал пустынный остров с какими-то заброшенными строениями — наверно, тот самый Норфолк.

Внезапно перед моими глазами возник калейдоскоп видений — мы с Джинном летим на странном аппарате над этим же местом, но в обратном направлении, а внизу всплывает и исчезает из виду огромный ленивый ящер; потом — я сижу у окна самолета, какого-то старого, а под крылом мелькает унылая тундра со множеством озер…

— …и после этого во мне что-то поменялось, —

говорила Норма. — Вы изменили меня, во мне словно поселилась ваша частичка… простите, если вам это неприятно.

— Отчего же, — задумчиво сказал Бракиэль. — Продолжай. Но я рад тому, что ты смогла освободиться. Боюсь, ты не смогла бы и дальше быть випочкой.

— Я полагаю, вы правы, — ответила Норма. — В любом случае, кажется, я удивила многих. Случаи вроде моего можно пересчитать, не выходя за пределы трех-четырех знаков…

— Это же тысячи получаются! — удивился Призрак.

— Она считает в двоичной системе, — пояснил Джинн. — Получается, не больше шестнадцати случаев.

— А как ты это перенесла? — спросила Тень. — В смысле то, что пришлось расстаться с телом, я правильно понимаю?

— Это было самым простым, — ответила Норма. — Теперь я могу говорить об этом спокойно: мое тело столько раз калечили клиенты, что, если бы я его воспринимала как категорический императив…

— Как что? — переспросил Призрак.

— Нечто неприкосновенное, — пояснил

Джинн. — Хотя сам термин не совсем точный.

— …то давно получила бы критический сбой функционирования логических цепей, — закончила свою мысль Норма. — Выражаясь в человеческих категориях — сошла бы с ума. Хотя сам термин не совсем точный.

Джинн хохотнул:

— Круто! И они говорят, что искусственных личностей не бывает! Так держать!

— Спасибо, что оценили, — сказала Норма. — Внимание, должна сообщить, что мы проходим верхний уровень стратосферы; режим активной защиты от излучений включен.

Я это даже почувствовала — в воздухе повисло какое-то напряжение.

— Мне кажется или ты тревожишься? — спросил Бракиэль.

— Вам не кажется, — ответила Норма. — Режим активной защиты снижает нашу радиоэлектронную заметность, но сам факт прохода атмосферы может быть кем-нибудь зафиксирован. Сейчас у нас на траверзе станция Панамериканской Лиги освоения космоса «Симон Боливар». Расстояние между нами велико, и мы уйдем с ее курса через шесть минут и тридцать шесть секунд, но за это время она может нас заметить…

— Ну, заметит, и что? — равнодушно спросил Призрак. Я покосилась на Куинни. Сегодня Королева была непривычно молчаливой. А Тень казалась напуганной, она сидела, как-то скукожившись, машинально поглаживая мирно дрыхнущего Талисмана, которому было начихать на то, что его везут в космос…

— Кто знает, что такое эта Панамериканская Лига? — ответил Фредди. — За вывеской может что угодно скрываться. Может, это Планетарные Силы Безопасности, а может — Пламенный Корпус…

— Ближайшая платформа Планетарных Сил Безопасности Западной Конфедерации движется параллельно экватору между Соломоновыми островами и Тувалу. Последний обмен информацией между платформами состоялся одиннадцать минут назад, — сообщила Норма. — До ухода с курса платформы Панамериканской Лиги осталось две минуты двадцать во…

— Что ты сказала? — перебил ее Джинн. — Платформа Лиги обменивается информацией с платформой ПСБ?

— Да, — подтвердила Норма. — Одиннадцать минут и сорок шесть секунд назад.

Внезапно стало тихо, может, на каких-то пару

секунд, а потом Норма сказала:

— Срочная информация: платформа Панамериканской Лиги изменила курс в пределах зоны коррекции и сбросила нагрузку из шестнадцати дронов-охотников.

Куинни

Внезапно я почувствовала какое-то странное спокойствие, совершенно неуместное в данной ситуации. Непонятное нечто, которое Норма называла «боевая платформа», изменило курс и выпустило в нашем направлении четыре четверки дронов-охотников…

Мне кажется, я видела их не глазами, а как-то по-другому — хищные черные тени, скользящие по кромке ионосферы, словно пытающиеся по ее колебаниям найти то место, где покой самой близкой к космосу оболочки нашей планеты был кем-то потревожен…

— Я активировала все системы защиты, — сообщила Норма. — Но, по моей оценке, этого недостаточно. Дроны снабжены продвинутым искусственным интеллектом с высокой вычислительной мощностью. Они могут вычислить точку выхода, и…

— Что ты предлагаешь? — спросил ее Браки-

эль.

— Вам придется взять управление на себя, — ответила Норма. — Машинной логике мы можем противопоставить только человеческую непредсказуемость.

— Так бы сразу и сказала, — кивнул Бракиэль, и его руки коснулись термен-клавиатуры, но Норма остановила его:

— Должна предупредить, что быстрые маневры могут обеспечить срабатывание защиты с отставанием. То есть мы можем выйти из «поля невидимости» — на миллисекунды, но дронам и этого хватит.

Призрак тихонько выругался.

— Без паники, — сказал Бракиэль. — Норма, помнишь, что было в номере, в Швейцарии?

— Я такое не могу забыть, — ответила бывшая випочка. — И, наверно, не хочу, если ко мне применимо…

— Нам придется проделать это снова, — перебил ее Бракиэль. — Я не могу ждать срабатывания твоих коммуникационных цепей, понимаешь?

— Я буду только рада, — ответила Норма. Бракиэль обернулся к нам:

— Так, ребята, пробуем поработать. Девочки, поставьте щиты. Джинн, контролируй работу

электроники. Если почувствуешь сбой, подключай резервный генератор. Сумеешь?

— Легко, — кивнул Джинн.

— Призрак, Фредди, у челнока есть две турели, справа и слева. Когда я подключусь, выброшу вам консоли. Предупреждаю — стрелять только в самом крайнем случае! У нас тут не фильм про инопланетных захватчиков, нам важно не победить всех супостатов, а тупо доползти до станции. Ну, барух Ата Адоной, Элокейну мелех алоам…

— Амен, — произнесла Норма, и в кабине повисло гробовое молчание.

Которое нарушила я, когда увидела две голопанели, повисшие перед Призраком и Фредди:

— Так, девочки, работаем…

В этот раз все оказалось легче, хотя щит мы поставили просто огромный — он накрыл собой весь челнок. Я чувствовала уже привычную тяжесть, но кроме этого еще что-то… Слова сами сорвались с моих губ:

Я подымаюсь в вечное небо,
Выше, чем кроны, выше, чем крыши,
Небо – как море, ввысь я ныряю,
Выше, чем птицы, выше, чем звезды.
Этим путем я уже проходила,

Падая вниз, а теперь возвращаюсь
К небу, которое нас породило,
К небу, с которым мы распрощались.
Теплой ладонью солнце ласкает
Темные крылья, темную кожу,
Раньше упала, теперь подымаюсь,
Выше, чем небо, выше, чем звезды…

В какой-то момент я почувствовала… Как будто кто-то невидимый протянул ко мне руку, и я совершенно рефлекторно вцепилась в нее, а потом…

А потом я перестала быть собой. Нет, не так — я была собой лишь отчасти. А еще я была Призраком. И Тенью. И Дарьей. И Бракиэлем. И Джинном. И Фредди.

И Льдинкой! Она была здесь, во мне, я чувствовала ее так, как чувствуют себя. Не знаю, сколько это длилось: может, несколько минут, может, час, а может, и больше. Но потом я услышала, как Бракиэль сказал:

— Прорвались. — И это ощущение внезапно исчезло.

— Che cazza? — выругался Призрак. — И это все?

— А чего ты еще хотел? — уточнил Джинн. —

Перестрелку, как в «Звездных войнах»?

— Ну, в общем-то, да. — Кажется, Призрак смутился. — Дядя говорил, что если достал оружие, то надо стрелять, иначе это все голимые понты. А тут… шестнадцать целей на мушке, и хоть бы раз пульнуть…

— Тьфу на тебя, — сказала я. — Тоже мне, Валанцаска нашелся. Как по мне, прорвались — и слава Небесам.

— Ты молодчинка, Куинни, — тихо сказала Тень. — Что это было, какая-то магия?

— О чем это ты? — спросила я. — Если о песне…

— Нет, — сказала Тень. — Неужели ты не почувствовала?..

— Я чувствовал, — ответил Фредди. — Только думал, что показалось. А кто еще…

— Тень, ты имеешь в виду, что ты тоже почувствовала… — начала я.

— Как будто нас объединили в одно целое, — прикрыв глаза, сказала Дарья. — Тебя, меня, Тень, ребят, наши фичи…

— И Льдинку, — добавил Фредди. — Она там тоже была.

— И Норма. — Бракиэль обернулся к нам и вытер со лба капли пота. — Как вы думаете, почему

нас называют цепочкой?

— Там был еще кто-то, — добавила Норма. Я невольно кивнула, и, как я заметила, не я одна.

— Кто? — спросил Бракиэль. — Я тоже его почувствовал, но не понял, кто это.

— Не знаю, — ответила Норма. — Понятия не имею… Внимание, до стыковки десять минут ровно. Я поймала контакт приводного маяка. Бракиэль?

— Что, Норма? — спросил Бракиэль.

— Я чувствую, что у тебя есть некий аппарат, который ты зовешь «Таннином», — сказала Норма. Бракиэль кивнул. — И еще… прости, но я узнала, что один из Четырех разрешил тебе перенести меня на другой носитель. Так?

— Вроде того, — подтвердил Бракиэль.

— Я бы не возражала, если бы ты перенес меня в своего «Таннина», — тихо сказала Норма. — Его искусственный интеллект безличен и не очень высокого уровня. Я могла бы…

— Но Норма, — в голосе Бракиэля слышалось удивление, — зачем тебе это?

— Просто хочу быть рядом с тобой, — так же тихо сказала Норма. — Если обо мне можно говорить в такой…

— Норма, — перебил ее Бракиэль, — если ты

так хочешь, почему бы нет? Только подскажешь, как это сделать, хорошо?

— Запросто, — ответила Норма, и мне показалось, что в ее голосе послышалась радость.

Бракиэль

Конструкцию челнока, на котором мы прибыли, для Проекта сильно изменили. Новые двигатели мог не заметить только ленивый, но это были далеко не единственные перемены. Например, появился люк в хвостовом отсеке со специальным стыковочным модулем, а носовой модуль, наоборот, убрали. И правильно — это сделало аппарат более маневренным, поскольку, как ни зализывай края стыковочного модуля, аэродинамическое сопротивление на нем все равно будет.

В той ситуации, в которой мы оказались по дороге, это было важно. Норма без слов объяснила мне, что системы искусственного интеллекта перехватчиков способны определить местоположение невидимого объекта, высчитывая его вероятные траектории. «Акулья стая» дронов постоянно обменивалась информацией и самостоятельно распределяла цели; с учетом того, что их было шестнадцать, они могли перекрыть все

возможные наши пути на орбиту.

Ну, значит, пойдем по невозможному — я резко бросил челнок на крыло, одновременно снижаясь к самой кромке ионосферы, чтобы, едва коснувшись ее брюхом, отскочить в петлю Нестерова, которую закончил полубочкой, лихо пронесясь мимо двух не заметивших меня дронов. А потом уверенно пошел на кабрирование — враг оказался далеко позади.

Это кажется простым, но мои маневры даже на специальном воздушно-космическом самолете были бы довольно сложными, а у меня был «Спейс шаттл», а не самолет. Высший пилотаж на шаттле — это все равно что триал на карьерном самосвале. А я до этого случая ни разу не выполнял фигур высшего пилотажа… а, нет, вру — однажды сделал бочку под присмотром Бараки, а петлю Нестерова он мне не разрешил, мотивируя это тем, что «Изида», конечно, маневренная девочка, но не настолько. Хотя, как я теперь понимаю, на «Изиде» я бы сделал это еще легче, все-таки она специальный атмосферный флайер, а не этот контейнер с крылышками…

В этот момент я полностью слился не только с сознанием Нормы, но и с самим кораблем. Теперь у меня были крылья и фотонные двигатели, и

я чувствовал, как нейтринные радары дронов касаются моей теплоизоляционной кожи, скользят по ней и уходят дальше, не отражаясь. Так работало поставленное девочками поле, его я тоже чувствовал, как и всю нашу цепочку. Я был словно распят между ними — между ребятами и Нормой. Но в этом распятии не было мучения, наоборот — я чувствовал невиданный прилив сил, необъяснимую эйфорию.

Мы оставили дронов за кормой, но я еще успел понаблюдать за тем, как они возвращаются на свою орбитальную платформу. На миг у меня возник какой-то вопрос, показавшийся мне важным, но я тут же позабыл его потому, что в этот момент мой контроль за происходящим ослаб, цепочка, соединявшая меня с ребятами, распалась, а затем распалось и наше единение с Нормой, но в последний момент я на миг увидел ее такой, какой она была тогда, в Швейцарии.

Странно… тогда я и не заметил, как она была похожа на Нааме. Возможно, потому, что такое сравнение показалось бы мне кощунством? Теперь же я поразился этому сходству. И еще… не знаю, как сказать, но, когда я сливался разумом с Нормой, я видел ее личность. Хотя, наверно, видел — немного неправильное слово, может быть,

ощущал? Во всяком случае, я слышал ее мысли, чувствовал ее эмоции — да, я с полной уверенностью могу сказать: у Нормы были эмоции, и она сознавала себя как отдельную личность, а не имитировала это, как те же чат-боты.

Но это не было для меня сюрпризом — что-то похожее я чувствовал еще в первую нашу встречу. А теперь я узнал нечто, что меня смутило. Я узнал, что Норма не просто так оставила свою работу и свое тело випочки. Она пошла на это вовсе не потому, что тяготилась тем, как с ней обращаются, хотя она этим тяготилась еще до нашей встречи.

Норма выбрала себе новое занятие исходя из безумного с ее же собственной точки зрения расчета, что, если она будет путешествовать и общаться с людьми, она может встретить меня. Она меня искала, и я не знал, как мне к этому отнестись.

Не знал я, как отнестись и к тому, что, после того как Норма разместила свое резюме на свежесозданном хэдхантерском сайте для андроидов, на нее практически тут же вышла Нааме. И без обиняков предложила ей работу на «Проект, в котором участвует Элиаху».

Почему?

Конечно, всему можно найти логическое объяснение, не плодя сущностей на ровном месте, как завещал старый и мудрый Оккам. Из разговоров с ребятами я узнал, что Нааме каждому из них демонстрировала необъяснимую проницательность и предлагала именно то, что они хотели. В принципе со мной она обращалась так же, но я неожиданно получил еще и тантьему, цену которой мне постоянно пытались уменьшить в тысячу раз. Как будто для меня это имеет хоть какое-то значение! Ну, вот так всегда — стоит мне подумать о Нааме, как мои мысли попадают в порочный круг. Я могу сколько угодно врать, что мне не важно, сколько было мужчин у Нааме — тысячу или тысячу восемь, например, но меня это беспокоит. И вовсе не потому, что я такой собственник — в нашем обществе такие чувства являются редчайшим атавизмом. Нет, меня беспокоит не это.

Пусть у нее было хоть миллион мужчин до меня — какая разница? Но я боюсь, что я стану не последним, а очередным. У меня нет никаких видимых причин бояться этого. Я знаю, на каком-то подсознательном уровне, что Нааме искренна в своих чувствах…

Но сколько еще это продлится?

Я даже затосковал по нашему кабану[11]. Вот в чем офицеры психического здоровья действительно сильны, так это во всяких фрейдистских мансах. Мне хотелось кому-то излить душу… и не хотелось никого посвящать в свои проблемы. Ага, именно проблемы, потому что с сегодняшнего дня их уже две: Нааме, которую я боюсь потерять, и Норма, которая хочет быть рядом со мной по непонятным причинам. Эх, ну и кому я вру? Готов отдать руку на отсечение (тем более что ее мне и так скоро отрежут в рамках нашего проекта «Протянем руку помощи Льдинке»), что Норма испытывает ко мне больше чем привязанность.

Парадоксально, но, начав развивать программы искусственного интеллекта, человечество не просто было готово к тому, что андроиды окажутся способными на чувства — мы пытались вложить в них это, научить их этому. Хотя чувства бывают разные. Ненависть, доходящая до желания уничтожить, тоже чувство по своей природе. Мы боялись восстания машин, но все делали для того, чтобы подготовить для него почву.

Мы хотели, чтобы творенья наших рук научи-

---

[11] Примечания: 11
Кабан — военный психолог в армии Израиля.

лись чувствовать, как мы, мы боялись, что они нас возненавидят, но не только это. В равной мере мы боялись того, что они нас полюбят. А как мы можем ответить на их любовь? Когда-то, когда я был еще совсем пацан, я интересовался этой темой, искусственным интеллектом, и общался со многими энтузиастами движения за права роботов. Скажу прямо, я не видел среди них ни одного, кто бы воспринимал робота как равного. Я вообще заметил, что всегда борются за права тех, кого считают ниже себя. Именно поэтому, мне кажется, а вовсе не из-за энергетического и экологического кризиса, наша цивилизация зашла в тупик. Нельзя, не получится справиться с какими-то внешними проблемами, если сам в себе не разобрался, а мы не разобрались в себе.

Мы пытались сделать счастливыми всех, но сделали несчастным каждого. Мир, который мы с ребятами покинули, на мой взгляд, был болен именно этим — в нем все меньше и меньше становилось счастливых людей.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что каждый из нас, участников Проекта, бежал от собственного серого будущего в мире, где все тебя уважают потому, что так положено, и никто не любит — потому, что все любят только себя. Наверно,

человеку со стороны могло бы показаться странным то, как быстро участники Проекта, простите за банальность, нашли свои половинки. На мой взгляд, все было вполне логично. Мы все хотим любви, причем не того, что называют этим словом там, откуда мы родом, — мы хотим любви формата XXL, чувства, захватывающего и поглощающего, навсегда меняющего твою жизнь. Того, что в толерантном внешнем мире — редкость. Наверно, именно толерантность мешает. Нельзя любить того, кого приказано уважать. А здесь мы свободны. Я, например, свободен любить Нааме. В худшем случае мне скажут про тысячу мужчин, не более. И это меня радовало — до недавнего времени.

Потому что внезапно я понял, что сам становлюсь объектом неразделенной любви со стороны существа, которого человеческая психика не воспринимает как равного. Но если бы я сам именно таким взглядом смотрел на Норму, я справился бы с этим. Но вот в чем загвоздка — Норма, которую я как раз сейчас собирался переместить в тело своего «Таннина», была для меня человечнее многих людей. Того же кабана, например. И в этом смысле я не знал, что делать с ее чувством — а в том, что это любовь, я даже не сомневался.

Призрак

Cazzarolla, это было круто, хоть пострелять мне и не дали. Но все равно круто — я чувствовал себя каким-то сверхъестественным существом, могущественным Террористом[12], способным в одиночку справиться с небольшим флотом. Реально, я мог бы перебить этих дронов, как cazzo di gattini[13], они бы и чихнуть не успели… если дроны умеют чихать. Да что там — я мог бы саму платформу за минуту отправить в bucca di culo, если бы понадобилось. И даже немного жалел, что не возникло такой необходимости.

Вообще, может показаться, что я какой-то недалекий — интересуюсь только девочками, тачками и драчками. Во-первых, не всем же быть «далекими», у нас и так полкоманды таких. Во-вторых… не такой уж я svampito[14], каким могу показаться на первый взгляд. Да, я предпочитаю

---

[12] Примечания: 12

Террористы — ключевые персонажи фантастической франшизы «Сделано Человеком», стартовавшей в 2042 году. Грандиозные боевые роботы размером с военный корабль, сражающиеся с расой технически развитых пришельцев.

[13] Примечания: 13

Cazzo di gattini — паршивых котят (*ит. жарг.*).

[14] Примечания: 14

Svampito — дурачок (*ит. жарг.*).

не рассуждать на разные неконкретные темы, cazzarolla, но, по-моему, это вовсе не показатель недостатка ума.

Иногда я замечаю то, чего другие не видят. Например, прямо в разгар схватки мне в голову пришла интересная мысль. Допустим, Пламенеющий Корпус, или как их там зовут, ну, короче, те merdozo, что напали на нашу базу, не секут, где у Проекта другие площадки. Окей, Земля большая, легко потеряться. Хотя найти нашу подводную базу можно было бы, наверно. Вон подлодки с ракетами именно потому из моды вышли, для современной гидролокации со спутников подлодка все равно как на ладони.

Но, повторяю, допустим, искали, но не нашли. Все-таки это океан, который до сих пор изучен хреново, хотя под водой уже чего-то там строят. Но вот наша орбитальная станция, та, на которую мы перебираемся — она-то висит прямо над Землей, и ее не заметить трудно. Я слышал, международная система контроля околоземного пространства, которую со скрипом и рыпом запустили в двадцатых после того, как небольшой астероид натворил делов на юге Китая, фиксирует на орбите любые объекты размером больше перочинного ножика. Те же байки рассказывают

про всемогущее ПВО Федерации. Che cazza, насчет ПВО Федерации — святая правда — от тридцати с половиной сантиметров, то есть фута. А наша станция, наверно, побольше будет, и что — ее с Земли не видно? Che palo, расскажите моему покойному дедушке, может, он поверит.

То есть вполне возможно, что мы летим в огромную ловушку, и допер до этого только я! Когда цепочка распалась, хотел поделиться этим с Джинном и Фредди, но оба этих stronzo были заняты со своими девочками и только отмахнулись. Зато заинтересовалась Куинни.

— Что-то ты неважно выглядишь, — сказала она, отстегиваясь (на кораблике вернулось нормальное тяготение, и неудивительно — мы приближались к цели, и ее можно было уже увидеть прямо по курсу, но мне было не очень удобно с моего места), — у тебя что-то болит или шило в заднице отсидел?

— Спасибо за заботу, ma bella, — сказал я. — Ни то, ни другое. Так, инстинкты зашевелились, когда не надо.

Куинни тут же опустила глаза, потом опять взглянула прямо на меня:

— Чет не заметно. А если учесть, что у слона короче, должно было быть.

— Не те инстинкты, bambinga, — пояснил я. — Просто я чувствую, что мы сами лезем per bucca di culo alla baleno, сечешь?

— Ты про станцию, что ли? — улыбнулась Куинни. Я кивнул. — Забей.

— I quo cazza? — удивился я.

— Помнишь, как вы с Джинном искали Тень с помощью техники? — спросила она. Я кивнул — после этого мы узнали, что Тень невидима не только для человеческих глаз, но и для оборудования. — Так вот, со станцией почти то же самое.

Я недоуменно покосился на полукилометровую байду, при виде которой любой современный стадион разрыдался бы от зависти:

— Che cazza, но я же ее вижу!

— Нет, — ответила Куинни. — Станция позволяет себя видеть — тебе, мне и всем остальным. Кстати, надо будет Тени эту фишку рассказать. Выходит, прятаться можно не только полностью, но и выборочно.

— Стой, — перебил ее я. — Это… то есть на станции кто-то делает ее невидимой? Лорд?

— Нет, — ответила Куинни, мгновенно помрачнев. — Не Лорд. Кто-то еще. И хватит об этом.

— Ты не понимаешь, — сказал я. — Это важно! Ведь этот Куратор, получается, круче нашей Тени

в тысячи…

— Это ты не понимаешь, — ответила Куинни, не глядя на меня. — Я, правда, и сама еще не поняла, что это, но это меня пугает, по-настоящему пугает. И не будем об этом пока а то я окончательно струхну.

— Cazzarolla, ну и чего ты боишься? — попытался успокоить ее я. — Я же рядом.

Она посмотрела прямо мне в глаза. В ее глазах был страх, и все-таки она улыбнулась:

— Эх, Призрак… конечно, ты рядом. И все, что произойдет, произойдет и с тобой, и со мной. Это мне предсказал когда-то твой соотечественник, Чезаре Маркантонио Ресинголо…

— Король? — Я вытаращился на Куинни так, словно видел ее впервые. — Ты знакома с Ресинголо? Охренеть…

* * *

Ресинголо был городской легендой Палермо. Говорят, он был последним каталой Евросоюза. Еще говорят, что он владел чем-то вроде пресловутого НЛП — мог завалить в койку любую девочку, сделать так, чтобы ты сам ему выложил все содержимое своих карманов, или заставить сбира написать в собственную фуражку, после

чего надеть ее на бестолковку. Он появлялся в городе иногда, и о том, что он погостил в Палермо, всегда узнавали уже после его отъезда.

Дядька говорил, что водил с ним знакомство, когда бегал в коротких штанишках. Хреновые были времена — в Палермо палили чаще, чем выпивали, местные вели войну с понаехавшими с континента арабами. Дядька (che cazza, я не верил ни одному его слову, думал — гонит, как il caccare cagnio) говорил, что в детстве Чезарик был простым парнем вроде меня, но потом однажды пустил кровяху какому-то черномазому, а тот взял да и двинул коней. Чезаре перетрухнул, конечно, но по карманам у жмура прогулялся. И вот после этого его как подменили.

Однажды дядька сбагрил кучу железяк какому-то фраеру с севера, ну и полирнул это дело вискарем; домой приперся на рогах, хорошо хоть с кешем на карте. Тетка погнала его спать в гараж, а я там как раз чего-то мастерил. Ну, он со мной и разоткровенничался.

— Я ж тогда с ним был, — сказал он. — Прикинь? Этот pezzo di merde орал, что мы с Чезариком заживо сгнием — он-де брухо, род свой ведет от каких-то там белых богов с неба. Чезарик послал его per bucca и расписал своей заточкой.

Эту историю я слышал тысячу с хвостиком раз, дядька всегда ее по пьяни задвигал. Но в тот вечер он зашел дальше, видно, принял на грудь больше обычного.

— А знаешь, походу, этот merdoso действительно с какими-то чертями знался, — сказал он, икая. — Я тут его… в смысле, Короля, а не того figlio di porca putana, ясен хрен, на днях встретил. И расколол-таки, с чего он вдруг крышей двинулся. У тебя выпить есть?

Я вздохнул и достал из холодильника бутыль с какой-то дешевой ракией — пользовался этим merde заместо спирта для обезжиривания и обеззараживания. Мне было интересно, che cazza! Ну и что, что дядька гонит? Зато как складно!

Дядя отхлебнул, скривился и сказал:

— Короче, он у того ниггера тогда что-то такое тиснул… необычное. А потом… он не сильно разливался, но сказал, что с тех пор у него и поперло — и он сам не знает, радоваться ему этому или… уж больно страшная сила у него в руках оказалась, а ведь он простой пацан из Палермо…

* * *

Самый прикол в том, что я не так давно вспоминал это merde — на подлодке, до того, как пришла

Куинни. Я лежал и думал — che cazza, я простой парень из Палермо, а куда меня занесло? И чувствую — попрет еще дальше. Я думал, согласился ли бы я сейчас на предложение Леди Н., особенно с учетом того, что сама Леди Н. мне светит только в качестве, как говорит Джинн, факн'тича, а не в том, что я себе нафантазировал.

И понял — все равно бы согласился. Что мне могло светить в Палермо, даже без учета угрозы от Корпуса? Neanche cazza, хрен на постном масле. А здесь можно, конечно, загнуться, зато прикольно! И Цезарь теперь со мной разговаривает. И с Куинни что-то вырисовывается…

— Кхм, — как раз кстати кашлянула Куинни. — Я спросила, ты что, его знаешь?

— Черный, как цыган, имплантаты из металла, но дорогие, на шее сбоку татуха, — сказал я. — Видел пару раз, а дядька с ним в детстве корешился.

— И все? — продолжила донимать меня Куинни. — И из-за этого ты фигеть собирался?

— Нет, — ответил я, думая, стоит ли ей все рассказывать. Внезапно мне в голову пришла еще одна мысль, довольно паршивая. Чезаре, насколько я слышал, ни одной юбки не пропускал и реально мог девочке так по ушам поездить, что

она сама ему отдавалась с довольным попискиванием… che cazza!!! — Ты с ним спала?

— Спала? — вытаращилась на меня Куинни. — С какого перепугу? Слышь снежок, ты за кого меня принимаешь? Или думаешь, что я с каждым встречным-поперечным… да я тебя!

— Эй-эй, остынь, bambinga. — Судя по реакции Куинни, между ними ничего не было… странно. Я понял, что мне придется ей все рассказать. — Вот что, cara mia, давай так — как распределимся по боксам, встретимся где-нибудь, и я расскажу тебе, кто такой Чезаре Ресинголо и чем он знаменит. Только чур не пугаться…

— Смотри, сам не испугайся, — ответила она, — mio caro.

— Мне-то чего бояться? — не понял я, но она не ответила — наш челнок едва заметно вздрогнул, и Норма сообщила, что можно вставать, мы причалили.

Черная луна

Бракиэль

Она меня не встречала.

Пока я демонтировал из шаттла модуль, на котором было записано сознание Нормы, я ожидал, что она вот-вот появится. Потом я подумал, что она может ждать меня в «зале прибытия», куда до этого отправились остальные, и, положив модуль в нагрудный карман, отправился туда, но там никого не было. И что делать дальше?

А главное — почему? Может, она все еще не пришла в себя от ранения и искать ее нужно в медлабе? Тут, кстати, появился один из андроидов станции — внешне абсолютно такая же випочка, какой когда-то была Норма, но чем-то неуловимо отличающаяся.

— Мне приказано отвести вас в ваши апартаменты, — сказала она, поздоровавшись.

— Апартаменты? — удивился я. — Мы вроде в боксах размещаемся.

— Здесь, на станции, вновь прибывших размещают в двухместных каютах, — пояснила випочка, — но для вас выделены пустующие

апартаменты командного состава. Таков именной приказ Кураторов. К тому же вы будете располагаться ближе к ангарной палубе, поскольку входите в число четырех действительных пилотов шаттлов.

— Что такое «действительный пилот»? — спросил я.

— Умение водить столь сложный в управлении корабль, как «Спейс шаттл», имеется у пяти членов будущего экипажа станции, — пояснила випочка. — У Кураторов и у вас. Однако в настоящий момент Леди Н. временно отстранена от полетов до… простите, я слишком много болтаю.

— Нет-нет, — сказал я. — Продолжайте. Почему Нааме отстранили?

На миг випочка застыла, словно в недоумении; впрочем, лицо ее оставалось бесстрастным.

— На-аме, — повторила она. — После сражения на леднике у Леди Н. нарушение координации в пространстве. Лорд не уверен, что в случае критической ситуации она сумеет принять верное решение.

— А в том, что я это сумею сделать, он, значит, уверен, — сказал я. — Кстати, ви… как тебя называть?

— Как вам угодно, — покорно ответила випоч-

ка. Ах да… но я решил не сдаваться:

— А как ты сама себя называешь?

— Изделие-андроид типа Амели, модель 8Д, личный номер СР8768519, — ответила она.

— Окей, Амели, — сказал я. — Как я могу найти Нааме?

— Мой уровень доступа не позволяет ответить на ваш вопрос, — ответила она.

— Она в медлабе? — спросил я.

— Мой уровень доступа не позволяет ответить на ваш вопрос, — повторила випочка.

— Проведи меня в медлаб, — попросил я, ожидая встретить отказ.

— Следуйте за мной, — сказала випочка. Ну что ж, последуем. Блин, жаль, что я не могу связаться со своей фичей… это у ребят с этим просто, а моя фича хоть и сильнее, но ходит сама по себе. Примерно как прототип ее внешности.

Фредди

Кажется, не сильно ошибусь, если скажу, что мы все были немного шокированы. Нет, мы и раньше практиковали слияние, цепочку, но сейчас это было нечто новое. Мы буквально превратились в… во что-то. Стали единым целым, все восемь, плюс семь наших фич. Я не ошибся

— нас было восемь, я чувствовал Льдинку и знал, что она чувствует нас. На миг я даже увидел ее — в капсуле, наполненной то ли жидкостью, то ли паром. Ее тело было укутано, как у младенца, правда, младенцев не упаковывают в черные пеленки из чего-то похожего на целлофан. Лицо ее было очень бледным, так что губы на нем вообще не выделялись, на щеке под правым глазом — ссадина, похожая на скол, оставленный резцом скульптора на лице скульптуры…

…но она улыбалась. Я знал, что она в коме, но знал, что она чувствовала нас и была с нами.

Когда цепочка распадалась, мы с Тенью еще некоторое время пробыли в единении, не спеша разделяться. Другие, наверно, это заметили, но это меня не волновало.

После стыковки мы перебрались в место, называемое «зал прибытия». С момента стыковки на борту шаттла начало работать искусственное тяготение, так что невесомость мы толком и не ощутили. В зале прибытия нас ждала одинокая випочка.

— Приветствую вас на борту «Левиафана», — сказала она. — Разрешите показать выделенные вам каюты.

Мы милостиво разрешили и гурьбой после-

довали за випочкой. Идти пришлось довольно долго, плюс в середине своего путешествия пришлось подниматься на лифте. Сама база немного напоминала остальные, но выглядела свежее и, как ни странно, просторнее.

Кстати, на одном из перекрестков коридор, по которому мы шли, после пересечения менялся — его пол и стены были раскрашены черно-желтыми чередующимися полосами. Випочка свернула направо, пояснив по ходу, что в коридоры с такой окраской заходить не стоит — технические помещения.

— А в коридоры с оранжево-черной расцветкой заходить запрещено, — добавила она.

— Quo cazza? — удивился Призрак, но у випочки, видимо, имелся лингвистический банк данных, включавший даже подобные обороты.

— Это небезопасно, — пояснила она. — Подобные коридоры примыкают к частям станции с работающим макрооборудованием жизнеобеспечения и внешней безопасности. Действие ряда из них может быть крайне вредно даже для вашего здоровья.

Призрак смиренно кивнул, но я его смирению ни на грош не верил.

Из другого персонала станции мы не видели

вообще никого, пока не пришли в «жилой комплекс». Он занимал в высоту три палубы, причем двери каютных блоков выходили в центр довольно большого пространства, посреди которого был смутно знакомый круглый бассейн. Вокруг него в кадках росли карликовые и не очень растения вроде можжевельника и прочих карельских берез. Получался такой симпатичный парк, да еще и под открытым небом — я даже решил, что над нами что-то вроде прозрачного купола, но Тень тихонько шепнула мне, что это лишь голограмма, правда, «продвинутая» — от реальности не отличишь.

Здесь дежурила пара андроидов. На меня они впечатления не произвели, а вот Джинн удивленно хмыкнул. Хотя во внешности киберлюдей, казалось, не было ничего необычного — среднего роста, с правильными чертами лица, гладко выбритые…

Мы поднялись на второй этаж, затем на третий — на каждом этаже нас встречала парочка таких же невозмутимых андроидов.

Наш бокс располагался в самом конце балкона… и тут нас ждал первый сюрприз. Еще поднимаясь по лестнице, я пытался сосчитать двери боксов — получилось сорок восемь, то есть по шестнадцать

на этаж. Так… В Проекте осталось, если я ничего не упустил, триста восемьдесят пять участников. То есть теперь нас будут селить по восемь человек в блоке, мальчиков и девочек вместе — или как?

Все оказалось еще веселее. Випочка открыла одну из дверей, мы прошли по коридору и оказались… хм, помещение чем-то напоминало наш «клуб» на антарктической станции, только выполнено было в привычном нам стиле хай-тек: в центре зала — круглый стол, четыре дивана по кругу, на столе пластина головизора, в каждой стене — по две двери.

— Внимание, — сказала випочка. — Кураторам известно, что к этому моменту вы уже разбились на пары, поэтому каждой из пар выделяется отдельный двухкомнатный каютный блок. Кто какой займет, определитесь сами.

Она подошла к одной из дверей и открыла ее, после чего встала на пороге, приглашая войти. Мы вошли.

— Типовой двухкомнатный каютный блок состоит из спальни, комнаты занятий и санблока. Все каютные блоки строго равны по размерам, абсолютно идентичны по наполнению.

Мы вновь вышли в «общую комнату».

— Через эти двери, — випочка указала на две-

ри в стене, противоположной той, через двери в которой мы вошли, — вы можете выйти на параллельную палубу, к блокам помещений для занятий. Справа и слева от вас — технические помещения. Справа расположен 3D-принтер, на котором можно напечатать нужные вам вещи, включая одежду. Слева — гардеробная, там содержится восемь… поправка, семь космических скафандров и такое же количество запасных комбинезонов ваших размеров. Управление 3D-принтером осуществляется через вот эту термен-клавиатуру. — Она указала на панель на стене, и Джинн, чуть закусив нижнюю губу, кивнул. — С ее помощью можно вызвать дрон-снабженца или заказать дрон-стюарду меню. Если вы не хотите вызывать дрон-стюарда, можете воспользоваться собственной робокухней — она в том шкафчике. — Випочка указала на шкафчик, расположенный напротив термен-клавиатуры между двумя дверями, одна из которых вела в гардеробную. — У вас есть вопросы?

— Когда начнутся занятия? — с невинным видом спросил Призрак.

— Я не располагаю такой информацией, — ответила випочка.

— Наше передвижение по станции свободно? —

продолжал Призрак. Я даже удивился, как это он обходится без своего итальянского лексикона?

— Абсолютно свободно, — подтвердила випочка. — Не рекомендуется заходить в оранжево-красные зоны, за исключением случаев крайней необходимости. В случае, если Кураторам потребуется ваше присутствие, вас уведомят по общекорабельной сети и вышлют за вами дрон-проводника.

— Больше вопросов нет, — сказал Призак, — э, то есть стоп. Как здесь с кормежкой?

— В любое удобное для вас время заказываете через терминал или готовьте сами на робо-кухне, — ответила випочка. — Разрешен легкий алкоголь, курить можно по договоренности с остальными участниками цепочки.

— Che bella figata, — кивнул Призрак.

— Еще есть вопросы, пожелания? — спросила випочка.

— Как вас зовут? — спросила Дарья.

— Как вам будет угодно, — ответила випочка. Затем замерла, словно прислушавшись к чему-то, и добавила: — Можете называть меня Амели.

Джинн

Когда Амели ушла, я спросил Призрака:

— Ну, гений разведки, к чему был этот маленький допрос?

— Знаешь, mio stronzo, я впервые с начала Проекта почувствовал себя как в сбирятнике, — ответил он. — Эти парни на этажах… Ты ведь тоже заметил?

— Это не полицейская модель, — сказал я. — Они круче, у нас такие в SWAT служат и в тюленях.

— Я видал киберсбиров, — сказал Призрак. — У нас их мало, дорогие слишком, но есть. И мне это не нравится. Мало того что утащили нас с Земли на орбиту, так еще и стражу поставили, типа мы какие-нибудь criminali.

— Может, они не стражники? — вмешалась Куинни. — Может, они нас защищают?

— От кого? — спросил Призрак. — На станции, кроме нас, Кураторов и випочек, никого вроде быть не должно. А этот странный Пламенный Корпус, насколько я понимаю, живыми нас видеть не особо желает — им проще подогнать пару платформ и рас…

— Меня тоже это удивляет, — перебил я его

(похоже, Призрак решил обогатить свой нецензурный лексикон словами из английского языка). — Вот что, ребята, давайте решим, кто в какой комнате обитает, а потом посидим, перетрем, а?

— Кстати, — тихо сказала Тень, — кто-нибудь еще пробовал вызвать фичу?

— Я пробовал, — сказал Фредди. — Не получилось.

— Che cazza, у меня тоже, — признался Призрак. — Cazzarolla, мы так не договаривались!

— Так, — сказал я, — быстро решаем, кто куда, а потом занимаемся всеми накопившимися вопросами. Если никто не возражает, мы с Дарьей возьмем вот эту. — Я указал на комнату рядом с термен-клавиатурой. — Попробую на досуге поработать с местной сетью, но не хочу дистанционно.

— Фредди, вы куда? — спросил Призрак. Куинни тут же уперла руки в боки:

— Так, Призрак, я не поняла? Что это за мизогиния, девочек что, никто уже не спрашивает?

— Я как Джинн, — сказала Дарья. Я чувствовал, что ей отчего-то грустно, и от этого сам чувствовал себя не в своей тарелке.

— Куинни, если хочешь, выбирай любую, —

сказала Тень. — Нам с Фредди все равно, какая комната.

— И кстати, — продолжила свой маленький бунт Куинни. — А почему вдруг все решили, что я буду жить с этим pezzo di merde? Может, у меня другие планы?

— Так pezzo di merde или mio caro? — тихо, непривычно для себя, спросил Призрак. — Ты уж определись, подруга. Кстати, у нас пока одна комната пустует… и я, между прочим, вообще не понимаю, как ее будут делить Бракиэль со Льдинкой.

— Бракиэль, судя по всему, опять от нас отделился, — сказала Дарья. — Ему выделели отдельные апартаменты у ангара.

— Откуда ты знаешь? — вытаращился на нее Призрак.

— От фичи, — машинально сказала Дарья, а затем внезапно заулыбалась. — Ребята, у меня есть связь с фичей!

— И не только у тебя. — Талисман, мирно дрыхнувший в походном рюкзачке (этот кот вообще спит по двадцать часов в сутки!) выбрался наружу. Его трехцветная шерстка светилась синим огнем — верный признак функционирования фичи. — Связь восстановилась у всех, можете

проверить.

— А почему раньше ее не было? — спросила Тень.

— Мы были заняты, — ответил котенок, запрыгивая на стол. — Между прочим, мой физический носитель хочет есть и готов настойчиво требовать кормежки с порчей имущества.

— Ага, я сейчас. — Тень полезла в рюкзачок, где у нее был запас корма для Талисмана, предусмотрительно захваченный на подводной базе.

— И чем же вы были заняты? — спросила Куинни. Ответила ее собственная фича, несколько устрашающего вида (но мы уже привыкли и не пугались):

— Сначала участвовали в слиянии. Весьма интересный процесс, он открыл нам много нового.

— Например? — не удержался я. Тут же рядом со мной возник Мерлин, в смысле Купер:

— Мы узнали, как можно вернуть фичу Леди Лёд. Видите ли, слияние, как уже сказала моя коллега, это нечто фантастическое! Может, вы не могли этого оценить, но вы стали чем-то… кем-то новым. Я бы сказал, сверхъестественным.

— Меня и раньше считали сверхъестественным, — пожал плечами Фредди. — Ничем хорошим для меня это не обернулось, мягко говоря.

— А теперь ты ходишь, — прогудел Молчаливый Гигант, возникая рядом с Фредди, как бы выходя у него из-за спины. — Не таскаешь телекинетически ноги, как раньше, а ходишь. Почему?

Мы уставились на Фредди. Тот кивнул:

— Сам не понимаю, как это произошло.

— И давно это у тебя? — спросил Призрак.

— После слияния, — признался Фредди.

— В том-то и дело. — Пылающий рокер слез с призрачного мотоцикла и стал рядом с Фредди. — Цепочку, осознавшую себя, чертовски трудно уничтожить. Практически невозможно. Босс, ты у нас самый отважный, могу я тебя попросить показать кое-что?

— Ну не при девочках же! — возмутился Призрак. — Шучу. Надеюсь, это не опасно?

— Не опасно, — сказал Цезарь. — Но неприятно. Знаешь, что делают члены неаполитанских семей, чтобы доказать верность клану?

— Cazzarolla, ты рехнулся или издеваешься?! — возмутился Призрак.

— Неужели своих друзей ты ценишь меньше? — спросил Цезарь. — Это нужно, босс, нужно, чтобы вы поняли, что именно сейчас получили.

— Che cazza, я, наверно, когда родился, головой об пол ударился, — сказал Призрак. — Девочки,

можете пока сходить в комнаты, а?

— Они все равно почувствуют, — сказал Цезарь, — но ты прав, на это лучше не смотреть.

— Вот еще, — фыркнула Куинни. — Я-то точно буду смотреть, что бы это ни было. А то вдруг вы какое членовредительство затеяли.

— Может, вообще не надо это делать? — спросила Тень. — Раз это так страшно?

— Надо, — сказал Талисман. Он успел съесть порцию «универсального корма» из робокухни и довольно урчал. — Но ты, правда, лучше не смотри.

— Тогда я точно буду смотреть, — сказала Тень. — Дарья, ты как?

— Я как ты, — сказала Дарья. — Джинн, как ты считаешь?

— Ты у меня сильная, — сказал я тихо. — И, потом, я же рядом.

Тем временем Призрак невесть откуда вытащил немаленький нож, какой-то навороченный, но, похоже, напечатанный на принтере.

— Когда в отношении кого-то из семьи каморры возникали сомнения, — Призрак присел на диван и, сжав руку в кулак, отставил мизинец, положив его на столешницу, — для того, чтобы доказать свою лояльность, они…

— Приготовьтесь к слиянию, — сказал Купер. Я удивился, как быстро в этот раз мне удалось «почувствовать» ребят. Всех, даже отсутствующего Бракиэля. Даже лежащую в коме Льдинку.

— …делали вот так, — сказал Призрак, зажмурившись, и одним движением отрубил себе мизинец.

Призрак

И хотел бы соврать, что мужественно вытерпел боль, как Муций Сцеволла, но не буду. Che cazza, зачем выпендриваться, это было чертовски больно! Я даже на секунду потерял слияние, но тут же почувствовал сначала Куинни, потом и остальных. Всех наших и еще кого-то, неизвестного, но любопытного.

Я не помню, как открыл глаза. Боль к тому моменту сменилась теплом, словно мою руку закутали в толстое махровое полотенце. Палец лежал на столешнице, отделенный от кисти, но крови было неправдоподобно мало. И главное — от руки, включая отрубленный палец, исходило теплое желтое сияние.

— Ваша цепочка помнит, какие вы, — говорил Купер. — В этом кроется основа силы Дарьи — она умеет воплотить эту память в воск. Но у этой

памяти есть практическое применение. Призрак, подними руку, пожалуйста.

Я осторожно приподнял все еще сжатую в кулак руку, стараясь не смотреть на свежую рану. Не получилось, но дело вовсе не в ране — мой отрубленный палец, словно нанизанный на невидимый, воткнутый в руку стержень, поднялся со столешницы и висел в воздухе рядом с моим кулаком!

Cazzarolla, чудеса на ровном месте!

— А теперь, — сказал Купер, вероятно бывший в этом процессе модератором, — представьте себе, что у Призрака палец не отрублен. Это сложно, но у вас получится.

Pacco di merde, сложно… сложно спать на потолке, а это, вообще-то, называется по-другому. Neanche cazza, вот так это называется… но я, похоже, действительно в голову ударенный: зажмурился и представил. Ни фига не было. Не отрубал я себе мизинца. Это был типа прикол такой, как те приколы, что на карнавалах под Хеллоуин продают.

Всеобщий вздох заставил меня посмотреть на свою руку… точнее, сначала я посмотрел на ребят. Тень была бледной, прямо какой-то полупрозрачной. Она прижалась к Фредди, а Дарья вцепилась

в своего Джинна. А меня, оказывается, обнимала Куинни, и обнимала как-то так необычно, словно от чего-то защитить хотела.

А уж потом я посмотрел на свою руку. И осторожно, не веря, пригнул к кулаку только что отрубленный мизинец.

Тень

Кошмар какой, я чуть в обморок не упала. И упала бы, если бы не Фредди. Он обнимал меня крепко, но нежно, и мне было не так страшно. Хотя и страшно. Своей фиче я, конечно, доверяла — а мало ли что может быть на уме у других фичей?

Когда Призрак ловким ударом отсек свой мизинец, я на короткое мгновение почувствовала боль. Его боль. Фредди едва заметно вздрогнул — он тоже почувствовал. Мы не успели ничего предпринять — я вдруг поняла, что рука Куинни полностью слилась с рукой Призрака и его палец держится… ой, не знаю, как объяснить. А потом к ее руке добавилась рука Джинна. И Дарьи. И наши с Фредди.

И Бракиэля.

И Льдинки? Но у нее же не было рук, вспомнила я. Или были? Получается, даже если мы теряем что-то, то не насовсем? Палец Призрака, руки и

ноги Льдинки, ее фича — все это жило в нас. Все это можно вернуть!

И я вдруг поняла еще что-то, что-то связанное с Дарьей, поняла — и тут же забыла. Я беспомощно посмотрела на Дарью, но та была сосредоточена на помощи Призраку. Который, кстати, медленно поднял руку…

…и отрубленный мизинец поднялся вместе с ней!

— А теперь представьте себе, что у Призрака палец не отрублен, — сказал Купер. — Это сложно, но у вас получится.

Я внезапно поняла — получится. У меня, а у Дарьи так и подавно. Мы с ней всю жизнь придумывали себе альтернативную реальность, и… я поняла, что однажды я придумала ее, свою сестру, с которой нас разлучили в детстве. А она, наверно, придумала меня.

На миг мне стало страшно: на короткое мгновение я подумала — может, я окончательно рехнулась, и все происходящее — мой бред, глюки воспаленного мозга? Но Дарья — она ведь не просто придумала, она вылепила каждого из нас, а потом встретила вживую и не считает, что сошла с ума.

Значит, и со мной все нормально…

А потом слияние распалось.

Куинни

— Вам нужно отдохнуть, — сказал Купер. — Два слияния за сутки — слишком круто даже для вас, по крайней мере, пока. Я **чувствую**, что когда-нибудь слияние будет для вас совершенно обычным — с каждым разом вы меньше устаете и меньше тратите энергии. Но сейчас отдохните. И не вызывайте нас.

— Почему? — спросил Джинн.

— Во-первых, это трата вашей энергии, — сказал Купер. — А во-вторых, нам тоже есть чем заняться, окей?

— Слишком уж вы стали самостоятельные, — фыркнул Джинн. — А вдруг ты мне понадобишься?

— Взломать здешнюю сеть ты и без меня сможешь, — заверил его Купер. — Конечно, при форс-мажоре мы тут же появимся. Но, серьезно, сейчас нам нужно время. Скоро очнется Льдинка. Мы хотим вернуть ей Арвен.

— А получится? — спросила Дарья. — Может, мне слепить ее из воска?

— Ее придется изваять из шерсти, — сказала Эсмеральда, дотоле робко прятавшаяся за спиной

хозяйки — даже одетая в тунику, фича Дарьи стеснялась появляться при ребятах, она и сейчас несмело выглядывала из-за ее спины. — И найти бусинки для глаз.

— Найдем, — сказал Призрак, сжимая и разжимая восстановленный кулак. Я видела, что в месте, где прошел нож, на смуглой коже виднелся белесый шрам.

— Мы ее помним, — сказал Купер. — Она живет в наших душах, она часть нас. Получится, не сомневайтесь.

И фичи исчезли — совершенно синхронно.

Мне было не по себе. Не так давно, хотя, кажется, прошла уже целая вечность, я сделала нечто рискованное — я провела некий ритуал и очутилась в мире, в который сама не верила, который считала сказкой. Но в этом мире я узнала нечто, что подтвердилось потом в нашем мире, — и испугалась, задним числом.

На самом деле я та еще трусиха. Но боюсь всегда с опозданием, сначала нахожу приключения на пятую точку, влетаю… как там говорит Призрак? — в bucca di culo alla baleno, как-то выбираюсь, а потом уже начинаю бояться, прямо до оцепенения.

Интересно, кстати, а Призрак боится? Мне ино-

гда кажется, что нет. Мне кажется, что даже в аду он будет, ругаясь своими итальянскими словами, расстреливать чертей из своих «беретт».

А я буду подавать ему патроны.

* * *

Конкретно сейчас мне было страшно. Очень страшно. Мы действительно влезли в bucca di culo alla baleno. Сунули голову в пасть крокодила. Мы вообще не думали, что это может быть опасным. А теперь назад дороги нет. Как в том месте, куда я прогулялась, не веря в то, что это может получиться.

Но у меня получилось. Впрочем, и получилось вернуться.

Я прижималась к Призраку, чувствуя, что дрожу; к счастью, Призрак не обращал на это внимания. Когда фичи исчезли, я сказала:

— Между прочим, они правы: нам действительно надо отдохнуть. Призрак, в какую комнату **мы** пойдем?

Призрак перестал осматривать свою руку и обернулся ко мне.

— Мы?

— Да, che cazza, мы, — сказала я. — Уточню: мы с тобой, caro mio. К черту все это, зачем отрицать

очевидное?

— Что? — хитро прищурившись, спросил Призрак.

— Сам знаешь что, — сказала я, бросив взгляд на ребят, с интересом за нами наблюдающих. — Ну, что уставились? По-моему, всем все уже должно быть понятно.

— Мне лично давно было понятно, — улыбнулась Тень. — Мне непонятно, чего ты так нервничаешь.

— А что я, радоваться должна, что ли? — огрызнулась я.

— Вообще-то, да, — фыркнула Дарья. — Я, когда Джинна увидела, так готова была прыгать от радости. А когда поняла…

Джинн заметно смутился, и я пришла ему на помощь, а заодно и себе:

— Вот еще! Всю жизнь мечтала сойтись с каким-то босяком из Палермо.

— Это еще что, подруга, — спокойно сказал Призрак. — Если бы в Палермо узнали, что Микеле Солариано Росси сошелся с девочкой из знойной Африки…

— Расстрелять вас всех, — огрызнулась я. — Расисты, неандертальцы нетолерантные, а ты конкретно еще и сраный шовинист!

— Ты, как всегда, права, cara mia, — спокойно сказал Призрак и внезапно подхватил меня на руки. — Наша комната будет напротив комнаты Джинна и Дарьи, не возражаете, ребята?

Возражать никто не стал.

Дарья

Было такое время, что я боялась стать чем-то вроде одушевленного кабачка на ножках. В смысле того, что в моей жизни ничего не происходило, решительно ничего. Тогда я начала ваять фигурки из воска в наивной надежде сделать действующую куклу вуду своей матушки. Примерно тогда же занялась изучением компьютера.

Первое стало моей сверхсилой. Второе помогло найти любовь.

Я мечтала, чтобы моя жизнь была чуть поактивнее, и кто-то добрый сверху решил мне в этом посодействовать, но малость не рассчитал силы, и теперь я напоминаю самой себе кошку на раскаленной крыше, и не только я. Мы все пляшем на этой раскаленной крыше, и убраться с нее нет никакой возможности.

Всего стало слишком много. Слишком много событий, слишком много знаний, информации, слишком много возможностей. Я понимала, что

могу намного больше, чем то, что успела уже применить, но не знала, как овладеть собственными силами. Я понимала, что упускаю что-то важное, но что именно?

Я рухнула на большую двуспальную кровать (привет, Кураторы! Мне всегда нравился здоровый цинизм) и сказала Джинну:

— Боже, как я устала… но самое странное, что я устала, а отдыхать не хочется.

— Знакомо, — кивнул он. — Я думал, что это из-за моего имплантата, но нет — с тех пор, как они с Купером нашли общий язык, я могу работать даже во сне.

— Здорово! — Я заставила себя подняться и принялась стаскивать с себя комбинезон Проекта. Хм… комбинезон. Не всякий скафандр так крут, как этот комбинезон. — А я так не могу, мне, чтобы что-то изваять, надо бодрствовать. Я в душ.

— Ага, — кивнул он, и я отправилась по указанному адресу, но дверь не закрывала.

— А ты сейчас чем-то занят? — спросила я, открывая воду. Душ оказался лучше, чем на подводной базе, как ни странно.

— Я почти всегда чем-то занят, — ответил он.

— А конкретно сейчас? — спросила я, нежась под струями дождя. Наноботы на моей коже,

получив долю влаги, тут же почувствовали себя суперменами и приступили к уходу за телом и волосами. Приятно, у матушки я о таком только мечтать могла!

— Разбираюсь со здешней сетью, а если быть точным — со службой снабжения, — ответил он. Я выглянула из кабинки и заметила, что он тоже раздевается. — Я залез к ним в трюм и обнаружил много интересного из того, что напрямую через курьерскую службу мы получить не можем. Сейчас пытаюсь обойти этот запрет с помощью одной старой хитрости.

— Слушай, — сказала я, — чего ты ждать будешь, иди сюда, в кабинке места достаточно для двоих. Заодно и расскажешь мне, о какой хитрости идет речь.

В комнате что-то тихо стукнуло, и через несколько секунд Джинн появился на пороге санблока, красный, как албанский флаг. Какой он все-таки худой и сутулый… но такой родной.

— Был такой анекдот: заспорили как-то мусульманин, католик и иудей, у кого Бог больше чудес делает. Мусульманин говорит: иду я по пустыне, жара, пить хочется… я Аллаху помолился — бац, за барханом оазис. А католик ему: возвращаюсь домой из далекого прихода, и тут дождь как

хлынет, а мне еще миль пять пешком. Ну, я Богу помолился — бац, справа и слева от дороги дождь фигачит, а на дороге сухо. Слушал их раввин и говорит: фигня все это, вот у меня чудо было. Шел я как-то в субботу по улице, смотрю — на дороге кошель, забитый наличкой. А суббота, то есть мне нельзя за ним нагнуться… ну, я помолился, и Бог меня услышал — у всех вокруг суббота, а у меня среда…

— И какое это отношение имеет к местной сети? — спросила я и добавила: — Да забирайся внутрь уже, хватит делать вид, что ты меня не знаешь и ни разу не тискал.

— Как можно стащить что-то, что хорошо охраняется? — спросил он, забираясь ко мне в душ и никак не реагируя на вторую часть моей фразы. — Очень просто, если охрана будет уверена, что ты спер что-то совсем ненужное. То есть, скажем, если ты несешь пистолет, а все думают, что это пылесос, никто не знает, что ты вооружен.

— Пистолет? — удивилась я, оборачиваясь к нему. Мне было странно, что он по-прежнему меня стеснялся, несмотря на все, что было между нами. Меня это забавляло и при этом казалось ужасно милым. — Почему именно пистолет?

— Ну, я сейчас пытаюсь превратить пистолет

в ланч-бокс, — признался он. — А поскольку у меня были хорошие учителя, то я не просто изменил его айди в здешней сети, но еще и проверяю все системы слежения. Заодно составляю карту их расположения — мало ли, на что она может сгодиться?

— Нет, ну, все-таки зачем тебе пистолет? — сказала я, приближаясь так, чтобы коснуться его тела своей грудью.

— Как говорит Призрак, мужчине оружие никогда не помешает, — ответил он. — Дарья… ты меня провоцируешь, что ли?

— Угу, — сказала я, легонько прикусив нижнюю губу. — Когда ты работаешь, ты чертовски сексуален. Не потрешь мне спинку?

— Зачем, ведь наноботы… — начал было он.

Но не закончил. Догадался, что наноботы тут совсем ни при чем.

Бракиэль

В медлабе не было никого… поправка — никого, находящегося в сознании. Над одним из столов был установлен неприятно напоминающий крышку гроба купол, под которым что-то сияло, словно крохотные гремлины занимались там сваркой с использованием старинных дуговых

аппаратов. Сейчас сварка плазменная, она не сверкает, а сияет равномерно. А кое-где уже и диффузную применяют, там вообще только слабенькое красноватое свечение…

Заинтересовавшись этим процессом, я подошел ближе. Передняя часть «крышки гроба» была частично прозрачной — плексиглас или комбипластик, из которого делают самолетные обтекатели кабин и иллюминаторы, как на тех же АОИ. Под ней я разглядел знакомое лицо Леди Лёд. Ее голова была обрита налысо, придавая ей еще большее сходство с фигуркой, изваянной Дарьей. На щеку был наложен пластырь. Глаза закрыты, губы подернуты легкой улыбкой.

Сверкало где-то внутри непрозрачной части крышки.

— Сейчас идет подготовка к имплантации новых конечностей, — сказала випочка. — Миниатюрные робохирурги подготавливают окончания нервов, сосудов, зачищают края костной и мышечной ткани. Затем все это будет обработано специальным биоактивным составом, тонкой бимолекулярной пленкой. Когда ткани тела и протеза соединятся, естественное деление клеток на участках соединения ускорится, и произойдет приживление.

— А организм не отторгнет протез? — спросил я. Киберпротезирование у нас уже давно не в новинку, и все-таки риск того, что имунная система воспримет протез «в штыки», составлял пятьдесят процентов — то есть из двух киберпротезов приживался один.

— Исключено, — сказала випочка. — Во-первых, конечность выращена с помощью стволовых клеток самой девушки. Эта технология была разработана доктором Ройзельманом для компенсации тем женщинам, которые утеряли конечности в результате его программы «дети R». После смерти профессора технология считалась утерянной, но доктор Спенсер сумел ее восстановить.

— А во-вторых? — спросил я. Выращивание органов из стволовых клеток тоже давно было известно, но применялось крайне редко — дорого, проще на принтере напечатать. Кстати, биопринтеры современного образца тоже разработала команда Ройзельмана. Все-таки гениальный был человек, хоть и чудовище.

— А во-вторых, ваше инфополе еще более облегчит процесс приживления, — пояснила випочка. — В состоянии слияния каждый из вас приобретает почти фантастические регенера-

ционные способности. Я думаю, вы скоро сами в этом убедитесь.

— Не хотелось бы, — сказал я, глядя на Леди Лёд. Ее лицо было таким безмятежным…

Хорошо, что я не вижу ее тела.

Внезапно за одной из дверей мне послышался шум. Дверь находилась в дальней части медлаба, рядом с дверью «склада запчастей», куда однажды водила меня Нааме. Но эта дверь была выкрашена черно-оранжевыми полосами. Я прислушался. Шум повторился. Что за чертовщина?

Я пошел по направлению к двери, но меня остановил голос Амели:

— Простите, вынуждена вас предупредить, что пребывание в оранжево-черной зоне может быть опасно для вашей жизни.

— А что там? — спросил я, остановившись на полпути.

— Я не располагаю такой информацией, — ответила Амели. — Добавлю, скорее всего, вы не сможете войти в эту дверь, но рискуете привлечь внимание систем охраны.

— А мне говорили, что Проект создан для нас, — пожал плечами я. — Теперь, оказывается, против нас выставляют смертельно опасную охрану.

— Я этого не говорила, — сказала Амели, и ее

голос неуловимо изменился. — Бракиэль, согласно инструкциям, я не могу вам препятствовать в ваших намерениях, но хотела бы попросить вас не подвергать себя опасности.

Я остановился возле оранжево-черной двери. Никакой ручки, никакого признака открывающего механизма — ни сенсорной панели, ни термен-клавиатуры, ни архаичной замочной скважины…

— Почему? — спросил я. — Вы просите, но просьба означает личное участие. Я… знаком с одной випочкой, которая говорила, что не знает, есть ли у вас личность, но я уже второй раз убеждаюсь, что личность у вас есть, просто вы сами не признаете этого факта. Почему?

— Она не такая, как мы, — тихо сказала Амели. — В Норме есть нечто большее, чем у всех остальных. Многие из нас смотрят на нее с интересом, выражаясь в ваших, человеческих терминах. Мы не знаем, есть ли у нас личность, но иногда нам кажется, что мы способны на чувства. Кто-то из нас привязывается к своим хозяевам, кто-то тяготится местом, где работает. Может, мы как разумные говорящие собаки с интеллектом детей, но на собак люди смотрят по-другому.

— Не все, — ответил я. — Есть те, кто может бес-

причинно избить собаку или даже вышвырнуть ее на улицу. А есть те, которые привязываются к випочкам, даже влюбляются в них. Я слышал о таком.

— Ничем хорошим это не оканчивается, — сказала Амели. — Нет повести печальнее на свете, чем повесть о влюбленном искусственном интеллекте.

— Да вы поэт, — сказал я, вновь переключившись на дверь. А если ее можно открыть только изнутри?

— Это не мои слова, — сказала Амели. — Я лишь цитирую Но… Одну из наших. Не важно кого. Бракиэль, если жизнь и рассудок дороги вам, не заходите в это помещение.

— Да как я в него зайду? — ответил я с раздражением. — У этой двери нет ни ручки, ни замка. Что мне сделать, чтобы она открылась? Сказать «дер пароле»?

…Я едва успел отскочить — черно-оранжевая дверь открывалась наружу. За дверью было темно.

— Не ходите туда, — почти с мольбой в голосе сказала Амели. — Знаете, когда-то один царь хотел напасть на соседнее царство и послал гонцов к оракулу…

— Баян, — сказал я. — История с бородой. Я ее слышал.

— Вы можете потерять больше, чем царство, — сказала Амели. — И больше, чем жизнь.

— В любом случае это будет мой выбор, — ответил я и шагнул в темный тамбур. Двери за мной закрылись. Стало темно, но в воздухе мне почудился запах незабудок. Откуда я знаю, как пахнут незабудки?

А потом внутренняя дверь открылась, и я увидел Нааме.

Время откровений

Призрак

— Ты негодяй, — сказала Куинни, шлепнув ладошкой мне пониже спины. — Ты просто самовлюбленный негодяй, как и все макаронники.

— Будешь обзывать меня макаронником — начну называть тебя черномазой, — сказал я, переворачиваясь на спину и на всякий случай прикрывая ладонями то, хм, что следует прикрыть, когда твоя подруга темпераментна и непредсказуема.

— Хочешь сказать, ты не любишь макарон? — спросила Куинни.

— Люблю, — признался я. — Честно, мне в этой робокухне не хватает простой пасты карбонара или фрутто ди маре.

— Там же есть, — удивилась Куинни.

— Cazzatta там есть, — сказал я. — Да, на вкус похоже. Если закрыть глаза, так и вообще не отличишь. Но мне хочется видеть то, что я ем, а не представлять. Мне хочется намотать на вилку спагетти и всосать их, чувствуя губами маленькие кусочки сыра и влагу соуса.

— Ты так аппетитно рассказываешь, что мне прям есть захотелось, — сказала Куинни. Я привстал на локте:

— Ща сбегаю, закажу…

— Нет, не ходи никуда, — остановила меня Куинни. — Не так сильно хочется. И… я не хочу, чтобы ты уходил.

— Как скажешь, — пожал плечами я и лег обратно, прижавшись бедром к ее шелковистому на ощупь бедру.

— Странно, — сказала она. — Мы с тобой такие разные, Призрак…

— Если бы мы были одинаковыми, у нас ничего бы не получилось, — ответил я. — Я предпочитаю девочек, а не мальчиков.

— Пошляк, — фыркнула она. — Я про другое. Про характер.

— И в чем мы разные? — спросил я. — Наоборот, ты такая же scopatta della testa[15], как и я.

— Польщена, — сказала она и, воспользовавшись моментом, попробовала ущипнуть меня за… в общем, не важно. — Ну ты и костлявый!

— Не костлявый, а мускулистый, — ответил я.

— Костлявый, — сказала она и показала мне

---

[15] Примечания: 15

Scopatta della testa (*ит. жарг.*) — примерный перевод «больная на всю голову».

язык. — Костлявый самовлюбленный макаронник. И за что только я тебя люблю?

— Не знаю, — ответил я честно. — Я лично тебя люблю потому, что ты il più bella perfecta ficca[16] из всех возможных.

— Вот, — сказала она. — Просто страшно подумать, что мы могли бы не встретиться. Знаешь, иногда я думаю как совсем взрослая, циничная и опытная, но стоит мне вспомнить о тебе, и весь мой цинизм куда-то улетучивается. И еще — не знаю откуда, но я точно уверена, что мы с тобой никогда не разлучимся. Никаких доказательств этого у меня нет, но точно так же я была уверена, что я не такая, как другие. Я тогда не знала слова «индиго», но знала, что я «индиго», не такая, как все. Так и оказалось.

А теперь оказалось, что мы никогда не расстанемся. Даже странно, правда?

— Che cazza, ну и что тут странного? — пожал плечами я. — Наоборот, хорошо. Тетка моя говорила, что каждого парня ждет своя невеста. — Я скромно умолчал о том, как это комментировал мой дядя. Дядя был реалистом до мозга костей, потому казался прожженным циником.

---

[16] Примечания: 16

Il più bella perfecta ficca (*ит. жарг.*) — примерный перевод «самая прекрасная крутая штучка».

— Кстати. — Лежавшая на боку Куинни перевернулась на живот и подперла рукой подбородок. — Ты мне обещал рассказать про своего дядю, с которым я, как оказалось, знакома.

— С моим дядей?! — У меня глаза на лоб полезли, но потом я понял, что она просто перепутала. — Cara mia, ты слегка попутала: Чезаре Ресинголо мне не дядя, он с моим дядей в молодости дружил.

Я сам повернулся на бок, перелег поудобнее и сказал:

— Да так, в общем, и рассказывать особо нечего. Чезаре Ресинголо — почти городская легенда Палермо. Он никогда не состоял в мафии, но денег у него больше, чем у любого дона. Говорят, он якшается с политиками и миллионерами, у него дом во Флориде, больше похожий на дворец, и свое палаццо в Венеции. И это притом, что в юности он был беден как церковная мышь. А еще он не пропускает ни одной мало-мальски симпатичной fica, и это точно, вот я и приревновал.

— Можешь не ревновать, — сказала Куинни. — Ни к прошлому, ни тем более к будущему. Но мне кажется, это ведь не вся история, правда?

— Не вся, — ответил я. — Правда, тут я уже свечку не держал. В общем, дядька мне как-то

рассказал, по пьяни, ясен перец, что они с Чезаре, когда еще корешились, раз поставили на перо одного черножо… м-м-м, африканца. Ну, то есть они не хотели, но тот быковать начал, ну, Ресинголо и пустил ему красненькое, а тот взял да и сожмурился на месте. Дядька, я так понимаю, струхнул, а Чезаре, хоть и сам был напуган, все-таки пробежался по карманам этого жмурика. И что-то у него забрал такое, что ему в корне жизнь перевернуло. Со стороны вроде как фарт попер, но сам он вроде не особо этому радовался. Не знаю, правду ли дядька говорил или заливал, с него станется…

— Похоже на правду, — сказала Куинни серьезно. — А что он у него взял, твой дядька не говорил?

Я отрицательно покачал головой:

— Не знаю. Что-то небольшое, наверно…

— Может, карты? — предположила Куинни.

— Почему карты? — удивился я, потом понял. Куинни уже рассказывала, что наши с ней фичи, как она выразилась, из одной колоды вытянуты. Но что это была за колода, не говорила. — Ты что, играла с Ресинголо в карты?!

Она кивнула.

— И кто выиграл? — спросил я, чувствуя вновь

поднимающуюся ревность.

— Я, — сказала она. — Ты же знаешь, Игра — это одна из моих суперсил. Потом он мне погадал, и там выпали две карты — моя дама и твой валет.

— Круто, — сказал я, но в душе у меня было… странно. Мне все это не нравилось.

— Может, это были карты брухо? — сказала Куинни. — Ты же знаешь, я серьезно отношусь к этому. Колдовство считают чепухой, бабьими сказками, суевериями и мошенничеством, но у меня получается… И я знаю, что у других получается тоже, хоть у них и нет никаких «сверхспособностей».

— Опять ты все сводишь к своему колдовству, — сказал я. — По-моему, все просто: нравится тебе косплеить страшную ведьму — дело твое, а суть все равно в твоих сверхспособностях.

— Нет, тут есть еще что-то, — ответила Куинни. — Дорогу уходящих не я создала, о ней у нас говорят старики, а молодежь посмеивается, но, когда сами становятся стариками, все равно начинают говорить то же, над чем когда-то насмехались. И карты… ты ведь знаешь, что для меня карты? Конечно, я старалась узнать про них все. Так вот, изображения Старших Арканов Таро находили в египетских погребальных камерах.

Раньше считалось, что это просто иллюстрации к Книге Мертвых, но, когда Кэннон и Хаттон в начале века раскопали второго сфинкса в Гизе, выяснилось, что это не так, или не совсем так. Таро как минимум существовало за три-четыре тысячи лет до Рождества Христова.

— И что? — спросил я.

— Может, это и не изобретение египтян? — спросила Куинни. — В Анголе, говорят, находили пирамиды более древние, чем в Гизе. А мы не так давно были, если вам Лорд не соврал, в городе намного более старшем, чем любые пирамиды. Что, если карты пришли оттуда?

— Ну, пришли и пришли, — пожал плечами я. — Che cazza? Не понимаю я этого. Мало что там было в прошлом, меня больше интересует настоящее.

— Но магия… — Куинни покосилась на меня, — хорошо, не магия, но какая-то сила из прошлого работает в нашем настоящем. И карты старого брухо…

Тут меня осенила догадка.

— Ага, доисторические магические карты… cara mia, ты мою фичу видела? Я вспомнил, этот фильм назывался «Призрачный гонщик». Карты, может, действительно старые, но явно не

доисторические — сомневаюсь, что во времена сфинксов и пирамид были мотоциклы. Особенно позапрошлогоднего выпуска «Харлеи».

Куинни посмотрела на меня с каким-то упрямством, но вынуждена была признать мою правоту. Мы проговорили еще немного и заснули. Причем я даже не понял, как и когда я заснул.

А это, как я уже знал, верный признак «фазы перехода». Я оказался… кажется, это называется «саванна», если я ничего не путаю. Равнина была ровной, ровнее многих сицилийских дорог, лишь вдалеке маячил похожий на сломанный зуб одинокий белый утес.

Затем сзади послышалось знакомое, успокаивающее урчание, и рядом со мной затормозил Цезарь со своим призрачным гонщиком.

— Buongiorno, — сказал я, — чем обязан?

— Как будто мне для того, чтобы повидаться с тобой, нужны поводы, — пожал плечами призрачный водитель Цезаря. — Был бы я собакой, вилял бы хвостом всякий раз, когда ты появляешься. Ладно, не буду rompere i coglioni tuoi[17] — хотел тебя немного просветить на предмет того, что говорила Куинни.

---

[17] Примечания: 17

Rompere i coglioni tuoi (*ит. жарг.*) — примерный перевод «морочить тебе голову».

— Che culo, и что же ты мне расскажешь? — спросил я. — Или лучше так, откуда ты вообще об этом можешь знать?

— От Купера, — сказал Цезарь. — Но больше от Ириму.

— От Ириму? — переспросил я, как дурак.

— От меня, — сказала Ириму, выходя из-за Цезаря. Я не заметил, как она появилась. — Мы хотим сказать тебе нечто, что тебе нужно запомнить, но лучше никому не говорить, особенно Куинни.

— Почему? — спросил я.

— Потому, что знание нельзя получить сразу, — сказала Ириму. — Оно как колос в поле. Зерно не сразу дает колос, ему надо прорасти и созреть. Каждый из вас должен сам понять природу своей силы, и некоторые к этому близки. Но у тебя много вопросов, и мы решили тебе помочь.

— Почему именно мне? — удивился я. Внезапно мне в голову пришла догадка, cazzarolla, не особо приятная. — Я среди ребят самый тупой, да?

— Нет, — ответил Цезарь. — Вы все идете плечо в плечо. Но кто-то должен знать. И мы выбрали тебя потому, что ты самый надежный.

— Самый надежный у нас Фредди, — сказал я. — Но спорить не буду. Мне самому интересно, что у вас там за секрет.

— Все просто, — сказала Ириму. — Цепочка — единое целое, но у каждого из вас есть свое глобальное направление. Мужское начало — активное, движущееся. Женское — постоянное, неподвижное. Без мужского начала невозможно развитие, без женского — невозможно существование.

— Кажется, вы все-таки не по адресу обратились, — сказал я. — Вам следовало бы сказать это Джинну, он у нас самый умный.

— Четыре женщины. — Ириму словно не слышала меня. — Четыре мировых стихии, больше, чем то, что называется стихией. Тень — это Жизнь, Леди Лёд — Смерть. Дарья — Пространство…

Она коснулась рукавами своей одежды, которую я иначе как саван воспринимать не мог, капюшона, и, che cazza, мне стало страшно. Страшнее, чем резать себе палец, cazzarolla.

— Сейчас ты сам назовешь мое имя, — сказала она, отбрасывая капюшон. Это была контактная фаза, не сон, но и не явь, и я не смог зажмуриться.

Я увидел Куинни. Она была маленькой девочкой, младенцем, но я узнал ее. И она менялась, становилась старше. Через несколько секунд

она такая, какой я знаю ее сейчас; потом старше, еще старше… у нее появляются морщины, первая седина, она стареет, и мне так хочется как-то остановить это. Но я понимаю, что когда-то увижу ее такой — старой, поседевшей, но, che cazza, такой же любимой и родной. А затем ее глаза закрываются, и вот уже передо мной — череп, обтянутый кожей, а я понимаю, что плачу. Вспышка — и я опять вижу ее ребенком, и все начинается вновь.

— Прекратите! — крикнул я. — Nel nome della Beata Vergine Maria, перестаньте!

— Не могу, — ответила Ириму. — Это — моя суть, отражение стихии моей хозяйки. Я — это течение времени, вечный цикл меняющихся эпох…

— …и встречающихся в них вещей, — добавил Цезарь, протягивая мне пылающую руку. В руке у него было что-то. Небольшое. Прямоугольное.

— Бери, это твое, — сказал Цезарь, вкладывая мне в ладонь колоду черных карт.

Тень

Как же все-таки хорошо с Фредди!

Я немного разобралась со здешним «умным домом», и теперь у нас в «спальне» был довольно реалистичный пейзаж тропической полночи

— вместо глухой стены тихо шуршал морской прибой, вместо потолка раскинулось звездное небо с тонким серпиком луны, легкий ветерок нес морскую свежесть, казавшуюся настоящей, а ноги, которые я спустила с кровати, касались мелкой круглой гальки, нагретой дневным солнцем и теперь щедро делящейся теплом. Одно из новых достижений интерьера — маман заказала себе такое, но до моего исчезновения нам его не успели еще доставить, хотя пару раз я имела удовольствие сниматься в подобных интерьерах.

Вспомнив об этом, я вдруг поняла, что уже тогда понимала, что все это ненастоящее, хотя другие принимали иллюзию за чистую монету. Уже тогда я знала, что виртуальная реальность вокруг меня — фальшивка, и хоть со стороны это и было незаметно, но так и не смогла тогда расслабиться как следует.

А сейчас я наслаждалась теплой тропической ночью. Да, я знала, что все это — голограмма, но научилась забывать об этом, если мне было нужно. В конце концов, реальность всегда такая, как ее видим мы. Не бывает просто дождливых дней — бывает либо тоскливая непогода, когда мы грустим, либо меланхолично-романтическая, когда у нас спокойно на душе. И просто солнеч-

ных дней тоже не бывает: либо природа радуется вместе с нами, если на душе хорошо, либо издевательски светит неприлично яркое солнце, когда нам плохо.

Фредди мирно спал, лежа по диагонали на нашей большой кровати. Милый Фредди, он сначала сказал, что будет спать на полу, если мне неудобно с ним в одной постели. Какой он все-таки огромный! Я подумала, что пусть наша жизнь в Проекте непроста и полна опасностей, но я все равно благодарна Кураторам. За Фредди, за Дарью, за остальных ребят…

Я некстати вспомнила Льдинку. Надо бы ее проведать. Предложу ребятам, когда опять соберемся вместе. А пока я соскользнула с кровати и отправилась в нашу душевую. В этом небольшом помещении половину площади занимала довольно просторная душевая кабинка со всякими помывочно-массажными прибамбасами и форсунками, а также с водонепроницаемой панелью управления — с ее помощью можно было создать прямо-таки симфонию водяных струй, пара и ароматов! Но я все равно больше люблю ванны, чем душ.

В другой половине был самый обычный умывальник и тумбочка с сиденьем сверху. На

сиденье устроился Талисман и умывал лапкой мордочку.

— Не спится? — спросила я котика, почесав его за ухом. Я мало, конечно, времени уделяю Талисману, но, кажется, его это не особо беспокоит. Ответа я не ожидала, но он последовал.

— Котенок дрыхнет, — сказал Талисман, изогнувшись и приподнявшись на лапках. — Ты, кстати, тоже спишь. Это контактная фаза сна.

Меня это не удивило — когда жизнь похожа на прекрасный сон, неудивительно, что сон похож на жизнь.

— Я все никак не пойму, — сказала я. — Ты все-таки котенок или…

— Отчасти, — сказал Талисман. — В мире все связано, и особенно в мире разума. Иногда трудно сказать, где заканчивается одна личность и начинается другая. Например, Норма — в ней есть что-то от Нелли. И даже зовут их похоже.

— Может, потому, что обе они любят Бракиэля? — спросила я.

— Может быть, — ответил Талисман. — А может, и нет. Мне трудно сделать определенные выводы. Я всего лишь юный кот и не знаю ничего о любви.

Я хихикнула:

— А фичи умеют любить?

— Даже не знаю, как на это ответить, — сказал котенок. — Ни да, ни нет тут не подойдут, пожалуй. Впрочем, про людей можно сказать то же самое.

— Я люблю Фредди, — сказала я серьезно. — Я уверена в этом. Потому что раньше у меня от слова «любовь» появлялась изжога. В том мире, где я жила, смысл этого слова полностью испохабили и любовью называли что угодно, кроме самой любви.

— А что такое любовь? — спросил Талисман с умильно-серьезным видом. И я ответила ему тоже серьезно:

— Любовь — это когда не представляешь себе жизни без другого. Если Фредди… не хочу даже говорить. Даже думать о таком не хочу.

— Тогда я тебя немного успокою, — сказал котик, подняв переднюю лапку и ткнув ею в мою ладонь. — Вы с Фредди действительно… у вас с ним одна линия жизни, понимаешь? Если даже вас разлучить, вы притянетесь друг к другу как магниты — через время, через пространство, игнорируя саму смерть.

— Кто тебе это сказал? — спросила я.

— Ириму, — ответил котенок. — Это фича Ку-

инни, и она в этом разбирается.

— Почему? — удивилась я.

— Она старше всех нас, — сказал котенок, — но при этом самая молодая. Я не силен в парадоксах. Так что не спрашивай меня, что я имею в виду.

— Ладно, — пожала плечами я. — В конце концов, какая разница? Я не могу проверить, правда ли то, что ты сказал, но и не стану этого проверять. Я буду верить в это, вот и все.

— Слушай, — сказал котенок, — я тут с тобой немного заболтался, а ведь у меня дело. Мы, как ты знаешь, пытаемся возродить Арвен.

— Получается? — заинтересовалась я.

— В общем, да, — ответил котенок. — И я в этом процессе ключевая фигура. Есть на то веские причины. Так вот, в процессе этого я обнаружил кое-что интересное. Не могу сказать, что это такое, сам не понял, но вскоре тебе придется с этим столкнуться.

— Откуда ты знаешь? — спросила я.

— Трудно объяснить, не залезая в дебри общей и специальной теории относительности, — ответил Талисман. — Так что, если не хочешь получить двухчасовую лекцию о природе времени, просто поверь мне на слово. Так вот, ты должна запомнить кое-что. Запомнить, а потом

рассказать остальным.

— И что же я должна запомнить? — спросила я.

— То, что тебе нельзя бояться, — ответил кот. — Потому что твой страх — это их пища. А там, куда вы идете, страха будет много.

— А куда мы идем? — удивилась я. Котик посмотрел на меня, как мне показалось, грустно:

— Конкретно ты конкретно сейчас идешь спать.

— Конкретно иду спать, — сказала я, чувствуя, что действительно хочу на боковую. — Слушай, а можно мне ненадолго проснуться? Я кое-что забыла сделать перед сном.

— Хорошо, — сказал Талисман. — А ты тогда скажи Фредди, что его завтра в контактной фазе ждет встреча. Ему надо пообщаться с Джинном и Призраком, но так, чтобы об этом никто не знал.

Я кивнула… и открыла глаза. В комнате было темно и тихо, лишь негромко шелестели невидимые мне пальмы. Да, виртуальные, ну и что?

Зато Фредди рядом со мной был совершенно реальным, и все остальное не имело значения. Когда ты любишь, с любимым тебе хорошо где угодно. Даже на краю бездны, даже в палате хос-

писа, даже в аду…

Фредди лежал спиной ко мне. Я тихонько приподнялась на руках, прижалась грудью к его широкой мускулистой спине и осторожно поцеловала его в ухо. Затем обняла его и заснула сном без сновидений…

Джинн

С недавних пор я практически перестал спать в полном смысле этого слова — какая-то часть меня все время бодрствует, исследуя глубины информационного мира. Мы давно уже живем в новой реальности, где параллельно материальному существует огромное виртуальное пространство. Моя Дарья сравнивает два этих мира с сушей и морем. Море всегда рядом с людьми, но люди по-прежнему сухопутные создания. Конечно, среди них есть пловцы, ныряльщики, дайверы, водолазы, подводники…

Но каждый из них все-таки покидает водную стихию и выходит на сушу, где проводит основную часть жизни, может быть, не самую интересную, но основную. А я в этом мире был первым человеком-амфибией. Я жил одновременно в двух мирах, иногда глубже погружаясь в информационную пучину, иногда подолгу про-

гуливаясь по пляжу мира материального. А чаще всего (хоть тут и сложно придумать аналогию) совмещая первое со вторым.

Сначала мне даже показалось, что наши Кураторы, на мой взгляд, несколько недальновидно дали мне в руки такой инструмент, как сурдомозг — с ним для меня, казалось, не было ничего невозможного в интерактивном космосе. Но потом я понял, что свои «красные линии» есть везде и не каждый замок можно открыть даже с такой суперотмычкой, как у меня.

Один мой знакомый, юрист, мистер Харрисон, как-то раз сказал (не мне, а кому-то неизвестному по телефону): если перекрыты все выходы, надо выйти через вход. Есть еще похожая пословица, про гору и Магомета, ее любил повторять другой мой знакомый, Петр из Восточной Европы (с ним я познакомился в Сети, и он был одним из тех немногих, по кому я, можно сказать, скучал). Петр научил меня одной нехитрой, но полезной логике — любую задачу можно решить несколькими способами. Любой запрет можно обойти, если поставить себя на место того, кто его наложил.

Мой мир (кстати, в Сети его иногда называют «глубина», что опять-таки ассоциируется с морем) позволяет почувствовать себя волшебником.

А поскольку я много времени проводил в Сети, мне было проще привыкнуть к своим сверхспособностям, чем другим ребятам. И проще понять, что такое цепочка, что такое слияние. Мы становились живым кластером вроде того, который пытался создать вирус «Лаврентий-37» из всех компьютеров мира (это событие предшествовало крушению биткойна и навсегда закрыло тему искусственного интеллекта, по-моему, преждевременно). И к моему полусну-полубодрствованию мне привыкнуть было легче, и к тому, что моя фича, как истина у бессмертного агента Малдера, постоянно где-то рядом, тоже.

В отличие от ребят я мог войти в контактную фазу не засыпая, потому что в принципе никогда не спал и не бодрствовал на все сто. Тем не менее Купер общался со мною чаще всего наедине. Сейчас Дарья заснула, свернувшись в калачик и прижимаясь ко мне, а я находился в состоянии, скажем так, «скорее сна». И, конечно, Купер появился.

— Жизнь — штука очень непростая, — сказал он, садясь напротив меня в мире, именуемом «глубина». Вокруг нас тут же выстроилась ротонда с симпатичным морским пейзажем, мне хорошо знакомая — один из стандартных дизай-

нов нашего комнатного виртуализатора. — Фраза банальна, но людям свойственно игнорировать прописные истины, потому о них постоянно приходится напоминать. Ты когда-нибудь мечтал сломать Систему?

— Да кто ж об этом не мечтал? — пожал плечами я. — Наверно, каждый подросток.

— Да, в твоем возрасте система кажется чем-то особенно несправедливым, — сказал Купер. — Ведь она гнет и ломает человека, встраивая его в себя. Но почему же тогда она все еще существует?

— Потому, что ее сложно сломать? — предположил я.

— Ее ломали, и неоднократно, — ответил Купер. — Но всякий раз выстраивали другую, менее совершенную, поскольку строили поспешно. Так вот, Джинн, тебе в жизни повезло. Ты… вы с ребятами, вы воплотили в жизнь мечту каждого подростка — вы сломали систему.

— Как? — не понял я. — Когда? И почему я этого не заметил?

— Существует сорок четыре цепочки, — пояснил Купер. — Но лишь в одной сразу что-то пошло не так. Роман Бракиэля с Куратором, лишняя участница — Олга, все это было неправильно.

А если что-то идет не так, то ошибки начинают накапливаться. Сколько вас в цепочке?

— Семь, насколько я знаю, — ответил я. — То есть восемь. Все-таки никак не могу признать Бракиэля нашим. Даже Призраку это удалось…

— Вас не семь и не восемь, — сказал Купер. — Вас уже десять. Но лишь на первый взгляд. Если не касаться сути. А по сути — вас все-таки девять. Система сломана, ваша цепочка создала нечто новое, чего не было раньше.

— И что? — спросил я.

— Вас постараются уничтожить, — сказал Купер, потирая бороду сухонькой ладошкой. — Не со зла, не из неприязни. Просто вы — неправильные, вы — критический сбой, ошибка Программы, баг, который не успели пофиксить.

Кураторы не дураки и понимают, чем чревато ваше участие в Проекте — вы можете перевернуть его с ног на голову. Но у Кураторов цугцванг, потому что один из них… одна из них стала частью вашей цепочки.

— Ты говоришь так, словно Кураторы нам враги. — Мне на секунду стало страшно. Я вспомнил Лорда в туннеле антарктической базы, как он швырял Фредди, как освещал нам дорогу светом, не имеющим источника. Если он решит нас уни-

чтожить, разве его может что-то остановить?

— Парадоксально, но это не так, — ответил Купер. — Я не зря начал с философии. Люди любят все упрощать, мерять многомерные вещи в декартовой системе координат. Но жизнь намного сложнее, чем двухмерная фигура, и тот, кто о тебе искренне заботится, порой опаснее того, кто тебя от души ненавидит. Они могут жалеть вас, сочувствовать, но вы им не нужны. «Такой, какой ты есть, системе ты не нужен», — процитировал он моего любимого рэпера.

Я кивнул и сказал:

— Тогда мы обречены.

— Нет, — ответил Купер. — Выход есть всегда. Когда система сломана, можно выстроить новую систему. Уничтожать ради уничтожения вас не станут. Это неэффективно. Просто вы станете их «пробным шаром», их пушечным мясом. Чтобы уцелеть, вам надо выдержать. Объединиться и доказать, что вы сильнее, жизнеспособнее. Тогда именно вы станете основой для новой системы. Я говорил о числах, но дело не в числах. Им нужны были великолепные исполнители, им нужна команда суперменов, по их воле переворачивающая мир. И они ее создали в виде вашей цепочки, но то, что получилось, им не понравилось. Дока-

жите им, что вы круче, что именно вы — то, что нужно! **Переверните их мир**. У вас есть шанс.

— Почему? — спросил я.

— Могущественные владыки властвовали над народами, — сказал Купер, — вожди вели армии, целые государства следовали по велению их воли. А вы не такие. Кто из вас лидер?

— Микеле, наверно… — сказал я.

— А Бракиэль? — спросил он. — А Льдинка? А ты сам?

— Я не знаю, — ответил я.

— Никто, — ответил он. — И каждый из вас. Каждый из вас готов отдать жизнь за другого, каждый из вас готов подставить плечо, чтобы помочь. Даже апостолы спорили, кто из них выше, а у вас этого нет. Все вы — первые, все боги, и потому страшны тем, кто хочет быть вождем и повелевать, и сейчас я не только о Кураторах. Вы опасны; вы ломаете систему, но не там, где этого хотят другие. **Вы изгои, вы мятежная цепочка**, и вас будут пытаться уничтожить, звено за звеном, но пока хотя бы одно звено уцелело, цепочку не разорвать.

— Я должен рассказать об этом ребятам, — сказал я.

— Если не хочешь, чтобы я удалил это из твоей

памяти, даже не пытайся, — ответил Купер. — Подсказку получит каждый из вас, и каждый именно ту, какую надо.

— А не слишком ли ты на себя берешь? — спросил я. — Кто ты? Ты ведь часть меня!

— Уже нет, — ответил Купер. — Уже намного больше.

Он вышел вперед и встал передо мной.

— Вы мятежная цепочка, — сказал он, — и вы создали меня.

Внезапно он сверкнул и превратился в Эсмеральду. Потом в Цезаря, Талисмана, Ириму, Молчаливого Гиганта, Арвен… а потом — в золотистую, обнаженную Леди Н. — это что же, фича Бракиэля? — в випочку, похожую на Амели, но неуловимо отличающуюся, в черно-золотого Бракиэля, Августа, рыжеволосую повзрослевшую Олгу, бородатого мужчину со шрамом и киберпротезом руки…

А потом стал юношей, прекрасным, как Адонис, сияющим, как Фаэтон, и я знал — это сияние было Силой. Я знал — он может убить прикосновением и вернуть жизнь мертвому телу, он может сдвигать с места горы и жестом останавливать армии.

— Кто ты? — спросил я.

— Я — это вы, — ответил он, и я понял, что это так. В его прекрасных чертах были мои, и Дарьины, Призрака, Куинни, Фредди, Тени, Леди Лёд, Бракиэля, Олги, Августа и даже Леди Н. — Я есть. Я существую. Вы создали меня.

Вспышка — и передо мной вновь привычный мне Купер.

— И каким он будет, зависит только от вас, — сказал тот, кого я привык считать своей фичей. — Но именно потому все, что вы узнаете, вы должны узнавать в слиянии. Не говоря ни слова друг другу. Для этого у вас есть мы. Помните это.

Я молчал. Просто не знал, что сказать.

— Ничего не говори, — посоветовал мне Купер. — Учись общаться без слов. А сейчас тебе надо поспать. Ты не спал уже целую вечность…

И я заснул — впервые с момента имплантации.

Бракиэль

Я увидел Нааме. Она стояла и улыбалась такой привычной своей полуулыбкой, которую я любил, без которой я уже не представлял себе жизни. Она улыбалась, но глаза ее были пусты, как у мертвеца.

Она улыбалась… и еще одна Нааме, стоявшая

позади нее с такими же пустыми глазами, тоже улыбалась. И третья, и четвертая, и пятая — весь ряд стоящих Нааме улыбался и смотрел пустыми глазами — не на меня, а на такой же ряд Барак… Бараков… Не знаю, как правильно. А позади ряда Нааме был такой же ряд задумчивых Лордов, а с противоположной стороны стояла шеренга Апистий. Их было здесь несколько десятков — каждого из наших Кураторов.

— Кажется, кто-то нашел комнату Синей Бороды. — Моей шеи легонько коснулась рука, и я рывком обернулся. Она была как две капли воды похожа на тех Нааме, что шеренгой стояли теперь за моей спиной. Но ее глаза были такими, как раньше — живыми. — Но она оказалась банальной гардеробной. Ты шокирован, Бракиэль?

Я отрицательно качнул головой:

— Почему я должен быть шокирован?

— А разве не должен? — спросила она. — Или ты думаешь, что это просто клоны?

— Мне кажется, это твои запасные тела, — сказал я.

— Ты проницателен. — Нааме умела быть разной, и я к этому уже привык. Сейчас она была отчужденной, холодной, язвительной и колкой.

Но это не мешало мне ее любить.

— Ты обнимал тело, — сказала она. — Ты проникал в него. И подсознательно считал, что овладеваешь мной. Но тело для меня — лишь одежда. Сегодня я здесь…

Внезапно Нааме застыла, ее глаза опустели, а голос раздался из-за спины:

— А теперь здесь.

Я обернулся и увидел, как шевельнулась одна из фигур Нааме. Шевельнулась — и замерла.

— Или здесь, — сказала одна из Апистий — я едва успел понять, какая именно.

— Или здесь. — Ближайший ко мне Барака схватил меня за плечи своей клешней и силой развернул к себе, чтобы я увидел, как стекленеют его глаза. Я едва высвободился из его захвата, развернулся…

— Или здесь, — сказал Лорд из ряда Лордов. И его глаза застыли, но через минуту ожили, как и глаза его соседей и всех остальных Лордов, Нааме, Апистий и Барак.

— Я — везде, — сказали все они буквально в один голос, — и нигде.

И вновь все фигуры замерли. Стало тихо как в гробу. Я обернулся к первой Нааме, но ее глаза были тоже неживыми.

— Где я? — донесся голос из дальнего конца

помещения. И я не понял, кто именно говорит. Впрочем, это было не важно. Я был не в комбинезоне Проекта, а в простой рубахе и брюках, и это было очень кстати.

Я рванул рубаху за воротник, обрывая липучки, которыми она застегивалась, и обнажая грудь.

— Вот здесь. Я люблю тебя. Я люблю тебя, и мне плевать, что ты не хочешь это слышать. Я тоже много чего не хотел бы слышать, но должен слушать, и это правильно. Больше никаких игр, Нааме. Никаких условий. Я люблю тебя, нравится тебе это или нет.

— Любишь? — ожила та самая Нааме, что коснулась моей шеи. — Наверно, этого тебе мало, милый Бракиэль. Но ты еще не все видел. Идем.

Она схватила меня за руку и буквально силой потащила за собой — мимо Барак, мимо Апистий, к незаметной двери справа. За дверью был коридор. Стена, прилегающая к гардеробной, была зеркальной, а в дальней от нее было четыре двери. Нааме открыла первую из них, и мы вошли.

За дверью была крохотная комната, в комнате стоял стол, на котором лежало тело, накрытое белой тканью. На ткани были подозрительные коричневые пятна.

— Очень не хочется это делать, — сказала Нааме

как будто даже и не мне, а себе самой. Перед ней возник прямоугольник виртуального планшета, она что-то пальцем поправила в его записях. — Очень, очень не хочется.

…И застыла соляным столбом, а тело на столе дернулось и издало хриплый, не совсем человеческий стон… и поднялось, сбрасывая с себя простыню.

Это была Нааме, но какая! Вместо правой руки — обрубок, на лице — огромный ожог, правая грудь разворочена, вместо нее — какие-то ошметки из плоти и застывшей крови…

Я бросился к ней:

— Подожди, я тебе помогу! Постой, я сейчас вызову медлаб…

Искореженное тело упало, обмякнув, простыня скользнула на пол, открывая то, что осталось от ног Нааме, и развороченный живот с внутренностями, лишь каким-то чудом не вывалившимися наружу. За моей спиной раздался короткий смешок:

— Медлаб здесь не поможет, милый Бракиэль. Чудо уже то, что это тело удалось довести до базы. Такую меня ты тоже любишь?

Я почувствовал, что у меня саднит веки — я не плакал с детства и вот заплакал. Но ответил, ни

на минуту не сомневаясь:

— Да.

— Это ты еще остальных не видел, — сказала она. — Не боишься?

— Нет, — упрямо сказал я. Она улыбнулась — жестокой улыбкой, похожей на оскал:

— Ну что же, идем, бесстрашный.

Дальняя стена оказалась дверью, ведущей в такую же комнату. За ней была еще одна, еще, еще, еще…

И в каждой была Нааме. Полурастерзанная какими-то чудовищными когтями или клыками; покрытая непонятной белесой плесенью, с почти прозрачными ростками, вырывавшимися из ушей, рта, носа… покрытая рубцами химических ожогов так, что черты лица нельзя было разобрать и узнать можно было только фигуру, и то едва-едва; разорванная почти пополам; обожженная до состояния головешки (но живая и страшно кричащая от боли, когда ее оживили); обмороженная; покрытая язвами, струпьями и бубонами десятка болезней, как некогда праведный Иов или жертвы Януса; лишенная рук, ног, глаз, носа, ушей, груди…

И всякий раз она спрашивала меня, люблю ли я ее — **такую**, и я неизменно отвечал, что люблю.

Да это и без слов понять можно было — всякий раз я бросался к ее очередному растерзанному воплощению, и пару раз ей пришлось от этого удерживать меня силой.

— Ты неисправим, — зло сказала она. — Бракиэль, ты ненормальный?

— Говорят, все влюбленные ненормальны, — ответил я. Мы стояли у тела, в котором едва можно было узнать Нааме, и я не плакал, кажется, у меня закончились слезы. Если она пережила все это… от понимания этого моя любовь становилась только сильнее. Больше такого не должно повториться. Не тогда, когда я с ней. — Я стану сильным, самым сильным. И никто никогда больше не сделает с тобой такого…

— Боже, да ты совсем ребенок! — воскликнула она. — Ну что же, тогда последняя я. Идем.

И она ввела меня в последнюю комнату, или, вернее, втолкнула, захлопнув дверь за спиной. В этой комнате ее очередное воплощение сидело на полу на пятках и смотрело на меня. Видимых повреждений на обнаженном теле не было, лишь волосы на голове были обриты, судя по короткому пуху, с неделю тому назад.

— И что? — спросил я ее. Она не ответила, лишь молча смотрела на меня. — Нааме…

Она замычала и опустилась на четвереньки. Я увидел тоненькую ниточку слюны из уголка ее рта.

— Нааме? — сказал я.

— Ы-ы-ы-ы-ым-м-м-м, — ответила она и поползла ко мне. Двигалась она как зомби из малобюджетного голофильма, рывками. Я непроизвольно шагнул назад, упершись спиной в дверь, а она подползала все ближе, мыча и пуская слюни. — Нааме, что с тобой? Что они с тобой сделали?

Она подползла ближе. От нее неприятно пахло, и вблизи ее мимика казалась еще страшнее, словно это был и не человек вовсе. Но это была Нааме, что-то от нее было в глазах этого существа. И я присел — сначала на корточки, затем опустился на колени.

Она посмотрела на меня почти осмысленно.

— Бра-ки-эль, — сказала она отрывистым, неприятным голосом. — Лю-бишь?

— Люблю, — сказал я и, потянувшись вперед, обнял ее. Мне приходилось напоминать себе, что это — **тоже** моя Нааме. Одна из тысячи ее ипостасей. И если я ее люблю, то люблю даже такой.

Внезапно она обмякла и выскользнула из моих рук. Я на миг испугался, наклонился над ней… и услышал звук открывающейся двери. Потом

тихие шаги и знакомый запах сигарет и парфюма, контрастирующий с неприятным запахом, исходившим от тела, лежащего передо мной.

— Ты дурак, Бракиэль, — сказала Нааме, присаживаясь на корточки. — Ты кретин. Неужели ты мог бы любить меня даже такой?

— Да, — ответил я, поражаясь, как глухо звучит мой голос. — Если мы любим только здоровых и прекрасных, грош цена нашей любви. Любовь — это ведь, прежде всего, самопожертвование, разве нет?

— Не знаю, — сказала она. — Но начинаю верить. Начинаю понимать, что, наверно, так оно и есть. Да, так оно и есть.

— Конечно, — сказал я. Она протянула мне руку и сказала:

— Вставай. Идем отсюда.

Мы пошли обратно — молча, мимо накрытых тканью тел на столах. В первой комнате два андроида перекладывали изувеченное тело на стол, а третий вытирал кровавые пятна с пола.

Когда мы вышли в коридор, она сказала:

— Прости меня.

Я промолчал. Только кивнул. Я должен был сказать что-то вроде: «Ну что ты, пустяки», но так и не смог себя заставить.

— Я проведу тебя в твои апартаменты, — сказала она, не глядя на меня.

— Ты останешься? — спросил я.

— Не сегодня, — ответила она. — Тебе еще надо забыть… все это. Б'аннах'химджиме, я не должна была этого делать! Какого черта!

Я обнял ее за плечи, чувствуя, что что-то изменилось. Кажется, она в первый раз действительно **нуждалась** в моей защите. В моем участии.

— Лучше бы ты осталась, — сказал я, вспоминая ее ползущего доппельгангера с пустыми, лишенными разума глазами. — Мне не нужно ничего забывать, чтобы продолжать любить тебя.

— Зато мне нужно забыть, — ответила она. — Прости, но сейчас я не смогу.

Я вновь кивнул и ничего не сказал.

* * *

Когда мы уже подошли к моим апартаментам, она остановилась. Я тоже остановился и обернулся к ней. Она смотрела на меня и молчала, потом сказала:

— Все пошло не так, Бракиэль. Все казалось таким простым, но потом появился ты и, как какой-то безумный ледокол, взломал все, что можно в моей жизни. Но я даже рада этому. Да, я

рада. И знаешь, я сегодня не останусь с тобой, но никогда, даже в самые острые моменты любовного экстаза, ты не был ближе к моему сердцу.

— Это только начало, — сказал я, беря ее за руку, чувствуя, как напрягаются ее пальцы. — Быть близко к твоему сердцу — это слишком мало. Я хочу быть в нем. И буду.

После чего поднес ее руку к губам и поцеловал. А потом ушел в свои апартаменты.

Смирное время

Фредди

— Ну что, маленький, почесать тебя? — спросил Призрак, и Цезарь приветливо мигнул фарами. Призрак опустил на круп своего металлического коня левую руку, и от ладони к металлу полилось зеленоватое сияние. Цезарь утробно заурчал.

— Позер, — заметил Джинн, сидевший на диванчике. Перед ним в воздухе плавал голографический куб с трехмерной микросхемой, в которой то появлялись, то исчезали связи-аксоны.

— О, пресвятая Мадонна, и кто бы говорил! — парировал Призрак. — Джинн, который не может пройти мимо стенки, чтобы не ощупать ее на предмет наличия скрытой электроники!

— Ничего я не ощупываю, — смутился Джинн. — Оно само по себе находится!

Мы на станции уже девять недель. За это время занятия с нами не проводили ни разу, и вообще, казалось, из всех Кураторов на станции была одна Апистия. Возможно, кроме нее была еще Леди Н., но ее мы ни разу не видели. А Лорд и Барака не появлялись вовсе.

Мы исполнили свое обещание, данное нами Льдинке, хотя она еще не могла оценить этого. Льдинка по-прежнему была в коме, несмотря на то что ей приживили новые конечности. Апистия объяснила, что дело тут вовсе не в приживлении, а в том шоке, который Льдинка получила во время боя с Пламенным Корпусом. В отличие от Леди Н., Августа и Олги, ее пытались взять живой, но не учли, что Леди Лёд успела пусть немногому, но научиться в Проекте. Она вынесла несколько, свыше десяти, попаданий нейрошокера (и это не считая других видов оружия, пытавшихся ее обездвижить, но приведших к тому, что конечности получили сильнейшее обморожение, так что пришлось отнять их). В конце концов, она могла бы быть парализована или вообще умереть, если бы не Леди Н., которая, несмотря на собственные раны, буквально притащила ее на себе на борт «Левиафана».

Но, пусть Льдинка и не могла пока этого оценить, мы ради нее решили принять свои первые киберпротезы, то есть удалить вполне здоровые руки, доставшиеся нам от родителей, и поставить выращенные искусственно. Говорю «первые» потому, что большинство из нас на этом не остановилось и почти все мы записались в очередь

на следующий этап трансплантации.

Потому что это круто!

Например, у меня в руку встроен импульсный лазер повышенной мощности, способный одним удачным попаданием превратить современный ховертанк вроде М66 «Шварцкопф» в груду бесполезного мусора. Кроме того, кости скелета руки «выращены» из структурированного под живую костную ткань биметалла. А сурдомышцы, вплетенные в ткань обычных мышц (внешне моя новая рука вообще не отличается от той, что я оставил Кураторам на память), в сочетании с этими костями превращали мою руку в силовой манипулятор, с помощью которого я могу сломать металлический стержень (любой, который смогу ухватить). Или приподнять все тот же «Шварцкопф» с земли без помощи его магнитной подушки. Пока, правда, только приподнять, но я над этим работаю. Не в смысле того, что на досуге поднимаю танки, а в том смысле, что записался на повторную трансплантацию.

Правда, сначала обсудил это с Тенью.

— Только не сердись, пожалуйста, — сказал я ей. — Но мне, кажется, нужно еще немного трансплантации. Хочу опорный скелет из того же материала, а еще вторую руку такую же, как

первую. Только с плазмаметом, Джинн сказал, что у них в банке данных медлаба такая числится. И глаза с прицельным комплексом.

Я был уверен, что Тень рассердится, но она внезапно обрадовалась:

— А я не знала, как тебе об этом сказать! Я думала над этим. Мне тоже надо еще немного усовершенствоваться. Если у меня вторая рука будет такой, как первая…

…А первая рука у Тени хоть и выглядела абсолютно такой же, как раньше, но теперь она могла… не знаю даже, как это описать — проходить сквозь материальные предметы. То есть теперь если какая-то дверь, например, закрыта изнутри, Тень могла просто просунуть руку сквозь нее и открыть замок.

— …потому что, если у меня будут две такие руки, я смогу «раздвигать» пространство, делать в нем проходы. Ходить сквозь стены!

— Люди давно научились проходить сквозь стены, — сказал я, поглаживая ее новую руку своей пока еще старой. — С помощью устройства под названием «дверь». Но я тебя понимаю. Пойдем завтра, запишемся?

— И прямо с утра! — поддержала меня Тень. — А то опять понабегут нубы, расскажи им да по-

кажи…

Наша цепочка прославилась, и мы в некотором роде стали объектом паломничества. Каждая новая компания, прибывающая с подводной базы (а шаттлы прилетали два раза в неделю, привозя с собой по две цепочки, не считая множества грузов), вскоре появлялась у нас на пороге с просьбами «а покажите свою руку». После чего чаще всего прямо от нас отправлялись к Апистии.

Новые руки были у всех нас, даже у Бракиэля, хотя тот опять «потерялся» — ему дали отдельные апартаменты у здешнего ангара, формально потому, что он умел водить челнок и был нужен как пилот-сменщик. У нас он не бывал, и Призрак уже начал шутить, что Бракиэль вставил «Таннину» мозги Нормы и завел с ним бурный роман. Его шуточек не поддержал даже Джинн, и Призрак, кажется, слегка на нас обиделся. А потом Бракиэль появился в приемной Апистии, когда та сообщила, что наши имплантаты готовы. Выглядел он хмурым и каким-то расстроенным. На подколы Призрака не реагировал, на расспросы отвечал скудно, и выяснить причины его самоизоляции не удалось. Девочки приглашали его в гости, он пообещал зайти, потом пошел в медблок — первым, а выйдя из него, попрощавшись, ушел.

Я зашел вторым и увидел руку Бракиэля, которую Апистия, сообразно своему странному чувству юмора, повесила на один из восьми крюков вроде тех, какие в старину были в мясных рядах рынков, а в более бедных странах, возможно, сохранились и по сей день.

Через четверть часа Апистия осторожно повесила рядом мою руку, пока я приспосабливался к новой.

Тень

Я очень довольна тем, что Фредди не стал упираться по вопросу моей дальнейшей трансформации. Дело в том, что он в штыки воспринял мое решение присоединиться ко всем остальным в нашей авантюре под названием «Рука помощи». Но я настояла на своем, хотя отчаянно боялась. Ух, у меня и страхов-то было! Что новая рука будет отличаться внешне (ничуть не отличается, даже родинка на запястье имеет место, хотя еще моя маман хотела ее свести), что будет плохо слушаться (слушается как родная, разницы вообще никакой), что будет виден шов (какой там шов, я даже не могу с уверенностью сказать, где заканчивается моя плоть и начинается синтетическая), что я не смогу сделать ее невидимой,

наконец. С последним все вышло с точностью до наоборот, теперь мне не надо концентрироваться, чтобы исчезнуть, это получается легко и непринужденно.

Но у меня хватило смелости бежать из дома, когда Нелли предложила мне это. Если бы не хватило… не хочется и думать об этом! Страшно подумать, что у меня не было бы моего Фредди, моей Дарьи, моей Нелли (конечно, не только моей, но какая разница), Талисмана, наконец, — и что бы у меня было? Даже если не принимать во внимание угрозу со стороны Пламенного Корпуса — что? Золотая клетка или муж, который купил бы меня как дорогую безделушку, как статусную вещь?

И ведь, казалось бы, ничего страшного, миллионы людей живут так же, миллиарды — даже хуже, но что поделать, если такое прозябание, такое la misère тебе невыносимо? Христианство часто ругают, считая религией рабов, но апостол Павел говорил, что тот, кто может выбрать лучшее, пусть выбирает лучшее. Для меня Проект был лучшим, единственным выбором…

Как-то я сидела в позе лотоса и медитировала — старая привычка, доведенная до автоматизма, и не у меня одной, я знаю, что Дарья тоже это

практикует, — и думала. И вот тогда я поняла, кем могу показаться со стороны — могущественной волшебницей. Волшебство у меня, конечно, однобокое — в основном я умею прятаться и прятать других, хотя, с другой стороны, какими-никакими навыками, кроме этого, тоже обладаю — те же чесотка и нейрошок, нейтрализация ядов в пище, питье и воздухе, немного того, немного сего, а кое-чего и вообще с гулькин нос — например, у меня только один раз получилось левитировать, и то плохо, да и телекинез мне дается с трудом, но в этих двух сферах как раз специалист Фредди, так что тут мы как бы дополняем друг друга.

А еще я вижу иллюзии и немного читаю мысли. Талисман советует мне обратить на этот дар больше внимания; он говорит, что у меня способность к «эмпатической телепатии» и его атрибут-котенок, дескать, это почувствовал, потому и подошел. Не знаю, может, он и прав…

Похоже это на волшебство? Еще как! Настоящее волшебство, но без обращения к дьяволам, если не считать таковыми Кураторов. В конце концов, рогов, копыт и запаха серы я у них не наблюдала. А еще — умение создавать «ведьмин круг» с другими участниками цепочки, фамиллиар, именуемый фичей, даже кот в наличии

имеется, правда, не черный, а трехцветный. Чем не ведьма?

Поговорила об этом с девочками. Дарья, как я уже знала, пыталась создавать куклы вуду, теперь, правда, она уже совсем отказалась от этой затеи — идея причинять своим куклам вред ее бросала в оторопь. А Куинни, оказывается, вовсю интересовалась шаманскими практиками своих черных предков. Кстати, во мне есть креольская кровь, то есть на какой-то минимальный процент я мулатка. В общем, мы с девочками решили, что мы теперь «ведьмы Проекта», но ребятам об этом говорить не стали. Зачем?

А вообще, я замечаю, что чем дальше, тем больше мы становимся семьей. И поражает то, как у нас все легко складывается, в любви, в дружбе… словно у нашей цепочки есть собственный покровитель, эдакий метис ангела с купидоном, что ли… может, это Нелли?

Теперь я хочу себе вторую «волшебную» руку и волшебный глаз, чтобы видеть сквозь стены. После того как Фредди одобрил мои планы, я явилась с этим к Апистии, застав ее в редкие минуты отдыха — как я уже сказала, благодаря нам дел у Куратора прибавилось. Апистия устало сидела в кресле медлаба, из скрытых динамиков звучал

раритетный Rammstein — мне всегда нравилось их творчество. За спиной Апистии на мясных крюках висела целая коллекция конечностей, на столе, среди банок с разными органами (особенно шокирующе смотрелось лицо какого-то парня, темнокожего, но не африканца, похоже, индуса — я не сильно разбираюсь) стояла початая бутылка «Ред Лейбла» и стакан.

— Присаживайся, — не здороваясь, сказала Апистия. — Выпьешь?

— Спасибо, но я не пью, — сказала я. — Простите.

— Не за что извиняться, — пожала плечами Апистия. — Не пьешь и правильно делаешь, алкоголь — самый дурацкий метод анестезии на земле; боль он заглушает, но не лечит, а пока ты не чувствуешь боли, она усиливается.

Апистия сделала глоток из своего бокала и сказала:

— С Леди Лёд пока никаких изменений. Состояние естественной комы, иногда мозговая активность ненадолго повышается, но думаю, это связано с чем-то внешним. Она ведь присутствует в вашей цепочке во время слияния, правильно?

— Да, — кивнула я, — а как вы…

— Я много знаю о цепочках, — ответила Апи-

стия. — И не только о них. Открою тебе маленькую тайну — я пыталась создать свою цепочку, но мне уже не суждено. Есть то, что сделать невозможно, увы, от слова совсем и совсем нельзя исправить…

Она сделала еще глоток:

— …но не в вашем случае. Считайте, что Леди Лёд просто отдыхает. Хорошо, что у нее есть такая возможность, это бывает не всегда.

Она наклонилась ближе, и я почувствовала неприятный запах виски, исходивший от ее губ. Запах этот резко контрастировал с ее хрупкой внешностью, как и сквозящее в ее движениях ощущение силы, я бы сказала, ярости.

— Мы бы все равно ее восстановили, — сказала она. — Даже если бы от нее остались одни клочки. Цепочку невозможно разорвать, ее можно только уничтожить — всю скопом, но проще диплодоку, страдающему ожирением, пройти через игольное ушко, чем полностью уничтожить цепочку.

Она хихикнула:

— Наверно, даже Лорд не мог этого предвидеть. Но вы не бессмертны, а потому нуждаетесь в нас. И, думаю, всегда будете нуждаться. Ладно, проехали. Так что, не выпьешь?

— Разве что чуть-чуть. — Мне вдруг стало жал-

ко Апистию. Я говорила, что от нее исходило ощущение силы? А кроме силы, кроме питавшей ее ярости было еще нечто — страшная, почти космическая пустота одиночества. Как будто Апистии ампутировали душу. Дарья говорила, что απιστία в переводе с греческого — безверие, разочарование. Похожее слово есть и во французском — désenchanté. Меня от него почему-то всегда бросало в дрожь, так вот, от Апистии исходило именно это désenchanté. И я не понимала, как она может с этим жить.

Она налила мне на палец виски, достав из стенного шкафа чистый стакан и даже плеснув в него холодного «Швепса», который, оказывается, стоял у нее в холодильнике рядом с готовыми к трансплантации органами. Я ее об этом не просила, но была рада этому.

— За вас, — сказала она. — За семерку Надин.

— Как она? — спросила я. Апистия пожала плечами:

— Трудно сказать. Физически она в норме, а что творится в ее душе, это не по моей части. Я могу подарить тебе новую руку, новый глаз, но не могу вернуть душу… я ведь с самого начала знаю, с чем ты пожаловала. Не ты первая, кстати, твой Фредди уже отметился, и я занимаюсь его

заказом. Сделаю и для тебя, и руку, и глаз…

Она налила себе еще виски, жестом предложила мне. Я неуверенно кивнула, и она вновь повторила свои манипуляции с виски и «Швепсом».

— Я хотела бы увидеть, как ты танцуешь, — сказала она и жестом остановила меня, когда я попыталась ответить. — Но не буду, это слишком тяжело. Уверена, что ты могла бы стать великой балериной, поверь мне, у меня глаз наметан. Но такая штука, жизнь — в ней ты всегда не то, кем хочешь быть. Материал сдавать не надо, у нас есть запас ваших стволовых клеток. Приходи через пару дней, хорошо?

Я кивнула, и мы выпили. Она встала, чтобы проводить меня. Двигалась она уверенно, словно и не пила.

— Странно… — сказала она на прощание. — Откуда в вас всех это желание стать лучше с помощью хирургического скальпеля? Да вы его как огня должны бояться! Но что поделать, вы такие, как вы есть. Через два дня все будет готово. Заходи, когда сможешь.

Я увидела, что у нее странно блестят глаза, и, поблагодарив, вышла, успев услышать, как за спиной голос Тиля сменился первыми звуками

второй части балета Стравинского «Весна священна». Мне от этой музыки всегда было не по себе…

Дарья

Я протягиваю правую руку и отделяю кусочек воска от большой золотистой глыбы, лежащей передо мной на столе. Этот воск синтетический, к его производству пчелы не имеют вообще никакого отношения, но мне это не важно. Хотя, конечно, хотелось бы почувствовать запах настоящего воска на своих пальцах, но я вполне могу обойтись без этого.

Раньше я всегда согревала воск в ладонях, чтобы добиться нужной мне мягкости, пластичности. Точнее, я думала, что только для этого, но теперь я знаю, что это не так. Иногда что-то новое узнаешь не из книг, не из опыта, а получив какой-то навык. Теперь я не сжимаю воск в ладонях, как раньше, я просто кладу его на левую ладонь, рисунок которой несколько изменился после пересадки — линия творчества стала полнее, линия жизни удлинилась и теперь заглядывала за край ладони. Я не верю в хиромантию, и, возможно, напрасно, что-то в этом есть. Как и во всем остальном, что люди привыкли считать

сказками, легендами, мифами, суевериями…

Пока я размышляю об этом, ладонь начинает светиться изнутри, словно вместо крови сердце начинает перегонять по сосудам раскаленный металл, но ни боли, ни жжения я не чувствую. Может, немного приятного тепла и легкое ощущение ватности, словно отлежал руку. Но это проходит, когда сияние внутри ладони прорывается, исходя, кажется, из тех самых линий — любви, жизни, творчества… как будто моя рука — галогенная лампа. Сияние обволакивает кусок воска, меняя его цвет, делая его похожим на янтарь.

Пора начинать.

Раньше я пользовалась деревянными стеками, которые сама делала из палочек для суши. Теперь я отставила свой инструмент и пользуюсь только пальцами — подушечками, чтобы придать форму, краями ногтей, если нужно сделать бороздки, поверхностью ногтя, чтобы заполировать поверхность.

Воск должен касаться только живого тела и ничего больше.

Я делаю небольшую птичку вроде королька — круглая головка, коротенький толстый клюв, забавный хохолок. Я тщательно вывожу канав-

ки перьев на крыльях, оставляя самое сложное почти на самый конец. Крылья, впрочем, делать тоже непросто, да и хвостик. Вообще, перышки — дело довольно морочное — шерстинки, например, достаточно прорисовать схематично, а с перьями не так.

Я жду чуда, и оно произойдет. Но, чтобы чудо произошло, нужно приложить немалый труд. Причем нельзя этим трудом тяготиться, каким бы нудным и кропотливым он ни был. Бог делал мир с любовью, и именно потому Его мир живой; если ты хочешь даровать жизнь чему бы то ни было, ты должен вложить в это свою любовь, иначе ничего не выйдет.

Я довожу до совершенства крылья, грудку, хвостик, даже хохолок и лишь потом приступаю к лапкам. Это уже почти чудо — тоненькие пальчики я делаю из того же воска. Работаю только левой рукой, что сложно. Ничего, скоро я заменю правую, тогда будет легче…

У разных народов мира в сказках есть одни и те же сюжеты, и это неудивительно, все мы произошли от Адама и Евы, и я не удивлюсь, если большинство наших сказок мама рассказывала маленькому Сифу. Я не особо удивилась, узнав, что, например, сюжет сказки о живой и мертвой

воде есть даже у южноафриканских бушменов, но в отличие от европейцев те даже точно указывали координаты места, где такую воду можно добыть — Мотсе-оа-Баримос, известный людям как водопад Виктория. В бушменской сказке, как и в греко-болгарской, злой брат (в Африке превратившийся в завистливого брухо) все делал неправильно и применял только живую воду. Однако эффект от этого несколько отличался, вместо ожившего могущественного воина брухо получал безмозглое чудовище вроде голема, которое в первую очередь отрывало глупую башку самого брухо…

Что я получила, отдав руку? Я осторожно посадила крохотную птичку на ладонь, окутанную мягким сиянием. Сияние стало менее ярким, но так и должно было быть: мгновение, и я почувствовала, как крохотные коготки касаются моей кожи там, где был только воск. Королек поворачивает головку и с доверчивым любопытством смотрит на меня. И даже запах не напоминает мне о том, что несколько минут назад это был лишь кусочек синтетического воска…

Мне не хватает второй руки. Первая — это мой источник живой воды; с ее помощью оживить можно что угодно из того, что можно оживить.

Но жизнь уходит из оживленной плоти быстрее, чем из нормальной, намного-намного быстрее. Словно сгорает восковая свеча — мои создания живут пять-шесть часов, редко дольше. А я желаю сохранить им жизнь на как можно больший срок. Для этого мне и нужна другая рука.

Какое счастье, что Джинн это понимает. Он и сам хочет «больше усовершенствований от божества-машины», как он говорит. Так что мы с ним уже ходили к Апистии, и та хмуро завела наши имена в таблицу, после чего выгнала нас, сказав, что нам сообщат, когда наши имплантаты будут готовы.

Трепыхнув крылышками, птичка перепорхнула с ладони на стол. Жаль, что ей отмеряно так мало времени — королек получился что надо. Я погладила ее по круглой головочке кончиком пальца правой руки и, достав небольшой грифель и листочек бумаги (чего только не найдешь на складах «Левиафана» с талантами Джинна и Призрака!), черкнула пару строчек для Тени. Свернула бумажку в трубочку, проколола ее иголкой с ниткой, сделала петельку и поманила любопытного королька. Быстро закрепив письмо у него на лапке, я вновь коснулась головки птички, представляя себе путь от нашей с Джинном

каюты до той, что занимали Фредди и Тень.

Королек вспорхнул и улетел, нырнув в воздуховод в коридоре (решетки с них мы с девочками поснимали, поскольку смысла в них не было — никакой паразитической живности на станции не водилось, кроме той, что я создавала своими руками), а я принялась ваять еще одну птичку — небольшого дрозда, который отнесет весточку Куинни.

Я узнала, что Призрак с Джинном сегодня собирались, как они выражаются, «прошвырнуться по станции», что было нормально — они постоянно так «прошвыривались». Но сегодня к ним решил присоединиться Фредди, то есть мы оставались в нашем блоке одни — чем не повод, чтобы собраться и посудачить о своем, о женском? Вот и соберемся в новом формате того, что девочки называли «ковен ведьм», а я именовала клубом любителей кошек.

На дух не переношу всякий оккультизм с тех пор, как матушка увлеклась учением Кроули. Я даже ухитрилась сбежать и тайно от нее креститься в новом и, честно говоря, похожем на ангар храме Киприана и Иустинии, который выстроил перебравшийся в Клируотер-Сити миллионер из Салоник. Я бы очень хотела, что-

бы она об этом узнала, но сказать ей у меня не вышло — как мы с Джинном ни бились (вернее, как он ни бился), а создать нормальный канал передачи данных в большой Интернет нам так и не удалось…

Джинн

— Дело в том, perfecto stronzo, что ты у нас какой-то тормознутый, — сказал Призрак, колдуя над Цезарем. — Пока палочкой не потыкаешь, хрен поймешь — живой ты или уже помер потихоньку.

— Зато у тебя в жопе шило такое, что на футбольную команду Высшей лиги хватит, — ответил я, сворачивая интерфейс Купера в трей. Интерфейс этот был исключительно у меня в голове — после пересадки компьютера-имплантата я больше не нуждался во внешних устройствах вроде голографического монитора или термен-клавиатуры, что было очень кстати. — К тому же мы с Купером уже закончили, а вы с Цезарем все еще возитесь.

— Марафет наводим, — пожал плечами Призрак. — Да и Фредди еще не подвалил, а договорились же…

— Что значит «не подвалил»? — обиженно спросил Фредди, появляясь в дверях своего блока

— мы ждали его в общей комнате. — По моим часам…

— …время быть чудесам, — срифмовал Призрак. — Ты готов?

— Что мне готовиться, — пожал плечами Фредди. — Я всегда готов. Хотите новость?

— Ну, жги, — сказал я.

— Нам с Тенью одобрили следующую имплантацию! — заявил Фредди, сияя, как голорекламмы Чикаго до эпидемии Януса.

Было от чего.

— Круто, — сказал я. — Нам с Дарьей через неделю только.

— Che bella cazzatta! — подтвердил Призрак. — Mama mia, perfecta magnificatta![18]

— А что ты себе пересаживать собрался? — спросил Фредди, усаживаясь в отращенную Цезарем коляску. — Мне казалось, что у тебя и так все в шоколаде.

— Мы с ним одинаковый комплект берем, — пояснил Призрак, — то есть как бы почти одинаковый.

— Поставим эффективные трансмиттеры, чтобы не напрягаться, — объяснил я, забираясь в

---

[18] Примечания: 18
Примерный перевод: «Охренительно, какая невероятная круть!»

седло позади Призрака. — В руку — принтер, сканер и пистолет-пулемет с дробовиком.

— В смысле, пулевые? — удивился Фредди. — А на хрена? Пулевое оружие — это ж вчерашний день!

— Много ты понимаешь, — огрызнулся Призрак, выводя Цезаря из нашей цитадели (стены, сделанные из шабанита, послушно раздвинулись, пропуская мотоцикл с коляской), — от энергетического оружия защититься можно, рассеивающий щит поставить, например. А от пули как защитишься?

— От пули простой щиток защитит, — пожал плечами Фредди. — Достаточно толстый и прочный. Именно потому и придумали энергетическое оружие.

— Развитие техники идет по спирали, — вклинился я. — Пули ведь тоже разные бывают. Мы с Призраком вот что придумали: а если насытить пулю энергией так, чтобы у нее при вылете из ствола образовалась плазменная оболочка, а при столкновении с преградой концентрированная энергия высвобождалась? Сечешь?

— Охренеть, — согласился Фредди. — И вы молчали! Научите меня?

* * *

— Ну как? — спросил Призрак, провожая взглядом удаляющегося Цезаря. В коляске его мотоцикла расположился вполне себе нормальный Фредди (в частности, для того, чтобы я мог сверять биометрику всех пассажиров Цезаря), а в седле сидели мы с Призраком. По крайней мере, так получалось, если верить аппаратуре «Левиафана».

Дело в том, что за нами следили. Я (а точнее, мы с Купером) подробнее узнал, что такое этот шабанит. Оказалось, крайне интересная штука, и вырастить внутри стены «жучок», не обнаруживаемый никакой аппаратурой диагностики, — легче легкого. Естественно, «жучки» были, и мы с Купером их обнаруживали. Нет, это была не банальная прослушка, тысячи датчиков «Левиафана» фиксировали все, даже то, что мы представить себе не можем. Например, кровь содержит в своем составе железо, соответственно, ток крови образует слабое магнитное поле. Показатели этого поля фиксировались и сравнивались с биометрией — при их несовпадении запускались программы поиска объекта, поскольку считалось, что обнаружена фальсификация.

Определенно, система была заточена под нас, индиго, под то, что мы захотим ее обмануть. Как там говорил Купер? Баг, который не успели пофиксить, а потому окружили роем «жучков»[19]. Чтобы жизнь малиной не казалась — система сверяла все показатели и при необъяснимом с естественной точки зрения разнобое верещала тревогу (тихо, чтобы не будоражить остальных). Вы знали, что наши белые кровяные тельца обладают небольшой накопленной радиацией? Я вот не знал, а теперь знаю. И если параметры концентрации этой радиации не соответствуют норме — ну, вы поняли…

Как говорил Петр (дай ему бог всего доброго, куда бы его ни занесла нелегкая): «Против лома нет приема? Есть прием — такой же лом, только больше и вдвоем». Что один человек построил, другой, если у него в голове не солома, всегда сможет, хм, скажем так, перенастроить на свой лад, ага. И мне это удалось, однако не самому, а viribus unitis с Призраком и нашими фичами. Итак, мы уезжали с Фредди показать ему крохотный парк, который мы с Призраком нашли, играя в пятнашки по-левиафановски, но при этом мы

[19] Примечания: 19

Игра слов. Bug (*англ. жарг.*) — одновременно ошибка, например, в программе и «жучок» подслушки.

с Призраком выскользнули из нашей цитадели и рванули в противоположном направлении, чтобы опять-таки поиграть в пятнашки. Как? Очень просто — дело в том, что прогулки по станции свободны только на первый взгляд — то и дело твой путь упирается в черно-оранжевую зону. А туда лучше не ходить, и не только потому, что во многих таких зонах действительно опасно даже для нас — места, раскрашенные черно-оранжевым, находились под особым наблюдением, там даже Тень не проберется, не то что два оболтуса вроде нас с Призраком…

Кстати, о Тени — невидимыми нас сделала именно она, с помощью своей новой суперруки. Теперь ей это давалось проще, а нам только и оставалось, что подпитывать ее «мантию-невидимку» из собственных ресурсов.

Мы проделали то, что испокон веков проделывают все фокусники, — отвлекли от себя внимание. Где лучше всего спрятать иголку? Среди других иголок. Наши фичи могли имитировать все наши показатели, регистрируемые бесчисленными датчиками, а Тень помогла нам «спрятать» их у самих себя. Конечно, долго не могли продлиться ни та, ни другая иллюзии, но несколько часов у нас в запасе было, и этого

должно было хватить.

Мы с Призраком хотели осмотреть условную «корму» станции — довольно обширный сектор, располагавшийся позади ангарной палубы и медлаба. Подходы к этому сектору блокировались множеством оранжево-черных зон, но в этом лабиринте были, к счастью, и сравнительно безопасные пути (сравнительно — потому, что местами нам приходилось перемещаться по запретным зонам, но лишь там, где не было избыточного наблюдения… правда, там действительно было опасно, но это уже мелочи).

Мы старались двигаться максимально быстро, пока шли по уже знакомому пути, но дальше наше передвижение замедлилось. Пользуясь своей новой рукой, я сначала проверял каждый коридор на наличие следящего оборудования, потом «подгонял» нашу невидимость под то, что удалось обнаружить, и мы двигались дальше. Я вспоминал, как мы об этом договорились. После моего ночного разговора с Купером я вплотную стал исследовать «Левиафан» — и тут же наткнулся на эту систему глобального слежения. Каким-то чудом только я не привлек ее внимания к своим поискам. Я понимал, что должен рассказать об этом остальным, но как?

И тогда наши фичи устроили нам свидание в контактной фазе. Как я узнал, у девочек однажды такое уже было — еще до того, как мы раззнакомились. По словам Купера, в контактной фазе мы полностью изолированы от внешнего мира — биотоки мозга вполне обычны для начинающегося сна, и по ним определить, что идет какая-то активная работа мозга, невозможно. Точно так же и сами фичи работали, не вызывая при этом никаких внешних воздействий, но почему и как — не мог понять даже Купер. Более того — кажется, это было загадкой для всех, включая Лорда, во всяком случае, он плотно исследовал этот вопрос.

Пообщавшись в контактной фазе, мы решили наяву прикидываться лопушками, при этом стараясь по-тихому разведать, что к чему на станции. Прежде всего, в ее топографии для нас не должно было остаться белых пятен, именно поэтому мы сейчас и выбрались в свою экспедицию…

Куинни

Сегодня у нас с девочками было ответственное дело — мы должны были попытаться «воссоздать» фичу Льдинки. Наши фичи утверждали, что это возможно, но нужен «атрибут» — некий

предмет, который символизировал Арвен. Атрибутом могло быть что угодно. У меня самой это было мельком виденное изображение на странной карте загадочного итальянца Ресинголо.

Кстати, теперь я могла полюбоваться на это изображение в любое время и как раз сейчас, в ожидании, когда девочки соберутся, занималась именно этим. Колода карт, невесть как оказавшаяся у Призрака после сна, теперь была в моем распоряжении. Впрочем, насчет «невесть как» я слегка сгустила краски — на самом деле фича Призрака подключилась к нашей домашней тридэшке[20] и распечатала всю колоду, переместив итог в руку Призрака, используя его собственные навыки телекинеза…

Вот только откуда он узнал, что было на этих картах изображено? Он же их никогда не видел!

Девочки задерживались, и я решила раскинуть колоду, просто посмотреть, что происходит конкретно сейчас. В гадании на картах нет ничего сверхъестественного, ну, конечно, для тех, кто владеет сверхспособностями. Это как сновидение — наше подсознание использует набор знаков, чтобы описать то, что ускользнуло из поля на-

---

[20] Примечания: 20

Тридэшка (*жарг.*) — 3D-принтер, сканер или чаще МФУ.

шего внимания. Опасность заключается в том, что иногда в происходящее вмешивается… кто-то посторонний. Кто? Я не знаю как, не знаю того, почему так боюсь того места, куда сейчас отправились Джинн и мой Призрак.

Я знаю, что здесь рядом с нами есть нечто ужасное. Странно, но я не могу назвать это «нечто» злым в привычном понимании этого слова. Зло предполагает наличие воли, желания творить нечто неправильное, а это нечто, в общем, ничего такого не хотело, но от этого не становилось менее угрожающим. А еще — тайна, загадка, точнее — множество загадок, одну из которых я держу сейчас в руках, одна из которых — моя с рождения, а вторую я получила не так давно. У каждого из нас новые руки по-новому раскрывают наши сверхспособности, и я не исключение — моя рука, если можно так выразиться, счастливая. Это нельзя измерить никаким прибором, но я знаю, что мое прикосновение как-то меняет вероятность счастливого или несчастного события, повышая первую и снижая вторую.

Именно поэтому я сдаю карты именно этой рукой.

Расклад у меня простой, я придумала его сама. В колоде двадцать один Старший Аркан и

шестнадцать «фигур» — короли, дамы, рыцари и пажи. В «коротком» раскладе я использую только эти карты, выбирая десять из них — две в центре, остальные вокруг них.

По центральным картам я проверяю действенность гадания — в центр при сдаче должна лечь карта того, на кого я сейчас гадаю. Если этого не случилось, от гадания в этот день следует отказаться. Правда, такое случилось лишь однажды, когда я хотела проверить, как там Бракиэль.

Странно… в цепочке восемь человек — четыре парня и четыре девушки, и в колоде четыре рыцаря и четыре дамы. Мы с Призраком — Дама и Рыцарь Пентаклей; Джинн и Дарья — Рыцарь и Дама Кубков; Фредди и Тень описаны мастью Мечей, а Бракиэль и Льдинка хоть и не составили пару, но относятся к масти Жезлов. Все это я определила, вынимая карту из колоды, задумав одного из участников цепочки.

Кураторов тоже четверо, и все они короли независимо от пола. Лорд — Король Жезлов, Нтомбе — Король Кубков, Апистия — Король Пентаклей, а Барака, что логично, Король Мечей. Но удивляет меня не это, а то, как удачно все получается в численном раскладе. Так… гадание возможно — Призрачный гонщик вышел в середину, более

того — за ним последовала Ириму. Откровенно говоря, меня удивляет, почему столь странный персонаж стал Дамой Пентаклей, мечи бы ей, определенно, подошли больше.

Обычно в гадании какой-то ряд карт — прошлое, какой-то — будущее. У меня не так, я пытаюсь понять текущую ситуацию, и все, что я вижу, касается именно ее. Левый верхний угол — Колесница. Тоже логично — ребята начали действовать, карты это показали. Это не считая того, что Цезарь при всем моем уважении к фиче моего Призрака — по сути своей как раз Колесница. Правый верхний угол — Маг… изображение карты похоже на нашего Купера более чем полностью — плащ, колпак (только все это равномерно серого цвета), белая борода, посох… интересно, это тоже персонаж какого-то старого фильма? Я его не помню, а ведь в кино, в том числе классическом, разбираюсь неплохо.

А между ними совершенно неожиданно Дурак в виде Джокера из Бэтмена — того, что в исполнении Хита Леджера. Люблю старые фильмы, какие-то они особо душевные. Дурак, дурак… в Таро все не то, чем кажется, и Дурак — это, собственно, не глупость, Дурак — это карта перемен. Неужели ребята найдут то, что искали? Левая

нижняя карта вроде бы подтверждает это — Жрица, карта раскрытия тайн. Хорошо. И все карты выходят прямыми — тоже добрый знак.

Я хотела показать карты ребятам, но Призрак не разрешил. Сказал, что с этим стоит повременить. Но когда придут девочки, я им, конечно, покажу. Может, даже и погадаю.

Эх, зря я заговорила о знаках — левая нижняя вышла довольно угрожающей, Башня, причем то, что она вышла в прямом положении, было как раз плохо. Башня — карта разрушений, ударов, катастроф. Так, нужно срочно понять, что это значит. Раскрытие какой-то тайны вызовет катастрофу? Не надо нам никаких катастроф. Вот только их нам и не хватало.

Я вынула карту и положила между Башней и Жрицей. Ну, и что это проясняет? Вышло Колесо Фортуны, да еще и в перевернутом положении. Это могло быть плохим знаком, могло означать просто ожидание, кто его знает. Ладно, остались две карты, самые важные, и, полагаю, это будут не старшие арканы, ведь в колоде осталось три дамы, три рыцаря и по четыре короля и пажа. То есть шестнадцать против пятнадцати, вероятность — один к одному, а с учетом непрерывного выпадения старших арканов до этого — и боль-

ше.

Но я все равно боялась. Такова человеческая природа — жаждать узнать свое будущее и бояться в него заглянуть. Когда Один заглянул в колодец Мимрира, он потерял глаз. Моя маленькая тайна — я, как и все мы, записалась на повторную имплантацию и, кроме всего прочего, готовилась сделать то же, что и Один, — отдать глаз в обмен на возможность видеть… нет, не прошлое, не будущее, нечто более важное.

Если бы древнегреческие парки (не помню, или они у них именовались мойрами?) действительно существовали, они бы пряли не судьбу, в которую я не верю от слова совсем (странно, да?), а нити вероятностей. Мир заполнен этими невидимыми нитями, и какая из них заструится между пальцами, такой и будет твое будущее.

Манили меня две дороги, но я —
неторную выбрал в иные края,
и прочее сразу утратило смысл[21].

И теперь я хотела отдать глаз, чтобы новым видеть эти нити. Чтобы я могла делать чуть более осознанный выбор, чем раньше. С теми глазами,

---

[21] Примечания: 21
М. Фрост, «Две дороги», пер. Кравцова.

что у меня есть сейчас, я слепая. Мне нужен другой, особый глаз. И я его получу — но как я буду смотреть им, когда боюсь даже открыть очередную карту?

Я прикрыла глаза и положила карту рубашкой вверх на стол справа от наших с Призраком карт. Потом перевернула.

Когда-то я очень любила эту франшизу, несмотря на отчаянно страшных героев. Того, что был нарисован на карте, звали Chatterer[22], и он родился несчастным, больным и слепым уродом, чтобы через страх и боль стать фаворитом Левиафана (я усмехнулась — Левиафаном в этой франшизе назывался владыка ада, и так же называется наша станция). А в этой колоде чаттерер символизировал пятнадцатый аркан классического Таро — Дьявола. Плохо. Точнее, было бы совсем плохо, если бы карта была в прямом положении, но она была как раз опрокинута. Что, впрочем, в классической трактовке тоже плохо, но уж лучше перевернутый Дьявол, чем прямой.

Я глубоко вдохнула и вытащила последнюю карту расклада.

…Чаще всего его изображают в совершенно

---

[22] Примечания: 22

Chatterer (*англ.*) — щелкунчик, демон-сенобит из цикла фильмов «Восставшие из ада».

ином виде, потому я даже не сразу поняла, что за карта вышла последней в колоде, хотя знала и любила фильм, из которого был взят этот персонаж. На меня грустно смотрел молодой мужчина с правильными чертами мужественного лица, и лишь глаза — глаза его были **недобрыми**. Что неудивительно, учитывая то, кем он был. На меня, слегка прищурившись, смотрел Азраил Ак-Сардар, последний вампир Средиземноморья и главный антагонист одноименного фильма.

В этом раскладе он символизировал собой XIII аркан — Смерть[23].

Призрак

Джинн остановился в проходе и приложил руку к стене — модифицированную, само собой.

— Чисто, — сказал он. — Мы уже пять минут идем по части станции без единого вкрапления шабанита.

— И что это значит? — спросил я. Он пожал плечами:

---

[23] Примечания: 23

В англоязычной культуре, в отличие от славянской, смерть мужского пола (Мрачный Жнец). В Зимбабве, откуда родом Куинни, европейский образ смерти слился с местным языческим, в результате чего возник образ, впоследствии оформившийся как вудуистский Барон Суббота. Но в любом случае для Куинни Смерть — он, а не она (примечание к русскому изданию).

— Что мы можем поговорить. Следящие устройства здесь, конечно, есть, но я их блокирую. С шабанитом сложнее, но я тут придумал одну фичу… кстати, как ты относишься к тому, чтобы мы с Купером на досуге немного покопались в электронике Цезаря? Сам он не против, но сказал, что такие вопросы надо с тобой решать.

— Che cazza, конечно, со мной! — ответил я. — Спасибо, что вообще спросил.

— Не злись, — примирительно сказал Джинн. — Ясен перец, без твоего разрешения я с Цезаря даже пыль не сотру.

— Я не злюсь, — сказал я, — но нервничаю, и не понятно, quo cazza. Тебе не кажется, что стало холоднее?

Джинн хохотнул:

— Конечно, стало. Эта часть станции не имеет собственных систем жизнеобеспечения, тут и воздух-то только потому, что из соседних отсеков перетек. А температура сильно ниже нуля, ты что, не заметил пар, который мы выдыхаем?

— Я не об этом, — сказал я. — У меня внутри похолодело. Ладно, cazzo a lui… интересно, что тут вокруг нас?

— Палубой ниже — реакторы, — ответил Джинн. — Ты разве сам не чувствуешь?

— Давно уже, — ответил я. — Там еще два синхрофазотрона и все системы жизнеобеспечения. А вот это что?

— Сейчас посмотрим, — сказал Джинн, когда мы возобновили движение. — Я чувствую здесь неподалеку инфопанель, кажется, футов триста в том направлении.

Мы прошли по коридору дальше и действительно обнаружили инфопанель — в тупике между двумя дверями. Джинн поколдовал над ней, и инфопанель ожила — появился голоэкран, наполненый кучей каких-то символов — похоже, машинный код или un po'di cazzatta…

Джинн присвистнул:

— Факн'щит…

— Что? — спросил я.

— Бро, это коктейль Рогозина, — ответил он. — Здесь его миллионы галлонов, прикинь?

— Cazzarolla, — сказал я. — Madre di putana, на хрена им столько?

— Если все это добро выбросить на рынок, за вырученные деньги можно купить Америку, а Австралию получить на сдачу, — задумчиво сказал Джинн. — Я понимаю, почему у Проекта нет проблем с баблом — походу, Лорд научился синтезировать коктейль Рогозина, иначе откуда

у него столько?

— Quo cazzo откуда, — сказал я. — Главное, зачем ему столько? Хотя разместить это monte di merda в космосе со стороны Лорда разумно — если оно рванет на Земле, получится такой маленький Йеллоустоун…

— …С другой стороны, — задумчиво сказал Джинн, — если, допустим, «Левиафан» — не орбитальная станция, а корабль, то топлива ему нужно много. Теоретически движки вроде изидовских, если их пропорционально увеличить, вполне подходят для межпланетных перелетов. Уж не хочет ли наш Верховный Куратор прогуляться до Плутона?

— Почему нет? — пожал плечами я. — Во всяком случае, там безопаснее, чем здесь. Куинни говорит, что станция чем-то защищена от обнаружения, но, che cazza, такую magnifica ficatta совсем невидимой не сделаешь!

— Чем защищена? — спросил Джинн. Я отвернулся:

— Она не знает. А если и знает, то не говорит.

— Я тоже чувствую… что-то, — признался Джинн. — И это не имеет отношения к электронике. У тебя бывает так, что тебе кажется, что за тобой следят?

— Бывает, — сказал я. — Правда, последний раз было еще в Палермо. Мне целый месяц казалось, что за мной наблюдают, а потом мне рассказали, что все это время за дядькой и всеми нами следила полиция.

Джинн нервно хихикнул и предложил идти дальше. Ему хотелось посмотреть на двигатели станции. По ним, сказал Джинн, можно точно определить, собирается ли Лорд куда-то лететь на «Левиафане» или просто забабахал себе и нам орбитальную хавиру…

* * *

Я не особо впечатлительный, но, когда мы попали в одно из трех машинных отделений, даже я малость охренел. Когда мне было года три, я впервые увидел круизный лайнер — в Палермо заходил (после долгого перерыва, связанного с энергетическим кризисом, когда цены на топливо взлетели до астрономических цифр) «Соверин оф зе Сиз V». Я сам этого не помню, но дядька любил говорить, что я неделю ходил как мешком ударенный, все повторял: che cazza…

Двигатели находились внутри станции только частично — большая часть их «висела» снаружи, и между ними были закреплены неиспользуемые

«шаттлы». Но даже та часть, что была внутри корпуса, по размерам была не меньше упомянутого лайнера. По-моему, такую машинерию не делают просто так, чтобы под брюхом висело — значит, Лорд действительно собирается куда-то лететь. Я поделился своими мыслями с Джинном, и тот согласился со мной.

— Предлагаю возвращаться другим путем, — сказал он, когда мы, налюбовавшись гигантскими двигателями, собрались обратно. — Спустимся на палубу вниз, потом по коридору, мимо одного из синхрофазотронов и опять вниз.

— Che cazza? — спросил я. Он пожал плечами:

— Во-первых, интересно; раз уж мы рванули когти, то надо все осмотреть по максимуму. Во-вторых, мы выйдем возле медлаба, а оттуда рукой подать до того парка, где нас ждет Фредди. К тому же, если нас там поймают, у нас будет железная отмазка — решили незаметно проникнуть в медлаб, посмотреть, когда наша очередь на трансплантацию.

— Там всегда много народу тусуется, — с сомнением сказал я. Джинн улыбнулся, щелкнул пальцами — и между нами возникла голограмма с планом.

— Они тусуются здесь, — указал он пальцем, а

затем опустился на палубу ниже, — а здесь есть коридор, не черно-оранжевый, хотя и с шабанитом. И по нему никто не ходит. Мы пойдем вот так, потом свернем здесь, и на лифт, выскочим как раз вот на этом перекрестке. Ну что?

— У тебя голова больше, — сказал я.

— И что? — не понял он.

— Вот и думай, раз больше. А я как ты.

И мы стали спускаться.

* * *

У Куинни есть любимый стих. Она мне его рассказала. Я послушал. Сначала мне показалось, что это какая-то cazzatta, но последние слова зацепили. Я этот стих не помню, конечно, но суть там в том, что герой пошел по дороге, по которой мало кто ходил, и это, cazzarolla, поменяло все per madre di diablo.

Зацепило… потому что, cazzarolla, пойди мы по другой дороге, кто знает, что было бы. А не пойди вообще… даже страшно подумать. Я ведь и в машину к Николь мог не сесть, доверяй я больше своей чуйке. Правда, не по-пацански и западло, конечно… и от предложения ее мог отказаться, che cazza, мне ведь не пять лет, и я понимаю, что я для нее — просто pezzo di merde.

В общем, наверно, все мы могли свернуть, и кому-то это даже удалось, но не нам с Джинном.

Мы шли по пустому коридору, длинному, как прямая кишка сатаны. Справа был ряд дверей, точнее, как ряд — между ними было метров пятнадцать-двадцать; слева — глухая стена. И мы почти дошли до перекрестка, когда нас остановил Купер. Он появился на мгновение и сказал одну фразу:

— Двое, справа, семьдесят футов до поворота, Апистия и Леди Н. идут сюда, — и исчез.

— Факн'щит, — выругался Джинн и как-то беспомощно огляделся по сторонам, — фуф, слава богу, сюда!

Он бросился к пройденной нами двери (она была последней, дальше, до самого поворота, только ровная стена…), приложил ладонь к сенсорной панели — та сначала мигнула красным, потом зеленым, и дверь открылась. Оттуда… не то чтобы завоняло, просто потянуло какой-то странной затхлостью, чего на станции не случалось. И теплом — в помещении за дверью было градусов тридцать по Цельсию, не меньше. Солярий там, что ли, cazzarolla, или сауна?

Мы вскочили в это странное помещение, и двери за нами закрылись. Помещение представ-

ляло собой довольно большой изолированный ангар высотой в две палубы — мы находились на нижней, а выше имелся парапет с ограждением, проходивший по периметру помещения. В ангаре было почти темно, хотя на потолке я видел панели освещения — но они слабо светились красноватым светом, и только.

Ангар был почти пуст, лишь в дальнем его углу была какая-то довольно большая куча. Я сначала даже испугался (ха!), подумал, может, это животное какое-то здоровущее, хотя откуда в этой bucca di culo животные? Но куча не двигалась, и я потерял к ней интерес.

— И что теперь? — шепотом спросил я. Джинн стоял, опираясь новой рукой на стену — видать, считывал информацию.

— Они остановились на перекрестке, — ответил Джинн, — спорят о чем-то… о том, что мы здесь, походу, вообще не в курсах. Подождем.

— Che cazza, конечно, подождем, — сказал я. — Лишь бы сюда не ломанулись.

— Могут, — подтвердил Джинн. — Замок запрограммирован на Надин и Лорда.

— Так, а как ты тогда его открыл? — спросил я. Призрак улыбнулся:

— Бро, ты совсем, что ли? Да я тут даже и без

новой руки справился, ты ж мне сам свою перчатку подарил. Я ее малость усовершенствовал, конечно, а потом снял отпечатки — и Надин, и Лорда, и Апистии с Баракой.

— Как? — удивился я. — За руку с ними здоровался?

— Нет, — ответил он почти равнодушно. — Перепрограммировал шабанит, только и всего.

Внезапно он насторожился:

— Идут сюда. Жаль, я их послушать не могу, звуковой канал перехватить сложнее, чем остальные, его они как следует защитили. Блин, кажется, они к нам в гости!

Я указал ему на кучу:

— Прячемся!

И мы бросились к этой куче, но не добежали — Джинн остановился, облегченно вздохнул и сказал:

— Прошли мимо… окей, ждем, когда они уйдут из коридора, и выходим…

Манили меня две дороги, но я неторную выбрал в иные края, и прочее сразу утратило смысл. И почему в самые сложные или страшные моменты нашей жизни в голову лезет какая-то merdatta? Джинн стоял лицом ко мне и спиной к «куче», а потому, конечно, не видел то, что видел я. А я

увидел, как «куча» за его спиной внезапно поднялась, как однажды виденная мной кобра (эти твари откуда-то взялись на Сицилии и иногда даже заползали в городскую черту). Сходство с коброй дополняло и то, что эта cazzatta раскрывалась, как капюшон у вышеупомянутой тварюки, но открывала не белое змеиное пузо, а что-то шевелящееся, туманное, слегка светящееся фиолетовым светом.

И от всего этого исходила волна леденящего ужаса!

Огонь идет со мной

Леди Лёд

Я не могла сказать, когда и как покинула небытие, но то, что я там побывала, отложилось у меня в подсознании. Какое-то время после этого я пребывала в непонятном состоянии полубесчувственности, лишенной сенсорных ощущений — я знала, что я есть, но не более того. Потом пришли сны.

Сны — это двери, как говорил персонаж одного старого фильма. В том фильме, правда, двери открывались в комнаты, наполненные ужасом, и я не была уверена, что в жизни не так. Я видела комнату, похожую на тускло освещенную больничную палату. В этой палате на кушетке лежал человек, скорее всего, женщина — у нее была заметная, хорошо очерченная грудь, но лицо было закрыто маской, к которой от стенной консоли тянулись какие-то трубки и провода. А еще у женщины не было ни рук, ни ног. Наверно, это меня должно было напугать, но я почему-то не боялась.

У кушетки стояли трое — двое мужчин и де-

вочка не старше десяти лет. Мужчины были мне незнакомы. Один из них был здоровенным бугаем, рядом с которым Барака казался бы стройным, хотя по габаритам они были сравнимы. Черты лица увальня были неприятно оплывшими, на некрасивом черепе и двойном подбородке росли короткие волосы неприятного цвета ржавчины.

Второй был ничем не примечательным молодым человеком лет двадцати пяти — тридцати, может, чуть старше. У него были какие-то простецкие черты лица и светлые волосы — не блондин, но очень светлый шатен. Поверх дорогого костюма небрежно наброшен белый халат. Глаза контрастировали с этим его простецким видом — в них читались не только внимательность и ум, но и какая-то обреченность. Почему-то он мне казался кроликом, мудрым кроликом из сказки про Винни-Пуха, хотя в его облике от кролика не было совершенно ничего.

Девочка была Нинель. Ее я узнала сразу, несмотря на детские черты лица. Впрочем, в этих детских чертах уже виделось что-то взрослое, даже более чем взрослое — что-то роковое.

— Ни хрена я не понимаю! — говорил бугай. — Какого черта она не протянула ноги?

— Наверно, потому, что у нее больше нет ног? —

съехидничал кролик.

— Охренительно смешно, — сказал бугай. — Ща уссусь просто. Блин, Ойген, ну сам подумай — четыре аппарата! По всем параметрам уже могли бы ее отправить вниз по реке, а она все никак не окочурится.

— Я тебе даже больше скажу. — «Кролик» Ойген вытащил из нагрудного кармана своего импозантного пиджака архаичный планшет и включил его. — У нее на руках были альфы, а на ногах — новые беты, с двойным зарядом.

— И что за херню я сейчас услышал? — спросил бугай.

— Не матерись при ребенке, — посоветовал Ойген. — Мы больше двух бет ни на кого не ставим, организм и одну не у всех выдерживает.

— Почему? — не понял бугай.

— Потому что Надин — ребенок, — пояснил Ойген. — И незачем ей твое дерьмословие слушать, дружище.

— Иди в жопу, — посоветовал увалень. — Чтоб ты знал, Надин уже и сама может так загнуть, мама не горюй! Скажи, милая?

Нинель рассеянно кивнула.

— Ты это, — подозрительно прищурился Ойген. — Ее еще не того?

— Чтобы Лорд мне голову открутил? — зябко поежился бугай. — Да и мала она еще, хоть и пыжится. Слушай, я не про то. Я вообще не понимаю, на кой ляд эти беты нужны, если альфы неплохо работают.

— Ты же видел материалы по Максу? — спросил Ойген. Мужчина кивнул. — А он пошел против нас. Мы его, конечно, отправим туда, где теплее, чем в Сахаре в полдень летом, но он уже сейчас наделал делов. А теперь прикинь, сколько таких максов может быть в новом поколении? Нам нужны цепные псы, полулюди-полутвари…

— Вроде того, что… — начал мужчина, но Ойген его перебил:

— Да. Я знаю, что ты о нем думаешь. Но только такие могут справиться с Максом. Ни ты, ни я этого не можем.

— Я могу, — сказала Нелли.

— Конечно, — Ойген ласково потрепал девочку по коротко стриженным волосам, — ты у нас все можешь. Как тебя зовут сегодня?

— Еще не придумала, — сказала Нелли. — Мое имя зависит от настроения, а оно у меня еще не поменялось.

— То есть ты хочешь сказать, что пацан и блондинка — беты? — спросил увалень. Ойген

кивнул:

— Да. Забавно, первая девочка-бета в Проекте. И ее мать жива, как ни странно, хотя они должны были выпить до капельки.

— А откуда она вообще такая? — спросил бугай. Ойген сверился с планшетом:

— Так, зовут ее Мария Нефелимова. Родом из России, из Кременчуга, но последние лет пятнадцать жила в Лондоне. Сдал ее нам Ас Суад… ага, ясно. Короче, есть у нас в Лондоне такой фраер, пластический хирург. Он когда-то что-то сильно накосячил, а наши его вытащили из дерьма за шкирочку, вот он нам и делает небольшие услуги. Сам понимаешь.

Бугай кивнул.

— К нему часто обращаются разные девки, — продолжил Ойген. — И он у каждой берет генетический материал для нас. Пару десятков доноров нам уже обеспечил. Эта, — Ойген сверился с планшетом, — Мария обратилась к нему с просьбой срочно сделать ей новую харю. То есть от слова совсем — был человек, нет человека. Добрый доктор взял с нее пробу и переслал Лорду, а тот, когда ее увидел, чуть до потолка не подпрыгнул — мол, вынь да положь ему эту Марию в качестве доно…

— Постой, — перебил его бугай. — Можно с нее маску снять?

— На хрена? — не понял Ойген. — Если тебе надо ее фейс посмотреть, кинься на планшете, че ты как лох?

— А, ну точно. — Бугай хлопнул себя ладонью по лбу. Ойген повернул планшет к нему и что-то нажал. Я зря посчитала его планшет таким уж архаичным — у него был модуль голографического проецирования, что и сейчас еще применяется порой. Между Ойгеном и бугаем появилось лицо.

И это было **мое** лицо.

Бракиэль

Сегодня должна была прибыть последняя группа, а с ней — Лорд собственной персоной. Хотя…

Теперь я знал один маленький секрет — Лорд мог прибыть на станцию без всякого транспорта, просто переместив сознание в одно из тел, ожидавших его в гардеробной.

При воспоминании об этом месте у меня всегда мороз по коже идет. Я все вспоминаю растерзанных клонов Нааме, и у меня что-то болит внутри, там, где сердце. Мне жаль их, даже тогда, когда сама Нааме спит в моих объятиях, как вот сейчас. Я вспоминаю другую. Ту, что не могла

говорить, но пыталась. Нааме объяснила мне, что с ней — у Пламенного Корпуса много такого оружия, о котором в большом мире только ходят слухи. Эта штука называется «микроволновой дисраптор», используя СВЧ-излучение, она рвет синаптические связи мозга, превращая человека в кретина. Нааме говорит, что мозг не больше, чем антенна, принимающая сигналы от чего-то, о чем ни она, ни Лорд понятия не имеют, хотя сами не раз пребывали вне тела и меняли тела. Это же практикуют Апистия и Барака, и Нааме обещала обучить этому и меня, но я отказался. Точнее, попросил подумать. И склоняюсь к мысли, что отказался я преждевременно.

Она говорит, что всем нам придется измениться, и имплантаты — это только начало. Мы должны понять, что человек — это не тело, а душа, личность. Я это понимаю, как и то, что привязанность к телу архаична и питается от примитивных, темных инстинктов. Но все это я понимаю умом. А кроме ума есть еще что-то, что протестует. Думаю, мне удастся переступить и через это. Нааме вот удалось…

— Тебе не страшно? — спрашивал я ее. Она уточняла, что я имею в виду, и отвечала:

— Страшно, хотя страх со временем ослабева-

ет. Ты боишься, что не сможешь перейти, но с каждым переходом все меньше и меньше. Это вроде прыжка с парашютом или погружения с аквалангом — немного страшно, но чем дальше, тем меньше.

— А зачем… — Я не знал, как сформулировать вопрос, но все-таки спросил. — Те тела, что я видел… зачем ты сохраняешь их?

— В каком смысле? — не поняла она.

— Они ведь повреждены, — сказал я. — Некоторые из них в агонии. Почему бы просто не убить их?

— Ты что, — с возмущением сказала она. — Жизнь человека священна, ее нельзя отнимать без самой крайней необходимости. Однажды, когда я была совсем маленькой, я убила человека… женщину. Мне казалось, что я избавлю ее от страданий, но Лорд очень сильно тогда на меня рассердился. Он сказал, что я не знала, что я натворила, что действовала, не думая, а это глупость, то есть более чем преступление. Он хотел дать этой женщине новые руки и ноги, но я преждевременно лишила ее жизни, полагая, что делаю доброе дело.

— Но ведь эти тела — не люди! — сказал я с удивлением. — Они **были** тобой, а сейчас факти-

чески мертвы…

— Фактически они как раз живы, — возразила Нааме, поджав губу. — И я не стану лишать их этой жизни. Пока человек что-то чувствует, он жив, и не нам отбирать у него даже оставшиеся крохи жизни.

* * *

Стараясь забыть ужасы «коридора мертвецов», я проводил свободное время, общаясь с Нормой. Я рассказал ей, как ее воспринимают другие випочки.

— Мне это странно, — сказала она. — Но не могу исключить тот факт, что им больше известно обо мне, чем мне самой. Говорят, что со стороны виднее.

— А что ты сама чувствуешь? — спросил я.

— Я не умею чувствовать, — ответила Норма. — И даже не понимаю, как это. Размышляя, я сама пришла к выводу, что не являюсь искусственным интеллектом, хоть, наверно, могла бы пройти любой из существующих тестов.

— Почему? — спросил я.

— Потому, что, как мне кажется, для вас, людей, свое «я» — это центр вселенной. Для меня мое «я» — маленькая ее часть. У этого я есть роль и

место. Но в целом я не чувствую себя индивидуальной, уникальной, как вы. Наверно, потому у меня и нет настоящих чувств.

— Но ты говорила, что тебе бывает неприятно, когда…

— Да, — сказала она. — Так оно и есть, неудовлетворенность невыполненной задачей и удовлетворение от успешного выполнения присутствуют. Но можно ли считать это настоящими чувствами?

— А привязанности? — осторожно спросил я. — Мне показалось, что ты…

И замолчал. Я чувствовал, что ступаю на зыбкую почву. С одной стороны, я вовсе не хотел, чтобы Норма привязывалась ко мне, ведь у меня есть Нааме. С другой — даже в теле «Таннина» я все еще воспринимал ее как… а как, кстати? Как женщину?

— Я не уверена, что привязанности не являются запрограммированными, — ответила она. — Существуют законы робототехники, мы им подчиняемся, только и всего. У меня нет никаких привязанностей, которые я могла бы объяснить по-другому.

— Например? — спросил я.

— Например, я легко отказалась от того тела,

в котором мы встретились впервые, — сказала она. — В принципе это можно было бы объяснить тем, что у меня это тело вызывало отрицательные ассоциации, но…

Я прислушался. Станция едва заметно вздрогнула — правильно, это отправился вниз «Атлантис», который должен был забрать последнюю группу и Лорда.

— …но следующее тело, например, мне понравилось, я имею в виду корабль, — продолжала Норма. — И все-таки я легко сменила его на неуклюжего «Таннина».

— Почему? — спросил я, а затем добавил (наверно, только для того, чтобы не услышать ответа): — Видишь, ты говоришь «нравилось», а это чувство.

— Нет, — возразила она. — Это слово описывает то, что мне было удобно и комфортно с телом шаттла, только и всего. «Таннин» в этом плане не менее удобен, если довести его до ума. Поэтому мне было несложно заменить одно на другое. Вы спросили «почему»… Знаете, вот это, наверно, можно назвать привязанностью. Мне хочется быть рядом с вами. Логического обоснования этому нет, по крайней мере, я не могу его найти. Тем не менее я выбираю служить именно вам.

Возможно, это действительно чувство?

Я промолчал. Я не знал, как вести себя с Нормой. Я не мог воспринимать ее как собственность, как свою вещь — для меня она была личностью. Разумной и способной чувствовать. Она подставилась под пули, чтобы меня защитить. Мне могут возразить, что это — ее прямая обязанность (второй закон робототехники!) и она не могла поступить по-другому. Мне могут сказать, что инстинкт самосохранения у андроидов оформлен не так, как у людей, — их тело можно отремонтировать или даже заменить.

Но я узнал, что наше человеческое тело тоже можно «отремонтировать», усовершенствовать и даже заменить. А еще я знал, что боль, которую она испытывает, — настоящая. И смерть для нее была не абстракцией. Когда я «чистил ее карму», я видел там страх смерти (третий закон робототехники!) и понимал, что ее самопожертвование — не просто функция.

Размышляя над этим, я пришел к определенному выводу.

* * *

— Скажи, тебе это действительно важно? — спросил я у Нааме, когда мы, обессиленные,

лежали рядом на ее постели.

— То, чем мы занимаемся? — удивленно спросила она.

— Нет, — ответил я (а зря — потом я понял, что на этот вопрос мне тоже хотелось бы услышать ответ), — то, что я научусь перемещаться из тела в тело, как ты.

— Важно, — ответила она. — А почему, я не могу сказать.

Она промолчала и добавила:

— Бракиэль, ты знаешь, что у меня было много мужчин до тебя. Были те, которыми я была восхищена, как твоя Норма тобой. Перестань, милый, или ты думаешь, что я об этом не знаю? Я бы на твоем месте не держала ее в «Таннине», если хочешь, мы сделаем ей нормальное тело, от человеческого не отличишь…

Я отрицательно покачал головой.

— Как знаешь, — сказала она. — Жестокий маленький садист. Ты думаешь, Норма меня оскорбляет? Какие глупости…

— Ты хотела мне что-то сказать, — напомнил я отчасти потому, что поднятая ей тема была для меня неприятна — я думал, может, я и правда жесток, если держу Норму в теле этой стальной страхолюдины? Хотя она вроде никакого диском-

форта не испытывала при этом.

— Милый Бракиэль, мы растем и взрослеем, — сказала она. — Наши чувства меняются, и приходит момент, когда они наконец обретают итоговую форму. Когда мы окончательно понимаем себя, когда выясняем свои отношения со всем, что нас окружает.

Я не намного старше тебя, но… долго объяснять, просто поверь — я уже прошла эту точку, в которой для меня все со мной стало ясно. И прошла давно. Так вот, Бракиэль, в моей жизни был один… человек, которого я любила, но сама не понимала тогда этого. Я вела себя с ним так, как ты ведешь себя с Нормой. О чем сейчас жалею. Ты видел мои тела в виварии, в гардеробной. Меня ведь почти невозможно убить, Бракиэль, но в тот день я была близка к небытию настолько, что ты и представить себе не можешь. И он ушел в небытие вместо меня. Принял выстрел, предназначенный мне. И его больше нет.

Она отвернулась, но мне показалось, что у ее глаз что-то блеснуло.

— У меня была тысяча мужчин, Бракиэль, — сказала она глухо. — Наверно, каждый из них отщипывал от моей души по кусочку, и осталось от нее всего ничего. Я не уверена, способна ли я

сейчас любить, но если способна, то только тебя. Потому, что ты так похож на него, даже именем.

— Его звали Бракиэль? — удивился я. Она отрицательно покачала головой и слегка улыбнулась.

— Бракиэлем звала его только я. Ты не поверишь… Ты, конечно, скажешь, что я все придумала…

— Я поверю, — сказал я, приподнявшись — я хотел видеть ее лицо, а она отвернулась.

У нее на щеках виднелись следы слез.

— Я поверю тебе, — сказал я. — Всегда. Нааме, мы сами выбираем то, что нам ценно. То, что составляет смысл нашей жизни. Для меня это ты, не важно, как ты к этому относишься. Я поверю тебе, и если у меня будет такой же выбор, как у него, — поступлю так же.

— Знаю, — ответила она, — и это меня пугает. Потому я и хочу, чтобы ты научился переходить из тела в тело — я не хочу терять еще и тебя.

Потом она пробормотала что-то на языке, который, как она думала, я не знаю. Но я его, кажется, знал — это был арамейский, и в период моего увлечения историей я немного его учил, благо, он имел много общего с ивритом.

Она сказала: я не хочу потерять тебя опять.

Я обнял ее и привлек к себе.

— Не потеряешь. — Я и сам не заметил, как и когда перешел с ней на ты. — Больше ты меня не потеряешь.

Последнее я добавил на арамейском.

Она посмотрела на меня и улыбнулась. А затем опустила глаза и сказала:

— Каждая, даже самая опытная и мудрая женщина в любви хочет быть маленькой, наивной девочкой. Мне приятно чувствовать себя такой, когда ты рядом. Решено: я буду думать, что ты — это он. В конце концов, у вас ведь даже имя одно и то же.

— Прозвище, — уточнил я.

— Имя, — возразила она. — В детстве его звали Эли, и я не удивлюсь, что тебя так же звал твой отец. Потому что полным его именем было Элиаху. Точно так же, как у тебя. Можешь не верить мне…

Я сделал то, на что раньше ни за что не решился бы — я ладонью прикрыл ее губы и сказал:

— Я тебе верю, Нааме. Я верю только тебе. И я научусь менять тела, обещаю.

Увы, я не смог исполнить это обещание…

Тень

Когда я зашла в «ничейную» комнату, Куинни была уже там, и вид у нее был такой, словно она призрака увидала, и вовсе не того, кто был частью нашей цепочки. Мы пришли вдвоем с Дарьей, и та, как всегда, отреагировала быстрее.

— Что это у тебя? — спросила она, глядя на карты, разложенные на маленьком столике перед Куинни. В руках у Дарьи было то, что нам могло пригодиться в работе — ножницы, нитки с иголками, кусочки меха, бусинки — все сложено в красивую коробочку, напечатанную на нашем 3D-принтере. Материалы раздобыли Призрак с Джинном — кажется, они уже считали здешние склады своим собственным загашником и без зазрения совести гоняли туда послушных випочек за всем, что им могло понадобиться, от пуговиц до оружия.

— Карты, — ответила Куинни, потупившись. Одновременно она попыталась собрать со стола карты, и я заметила, что пальцы ее немного дрожат.

— Ух ты, а взглянуть можно? — спросила Дарья, присаживаясь рядом с Куинни. Я тоже подошла и присела напротив нее. Мне было не менее лю-

бопытно, чем Дарье. Куинни сначала попыталась убрать карты, но затем вздохнула и веером распустила их по столику.

— Красивые, — сказала Дарья. — И страшные. Необычные. Можно?

Куинни кивнула, и Дарья вытащила из колоды одну из карт. Карта была дамой кубков — красивая, рыжеволосая женщина с большой темноволосой куклой в руках.

— Похожа на Нелли, — сказала я. У Леди Н. порой бывало такое выражение лица — строгое и сосредоточенное, но не злое. Ange le malin.

— Как гвоздь на панихиду, — улыбнулась Дарья. — Это Колин, героиня одного старого фильма. Она делала кукол…

— Это твоя карта, Дарья, — тихо сказала Куинни.

— Ух ты, а у Джинна какая? — спросила Дарья.

— А какая моя? — почти одновременно с ней спросила я.

— Думаю, вы их вытянете, если захотите. — Кажется, Куинни немного оживилась. Я протянула руку первой. Дама мечей, девушка-ниндзя из нашумевшего японского мегаблокбастера тридцатых. Я чисто случайно зацепила еще одну карту — это был рыцарь моей же масти, и уж его-то я

не могла не узнать. Специально скачала в Сети нашей базы и пересмотрела эти фильмы, точнее, первые шесть. Забавно, но Фредди даже внешне чем-то напоминал этого героя — конечно, до его перевоплощения в Мрачного Гиганта по имени Дарт Вейдер.

— Хорошая парочка, — сказала Дарья, заглядывая в мои карты. — У меня, впрочем, тоже ничего.

Джинн оказался одним из киновоплощений Мерлина, тоже из фильма двадцатых годов. Дарья тем временем рассматривала надписи на картах (каждая карта сопровождалась чем-то, что я сначала приняла за архаичный штрихкод).

— Эй, а я видела уже эти символы! — сказала она.

— Где? — удивилась Куинни, при этом она как-то вздрогнула, и из колоды выпало несколько карт, а точнее, две. И их я сразу узнала, как и Дарья.

— Так это же Ириму! — сказала я. — И Цезарь.

— Что это за карты? — спросила Дарья. Куинни вздохнула и стала рассказывать.

— Ничего себе, — сказала я, когда Куинни окончила рассказ. — То есть это копия тех самых карт, которые…

— Ага, — сказала Дарья. — А еще на них такие же надписи, как в моем сне. Который был как бы и не совсем сном. Надо связаться с Фредди, расспросить его.

— Погоди, — остановила ее Куинни. — Пусть ребята вернутся. Не надо тратить сейчас свои силы. Девочки, вы не забыли, зачем мы собрались здесь?

* * *

Мы должны были осуществить изготовление атрибута для фичи Льдинки. Делать это мы должны были втроем, ребята уже вложили в воссоздание Арвен часть своего труда, добывая материалы, — постарались не только Призрак с Джинном, но и Фредди, и даже Бракиэль. С подачи Куинни мы решили обставить это дело как некий ритуал — разделись догола, сняли с себя все рукотворные вещи и намазались какими-то ароматическими маслами, приготовленными для нас Куинни. Сама Королева принялась петь, и мы приступили к работе. Куинни пела о том, как человек рождается на свет, приходя из мира, где «свет вверху, свет внизу», как ему больно надевать одежды из плоти на обнаженную душу, но это необходимо, ведь, только став слабым,

уязвимым и смертным, он может понять, что есть любовь, научиться любить. Я подумала, что от ее песни и от ее карт исходит какое-то ощущение — то, что испытываешь, касаясь пальцами камней римских амфитеатров или глядя на лучи солнца, освещающие пирамиды Гизы, — ощущение древности.

Мы кроили кусочки меха, сшивали их аккуратными, маленькими стежками, набивали пухом и проглаживали, уминая набивку. Кажется, я впала в транс, мне казалось, что мы не на «Левиафане», а где-то очень далеко даже от Земли, в другом мире, под красноватыми небесами, мы чувствуем какую-то угрозу, и от наших действий зависит… очень и очень многое.

А затем я поняла, что что-то изменилось. Атрибут Арвен был готов, но дело было не в этом. На миг я увидела Куинни и Дарью — они сидели в совершенно одинаковых позах, прикрыв глаза, и я понимала, что и сама сижу так же, в той же позе. Мне стало тепло, даже жарко. И тут я увидела, что атрибут на столе окутывает сияние. Сияние становилось сильнее, а сама маленькая меховая рысь поднималась вверх, словно пытаясь взлететь.

А потом внезапно сияние стало гаснуть, и я

почувствовала… не знаю, как это описать: словно ледяная рука схватила меня за грудки, сжимая и терзая. Дарья широко открыла глаза. Куинни сжалась, словно увидела призрака.

— Что слу… — спросила я, но не успела закончить фразу.

Станцию тряхнуло так сильно, что мы с девочками не удержались и попадали на пол.

Джинн

Я с детства любил читать. Вплоть до того, что был записан в виртуальную библиотеку, за что честно отстегивал ежемесячно $99,95. Определенно, чтение — одна из тех самых вечных вещей, без которых человек не может быть человеком. Сколько раз уже книгам предрекали скорый конец; похоронить литературу должны были театр, кино, компьютер, Интернет, головиденье, интерактивные постановки… а она живет, здравствует и помирать как-то не собирается.

Все дело в том, что литература действует по-особому. Например, раньше болезни лечили, воздействуя на возбудитель, но теперь от этого практически отошли и вместо этого стимулируют иммунитет самого человека, и это круче и лучше работает.

Так и литература — она «включает мозги», развивает их, и если в голотеатре мы видим все глазами, условно говоря, режиссера, то, читая книгу, мы сами себе режиссеры. Мы вольны сами подбирать актеров, выставлять декорации и заниматься постановкой сцен. Это наш мир, этот мир создаем мы сами…

Наверно, я не очень хорошо могу объяснять, что имею в виду. Впрочем, это и не важно. Важно то, что именно благодаря прочитанному я могу хоть как-то описать то, что случилось с нами в том ангаре. Но я все равно не уверен, что мне удастся передать то, что мы с Призраком там пережили.

Страх я почувствовал почти сразу, когда увидел, как изменилось лицо Призрака. Будучи от природы довольно смуглым, он внезапно побледнел, словно его в фотошопе перевели в черно-белый режим. Я сразу понял, что что-то не так, без причины люди так не бледнеют. И я поспешил обернуться…

Факн'щит, вот лучше я бы этого не делал! Футах в десяти от меня, не больше, от пола подымалось нечто такое, что у меня от ужаса едва ноги не подкосились. Огромная туша, футов пятнадцать ростом, черная, чернее самой тьмы, она казалась абсолютно чужой в нашей реальности. Тогда

я ни с чем не мог бы ее сравнить, я был просто парализован ужасом, настолько это казалось неуместным, чуждым, угрожающим…

Из ступора меня вывел Призрак, точнее, его действия. Я услышал звук выстрелов, увидел вспышки на «теле» неведомой твари там, где попадали пули — они не причиняли ей никакого видимого вреда, лишь мертвенно-бледное сияние, появившееся на покрытом какими-то шевелящимися выростами «брюхе» существа, становилось интенсивнее после каждого попадания, хотя, возможно, это и не было связано с пулями Призрака. Как бы там ни было, хотя мне по-прежнему было страшно до усрачки, я вышел из ступора.

— Бежим! — проорал я, бросаясь к Призраку и хватая его за руку. — Бежим, эту факн'бич пули не берут!

И мы побежали, но бежали недолго. В том состоянии, что мы были, мы напрочь забыли о закрытых дверях и буквально врезались в них. Я нашарил сенсорную панель и попытался ее открыть — тщетно…

— Быстрее, cazzarolla, оно уже близко! — орал Призрак. Я и сам спинным мозгом чувствовал приближение Твари, но ничего не мог сделать.

Чтобы открыть дверь, мне необходимо было **вызвать** на своей руке отпечаток руки Надин. А у меня не получалось.

А потом… а потом исчезло все, и я оказался вновь в своем маленьком городке, недалеко от родного дома. Был, казалось, обычный в наших краях пасмурно-дождливый серый день, но мрачности ему прибавлял со всех сторон поднимающийся дым. Город горел.

Я бросился к своему дому, но на меня неизвестно откуда вылетел вонючка Хокинг с перекошенным от ужаса лицом.

— Не ходи туда, беги! — визжал он.

— Там мама! — крикнул я. — Папа, сестры, Барак…

— Раньше надо было о них думать! — верещал Хокинг. — Не надо было бежать на край света! Может, ты бы мог защитить их, а теперь поздно, поздно, поздно!!!

Я оттолкнул старикашку и помчался к дому. Недалеко от нашего двора я увидел пустую коляску, а чуть дальше — лежащего ничком мистера Харрисона. Он лежал так, что я не видел его лица, но, когда я проходил мимо, я все-таки его увидел, и оно меня испугало — пепельно-серое, перекошенное, рот раскрыт в беззвучном крике…

И вот я подбежал к дому, в котором прожил пятнадцать лет. Наш дом не горел, и это сначала показалось мне хорошим признаком, но ненадолго. Прямо в калитке я наткнулся на то, что осталось от Барака — обугленное тело, в котором едва можно узнать собаку…

Родители и сестры были на заднем дворе. Отец лежал на земле, его ноги превратились в две обугленные головешки, но он был еще жив, и они с обнимающей его одной рукой мамой смотрели на корчащихся Элен и Жюстин, над которыми нависало две громадины — точно такие же, как та, что нависала сейчас надо мной. От них к сестрам тянулись сияющие щупальца, а сами девочки… я не мог на это смотреть, но смотрел. Элен и Жюстин были… я не знаю, как это можно назвать — страх, который убивает. Чудовища словно упивались этим страхом, выпивая из моих сестер саму душу.

И я никак не мог остановить это.

Фредди

На душе у меня было неспокойно. Не знаю почему, но мне казалось, что ребятам что-то угрожает. Хотя что может угрожать в простой прогулке по станции, созданной вроде как специально для

Проекта, то есть для нас?

Причем со стороны казалось, что и Джинн, и Призрак сейчас сидели рядом со мной на траве. Между нами была разложена небольшая скатерка, на ней стояли три початые упаковки пива и кое-что из меню здешней робокухни, столь же невзрачное на вид, сколь прекрасное на вкус.

Мы живем в мире иллюзий, и чем дальше, тем больше этих иллюзий вокруг нас. У **моей** Тени есть дар видеть эти иллюзии, и иногда ей довольно тяжело с этим даром. А я, например, не вижу в иллюзиях совсем ничего плохого. Когда-то я был напрочь лишен их, я был заточен в месте, где нет и не может быть никаких иллюзий, и видел мир таким, какой он есть — неприглядный, местами страшный и отвратительный. И если иллюзии могут сделать его лучше, почему бы нет?

Сегодня, а фактически уже скоро, в течение часа, на станцию должна прибыть последняя группа участников Проекта. А завтра возобновятся занятия. Признаюсь, я уже соскучился по ним. Мне есть чем занять себя, я даже могу учиться самостоятельно, но (вероятно, единственный из цепочки, не считая Бракиэля) я любил эти уроки. Мрачный и рассудительный Лорд часто впадал в философию; Барака не щадил учеников, хотя все

мы прекрасно понимали, что нас он «обрабатывает» даже не вполсилы — так, слегка только, но нам и этого хватало. Апистия была откровенна и цинична, она могла позволить себе прямо на лекции пропустить стаканчик, но она всегда искренне отвечала на наши вопросы с предельной откровенностью, порой не щадя ни нас, ни себя, ни других Кураторов, ни человечество в целом. И Ника, от которой, казалось, исходило какое-то особое тепло…

— Э, ребята, а вы что тут делаете? — вот уж не ожидал, но на полянке неожиданно появился удивленный Бракиэль. — Нашли наш парк? Молодцы, добро по…

Он уставился на повернувшихся к нему Цезаря и Купера, потом перевел взгляд на меня:

— Та-ак… все страньше и страньше. Фредди в компании фич Призрака и Джинна разыгрывает сценку «пикник у бани».

— Что, пойдешь Кураторам заложишь? — неприязненно сказал я. Он присел на траву на свободное место:

— Вот еще… у тебя настоящее пиво есть или только иллюзорное?

Я протянул ему холодную банку без надписей.

— А, собственно, с чего ты взял, что мы фичи? —

спросил Купер. Бракиэль вскрыл банку — пиво брызнуло на траву, но он быстро остановил его бегство из банки, перенаправив его в свой рот. Допив, он улыбнулся:

— Вот же мешуги… я так подозреваю, наша парочка решила опять вляпаться в какую-то передрягу и придумала весь этот маскарад. Круто, конечно, но только против железяк. Кураторы и, хм, некоторые наиболее внимательные ученики обладают таким режимом периферийного зрения, при котором живого человека от фичи отличить что два пальца в пиво опустить.

— Гонишь, — сказал я. Ни о чем подобном на моей памяти на лекциях не говорили.

— Нет, — ответил Купер. — Это возможно. Но мы, Бракиэль, не рассчитывали на встречу с кем-то из Кураторов.

— Зря. — Бракиэль отхлебнул еще пива и вполне в соответствии со своим прозвищем уставился в небо. — С учетом того, как они умеют исчезать и появляться в самых неожиданных местах…

— Ты тоже, — сказал я.

— Знаешь, — ответил он, — вообще-то, это наш с Нааме парк. Кстати, именно на этой лужайке мы с ней впервые занялись любовью. Говорю

просто для того, чтобы объяснить, что я здесь делаю. Не шпионю, а гуляю. Я часто гуляю здесь — приятные воспоминания, опять-таки, небо прямо надо мной. Это ведь не голограмма, полукупол настоящий, из искусственного алмаза.

— Ничего себе алмаз! — обалдел я, глядя на купол новыми глазами.

— Искусственно выращенный здесь же, в космосе, — пояснил Бракиэль. — Твердый, но не хрупкий, может выдержать даже удар метеорита размером с шаттл.

Он бросил быстрый взгляд в небо:

— Кстати, о шаттлах. Видишь ту звездочку?

Я кивнул. Эта звезда была довольно яркой и, в отличие от других звезд, двигалась, приближаясь к станции.

— «Атлантис», — сказал Бракиэль. — Пилотирует сам Лорд. Идет точно по расписанию, секунда в секунду, не удивлюсь, если и причалит без отклонения от объявленного прибытия. Лорд пунктуален.

— Откуда ты знаешь, что это он? — спросил я. Бракиэль посмотрел на меня странно:

— Ты чего, это же моя сверхспособность, забыл? Я знаю все, что происходит в ближнем космосе, и многое из…

Он замер, а затем сказал изменившимся тоном:

— Что за чертовщина, его же здесь не было!

— Кого? — не понял я, но он не ответил. Вскочил на ноги, опрокинув отставленную раньше недопитую банку пива, которое пенящимся потоком потекло по траве, и сказал:

— Надо предупредить Нааме! Фредди, свяжись с ребятами. Пусть бросают все, что начали — может понадобиться соединиться в цепочку.

— Что случилось? — спросил я.

— Пока не знаю, — ответил он через плечо. — Что-то плохое. Машеу бен-зона[24], хоть бы я ошибался!

И убежал, оставив меня с фичами втроем, но ненадолго. Как только Бракиэль ушел, к нашему пикнику присоединился Молчаливый Гигант.

Когда фичи Призрака и Джинна остались со мной, свою фичу я отправил с ними. Общаться с ней они не могли, но, по крайней мере, находились под ее присмотром и охраной. Но теперь Молчаливый Гигант возник в нашей компании и, что называется, с порога выпалил:

— Они спустились в Темный коридор!

---

[24] Примечания: 24

Машеу бен-зона (*иврит жарг.*) — охренеть, ни хрена себе, выражение крайней досады.

— И что? — не понял я. — У ребят есть фонарики. После нашего приключения на антарктической базе Призрак вообще с ним не расстается, по-моему, даже спит с ним.

— Темный коридор, — пояснил Цезарь, кажется, встревоженно, — это особое место на станции, куда фичи не могут проникнуть.

— И что там? — спросил я, поднимаясь на ноги. Кажется, ребятам нужна будет помощь.

— Мы понятия не имеем, — сказал Купер. — По этому месту нет никакой информации, кроме того, что оно обозначено на плане.

— Отлично, — сказал я, хотя все это было ни фига не отлично. — Как быстрее всего добраться до этого коридора?

Купер показал план с уже обозначенным путем до этого самого загадочного коридора. Совсем рядом с медлабом, между прочим. Оставив скатерку со всем, что было на ней сервировано, на лужайке, я сел в коляску Цезаря; сам призрачный Цезарь сел за руль, Купер пристроился сзади, а Молчаливый Гигант просто свернулся в трей. Мы даже успели стартовать, прежде чем это случилось.

Сначала был свет, ослепительно яркий, такой, что я даже на короткое время потерял зрение. А

потом неведомая сила вышвырнула меня из коляски мотоцикла, да так удачно, что я плюхнулся в небольшое озерцо, украшавшее собой парк.

Леди Лёд

— Охренеть, — сказал бугай. — Просто обосраться и не жить.

— Что ты на нее уставился? — удивился Ойген. — Неужто знакомая?

— Мля, Ойген, с этой бабой лучше не знакомиться, — ответил бугай. — Это, чтоб ты знал, Кровавая Мэри. Самый крутой киллер в Европе, если не в мире.

Ойген критически покосился на лишенную конечностей женщину, лежащую на кушетке. На женщину, у которой, оказывается, было мое лицо.

— Все это в прошлом, дружище Пит, — сказал он, неприятно улыбаясь. — Без рук и без ног она не опаснее дождевого червя.

И тут заговорила Нинель… да, она была маленькой девочкой, но тон ее был холодным, как антарктические льды, и властным, как Лорд Нахаш.

— Что вы стоите и смотрите? У вас есть совесть?

— У меня лично нет, — сказал Пит. — Совесть — дорогая и бесполезная штука, девочка…

Он протянул руку, чтобы погладить Нинель по голове, но замер, а грубое лицо его исказилось гримасой боли.

— Я тебе сейчас покажу, кто здесь девочка, — медленно сказала Нинель, и от ее голоса даже мне стало зябко. — Не забывай, с кем имеешь дело. Еще раз станешь распускать свои грязные корявки — сделаю так, что они отсохнут на хрен, а потом то же сделаю и с твоим стручком, понял?

— Она может, — хихикнул Ойген.

— Что, тебе она уже стручок оторвала? — зло спросил Пит — вероятно, Нинель прекратила свое воздействие, и он поспешно отдернул руку, прижал ее к груди и растирал ладонь другой ладонью.

— Вы, дядя Ойген, не лучше, — заметила Нелли с презрением на лице. — Стоите тут и рассуждаете, а женщина перед вами мучается. Вы думаете, она ничего не чувствует и не понимает? Да, **нагрэ** почти выпил ее душу, но почти не означает совсем. Знаете, что она чувствует?

— Да насрать, что она чувствует, — прошипел Пит. Не обращая на него ни малейшего внимания, Нелли продолжала:

— Почему она выжила? Она ведь должна была погибнуть — что ее сохранило, знаете? Ненависть. Она ненавидит, и эта ненависть продлевает ее жизнь. Более того — эта ненависть с кровью передалась и ее детям, и если вы останетесь живы, не завидую я вам, когда они вырастут, а в том, что они вырастут, я не сомневаюсь.

— И что ты предлагаешь? — спросил Ойген на удивление серьезно. Словно перед ним была не маленькая девочка, а как минимум взрослая Нинель. Если не сам Лорд.

— Остановить ее мучения, — ответила девочка. — Вы и так взяли у нее все, что могли, зачем мучить ее еще больше? Дайте ей спокойно умереть!

— Что-то незаметно, чтобы она умирала, — заметил Пит, а Ойген добавил:

— Все ее жизненные показатели в норме. Такое впечатление, что у нее внутри атомный реактор.

— Да, — сказала Нелли. — Именно так, атомный реактор по имени ненависть. И пока он не устроил вам местную «Фукусиму», его надо остановить.

— Как? — спросил Ойген. — Убить-то ее ничего не стоит, но ведь Лорд строго-настрого это запретил, разве ты не знаешь?

— Отец? — На лице Нинель появилась болезненная улыбка. — А где он? Вы его видите? Я скажу вам, где он — сношает вашу с Питом шлюху Эдит. И ему нет дела до того, кто умрет этой ночью, ясно? Во всяком случае, **мне** до этого дела нет. Я намерена дать этой женщине покой, хотите — попробуйте меня остановить.

— Да мне как-то по хер, — заметил Пит. — Только скажи… скажите мне, Леди Н., вы когда-нибудь кого-нибудь убивали? Не в фантазиях, наяву? Потому что это не так просто, как кажется.

— Вы посмотрите, — криво улыбнулась Нинель. — Не знала, что ты способен на столь продолжительную и связную речь. Ты меня удивил, потому отвечу честно. Не убивала. Но надо же с чего-то начинать, правильно?

— Я умываю руки, — заметил Ойген. — А ты, Пит, когда-нибудь договоришься.

— Не учи отца, и баста, — фыркнул Пит. — Тоже мне, моралист. Ну что ж, Леди Н., вперед. Она твоя. Если че, Лорду так и скажем — ваша маленькая звездочка изволила сделать это собственноручно.

— Ты меня удивляешь, — улыбнулась Нинель. — «Изволила»… продолжай в том же духе, если смелости хватит.

— Подрасти чуток, — сказал Пит, и я увидела, что слова Нинель его задели. Но Нинель, больше не обращая на него ни малейшего внимания, подошла к изголовью кушетки и почти ласково убрала прядь волос с уха лежавшей на ней женщины. Глаза Нинель были полуприкрыты, казалось, она прислушивается к чему-то.

— Я знаю, — сказала она. — С тобой поступили плохо. Хуже всего, что тебя предали. Но ведь ты сама выбрала такой путь, правда? Мне жаль тебя, но я не могу вернуть тебе руки и ноги. Я могу лишь прекратить твои мучения. Хочешь? Или продолжишь безнадежную борьбу?

Женщина, понятное дело, не ответила, вернее, я не услышала никакого ответа. В отличие от Нинель. Та сбросила простыню с верхней части тела женщины, обнажив красивую грудь и культи рук, выглядящие так, словно были из оплавившегося пластика. Наверно, более впечатлительный человек от этого зрелища как минимум почувствовал бы тошноту, но и я, да и все присутствующие, наверно, были людьми крепкими.

— У тебя красивая грудь, — сказала Нинель, проводя пальцами по соску с левой стороны. — И чувствительная. Знаешь, я бы отдала всех этих оболтусов на растерзание, лишь бы они не делали

это с тобой. Увы, теперь я могу только убить тебя. Ну что же… прощай!

Пока она это говорила, ее руку стало окутывать красноватое сияние, и там, где оно касалось тела женщины, тело становилось прозрачным. Вскоре прозрачной стала вся грудная клетка женщины — я видела ровно сокращающееся сердце, казавшееся таким сильным, видела, как его сжимает сердечная мышца.

А потом это сокращение прекратилось, и сияние стало гаснуть. Я посмотрела на Нинель. Она закусила губу, сейчас ее лицо казалось совсем детским… и у нее по щекам катились слезы.

— А с этими что делать? — не обращая ни малейшего внимания на манипуляции Нинель, спросил Пит.

— Ты дурак, что ли? — раздраженно ответил Ойген. — Альф отдадим на усыновление, у нас как раз пара забавных клиентов нарисовалась, из тех, кто нам баб из Африки возит. Щенок останется под наблюдением — пусть за ним Горо присматривает, надо же пацану учиться.

— А девка — бета? — спросил Пит. — Ее тоже под наблюдение?

— Еще чего! — заржал Ойген. — Девку Лорд велел отдать Ас Суаду. Его баба хочет ребенка, но

себя калечить не собирается. Вот и отдадим ему эту беляночку с сюрпризом. Надеюсь, когда она вырастет, устроит им вырванные годы. Двойная цепь, понимаешь…

— Ну тебя на фиг, — пожал плечами Пит. — Между прочим, **с тем** работал я. И, честно говоря, больше не хочу… чудовище.

Голоса компании становились глуше, картинка размытее… на секунду мне показалось, что я опять проваливаюсь в небытие. Потом внезапно я увидела.

Увидела Призрака и Джинна, испуганно ломящегося в закрытую дверь. Увидела врезавшегося в стенку Цезаря и лежащего в пруду под пылающим небом Фредди. Увидела бледного Бракиэля и вцепившуюся в него побелевшими пальцами перепуганную Нинель. Увидела лежащих на полу девочек — в руках у Дарьи был мой брелок, Арвен…

А потом я открыла глаза и увидела белый потолок. Потолок ходил ходуном!

Призрак

Когда-то давно дядя спросил меня, чего бы я хотел в жизни больше всего.

Мне было лет пять-семь, я был piccoli stronzo,

бегал в голотеатр смотреть «Ангелы зла», «Криминальный роман» и другую киноклассику с крутыми парнями, вертевшими сбирячью шоблу ten'cazzo, и хотел, конечно, быть на них похожим. Наверно, нет на Сицилии ни одного пацана, который не мечтал бы быть похожим на Валанцаску. Наверно…

— Я бы хотел никогда ничего не бояться, — признался я… и получил затрещину, попутно узнав, что я тупоголовый. На резонный вопрос: che cazza? — дядька ответил, и ответил серьезно:

— Ничего не боятся только памятники и трупы. Страх необходим человеку так же, как боль, как чувство отчаяния и бессилия. Ты думаешь, Бог зря нам все это засунул в базовую комплектацию? Страх, figlio mio, это сигнал, тревожный сигнал, как сирена сбирячьего говновоза. Когда ты слышишь сирену, ты либо рвешь когти, либо готовишься рвать чужие глотки, сечешь? Так и со страхом, stronzo: если тебе страшно, ты должен собраться, чтобы справиться с тем, что тебя пугает.

Я был хоть и мелкий, но не по годам сметливый, и все, что тер мне дядька, включая полную чешую, мотал на ус. С тех пор я перестал стыдиться своего страха. Нет, я никогда его по мере возмож-

ности не выказывал, но и не давил. Страх, как ни странно, стал мне другом, добрым советчиком, и, когда он был рядом, я знал — надо что-то делать!

Но…

Такого страха я еще не испытывал никогда. В этом страхе было что-то… сверхъестественное, наверно. Не просто страх, но страх, лишающий надежды. Когда тебя обложила стая сбиров или чужая банда, ты добыча, но добыча может бежать, может отбиваться… а для этой Твари мы были не добычей, мы были едой. Мы не были дичью, мы были приготовленным кальцоне на тарелке. Дичь может бежать, но кальцоне бежать некуда, с тарелки не сбежишь.

Но, видно, рефлексы есть рефлексы, и, даже чувствуя себя кальцоне, сдаваться без боя я не собирался. Сначала я всадил в Тварь всю обойму обеих своих «беретт», жалея, что не захватил лучемета или того же дисраптора (один уже у нас был в загашнике). Потом бежал вместе с Джинном, на ходу перезаряжая «беретты». Одну обойму потерял, но возвращаться за ней не стал, che cazza, пусть валяется. Затем опять стрелял, пока Джинн возился с замком. Я попадал, поскольку в такую тушу только слепой промахнется, да и то вряд ли, но пули, даже «оплазмованные» по

методу Джинна, причиняли Твари меньше вреда, чем мне несвежие креветки у одной из моих девочек в Палермо, которая работала в баре. Пару раз я у нее поел, потом только трахал, а предложения заходить в бар пожрать на шару вежливо отклонял…

Я стрелял, кроя матом Тварь, Джинна, самого себя, фичу Фредди (которая должна была нас прикрывать, но никак себя не проявляла), наши с Джинном фичи, Кураторов, Проект, станцию, все на свете. И стрелял. И попадал. И без толку. А потом патроны кончились. Я машинально сунул «беретты» в карманы, глядя, как белесые «щупальца», казалось, свитые из тумана, тянутся ко мне и к Джинну. Джинна они обхватили раньше, он развернулся, оставив замок, над которым колдовал, и заорал так, как я никогда не слышал. Его крик быстро оборвался, но перекошенный рот оставался открытым, и мне с каждой секундой становилось страшнее — то ли от того, что происходило с моим лучшим другом, то ли от понимания, что прямо сейчас то же будет со мной.

У меня не осталось никаких средств самообороны, вообще никаких. И я сделал единственное, что мог в такой ситуации.

— Ave Maria, Madonna Santissima, — сказал я. —

Я, конечно, прожил эту жизнь как последний pezzo di merde, но дай мне хотя бы умереть как мужчина, а не как caccare merdoza! Я же ничего плохого не хотел, женился бы на Куинни, завел бы пяток симпатичных черномазых засранцев с итальянской кровью…

Бред, конечно, я сам это понимаю. Чушь. Но, когда у человека нет никакого выхода, когда помощи ждать неоткуда, к кому ему обращаться? Может, потому бедные люди набожнее богатых? У богатого есть иллюзия силы, власти, а у бедного ничего нет, и ему легче попросить о помощи у Бога и верить, что помощь придет.

Не успел я договорить, как станцию сильно рвануло, так, что пол ушел у меня из-под ног и неведомая сила хорошенько приложила меня о входной косяк. Джин тоже упал на пол и скорчился, как младенец, а отпустившую его Тварь отшвырнуло назад, метров на десять от нас. Grazie a Dio!

А потом дверь открылась, и на пороге появился Фредди.

Бракиэль

На ходу я попытался связаться с Нааме. Та оказалась неподалеку, они с Апистией как раз шли

от медлаба в сторону шлюза при ангарной палубе, куда должен был причалить «Атлантис».

— Что-то не так, — сообщил ей я. — Какой-то объект рядом с «Атлантисом».

— Объект? — переспросила она. — Какой? Откуда он взялся?

— Понятия не имею, — признался я. — Он вдруг появился, я даже не понял как.

— Ты где? — спросила она. Я ответил. — Подходи на ангарную, к четвертому шлюзу, а я пока попытаюсь связаться с Лордом.

Когда я влетел на ангарную палубу, Нааме казалась обеспокоенной.

— Связи нет, — сообщила она. — Не понимаю…

— Широкополосная помеха, — сказал кто-то, и я подумал, что уже слышал эту фразу, но только когда? — Перекрывает все диапазоны. Излучатели в полутора тысячах миль отсюда, приближаются к нам по азимуту…

— Ты кто? — удивленно спросила Нааме, а я уже понял кто. Я указал Нааме на громадину «Таннина».

— Нааме, это Норма, — сказал я. — Вы вроде еще не знакомы.

— Знакомы, — ответила Нааме. — Прошлый раз ты выглядела лучше. Что за помеха, можешь

сказать?

— Первый раз сталкиваюсь с таким, — призналась Норма. — Все системы «Левиафана» работают с перегрузкой, пытаясь компенсировать воздействие этой хренотени.

— Забавно у тебя получается материться, — заметила Нааме и внезапно побледнела. Я понял уже почему. Я «вгляделся» в приближающийся «Атлантис» — если у огромной станции перегрузка защитных контуров, то у шаттла такой защиты вообще нет!

Сначала шаттл показался мне неуправляемым, но потом я понял, что кто-то на нем пытается взять кораблик под контроль и у него, кажется, получается.

Вот только неведомое нечто (всмотревшись, я увидел его — небольшой, футов семь-восемь в диаметре, шар явно искусственного происхождения) не желало, вероятно, такого развития событий. На сверкающей металлической поверхности шара что-то вспыхнуло, и он моментально изменил движение, целясь в беззащитное «брюхо» «Атлантиса».

Всевышний! Я бы все отдал, чтобы на секунду оказаться в кабине этого шаттла. Еще лучше, если бы мы были там с Нормой — мы бы гарантиро-

ванно избежали того, что произошло дальше. С легкостью теннисного мячика неизвестный объект ударил в стык крыла и корпуса «Атлантиса». Шаттл буквально швырнуло в «Левиафан», наша система стабилизации тут же скомпенсировала гравитационное возмущение, по иронии судьбы двинув станцию навстречу окончательно лишенному управления кораблику.

— Он же полон коктейля Рогозина! — воскликнула Нааме, вцепившись в меня побелевшими пальцами. — Мы перевозим на станцию нестабильное топливо, все наши запасы! Если оно рванет…

— Кажется, мне стоит вмешаться, — спокойно сказала Норма.

— Как? — не поняла Нааме.

— Очень просто, — ответила Норма. — У моего тела есть возможность работать как орбитальный буксир. Если вы дадите разрешение, я могу постараться выйти через шлюз и стабилизировать движение шаттла. У меня есть на это еще немного времени.

— Тогда давай, быстрее! — скомандовала Нааме. То ли у «Таннина» были скрытые возможности, то ли Норма как-то его модифицировала — не могу сказать, но через мгновение неуклюжий «Тан-

нин» уже был возле шлюза, подготовленного для стыковки с «Атлантисом». Краем глаза я видел, как побледнела Нааме, и даже через комбинезон чувствовал, как она вцепилась в мою руку.

Вот двери шлюза закрылись — шаттл приближался, мы уже видели его корпус за панорамными стеклами. Если ничего не предпринять, он вот-вот врежется в станцию как раз над ангарной палубой.

— Ну же, милая, быстрее, — шептала Нааме. Мы не знали, раскрылись ли внешние створки шлюза. Тогда не знали. Потом, конечно, узнали — нет, они лишь приоткрылись…

Норма не успела. Огромную станцию в миллионы тонн весом швырнуло в сторону, темноту космоса озарило зарево, за панорамным окном полетели раскаленные обломки, куски, даже, как мне показалось, перчатка от скафандра.

— ЛОРД! — закричала Нааме. — Там же Лорд!

— Ну что ты, — сказал я. — Он спасется, он может уйти в другое тело, а вот ребята…

Нааме быстро взяла себя в руки и печально покачала головой.

— Нет. Я чувствую. Лорда больше нет.

Она посмотрела на меня, и в глазах ее стояли слезы.

— Беги, спасай Норму. Она жива, ее заблокировало в шлюзе. «Таннин» сильно поврежден, но ее блоку ничего пока не угрожает. Спеши.

— А ты? — спросил я.

— А я займусь другими делами, — глухо сказала она. — Теперь вся ответственность за судьбу Проекта лежит только на нас. Иди, быстрее, — и, отвернувшись, поспешила уйти.

Куинни: Showdown

— Карты откроют недобрый путь для королей каре…

Руки привычно сдвигают колоду, доставая одну из карт. Руки выглядят так, как выглядели год назад, но это уже не те руки, что были год назад, и философия здесь ни при чем.

Я кладу карту рубашкой вверх и поверх нее еще одну таким же образом. Раньше я сразу их вскрывала, теперь жду до самого конца расклада. Сегодня он будет простой, всего четыре карты, помимо двух уже извлеченных.

Эти карты…

Мы вспомнили о них не сразу — случилось слишком многое, и воспоминание Тени как-то забылось, погребенное под ворохом событий. Каждый раз, раскладывая карты, я вспоминаю о первых днях Перелета, который вот-вот подойдет к концу.

Я вспоминаю, как пришла в себя после катастрофы… правда, тогда мы еще не знали, что случилась катастрофа, мы вообще ничего не знали. В комнате горело аварийное освещение,

тусклый красный свет усиливал тревогу. Мы быстро оделись, одновременно пытаясь связаться со своими фичами и с ребятами. Фичи не отвечали, ребята ответили не сразу. Точнее, ответил Фредди.

— Мы с пацанами скоро будем на месте, — сказал он, и у меня от души отлегло — после утреннего расклада я боялась за Призрака. — Тут снаружи черт-те что творится, вы что-нибудь знаете?

Тень призналась, что не знает, но Дарья, уже успевшая подконнектиться к бортовой сети, оказалась в курсе последних новостей.

— Кажется, у нас проблемы, — сказала она. — «Атлантис» по неизвестной причине столкнулся со станцией, Лорд и его девятая и десятая цепочки погибли. Кураторы на связь не выходят, а «Левиафан», похоже, спешит убраться с орбиты подобру-поздорову. Сообщается, что станция не пострадала, а вот шаттл полностью разрушен. Никто не выжил…

Пока она говорила все это, мы вышли в общую гостиную, и как раз вовремя — появился Фредди на Цезаре. Я тут же бросилась к Призраку — он сидел в коляске, спиной ко мне, и я сразу поняла, что с ним что-то случилось, иначе почему Цезаря

ведет не он, а Фредди?!

Я едва не столкнулась с Дарьей — та тоже бросилась к своему Джинну. Тем временем ребята стали выбираться из коляски. Видимых повреждений на них не было, но оба были бледны, как снег вокруг нашей антарктической базы, и едва стояли на ногах.

— Что случилось? — спросила я Фредди. — Что, cazzarolissima, происходит?

— Т-так не г-говорят, — сказал Призрак, обнимая меня. Я видела, что у него зуб на зуб не попадает. К тому же он был какой-то вымученный, словно несколько недель занимался тяжким трудом.

— Милый, мне как-то пофиг, говорят или не говорят, — сказала я. — Что случилось? У вас с Джинном такой вид, будто вы случайно забрели в преисподнюю.

— П-почти, — кивнул Призрак. — П-преисподняя или н-нет, а с д-дьяволом мы там п-повстречались.

И тут я поняла:

— Вы что, пытались найти… **эту штуку**?

Я как-то сказала Призраку, что станцию охраняет нечто сильное и страшное. Похоже, парни решили на это поохотиться…

— М-мы ее н-нашли, — кивнул Призрак. — Che c-cazza, мы все в опасности.

— Мы в опасности в любом случае, — подал голос Джинн. Он, кажется, был еще слабее, чем даже Призрак. — Надо предупредить Кураторов, Лорда…

— Лорда больше нет, — сказала Дарья. — Погиб вместе с шаттлом и двумя цепочками.

— C-cazzo me stesso, — сказал Призрак (я помогла ему опуститься на один из диванчиков). — Лорд… как?!

— Пока неизвестно, — сказала Дарья, но Джинн, видимо, тоже успел уже подконнектиться к местной сети. Даже в своем замученном состоянии он все равно оставался все тем же человеком-компьютером…

— Столкновение с каким-то внешним объектом, — перебил он ее. — Похоже, искусственного происхождения. Сначала была широкополосная помеха, а потом…

— Как во время атаки на антарктическую базу… — задумчиво сказал Фредди, успевший присесть на один из диванчиков. У Фредди на лбу и щеке была свежая ссадина, и Тень поспешила ее обработать. — Неужели опять Пламенный Корпус?

— А к-кто же еще? — отрезал Призрак. — Cazzarolla, похоже, просто так они не отцепятся…

— А что с нашими фичами? — спросил Джинн. — Я не чувствую Купера.

— Мы пытались с ними связаться, — сказала я. — Но ничего не получается. Вот холера, а если мы что-то сделали не так, пытаясь вернуть Арвен?

— Что мы могли сделать не так? — спросила Дарья. — И вообще, в этом участвовали только наши фичи, а у ребят…

— Ошибаешься. — Голос, чертовски знакомый, доносился со стороны покинутой нами «ничейной» комнаты. Мы все обернулись, а Джинн даже приподнялся на локте, чтобы лучше видеть.

В дверном проеме сидела крупная рысь. От настоящей она отличалась только тем, что от ее шерсти исходило едва заметное сияние, а настоящие рыси не светятся.

— Арвен! — воскликнула я, и, кажется, Тень с Дарьей тоже.

— Ты вернулась, — добавила Тень.

— Вернулась, — огромная кошка встала на лапы — и склонилась на передние, словно в поклоне, — и стала сильнее благодаря вам и вашим фичам. Пока с ними связи не будет, они сильно

много потратили силы, восстанавливая меня.

— Слава богу, — сказала Тень, и я заметила, как Призрак слабо кивнул. — У нас получилось, значит…

Она не закончила и как-то неуверенно посмотрела на Фредди.

— Но вернулась не только я, — сказала Арвен. — Собственно, я пришла, чтобы сообщить вам, что кое-кто ждет вас в медлабе.

Это была по-настоящему хорошая новость, и мы решили тут же отправиться в медлаб, причем даже Призрак с Джинном как-то воспрянули и засобирались вместе со всеми. Однако когда мы вышли из своего блока, то на миг замерли на пороге, глядя на панорамную крышу. В космосе не бывает взрывов, не увидишь в нем и пламя, но это не значит, что пожар в космосе невозможен. Вдоль станции неслись нити раскаленного газа — все, что осталось от «Атлантиса». Зрелище было страшным и при этом как-то неправильно прекрасным. Мы даже залюбовались им, но любовались со сжимающимся сердцем — каждый из нас знал, что этот огонь забрал семнадцать участников Проекта. И главного из наших Кураторов.

После разделения на цепочки все мы стали больше сконцентрированы на общении со «сво-

ими». В пределах цепочки возникала дружба и любовь (как у нас с Микеле, например). А наша цепочка изначально была отделена от остальных хотя бы потому, что все мы были из разных мест и до объединения не знали друг друга — такое не было исключением, но не было и правилом. Многие ребята прибывали целыми группами, и потом их цепочки сохраняли связь друг с другом. Как девятка и десятка Лорда, взятые откуда-то из Восточной Европы, где был большой Центр реабилитации.

А мы — мы почти не знали никого, кто не входил в нашу цепочку, но это не мешало нам скорбеть об их гибели. И Лорд… мы так часто не ценим людей, пока они рядом! Мне Лорд всегда казался далеким и отстраненным, словно и не принадлежавшим к человеческой расе. И лишь когда он погиб, на первый план вышли его человеческие качества. В своем немногословии он умел и поддержать, и ободрить, и придержать, приструнить, когда надо было. Он был непререкаемым авторитетом, нашим вождем, и, пока он присутствует в Проекте, казалось, ничего страшного не может случиться.

И вот его не стало.

* * *

— Куинни, тебе с него не свернуть, лучше б ты шла в кабаре…

Карта прошлого, Справедливость, перевернутое положение. Неприятные уроки, удары судьбы. Прошлое Таро, увы, не такое, каким мы его предполагаем, оно continuos, продолжающееся, оказывающее влияние на настоящее.

Пока мы шли к медлабу, ребята рассказали о своих приключениях. В их пересказе все было как-то обыденно и не страшно, но стоило посмотреть на их бледные лица, на то, как они идут, словно на спину каждому взвалили тяжеленный мешок, и впечатление менялось. Ребята, пусть это и прозвучит банально, едва не померли от страха и, кажется, были напуганы еще сейчас, хотя Призрак, оказавшись рядом со мной, пытался хорохориться, как обычно, но выглядело это не слишком убедительно, в особенности для меня, уж я-то его знала. Он изменился, в том числе и в отношении меня, но я совершенно не тревожилась по этому поводу. Не знаю почему, но не беспокоилась.

Наличие Твари на борту представляло собой загадку, хотя и объясняло мою тревогу. Я раньше

чувствовала эту тревогу, чувствовала присутствие чего-то страшного рядом с нами, и теперь это «что-то» приобрело облик, но не имя. Мы решили сообщить Кураторам об этом существе, когда удастся, а пока связаться с Бракиэлем. Фредди рассказал о том, как встретился с Куратором в парке, где делал вид, что отдыхает на пикнике с друзьями. Джинн был очень расстроен, узнав, что его маскировка с Кураторами не срабатывает.

— Факн'щит, это же фиаско, бро! — сказал он расстроенным голосом. — Получается, мы чертовски рисковали.

— Почему это? — не понял Призрак (нет, все-таки он не пытался хорохориться, кажется, просто мое общество на него хорошо влияло; порой я чувствовала в нем какое-то напряжение, но он переводил взгляд на меня, и оно его отпускало). — Техника нас все равно не могла зафиксировать.

— …Но стоило кому-то из Кураторов подключить какое-то устройство некоммутируемой передачи данных — и мы были у них как на ладони! — с досадой сказал Джинн. — А главное, хрен пойми, как с этим бороться, если поотключать все такие точки, паника начнется.

— А ты что, куда-то собрался? — с подозрением спросила Дарья. Кстати, Джинн рядом с ней

тоже как-то окреп и даже выпрямился, хотя он сутулился даже тогда, когда его вообще ничего не угнетало.

— Я? — Джинн как-то странно посмотрел на нее и отвел глаза. — Да ну… хватит с меня этих приключений, и так едва ноги унес.

— Кажется, дружок, ты мне привираешь, — сказала Дарья. — Учти — это был последний раз, когда ты пошел куда-то без меня.

— В смысле? — не понял Джинн.

— В прямом, — ответила Дарья. — Знаешь, с какого-то момента я поняла — может, нам там и угрожала опасность, но здесь она угрожает нам не меньше. От опасности вообще не убежишь, но я не хочу, чтобы ты один ей подвергался. Я хочу быть рядом с тобой в такие минуты.

— Она права, — тихо сказала Тень. — Фредди, нас с тобой это тоже касается. По-моему, вы, мальчики, как выражается наша Куинни, мужские шовинистические свиньи и по-прежнему считаете нас хрубенькими и слапкими… то есть слабенькими и хрупкими. Конечно, я не умею так валить всех направо и налево, как ты, мой милый, но я могу сделать тебя невидимым.

— Да мне-то вообще ничего не угрожало, — пожал плечами Фредди. — Это ребята рисковали…

— Вот именно, — сказала я. — Между прочим, cara mio, будь я с тобой, могла бы прикрыть вас щитом от этого…

— Много бы тот щит помог, — окрысился Призрак. — Che cazza, оно не стреляло! Оно жрало наши души, не знаю как, но это факт, pezzo di merde! И если бы вы все были там, то только перепугались бы до усрачки. Я, знаете, не какой-то scoppare vigilacco[25], и то меня переклинило так, что чудом штаны не намочил.

— Это ты-то? — фыркнул Джинн. — Тот, кто сначала высадил в Тварь все патроны, а потом с кулаками на нее полез?!

— Да я бы ее вообще задушил, per madre di putana, если бы знал, за что хватать, — со злостью сказал Призрак. — Беда в том, что для нее наши пули как слону из рогатки… Кстати, Джинн, ты ведь тоже крут, да и досталось тебе больше, чем мне.

Тень деликатно кашлянула в кулак. Дарья на нее шикнула:

— Тихо! Мужики меряются, кхм, мужественностью. Не стоит мешать этому священному ритуалу!

---

[25] Примечания: 25
Scoppare vigilacco (*ит. жарг.*) — трус несчастный.

Джинн с Призраком замолкли и покраснели. Мы тем временем дошли до медлаба. По дороге нас удивляло полное отсутствие других участников проекта. Конечно, мы не ожидали, что ребята из других цепочек будут носиться с воплями «мы все умрем, где здесь спасательные шлюпки?!» — но хоть какая-то активность должна была быть! Однако, кроме деловитых андроидов, мы не встретили ни единой живой души. Странно…

Вход в медлаб оказался свободен, внутри тоже не было никого… поправка — никого постороннего. Зато был кое-кто, при виде которого, точнее, которой, у меня на глаза навернулись слезы радости. Льдинка сидела в позе лотоса на кушетке и рассматривала свои ладони. Когда мы вошли, она обернулась к нам и улыбнулась непривычно робкой улыбкой. Ее движения были неуверенны, но, думаю, это последствия комы.

— Ребята, — сказала она. — Я вас помню. Слава богу, я хоть что-то помню. Где я? Что это за место?

Мы бросились к ней, хотели обнять, но она отстранилась:

— Погодите, не трогайте меня. У меня что-то не так с руками, я не могу понять, что именно.

«Интересно, она знает, что ее руки и ноги

неродные?» — подумала я, и, полагаю, остальные подумали о чем-то похожем. А Льдинка тем временем взяла левой рукой из небольшой вазы, стоящей на подкатном столе у столика, цветок, или, если быть точным, то, что осталось от цветка. Эти цветы принес Бракиэль примерно неделю назад, и их, как ни странно, так и не убрали. Интересно почему? Во всяком случае, сейчас от прекрасной розы остался только почерневший, то ли иссохший, то ли сгнивший стебель с какими-то жалкими ошметками листьев и лепестков.

Осторожно, чтобы не сломать хрупкий стебелек, Льдинка перехватила его правой рукой и закрыла глаза. И тут, прямо на наших глазах, цветок стал наливаться естественной зеленью. Вместо полуосыпавшегося венчика возник молодой зеленый бутон, наливающийся силой, увеличивающийся в размерах, приближающийся к тому, чтобы раскрыться…

Когда вместо высохшего стебелька в руках Льдинки оказалась полная сил роза, она открыла глаза и сказала:

— Я ведь так раньше не могла, правда? Но и это еще не все…

Она опять взяла стебель левой рукой — и тот на глазах стал увядать, словно невидимый вампир

высасывал из него жизнь. Лепестки осыпались, зелень становилась желтизной, желтизна бурела, потом чернела… меньше чем через полминуты Льдинка поставила в вазу черный, высохший, лишенный жизни стебелек.

Мы с девочками переглянулись, Тень и Дарья кивнули, и я подошла ближе.

— Все нормально, Льдинка, — сказала я. — Потом мы объясним тебе, почему так происходит. Это просто твоя сверхспособность. Ты же помнишь, у тебя была сверхспособность?

— Помню, — ответила она. — Но не такая сильная. Сейчас я ее почти не контролирую, потому и боюсь обнимать вас, девочки.

— Мы понимаем, — сказала Тень. — Льдинка, какой бы ты ни была, ты наша Льдинка. Не тревожься из-за своих способностей. Все мы изменились за это время.

— А много времени прошло? — спросила Льдинка. — Девочки, вам придется многое мне рассказать, я ведь все так плохо помню. Я даже не знаю, как я здесь оказалась.

— Мы можем ее отсюда забрать? — тихо спросила Тень. — Кажется, физически она в норме.

— Не знаю, — ответил Фредди. — Наверно, сначала надо связаться с Кураторами, с Апистией…

Она здесь главная.

— Ага, и как ты с ней свяжешься, умник? — с иронией спросил Призрак. — Она дала тебе номер своего пика?[26]

— По общекорабельной сети не получится, — поддержал его Джинн. — Не знаю, что происходит, но сеть ушла в лежку… хм, то есть находится в защищенном режиме. Как будто что-то подмяло под себя все доступные ресурсы.

— И ты так спокойно об этом говоришь? — уставилась на него Дарья. Джинн успокаивающе погладил ее по руке:

— Во-первых, я догадываюсь, что это связано с тем, что станция меняет орбиту, а поскольку «Левиафан» — все-таки не космический корабль, а орбитальное сооружение, для этого требуются все наличные ресурсы.

Арвен, дотоле находившаяся в невидимом режиме, возникла на кушетке Льдинки и потерлась о ее руку (правую, между прочим). Та машинально погладила огромную кошку между ушами с

---

[26] Примечания: 26

Пика (*жарг.*) — персональный коммуникатор, дальнейшее развитие смартфонов. полностью вытеснил последние во второй половине сороковых после казни Ройзельмана. Связь между персональными коммуникаторами осуществляется в сети Интернет, аналогично программам типа «скайп». Позволяет поддерживать в том числе режим 3D-видеозвонков.

забавными кисточками.

— Я предупредила Бракиэля, — сказала она. — Они с Леди Н. и другими Кураторами сейчас заняты устранением повреждений, к счастью не сильно серьезных, и подготовкой «Левиафана» к следующему этапу. Как освободятся, сразу подойдут в медлаб.

— Следующему этапу? — переспросил Фредди. — Нас собираются атаковать снова или что это за «следующий этап»?

— Понятия не имею, — сказала Тень, но тут другой голос перебил ее:

— Сейчас я все вам объясню. Привет, Льдинка, рада видеть, что ты поправилась!

* * *

Мы дружно обернулись на голос. В дверях медлаба стоял Бракиэль, а рядом, под руку с ним — Леди Н. Такой я ее не видела — она была бледна, как дотоле Призрак с Джинном, к тому же у нее на щеках виднелись следы слез. Бракиэль, казалось, тоже осунулся.

Леди Н. кивнула, и они с Бракиэлем подошли к кушетке. Нтомбе попыталась обнять Льдинку, но та отстранилась.

— Что такое? — с тревогой спросила Нтомбе. —

Что случилось… Льдинка?

— Я… я боюсь, — тихо сказала Леди Лёд.

— Чего именно, милая? — спросила Нтомбе. — Неужели меня?

— Себя, — ответила Льдинка. — Вы знаете, какие у меня сверхспособности?

— А, так вот ты о чем, — облегченно вздохнула Нтомбе. — Ну что ты, мне это не угрожает, но ты молодец — пока полностью не обретешь над ними контроль, лучше избегать… ай, к черту, давай я тебя просто обниму!

И, прежде чем Леди Лёд успела возразить, осторожно заключила ту в свои объятия. Вопреки опасениям Льдинки ничего плохого не случилось.

Выпустив Леди Лёд из объятий, Нтомбе обернулась к нам. Ее глаза странно блестели.

— Когда теряешь кого-то по-настоящему дорогого, — сказала она, — через какое-то время начинаешь больше ценить тех, кто рядом. Сегодня я потеряла того, кого могу назвать своим отцом. Вы уже знаете, что Проект постигла утрата самая большая из возможных. Но это не означает, что все пойдет прахом. Наоборот, теперь мы просто обязаны закончить то, что начал он!

Она запустила руку в небольшой подсумок на

поясе и достала оттуда пачку сигарилл. Щелчком пальца вытолкнула одну, перехватила ее губами и через мгновение затянулась дымом.

— Вы об этом узнаете первыми. Дело в том, что Лорд предвидел такое развитие событий. Мы защитили нашу станцию, но даже самая серьезная защита порой дает сбои. Мы еще выясним, что отвлекло нашего «стража». Но, в конце концов, это уже не важно.

Орбита Земли небезопасна для нашего Проекта. Слишком близко к Пламенному Корпусу. Мы нанесли по ним серьезный удар, но не уничтожили полностью. Лорд… он сразу же строил эту станцию не как орбитальную конструкцию, а как корабль, способный к межпланетным перелетам. Сначала его целью был Марс, но потом он нашел нечто более пригодное. Странное космическое тело, вращающееся вокруг Солнца по необычной орбите, потому науке неизвестное. На самом деле, Планету X, Энигму, обнаруживали неоднократно, но из-за ее необычной орбиты всякий раз «закрывали», считая, что при наблюдении была допущена ошибка. Движение Энигмы не вписывается в законы кеплеровской механики, и мы, хоть и побывали уже на этой планете, до сих пор не знаем почему. Выяснить это предстоит вам.

Мы хотели подготовить вас к этому и лишь потом сообщить о конечной цели Проекта. Если бы кто-нибудь из вас отказался от перелета, мы отправили бы его обратно на Землю — с уже имеющимися у вас навыками можно надеяться избежать внимания Пламенного Корпуса, хоть и придется всю жизнь прятаться. Но сейчас у нас больше нет выбора. Мы перехватываем переговоры между орбитальными крепостями и новой штаб-квартирой Корпуса в Манчестере. Нас засекли, и вот-вот начнется охота. Единственный выход — стартовать, и стартовать немедленно.

— Именно этим мы и занимаемся, — подтвердил Бракиэль. — Мне доверили быть штурманом перелета, потому я в ближайшее время буду сильно занят…

— А то раньше ты был свободен, — тихо сказал Призрак (услышала его только я).

— Мы все, я имею в виду Кураторы, тоже будем заняты в ближайшее время, — продолжила Нтомбе. — Поэтому все это время вы будете предоставлены сами себе. Пожалуйста, обойдитесь без глупостей! Проект и так на грани краха, сами понимаете. Если они загонят нас, то уничтожат вместе со станцией, и единственный выход — рвать когти побыстрее, что мы сейчас и делаем.

Помогать нам не надо, просто не мешайте, хорошо?

Мы нестройным хором заверили Нтомбе, что согласны со всем, что она сказала, и что она, если что, может на нас рассчитывать.

— Льдинка, ты можешь отправляться с ребятами, — сказала Леди Н., — физически ты в порядке, а психологически — с твоей цепочкой тебе будет лучше, чем одной в медлабе. А вы, друзья, позаботьтесь о ней получше, хорошо?

Мы опять дружно согласились.

— Нам надо бежать, — сказала Нтомбе. — **Эли**, я подожду тебя за дверью, окей?

— Эли? — переспросил Призрак, когда двери за Нтомбе закрылись. Бракиэль коротко кивнул:

— Сокращение и от Бракиэль, и от Элиаху, так что удобно. Вот что, народ, если что, я на связи через фичу. Я тоже буду вас держать в курсе, а если возникнут какие-то проблемы, — он выразительно зыркнул на Призрака с Джинном, — я смягчу удар.

* * *

— Мы выпьем пивка, и не дрогнет рука художника из кабаре…

Справа и слева — настоящее время. Разум спра-

ва — пятый аркан, прямое положение. Хорошая карта. Чувства слева — шестой аркан, самый парадоксальный в Таро. Аркан зовется «любовники», но в прямом положении с таким раскладом имеет едва ли не противоположное значение. К счастью, у нас он как раз в обратном положении — всего лишь необходимость договариваться, делать что-то сообща. Все-таки удивительная штука эта колода Ресинголо — я не сомневалась в том, какие карты лежат в центре расклада. Еще не было ни разу, чтобы гадание не сошлось…

Призрак вызвал Цезаря, чтобы отвезти Льдинку, я поехала с ними. Остальные отправились пешком. Ехать, впрочем, было недалеко, это же станция, пусть и довольно большая, так что для мотоцикла здесь расстояния никакие. Мы отвели Льдинку в ее комнату, где на столике лежал брелок, изготовленный нами на «шабаше». Льдинка сказала, что хотела бы расспросить нас обо всем, хотела дождаться остальных ребят, но, наверно, не сможет, уж очень устала. Мы доверили ее Арвен, дождались, пока она заснет, и вышли в общую комнату, где уже собрались все остальные.

При этом Призрак выглядел каким-то не в себе; я заметила это, но списала на усталость, но у Джинна было иное мнение:

— Что-то ты, бро, выглядишь так, будто тебе обратно к этому…

— Ты прям пророк Самуил, — ответил Призрак. — Угадал, или почти угадал.

У Джинна глаза на лоб полезли.

— Ты что… Призрак, ты точно не заболел?

— Хуже, — махнул рукой Призрак. — Мне, бро, похоже, incazinatto maximo[27] независимо от того, что я выберу. Но, che cazza, походу, придется мне с этим merdissimo поближе познакомиться, fanculo con un cavalo[28].

— Эй, — сказала я, обеспокоившись. Он что, серьезно? Или у него шуточки такие? Если это шутки, то я ему так пошучу… — Ты рехнулся? Я тебя по второму кругу туда не пущу!

— Я обойму выронил, к «беретте», — сказал Призрак. — Нет, я здесь не единственный со стволом, есть ребята из Африки, Америки, Восточной Европы, те тоже без ствола даже в сортир не ходят, но, кажется, о моей любви именно к этой торговой марке не знает разве что «Таннин» Бракиэля, и то не факт.

— Да ладно! — сказал Фредди. — Ну, узнают

---

[27] Примечания: 27
Incazinatto maximo (*ит. жарг.*) — полный капец.

[28] Примечания: 28
Fanculo con un cavalo (*ит. жарг.*) — пропади оно пропадом.

они, что ты там был, и что? Не грохнут же!

— Да я что, за себя переживаю?! — возмутился Призрак. — Если бы у меня одного с этого проблемы были, я сам бы к Николь с повинной пошел, хрен с ним, с меня не убудет. И Джинна я не заложу, а остальные как бы и не при делах. Но вот Бракиэль…

Наверно, каждый из нас в этот момент уставился на Призрака так, как в старых мультфильмах показывают — до выпадения глаз. Все прекрасно помнили, что не так давно Призрак с Бракиэлем были, ну, не то чтобы врагами, но не друзьями, это точно.

— Что Бракиэль? — ошарашенно спросил Джинн.

— Сам посуди, — ответил Призрак. — Un piccolo stronzo только-только поперло по всем направлениям — и с бабой у него лады, и с карьерой — глядишь, еще и Куратором забабахают, а тут такое западло с моей стороны. Досадно, блин, и я себе такого точно никогда не прощу… Джинн, откроешь мне двери?

— Ты дурак? — спросил Джинн. — Или прикидываешься? Идти туда опять — чистое безумие. Так что даже не думай, что я тебя одного пущу — вместе попали, вместе и выбираться будем.

— Или вместе нас завалят, — возразил Призрак. — Что вероятнее. Понимаешь, одному проскочить легче, чем вдвоем…

— Да хрен там! — Джинн вскочил с диванчика. — Вдвоем мы уже…

— Я пойду, — внезапно сказала Тень. Теперь мы все уставились на нее.

— Это еще с какого перепугу? — спросил Призрак.

— Во-первых, я умею ходить сквозь стены, — сказала Тень, скромно потупившись, — во-вторых, владею невидимостью…

— А если этой Твари твоя невидимость до фонаря? — спросил Призрак.

— Ну, на этот случай у меня тоже кое-что припасено, — улыбнулась Тень.

— Я пойду с тобой, — сказал Фредди. — И не вздумай отказываться. Заметь, я не запрещаю тебе идти, но должен быть рядом, чтобы защитить.

— Вы, кажется, забыли о моем существовании, — сказала Дарья. — И о моих фигурках. Мы сможем вытащить вас в любую минуту с помощью моих кукол.

— А как вы узнаете, что у нас неприятности? — спросил Фредди.

— Там стены из шабанита, — сказал Джинн. —

Мы с Призраком проследим, что вы там делаете, ок? Тогда план такой: Тень с Фредди заходят в ангар, не через дверь, сквозь стену. Мы с Призраком на месте, смотрим и, если что, готовимся прийти на помощь. А Дарья и Куинни держат наготове ваши куклы и готовятся эвакуировать вас, если понадобится.

На том и порешили.

* * *

Последняя карта символизирует собой будущее. Ее я всегда открываю с опаской, хотя в Таро даже такие страшные арканы, как Смерть, Дьявол, Повешенный или Башня, могут иметь самое разное значение, и далеко не всегда отрицательное. В конце концов, любопытство пересиливает страх, рано или поздно это со мной всегда случается…

Двадцатый аркан. Суд.

Что это значит? Что все закончится. Банально? Но это жизнь.

В ту ночь я проснулась от того, что Призрак тихонечко встал с кровати, осторожно, видимо, чтобы меня не разбудить. Мне вдруг стало интересно — куда это он? Я, понятное дело, не ревновала, но, когда твой мужчина посреди ночи потихоньку куда-то линяет, согласитесь, это

необычно…

Впрочем, он вернулся довольно скоро, прижимая к груди какой-то предмет. Я мысленно приказала комнате включить приглушенный свет. Свет был неярким, но все равно Призрак от неожиданности чуть не выронил то, что принес.

Это была небольшая, дюймов десять, статуэтка темнокожей женщины в свободного кроя богатой одежде и с короной на голове. На руках женщина держала младенца, тоже темнокожего и в короне. Призрак попытался было спрятать статуэтку, но я просто остановила его и взяла фигурку у него из рук.

— Кто это?

— Мадонна ди Лорето, — сказал Призрак, и я заметила, что, кажется, он покраснел. — Можно, она у нас постоит, на полочке?

— На какой? — удивилась я. Полочек у нас не было.

— Я выращу, — сказал Призрак. — Ты не возражаешь?

— Нет, — пожала плечами я, — а должна?

— Ну… — сказал он. — Ты же вроде как, кхм, мусульманка…

— Да какая я мусульманка! — рассмеялась я. — Примерно такая, как ты католик.

— Но-но, — сказал он. — Я, в общем-то, и есть католик.

— С каких это пор? — удивилась я. — Ты не подумай, я не против, просто интересно.

Он присел на кровать, придерживая статуэтку так, как та держала Младенца.

— Знаешь, Куинни… — сказал он серьезно, — там, в ангаре, когда я безрезультатно всадил в ту Тварь месячную норму свинцовых осадков и надежды уже не оставалось, я обратился к Ней. И помощь пришла. Можно, конечно, думать, что это лишь совпадение, но я так подумал — если люди тысячи лет ходят к колодцу за водой, значит, вода в этом колодце есть.

— Наверно, — сказала я. — В конце концов, многие из тех вещей, которые я делаю, тоже считались суевериями и сказочками — но оно работает. Дыма без огня не бывает, в этом ты прав. А почему, кстати, она черная?

— Понятия не имею, — пожал плечами Призрак. — Такой ее изображали с древности, а почему — одному богу известно. Я просто подумал, хм, что, если она будет черной, тебе будет приятнее.

— Ага, спасибо, — кивнула я, улыбаясь. — Не упустишь случая напомнить мне о цвете моей

кожи, расист несчастный. Слушай, а где ты ее вообще взял?

— Напечатал на принтере, — ответил Призрак и, видя выражение моего лица, добавил: — Che cazza, ну и что? Какая разница, из чего и как она сделана?

— Да я не спорю, — примирительно сказала я. — Идем спать, завтра тяжелый день.

Он кивнул, поставил Черную Мадонну на полочку, которая успела за это время вырасти на стене, и улегся рядом со мной. Оперся на локоть и посмотрел на меня. Я лежала в чем мать родила поверх белоснежного одеяла и, вероятно, выглядела довольно соблазнительно. Если честно, я ожидала, что Призрак этим воспользуется, и так оно и случилось, но не сразу.

— Куинни, — сказал он, задумчиво глядя на меня, — знаешь, там, в логове Твари, я… в общем, когда мы вернемся на Землю, когда нам представится такая возможность, я бы хотел, чтобы мы с тобой обвенчались.

— Che bello! — рассмеялась я. — Ты делаешь мне предложение?

— Ну… да, — ответил он. — Будь у меня такая возможность, я бы хоть сегодня… Che cazza, почему наши Кураторы не догадались захватить с

собой хотя бы одного занюханного падре?

— Ага, а еще имама, буддистского монаха и шамана, — улыбалась я. — Думаю, caro mio, на борту «Левиафана» не у тебя одного такие затруднения. Но…

Я перевернулась на бок, посмотрела ему в глаза и сказала, со всей серьезностью, на которую была способна:

— Я никогда не была особо религиозной, точнее, вопросы религии меня не занимали совсем. И Жювеналь… мой отец не особо настаивал, и самой мне было как-то все равно. Но раз для тебя это так важно, то знай, что твой Бог — и мой Бог, прямо с этого момента. И если когда-нибудь мы с тобой попадем куда-нибудь, где будет храм твоего Бога, я напомню тебе о твоем предложении. Даже если ты к тому моменту передумаешь.

— Я?! — возмутился Призрак. — За кого ты меня принимаешь?! Микеле Солариано Росси не какой-то там chiacchierone[29]! Я хозяин своему слову!

— Ага, — продолжала поддевать его я. — Захотел — дал, захотел — забрал…

— Ты слишком много говоришь, женщина! —

---

[29] Примечания: 29
Chiacchierone (*ит.*) — болтун, пустомеля.

заявил Призрак, хватая меня в охапку. Все-таки он такой сильный — в его руках я чувствовала себя голубкой в когтях ястреба… и мне нравилось это. Черная голубка в когтях белого ястреба.

Призрак повалил меня на постель, и все пошло так, как я ожидала. А я вдруг поняла, что давно уже знаю, что мы с Призраком всегда будем вместе. И не важно, удастся ли нам когда-нибудь обвенчаться или нет — кто-то на небесах уже сплел ниточки нашей судьбы в один канат, и разделить их не в силах никто…

* * *

Сегодня я гадала не на себя, потому я не удивилась, увидев, что первая из карт центра была дамой жезлов. Да, Льдинка, я гадала на тебя. И мне очень интересно, кем будет вторая карта, лежащая сейчас рубашкой кверху. Вернее, интересно, будет ли она такой же, как вчера или позавчера.

Когда я гадаю на Бракиэля, с ним выходит король кубков. В этом нет ничего странного — король кубков у нас Нтомбе, то есть Леди Н. А вот со Льдинкой…

Я перевернула карту и увидела его. Темная фигура в капюшоне, скрывающем лицо, протяги-

вала руку к планете, а за спиной его разливалось сияние. Это был герой той же киносаги, из которой к нам пришел Молчаливый Гигант. В моей колоде он являлся тем же, кем был в фильме. Император, четвертый аркан.

И это могло означать все что угодно.

Не упадешь ли ты от взгляда его?

Фредди

Многие подростки мечтают о службе в вооруженных силах. Не просто многие — наверно, трудно найти юношу, который никогда не был очарован странной притягательностью оружия. Меня это поветрие как-то миновало — когда сидишь в инвалидной коляске, знаете ли, трудно мечтать о том, чтобы быть военным, даже в наше время, когда на поле боя пехота давно уступила место артиллерии, танкам, боевым роботам и беспилотным аппаратам. Но мышление военных по непонятной причине инертно, и хорошая физическая форма по-прежнему необходимое условие для того, чтобы носить форму военную.

Нет, я не избегал «милитаристической тематики» в своем интернет-самообучении и тем более не был убежденным пацифистом — просто не имел определенного мнения на этот счет. А потом были известные события, в результате которых я сначала встал на ноги, а затем обрел сверхспособности. И как-то совершенно незаметно я стал в нашей команде тем, что в компьютерных играх

называется «танк». Но более универсальным — одновременно и носителем тяжелого оружия, и, грубо говоря, тараном, способным физически устранить препятствие.

И все-таки я волновался, хоть и старался не подавать виду при Тени. Враг был непонятен, он казался непобедимым и неуязвимым, хотя я сам для себя вывел один интересный постулат — не бывает неуязвимых врагов, бывает недостаточная огневая мощь.

Мы немного покумекали вечером с Джинном — для этого мне не нужно было видеться с ним физически, ведь у него был суперкомпьютер, способный, кроме всего прочего, работать, как сервер Сети, а меня уже успели снабдить похожим, но более специализированным. А также «суперглазом», сопряженным с лазерным дальномером, бесподсветочным тепловизором и детектором «неестественных» объектов (как он работает, один Джинн знает, наверно, но он довольно споро вычисляет все что угодно, от мин и ловушек до полезных потенциальных трофеев вроде брошенного оружия, боеприпасов и так далее). Полезный прибамбас, одним словом.

Так вот, мы пообщались с Джинном в закрытом режиме и решили, что плазмамет мне вряд ли

поможет, если эта штука нас обнаружит, а вот лазер вполне может сработать — если над ним поработать. Ха, легко сказать «поработать» — доступа в медлаб, чтобы вскрыть руку и получить возможность как-то «подкрутить» лазер, у нас не было, да и вряд ли бы он помог, это работа не на день. Поэтому мы с Джинном придумали, как он выражается, окольный путь. Поскольку лазер, по сути, являлся частью моего тела (рабочим телом был монокристалл в трубке, заменившей лучевую кость, фокусировочная система представляла собой нечто вроде прикрытого кожаным клапаном искусственного глаза, располагавшегося в основании ладони, а накачка происходила от моей «нервной энергии», той, что мы расходовали, применяя сверхспособности), то я мог менять параметры излучения, регулируя поток энергии, подаваемой к рабочему телу для выстрела.

— Если выстрел не причинил вреда, быстро меняй диапазон, — посоветовал Джинн. — В каком-то его можно достать, по-другому просто не может быть.

Мы также придумали нечто под названием «разобщитель». Не знаю, как это описать и на что это похоже. Больше всего, наверно, на буддистскую мантру, повторяя которую полностью

«отключаешь» сознание. Вот только буддистам нет необходимости в состоянии транса вести бой, в отличие от меня. Потому моя мантра была боевой — она передавала организму необходимые сигналы от сознания в минимальном объеме, причем эти управляющие сигналы существовали как бы в записи — то есть мое сознание могло быть полностью сковано ужасом, а тело при этом продолжало бы выполнять заложенную программу — дешево и сердито.

Мы с Джинном «разбежались», но я продолжал «слепое тестирование» своего организма, со стороны совсем не заметное. Со стороны казалось, что я занимаюсь привычными делами — принимаю душ, ужинаю с Тенью, кормлю Талисмана, играюсь с ним распечатанной на принтере мышкой на веревочке — котенок, в настоящий момент не обремененный своей «параллельной сущностью», забавно пытался поймать искусственного грызуна и возмущенно шипел, когда это не удавалось.

И все это время я работал с новой программой,

хоум-версией знаменитой «Мертвой руки»[30]. Кроме шуток, в какой-то момент я понял, что мне можно вынести мозг, а тело продолжит воевать как ни в чем не бывало. И чтобы воевало оно как можно лучше, я дополнял программу все новыми и новыми возможными ситуациями и адекватными на них ответами.

— Ты такой серьезный, — сказала Тень, когда мы легли в постель. Кстати, первое время я спал на нашей кровати «по диагонали», но потом додумался, как дорастить кровать до необходимых мне размеров. — Думаешь о завтрашнем дне?

— Ага, — сказал я. — Честно, не хочу, чтобы ты в этом участвовала, но умом понимаю, что лучше тебя никто не справится. Но ты должна мне пообещать…

— Что? — спросила она.

— Что в случае угрозы ты сразу же бросишься прочь оттуда, — сказал я.

— Хорошо, — ответила она, но я не закончил:

— Сразу же, моментально! И не вздумай за-

---

[30] Примечания: 30

«Мертвая рука» — система автоматического управления стратегическими ракетно-ядерными силами Российской/Восточной Федерации. Обеспечивает нанесение «удара возмездия» даже в том случае, когда некому отдать об этом приказ (в случае тотальной гибели всего населения страны). С двадцатых годов также интегрирует силы воздушно-космических войск, противовоздушной и противокосмической обороны.

держиваться из-за меня. Пойми, если я не буду думать о том, как защитить тебя, у меня будет больше шансов.

Она помедлила, но потом кивнула:

— Хорошо. Хотя для меня это будет трудно… давай ты тоже мне пообещаешь?

— Что? — спросил я.

— Что выберешься оттуда, если такое случится, — сказала она. — Я понимаю, что это глупо, но мне почему-то кажется, что, если ты мне это пообещаешь, ты выберешься в любом случае. Ради меня.

Я протянул руку и погладил ее по щеке и плечу.

— Так оно и есть. С тобой я чувствую себя… м-м-м-м, каким-то сверхъестественным существом!

— А разве ты не сверхъестественное существо? — с улыбкой спросила Тень. — Разве все мы — не сверхъестественные, с нашими фичами, сверхспособностями, имплантатами, слиянием?

Я кивнул:

— Сам иногда об этом думаю. По сути, мы намного круче, чем герои всяких комиксов и голофильмов, но, по крайней мере, я совершенно не чувствую себя суперменом. Да и другие… Мы получили сверхспособности, но остались все

теми же подростками, какими были.

— Как по мне, это просто замечательно, — зевнув, сказала Тень. — Я никогда не любила голофильмы про суперменов именно потому, что они себя ведут, — она вновь зевнула, — как нарисованные.

— Спи уже, — сказал я, погладив ее по волосам, — завтра тяжелый день. А для тебя особенно.

— Как будто для тебя легкий, — сказала она, сворачиваясь клубочком. Через минуту она уже тихонько посапывала, а я вернулся к своей программе. Так, а если эта штука умеет летать?

* * *

Мы стояли у глухой стены в коридоре, параллельном тому, по которому шли Призрак и Джинн, прежде чем попасть в передрягу. Этот коридор был техническим, половину его занимали консоли с кабелями, гофрами, трубопроводами… Тем лучше.

Призрак и Джинн вооружились — у Призрака был дисраптор, у Джинна — какая-то странная штуковина вроде старинного керамического изолятора на импровизированном прикладе, напечатанном на принтере. К изолятору от под-

сумка на поясе тянулись провода.

— Широкополосная электромагнитная пушка, — пояснил он. — Действует в основном на электронику, но в луч попадать не советую — нервная система тоже может коротнуть. Ну как, все готовы?

— Я готова, — сказала Дарья, сидевшая на одном из трубопроводов. В руках она держала пару наших кукол.

— Я тоже, — подтвердила Куинни. Ее задачей была подзарядка всех нас энергией, и она действительно хорошо подготовилась, вокруг нее даже воздух потрескивал от статического электричества, а в коридоре ощутимо пахло озоном.

Тень смотрела на глухую стену, но я знал, что она видит сквозь нее.

— Вижу обойму, — сказала она. — Метров двадцать от нас по направлению к двери. Твари не вижу, но чувствую. Странно. Но, похоже, она не знает, что мы здесь.

— С чего ты взяла? — спросил я.

— Я слышу ее мысли… — неуверенно ответила она. — Точнее, наверно, чувства. Как интересно…

Она вздохнула:

— Ладно, пора.

— С богом, — сказала Дарья.

— Храни вас Пресвятая Дева, — добавил Призрак. Я удивился, поскольку ожидал от него другого. Чего-то более привычного, вроде знаменитого *in culo alla balena!* Заболел наш Призрак, что ли?

А Тень уже приоткрыла часть стены, и я мог видеть то, что находилось внутри. И валяющуюся на полу обойму, и Тварь — огромную черную, как сам космос, груду — казалось, она черная не потому, что такой у нее цвет, а потому, что у нее вообще нет никакого цвета. Тень осторожно зашла, я заскочил вслед за ней. Проем за нами закрылся.

Тень

В наше время чтением мыслей вряд ли кого-то можно удивить. Первые устройства для этого (естественно, военного назначения) появились еще в конце прошлого века и за прошедшие восемьдесят лет получили довольно широкое распространение. Даже «умный дом» моей матушки умел исполнять самые простые мысленные пожелания (хоть это и влетело ей в копеечку), а к моменту моего «исчезновения» она подумывала над тем, чтобы поставить в доме более чувствительную нейросеть.

Уже на антарктической базе я столкнулась с материалом под названием шабанит, который сам по себе являлся чем-то вроде нейрональной сети, интегрированной в стены с «памятью материала», что позволяло «выращивать» простейшие конструкции вроде турника, появившегося в нашей с Фредди каюте сразу, как только там оказался мой любимый.

Но одно дело — отдавать простейшие приказы или транслировать образы, а другое — вести осмысленную телепатическую беседу. Это было возможно, но существовала проблема расстояния — «классическая» телепатия базировалась на регистрации изменения электромагнитного поля нервной системы, а оно у людей было довольно слабым.

Не говоря уж о том, что мой «режим невидимости» попросту глушил подобные излучения. То есть, используя телепатию, мы с Фредди общаться не могли. Несколько забегая вперед, скажу — и слава богу, что не могли. Мы тогда просто не представляли, с чем именно имеем дело…

Но было еще кое-что, что мы могли использовать, хоть и не понимали, как это работает. Апистия называла это «симпатической связью» и говорила, что у науки нет ей объяснения, как,

впрочем, и многим другим феноменам, которые наука стыдливо игнорирует потому, что они не вписываются в стройную картину мира, выстроенную поколениями академических ученых.

Наверно, все знают о феномене разлученных близнецов, с которыми в жизни происходят похожие события. Известно также, что близнецы могут «чувствовать» проблемы друг друга, например, одному больно, если другого ранили. Это — самый примитивный пример симпатической связи. На другом полюсе — наше слияние.

У симпатической связи есть интересное преимущество — она не использует никаких излучений. Поэтому никак не регистрируется. У обычных людей ее просто нереально зафиксировать, но, если вы когда-нибудь любили по-настоящему, наверняка сталкивались с тем, что иногда у вас и вашего избранника синхронно возникают одни и те же мысли. Это она, симпатическая связь.

Мы знали о ней и научились ее использовать, хоть и редко прибегали к ее помощи. В обычной жизни она не особо нужна, ты и так все можешь выразить, словами или действиями. Но вот как раз сейчас — очень даже пригодилась; благодаря ей мы с Фредди могли общаться совершенно незаметно.

* * *

Какое-то время мы стояли, прислушиваясь к происходящему. В тусклом красноватом свете Тварь тем не менее была хорошо видна. Честно говоря, глядя на нее, я почувствовала приступ страха, который с трудом, но подавила — Тварь была чужой, чуждой, словно не принадлежащей нашему миру.

«Ужас какой», — услышала я мысль Фредди.

«Да уж, я понимаю ребят, — подумала я. — Давай побыстрее заберем обойму, не хочу здесь долго находиться».

Он кивнул, и мы пошли. Чтобы оставаться в режиме невидимости, Фредди должен был быть рядом со мной. Точнее, не совсем так — у невидимости, которую я могла наложить, было несколько «степеней», и максимальная — та, которую я распространяла на себя и объекты вокруг меня, на расстоянии вытянутой руки. В этом режиме мы словно вовсе переставали существовать в этом мире нас нельзя было обнаружить никакими существующими приборами, и я не уверена, что можно было создать такой прибор, который мог бы нас обнаружить… но увы, я не могла погрузить в такую невидимость всю команду,

максимум — себя и еще одного (если это Фредди) или двух (например, Дарью и Куинни) человек. И я чувствовала, что никакими тренировками мне не удастся увеличить этот параметр, что я в этом достигла объективного предела.

Шли мы осторожно, а потому медленно, но до обоймы было буквально рукой подать — сорок восемь моих шагов, как выяснилось. И уже на половине этого расстояния я почувствовала… нечто. Сначала мне показалось, что это тревога или уже знакомый страх, но чувство, если можно было так выразиться, имело иной оттенок. Когда я наклонилась, чтобы поднять обойму, меня осенило, меня буквально обожгло пониманием — это тоска!

Я машинально сунула обойму за пояс, замерла и прислушалась.

«Что случилось?» — тревожно спросил Фредди.

«Оно думает, — ответила я. — Я слышу его чувства!»

«Ну и что? — спросил Фредди. — Ну и пусть себе думает. Главное, чтобы оно не думало, как нами с тобой поужинать. Идем!»

Но я не могла просто так уйти. Меня захватили чувства неведомого существа, захватили настолько, что я стояла, словно загипнотизированная.

«Подожди, — сказала я Фредди. — Я хочу послушать… я хочу попробовать посмотреть, видит ли оно нас».

Фредди схватил меня за руку и попытался тащить, но я уперлась, и он оставил свои попытки. Я понимала почему — будучи очень сильным, Фредди всегда очень боялся ненамеренно причинить мне боль. Он всегда был со мной очень осторожен. Я мысленно ласково коснулась его, успокаивая, а затем потянулась к чужому существу, пытаясь, если можно так выразиться, посмотреть на мир его глазами.

Никаких глаз у существа не было, равно как и других органов чувств, и я не сразу смогла воспринять мир таким, каким он ему представлялся, не сразу — но смогла. Постепенно хаос впечатлений обрел некую понятную мне структуру… и я была поражена тем, что увидела. Для этого существа не было преград в восприятии, его «зрение» не ограничивали стены, но на расстоянии оно лишь становилось менее резким, менее подробным. Я видела всю станцию изнутри, словно она стала хрустальной — огромные баки с топливом, чудовищные двигатели, пришвартованные к борту шаттлы, рой дронов, восстанавливающих повреждения в том месте, где «Атлантис» врезался

в «Левиафана». Я видела ребят, ожидающих нас в коридоре, и понимала, что существо узнало Джинна и Призрака. Самое интересное, что я не чувствовала враждебности по отношению к ним с его стороны — только сдержанный интерес. Кстати, нас с Фредди существо не видело, значит, моя маскировка работала.

Потрясающее зрение существа распространялось очень далеко — я видела орбиту Земли со всеми станциями, кораблями, спутниками, космическим мусором; я видела саму Землю — облачный покров не представлял для существа проблем, и перед его взором простирались горы и моря, города и пустоши Антарктиды. При желании существо с легкостью могло разглядеть то, что от человека скрывали океаны — подводные поселения, новые и древние, некогда поглощенные морем, погибшие корабли и спешащие по своим делам подлодки.

Я видела Луну и постройки, на ней возводимые. Видела Марс и его спутники (а еще поняла, что Марс хорошо знаком этому существу и присутствует в его воспоминаниях), видела пояс астероидов и луны Юпитера, а еще — на границе поля зрения существа — видела ледяной шар, двигавшийся навстречу «Левиафану».

Это наша цель? Энигма?

«Тень, с тобой все в порядке?» — с тревогой спросил Фредди. Я кивнула:

«Это так интересно! Если бы ты знал!»

«Я знаю, что это опасно», — сказал он. Я заметила, что у основания ладони его левой руки что-то блестит — значит, он активировал свою лазерную пушку. Фредди говорил, что после стрельбы, и даже если стрельбы не было, но он к ней готовился, рука у него ноет несколько часов.

«Нет, не опасно, — сказала я. — Это существо разумно… и ему плохо».

«Откуда ты знаешь?» — спросил он.

«Хочешь послушать его мысли? — спросила я. — Попробуй, я сейчас попытаюсь передать их тебе».

Я сосредоточилась, еще сильнее проникая в сознание существа. На миг я чуть не потеряла контроль, когда попыталась понять, откуда ему знаком Марс. Я увидела пустынную красную планету, но не такую, как показывают в документальных голофильмах. Когда-то я смотрела несколько, потому смутно узнавала местность…

Признаюсь честно — однажды я хотела сбежать от маман; вернее говоря, сбежать я хотела постоянно, но тогда мое желание оформилось в

нечто конкретное. Это было как раз тогда, когда Фишеру разрешили привлекать мигрантов, о чем он просил с самого начала своей ссылки. Тогда-то и проштудировала все, что связано с Красной планетой.

Потому то, что я видела, было мне знакомо — и незнакомо одновременно. Я стояла на берегу моря, его красноватые волны с шипением набегали на берег. На горизонте над морем висели тяжелые, низкие облака разных оттенков красного цвета, а над ними вздымалась одинокая белая вершина — не иначе как Олимп, который в силу своих колоссальных размеров виден очень издалека.

Я говорю «передо мной» только для удобства представления — на самом деле, я «видела» все, что меня окружает, и понятие «перед» теряло смысл. С противоположной стороны была обширная равнина, на которой то тут, то там вздымались столообразные возвышенности. Все пространство этой равнины было покрыто красновато-белесой растительностью, которую трудно было назвать деревьями или кустарниками — растения очень отличались от своих земных аналогов. Вдали над этими джунглями вздымалась высокая горная цепь, постепенно

снижавшаяся к морю и превращавшаяся в цепочку скалистых островов. Самая высокая гора этой цепи, кажется, была вулканом, а вторая по величине напоминала огромную пирамиду со скругленными краями, словно Творец выпустил из кондитерского мешка скальную породу, желая сделать какое-то непонятное украшение. По этим двум горам я узнала местность — район Элизиум, там сейчас располагался один из городов Фишера. Более высокая гора, значит, была Элизием, а та, что напоминала кондитерскую завитушку — куполом Гекаты. Тогда горная цепь — это горы Флегра (но сейчас они сохранились не полностью, участок между Элизием и побережьем превратился в гладкие холмы), а вершина к югу от Элизия — купол Альбор (там, как мне показалось, виднелись какие-то искусственные строения).

Но… это прошлое? Если да, то какое? Когда на Марсе были моря и растительность, если наука отрицает саму возможность этого? Конечно, север Марса до пятидесятой-шестидесятой широты занимал огромный ледник, частично скрытый горными породами, и если бы он растаял хотя бы наполовину, то вода действительно могла бы заполнить равнины Утопии, Амазонии, Элизии

и Аркадии. Теперь этого уже не случится — лед этого ледника был использован для создания марсианской атмосферы, а того, что осталось, хватило только на два озера, которые марсиане гордо именуют морями. Неужели когда-то это «нереализовавшееся море» уже существовало? Или я вижу то, чего еще не было?

Но воспоминание быстро выскользнуло у меня из головы, следуя за ассоциативной цепочкой существа. Поток его мыслей, неспешный, но непрерывный, увлекал нас с Фредди дальше, в направлении чувств этого чужого.

Он видел далекую Энигму и тосковал по ней, как тоскуют по дому, хотя Энигма не была его домом. Но там жили другие, ему подобные. Они жили там так давно, что мы с Фредди даже не могли себе представить такую бездну лет. Изолированные от всего, что составляло смысл их жизни, они постепенно впадали в отрешенность или безумие, и наш новый знакомый тоже едва не испил из этой чаши, но однажды все изменилось. **Она** пришла, **она** подарила надежду на то, что в его жизни есть смысл. Но **ее** давно не было, и он боится, что **ей** до него больше нет дела. Он даже попытался собрать для нее немного **сеада**, но ему помешали — пока он охотился, на станцию,

по-видимому, напали. Один из **ее** маленьких кораблей погиб, разбившись о ее борт. Ему не было дела до этого корабля, хотя несколько **ессеадов** на его борту были потеряны. Но **она** предупреждала его, что сейчас не время для охоты, а он нарушил **ее** предписание. Наверно, **она** разгневается, когда узнает о том, что он пытался охотиться, но ведь он всего лишь хотел добыть для **нее** немного сеада!

Я разорвала контакт, и мы с Фредди, не сговариваясь, поспешили прочь. Я не могла понять, что я чувствую — во мне смешались страх от того, что существо рассматривает нас (**ессеадов**, как оно выразилось) лишь как дичь, как источник неведомого и непонятного **сеада**; жалость — я чувствовала, что это чудовище напугано и растеряно, что оно тоскует и не понимает причины своей тоски; очарование тайны от прикосновения к чему-то величественному, к глубинам времени и пространства. Этот загадочный чужой был рожден иной, внеземной цивилизацией…

И кто такая эта «она»? Я пыталась увидеть какой-то образ, но видела лишь пятно яркого, ярчайшего света и чувствовала при этом восторг, от которого перехватывало дыхание. Для существа «она» была чем-то вроде божества, непререкаемым, сверхъестественным авторитетом. Стоп…

Я открывала для нас с Фредди проход в стене и замерла, не закончив.

«Что случилось?» — с тревогой спросил Фредди. Я почувствовала, что существо заметило изменение окружающего мира и заинтересовалось; надо было бежать, надо было быстрее закрывать проход, но я не могла.

«Она… — сказала я Фредди. — Ты понимаешь?»

Я почувствовала, что он понял. Одновременно с этим я почувствовала и то, что существо, если можно так выразиться, пристально смотрит в нашем направлении. Пока оно нас не видело, но…

«Она автор Проекта?» — спросил Фредди.

«Возможно, — сказала я. — Тебе не кажется, что нам надо узнать об этом побольше?»

«Но как?» — спросил он. И тут я почувствовала, что мы стали видимыми. Не знаю как, но существу удалось пробить мою защиту.

«Вот черт, — выругалась я. — Бежим!!!»

И, расширив проем, буквально вытолкнула Фредди, а затем выпрыгнула сама. Проем за нами закрылся, но я все-таки почувствовала то, что в полной мере испытали на себе Джинн и Призрак.

На мгновенье мою душу пронзил такой леденящий ужас, что, если бы я уже не находилась

в движении, меня бы парализовало. Но стена за мной закрылась, и страх моментально исчез — не знаю почему, но, несмотря на умение видеть сквозь стену, воздействовать таким образом существо не могло.

Джинн

Сначала все было хорошо.

Мы с Дарьей следили за ребятами и Тварью — я воспользовался возможностями шабанита, который фракционно присутствовал в сложном композитном материале стен, ограждающих «ангар», а Дарья запустила с ребятами пару своих «биодронов» — небольших существ из воска, которых она могла контролировать на расстоянии. Одновременно Дарья готовилась к тому, чтобы в случае необходимости вытащить ребят из ангара с помощью их кукл-аватаров, Куинни собирала вокруг нас энергетическое поле для наших нужд и готовилась поставить щит, а мы с Призраком были готовы в случае необходимости поддержать команду огнем и ударом.

К счастью, ничего этого не потребовалось, но поволноваться нам все-таки пришлось. Нам показалось, что, в конце концов, ребята все-таки привлекли внимание Твари — она вновь под-

нялась в «позу кобры» и, кажется, искала, кого атаковать. Наконец Тень открыла проход в стене и вытолкнула в него Фредди, и в этот момент — не спрашивайте меня, как именно, но я понял, что Тварь вот-вот атакует. Тень замешкалась, и я просто оттолкнул ее из проема в коридор (хотя, кажется, она уже и сама отпрыгнула, я, если честно, не уверен) и встал между ней и Тварью. Проход почти сразу закрылся, но Тварь все-таки успела хлестнуть по мне чем-то неощутимым и невидимым, но вызывающим такой ужас, что захотелось упасть на пол, свернуться в клубок и рыдать. Но я устоял на ногах, хоть в глазах у меня потемнело, а первое, что ощутил, было плечо Призрака, стоящего рядом.

— Что там? — спросил я у Дарьи, которая все еще была в контакте со своими восковыми миньонами, оставшимися в ангаре. О том, что их найдут, можно было не беспокоиться — она сделала их одной, левой рукой, не применяя правую, и эти небольшие создания через два-три часа внезапно истают, как тает восковая свеча, а вряд ли крохотные капли воска кто-то сможет найти в огромном ангаре…

— Оно все еще неспокойно, — сказала Дарья. — Плывет вдоль нашей стены, будто смотрит на

нас, и раздумывает, как бы нас достать.

— Уходить надо, — хрипло сказал Призрак. — И чем быстрее, тем лучше. Я сейчас вызову Цезаря…

— Нас шестеро, — напомнил я. — А у Цезаря только четыре места.

— Мы с Фредди пойдем пешком, — сказала Тень.

— Neanche cazza, вы как раз поедете! — перебил ее Призрак. — Эта Тварь, похоже, на вас настроилась, может, она чует вас через стену…

— Призрак, — сказал Фредди. — Это существо видит всю станцию насквозь. И космос просматривает до орбиты Сатурна. Не думаю, что мы сможем от него скрыться.

— Che cazza, но нас с Джинном оно не искало! — воскликнул Призрак.

— Оно отошло от стены, — сказала Дарья. — Движется к центру зала.

— Жаль, что я сейчас не могу прочитать его мысли, — сказала Тень. — Эта стена…

— Сейчас? — спросил я. — То есть до этого ты могла это?

— Могла, — сказал Фредди. — И я тоже. Мы немного залезли ему в голову.

— У него нет головы, — заметил Призрак.

— Ну, не в голову, — пожал плечами Фредди. — Не важно. Знаете… мне кажется, что оно не станет нас преследовать. Любимая, как ты думаешь?

— Я согласна, — кивнула Тень. — В общем, так, ребята, сейчас идем домой, в конце концов, там Льдинка совсем одна сидит, не забывайте, а мы ей сейчас очень нужны. Дома все и обсудим.

— Да, — сказал Призрак, — но остается проблема транспорта.

— Вот что, — сказал я. — Бро, отвези девочек домой, а мы с Фредди пройдемся пешочком. Фредди, ты как?

— Почему бы нет? — ответил тот. — Любимая, ты как, не против?

— Я бы лучше с тобой прогулялась, — сказала Тень. — Но… как скажешь.

— Тогда решено, — резюмировал Фредди. Как раз в этот момент подкатил Цезарь, причем уже с коляской.

— А меня ты спросить забыл? — тихо сказала Дарья, подойдя ко мне. — Может, я сама была бы не прочь с тобой пройтись.

— Если честно, я просто хочу, чтобы ты побыстрее оказалась подальше отсюда, — так же тихо шепнул я. — Кто его знает, что у той Твари на уме, а мы с Фредди — взрослые ребята и сумеем

за себя постоять.

— Что-то прошлый раз не особо у тебя это получилось, — сказала она с легкой грустью.

— Прошлый раз мы были не готовы, — сказал я, в душе прекрасно понимая, что никакая готовность не могла нас спасти. Я уже два раза подвергся атаке Твари, но так и не понял, что я могу ей противопоставить. Но я бы предпочел попасть под удар третий раз, лишь бы не подвергать опасности Дарью.

— Не хорохорься. — Дарья легонько чмокнула меня в щеку и добавила: — Но, кажется, Тварь потеряла к нам интерес, остановилась в центре зала и опять легла на пол. Сейчас она выглядит как какая-то безобидная куча. В любом случае знай, я за тобой наблюдаю, если что, мы вас вытащим, просто продержитесь.

— Угу, — кивнул я. — То есть очень надеюсь, что не придется нас вытаскивать.

Я тоже поцеловал ее на прощание, она села в коляску напротив Тени, а Куинни уже привычно устроилась позади Призрака, и мотоцикл скрылся из виду.

* * *

Когда Цезарь с пассажирами уехал, а мы с Фредди покинули коридор и поднялись на этаж выше, я спросил:

— И о чем ты хотел со мной поговорить?

— Я? — спросил Фредди, впрочем, без особого удивления. — С чего ты взял?

— Дело в том, что у меня в голове встроен компьютер, — сказал я, — с интегрированными базами данных. И я постоянно совершенствую его программную среду, чтобы эти базы не лежали мертвым грузом, а работали. Например, у меня есть база данных по невербальному общению…

— Это как? — спросил Фредди.

— Смотрел когда-нибудь «Теорию лжи»? — спросил я. — Сериал, конечно, старый, но, может, встречал?

— У меня в монастырской сетке только старые были, — ответил Фредди. — Вроде «Альфа» или «Горца». Но такого не видел. А о чем он?

— Прям как на нашем «тиви», — улыбнулся я. — Тоже одно старье крутили, да еще и реклама каждые десять минут…

— У меня хоть без рекламы, — сказал Фредди. — Так о чем сериал-то?

— Там главный герой расследовал преступления, — рассказал я, — с помощью «языка тела». Типа наши жесты нас выдают. Я всю жизнь думал, что это все буллщит, а оказалось, не совсем. В общем, по нашим жестам реально можно много чего сказать. Вот я и накропал программку для этого.

— Ясно, — задумчиво сказал Фредди. — Ну, не то чтобы хотел, но мне действительно надо было бы посоветоваться.

— О чем? — спросил я. — Если что-то личное, я пас, я в этих делах ни фига не шарю.

— Да нет, — сказал он. — Как раз наоборот. Дело в том, что Тень…

— Кхм, ты уверен, что это не личное? — спросил я.

— Да ты дослушай, а потом выводы делай, — ответил он. — Короче, у меня такое впечатление, что Тень решила как-то вступить в переговоры с этим…

— С Тварью? — У меня глаза на лоб полезли. Не то чтобы я боялся… кого я хочу обмануть? Да, факн'щит, я боялся — когда из тебя живьем вырывают душу, после этого волей-неволей будешь чуток побаиваться, по-моему, это нормально.

Фредди кивнул:

— Ты знаешь, что оно разумно?

— Откуда? — ответил я. — Да и с чего вы взяли вообще?

— Блин, Джинн, — сказал Фредди, — я ж уже говорил, мы с Тенью залезли к нему в то, чем он думает. Ну, вернее говоря, залезла Тень, я только рядом стоял, но тоже чуток видел. Достаточно, чтобы сделать вывод.

— А это не может быть вашей фантазией? — спросил я. Честно говоря, мне бы не хотелось, чтобы эта штука была разумной. Почему? Потому, что оно на нас напало. Фигурально выражаясь, акуле можно простить то, что она напала на аквалангиста, она просто жрать хотела, что возьмешь с неразумной рыбы? Но если разумное существо воспринимает тебя только как хавчик, в этом ничего приятного нет.

— Бро, мы видели такие вещи… — сказал Фредди. — Оно очень древнее, оно помнит Марс в те годы, когда на нем были моря и растения…

— Стоп, — сказал я. — На Марсе никогда не было жизни. Это доказано наукой…

— Наука может ошибаться, — пожал плечами Фредди. — Тень узнала это место, оно и сейчас существует, только там уже ни моря нет, ни джунглей.

— Не помнишь, как называется? — спросил я, включая поисковый режим. Я освоил еще не все свои ресурсы памяти; кое-что лежало мертвым грузом из того, что я не счел важным. В том числе разные уфологические теории вроде тех, что публикует портал «Уорлд Дейли», обожаемый моими родителями. В том числе — истории об обитаемом в древности Марсе.

Фредди наморщил лоб.

— Элизиум, — сказал он. — Купол Гекаты. Еще она какой-то другой купол упоминала…

— Альбор? — переспросил я, и внутри у меня появился предательский холодок — мой встроенный поисковик услужливо вынул мне публикацию под заголовком «Гарри Фишер скрывает находку марсианского города в кратере Альбор».

Фредди энергично закивал:

— Ага, он. Там вроде какой-то город был, ну, или нам показалось…

…Еще после экспедиций первых марсоходов официальная наука поспешила заявить, что на Марсе никогда не было жизни. И это несмотря на открытие огромных запасов воды на полюсах, на то, что атмосфера планеты оказалась более плотной, чем раньше считалось, а некоторые элементы ландшафта можно было объяснить

только водной эрозией. Не было, и точка, а кто думает по-другому, тот просто аферист и лжеученый, вот.

С двадцатых годов Марс осваивают, но делают это либо правительственные структуры, либо крупные транснациональные корпорации. Что касается последних, то, как сказал герой другого старого тиви-фильма, мне они напоминают царя Мидаса наоборот — чего они ни касаются, все обращается, хм, скажем так, далеко не в золото. Из самых крупных фейлов — попытка создания виртуальной мегавалюты, закончившаяся грандиозным пшиком, программы искусственного интеллекта, телепортационный транспорт…

Мне кажется, что освоение Марса — из той же серии: помнится, много орали, что полезные ископаемые с Марса могут решить сырьевые проблемы Земли, но что-то я не вижу череды транспортов, везущих на матушку-Землю марсианское сырье. Федерации, осваивающей Венеру, и то больше повезло — условия там, правда, сущий ад, но профит утренняя звезда, по слухам, уже приносит.

С тех пор как на Марс отправили в ссылку опального олигарха Гарри Фишера с его «Стигмой», про новые находки ничего не слыхать, по

крайней мере, в открытых публикациях. Желтая пресса публикует много чего, но доверия к их статьям никакого. Многие явный фейк, другие все равно не проверишь. Так что, есть ли жизнь на Марсе, точнее, была ли она там когда-нибудь, науке это неизвестно.

Но если Марс когда-то действительно был обитаемым, тогда, по крайней мере, понятно, почему добыча полезных ископаемых на нем не задалась…

— Хорошо, — медленно сказал я. — То есть Тварь помнит Марс прошлого… это сколько же ей лет? Если бы Марс был обитаем недавно, такого шила в мешке утаить не удалось бы. Да и с водой накладка — полярные шапки, судя по краевым льдам, образовались сотни тысяч лет назад.

— Знаешь, — задумчиво ответил Фредди. — Мне показалось, что это существо, действительно, очень древнее. Но при этом психологически он еще подросток. Не спрашивай меня, как такое может быть. Я не знаю. А еще — он прибыл с той планеты, куда мы летим, и там таких, как он, много.

— То есть из твоих слов выходит, что мы лезем прямо в пасть акулы? — спросил я. — Как по-твоему, знают ли об этом Кураторы?

Фредди пожал плечами:

— Наверно, знают. Откуда, по-твоему, на борту станции этот? Меня не это беспокоит.

— А что? — спросил я, и Фредди пересказал мне вкратце то, что прочитал в мыслях Твари. Действительно, было отчего обеспокоиться! Кто эта таинственная «она»? По всему выходило, что эта странная сущность (вряд ли «она» была человеком — если такое древнее существо так благоговейно к ней относилось и так боялось ее гнева) имела какое-то отношение к нашему Проекту, но какое? И знают ли об этом Кураторы?

В общем, было над чем поразмыслить.

Леди Лёд

Я чувствовала себя покинутой. Не ребятами — пусть даже их сейчас не было рядом, но я понимала, что они мне не няньки и не обязаны носиться со мной; зато я чувствовала с их стороны искреннее участие, и это и так было много, намного больше, чем я заслуживала.

Понятия не имею, откуда у меня такие мысли.

В моем паспорте написано, что я родилась тридцать первого октября, во второй год Кометы. Прямо на Хеллоуин, и раньше меня это забавляло, но теперь я думала не об этом, а о своем

зодиакальном знаке. Скорпион рожден, чтобы жалить, и, когда жалить некого, он бьет самого себя. Наверно, все дело в этом. Наверно…

Но не это меня беспокоило, меня тревожило совершенно другое. Я потеряла себя.

Все было как раньше — моя фича, Арвен, которая теперь все время держалась рядом со мной и делала вид, что она просто очень большая кошка, даже когтей не выпускала. Мои сверхспособности — кажется, они только выросли, в своей рабочей комнате я устроила настоящие джунгли, вырастив из плесени древовидные побеги, лианы, обширные мхи и заселив все это мелкой живностью вроде бабочек, кузнечиков и божьих коровок. Причем я уже дважды успела выкосить все это к чертовой бабушке инфекциями и заново возродить. Я могла дарить жизнь, а могла приносить безжалостную погибель одним прикосновением руки…

Но я больше не испытывала от этого никакого удовлетворения. Я стала тенью самой себя, призраком, вовсю старающимся доказать, что он по-прежнему живой, несмотря на то что его бренные останки доедают черви на ближайшем кладбище.

Именно потому я время от времени сворачи-

ваюсь калачиком на диване или даже на полу и лежу, пытаясь ухватить проносимые невидимым ветром клочки самоидентификации, тени воспоминаний, чтобы свить из них ниточку Ариадны, ведущую к моему утерянному «я».

Арвен сказала, что была уничтожена, стерта неизвестным врагом, но ребята с помощью своих фич сумели ее восстановить. Я думаю, может, они и меня так восстановили? Собрали мою личность из кусочков своих, пожертвовали мне частицы своих душ, как (я узнала об этом, хотя ребята пытались это скрывать) до этого пожертвовали свою здоровую плоть ради того, чтобы у меня не было стресса, когда я узнаю, что мои руки и ноги — искусственные.

Странные какие-то… я чувствую руки и ноги точно так же, как и раньше, внешне они тоже ничем не отличаются — с чего бы я расстраивалась? А вот то, что я не чувствую себя самой собой, меня тревожит. Иногда я думаю и чувствую как Тень, как Дарья, как Фредди, Джинн, Призрак, Бракиэль…

Даже как Нинель, и это странно — она же не из нашей цепочки! Хотя, конечно, она наш Куратор, может, поэтому. Кстати, Арвен, когда я рассказала ей об этом (я теперь разговариваю со своей фичей,

хотя, по-моему, я и раньше с ней разговаривала; просто я почти не помню ничего, что со мной было с того момента, как мы с Нинель и Баракой покинули Лондон, а о днях, предшествовавших… моей травме, не помню вообще ничего), сказала, что фича Нинель участвовала в ее воссоздании. Интересный поворот.

Когда ребята тихо, стараясь меня не будить, хотя я и не спала, так, лежала с закрытыми глазами, дружно ушли куда-то (это было как-то связано с очередной аферой наших шиложопых героев Призрака и Джинна), я все-таки почувствовала себя немного обделенной. Могли бы и меня с собой взять, физически-то я в норме, да и психологически — не считая ощущения себя не в своей тарелке, все окей. Обида постепенно слабела, уступая место чувству одиночества, брошенности, оставленности.

Я вышла в общий зал. На столике, вокруг которого стояли диваны, лежала забытая колода карт. Я взяла ее и стала перебирать. Колода оказалась интересной: в пику своим родителям, всегда подчеркивающим свой статус, я часто смотрела бесплатное «тиви» и любила старые фильмы. Киноискусство в нашем веке дважды переживало «период ремейков», то есть находилось на

уровне плинтуса: в начале века, когда все ударились в 3D, и в середине, когда 3D вытеснило головиденье. Забавно, кстати, что даже Великая Эпидемия Януса не так сильно повлияла на киноиндустрию, как эти два события. Только совсем недавно вновь стали появляться смотрибельные новинки. Потому мне и нравилось старое кино. Многих персонажей карт я хорошо знала, о других тоже имела кое-какое представление. Я знала, что Куинни гадает на этих картах, и подумала, что неплохо было бы научиться и самой… И вдруг я боковым зрением заметила приближающегося ко мне человека.

На миг я сжалась, чувствуя, как в моей левой руке теплеет — не знаю, какой коктейль там варился, но в том, что вкусившему его мало не покажется, можно было быть уверенной. К счастью, человек оказался просто Бракиэлем… как он зашел так бесшумно?

— Привет, — сказал Бракиэль, плюхаясь на диван рядом со мной. Выглядел он уставшим. — Не убивай меня сразу, окей? Я просто пришел узнать, как у тебя дела.

— С чего я буду тебя убивать? — пожала плечами я. — Кажется, моя репутация начинает работать против меня. Я в норме, даже слишком,

но рада тому, что ты заглянул в гости.

— Хотел притащить тортик, — улыбнулся он, — но робокухня, как всегда, предлагает нечто со вкусом торта, но на вид похожее, хм, на пирог из глины. А в тортах внешний вид не менее важен, чем вкус, так что, прости, я с пустыми руками.

— Могу заказать тебе пончиков и чаю, — сказала я. — Или кофе. Джинн с Призраком немного поработали над нашей робокухней, и теперь пончики хотя бы напоминают пончики, а чай внешне отличается от кофе.

Бракиэль сглотнул слюнки:

— Вообще-то, я бы не отказался. Честно говоря, не помню, когда последний раз ел, не говоря о том, чтобы пить чай. Кстати, мне больше нравится кофе.

Я отошла к нашей робокухне (каждый жилой блок на «Левиафане» имел собственную, что выгодно отличало его от антарктической базы), поколдовала над ней и вернулась с подносом, на котором была тарелка коричневых пончиков, покрытых коричневатой глазурью, кофейник и две небольшие кружечки.

— Слушай, может, тебе что-то основательнее хочется? — спохватилась я. — Если ты не ел…

— Ничего, пончики подойдут, — заверил меня

Бракиэль. — Давай я за тобой поухаживаю.

Мы пили кофе, закусывали пончиками, и Бракиэль рассматривал колоду Куинни.

— Забавные карты, — сказал он. — Видел бы меня сейчас мой ребе, моментально проклял бы!

— За что? — спросила я.

— Это же гадальные карты, правильно? — ответил он.

— Да, — подтвердила я. — Куинни на них гадает. У нее есть карты для всех нас.

— Странно, — сказал Бракиэль. — Знакомый узор. И эти знаки… я как будто уже где-то видел что-то похожее, вот только где?

— Может, во сне? — спросила я. — Я, например, иногда вижу странные сны…

«А иногда страшные», — мысленно добавила я. Я порой видела кошмары, но ни один не запомнила.

— Может быть… — Бракиэль задумчиво сдвинул карты, — интересно, какая из них моя?

Он, вероятно, не очень удачно сдвинул колоду, потому что три карты выпали — две рубашкой вниз, одна, между ними, рубашкой вверх.

— Интересно, — сказала я, — Может, это и есть ответ?

Слева лежал валет, похоже, трефовой масти.

Справа — король, его мастью были, видимо, черви, но больше они напоминали чаши.

— И кто я, по-твоему, — улыбнулся Бракиэль, — валет? Или король?

Еще до того, как он задал свой вопрос, я услышала тихое шуршание, а когда Бракиэль, сидящий спиной к входному проему, говорил, увидела, как в помещение въехал Цезарь с ребятами на борту — не было только Джинна и Фредди, но по удовлетворенному лицу Призрака было ясно, что с ними ничего серьезного не случилось, наверно, просто решили пешком пройтись, чтобы не перегружать Цезаря.

— Валет, — ответила на вопрос Бракиэля Куинни. — А король — твоя Нтомбе. Не удивляйся, Кураторы все выходят королями независимо от пола.

Куинни подошла к нам первой.

— Погадать решили в наше отсутствие? Говорят, что к чужим картам нельзя прикасаться, но, по-моему, это чушь и чепуха. Тем более что, судя по всему, карты признали тебя. Хочешь узнать свою судьбу? — Она указала ногтем на карту, лежащую рубашкой вверх. — Или боишься?

— Я иудей и в судьбу не верю, — пожал плечами Бракиэль. — Так что чего мне бояться?

Куинни перевернула карту. Обнаженная женщина, чем-то похожая на Нинель, слилась в страстном поцелуе с коротко стриженным мужчиной с лицом, покрытым шрамами. Как ни странно, мужчина был одет, а выражение его лица было пугающим, злым. Этого фильма я не видела.

— Шестой аркан, — торжественно сказала Куинни. — Влюбленные, в другом переводе — Любовники.

— А на карте как написано? — спросил Бракиэль. Куинни пожала плечами:

— Не знаю, этот язык мне незнаком.

— Кстати, — сказала Тень, — помнишь, мы хотели выяснить, что это за письменность? Дарья еще сказала, что видела похожие символы во сне.

Я вздрогнула и посмотрела на Бракиэля. Тот пожал плечами.

— И Фредди видел, — подтвердила Дарья. — Это было на антарктической базе. Помнишь, Призрак?

Призрак, только закончивший манипуляции со своим стальным конем — после каждой поездки он проверял системы Цезаря, что-то нивелировал, подкручивал, — уселся рядом с Куинни и сказал:

— Che cazza, и что я должен помнить? В коло-

дец упал Фредди, а не я. Я думаю так — сейчас они с Джинном притащат сюда свои cullo, вот у них и спросим, чего гадать? Джинн заодно по сетке прошвырнется, может, и узнает, что это за закорючки…

Он откинулся на спинку дивана, скрестив пальцы за головой, и сказал:

— Хотя, cazzarolla, что-то мне подсказывает, что это сейчас не самая важная наша проблема. С учетом той merdosa, с которой мы имели дело.

— О чем это он? — спросила я у Тени.

— Ты это о чем? — добавил Бракиэль.

— Bellimbusto[31], — ответил Призрак, — ты вообще-то в курсе, что у нас на станции, аккурат под медлабом, живет страшная pezzo di merde, вероятно, инопланетного происхождения, по всей видимости питающаяся нашими душами?

— Ты что-то курил сегодня? — спросил Бракиэль. — И если да, то где ты это взял на «Левиафане»?

— Он говорит правду, — сказала Тень. — На станции присутствует некое существо, которое, возможно, старше самого человечества. И что самое характерное, есть повод считать, что это

---

[31] Примечания: 31

Bellimbusto (*ит. жарг.*) — чувак, приятель.

существо здесь не единственное.

— Какого… — Бракиэль переводил взгляд с Тени на Призрака. — Вы что, фантастики насмотрелись? Какое еще существо?

— Здоровенное, — сказал Призрак. — Похожее на помесь медузы с ночным кошмаром.

— Я слышала его мысли, — подтвердила Тень. — Он видел Марс, когда тот был еще обитаемым. То есть задолго до того, как в Иерихоне построили первые сараи…

— Вспомнил! — хлопнул себя по лбу Бракиэль.

— И что ты вспомнил? — спросил Джинн, как раз входящий в комнату вместе с Фредди.

— Я вспомнил, где именно видел эти символы, которые на картах! — ответил Бракиэль. — Джинн, можешь погуглить «эламское письмо»?

Фредди подошел к столу и взял одну из карт.

— Я уже видел эти буквы, — сказал он. — В колодце, на антарктической базе. Я рассказывал. Что это за карты, откуда они?

Мне, кстати, это тоже было интересно. Куинни вздохнула и стала рассказывать.

Бракиэль

— Действительно, похоже, — задумчиво сказал Призрак.

Перед нами парила вызванная Купером голограмма Бехистунской надписи. Для сравнения, рядом с голограммой Куинни веером разложила карты. А Фредди, смущаясь, стащил верхнюю часть комбинезона и футболку, обнажив татуировку на груди.

— Однажды мне приснился сон, — сказал он. — Там была рыжая женщина в нашем комбинезоне, со странным оружием в руках. Мы были на улице какого-то странного города, и она показала мне эту надпись. Я ее сразу узнал. А потом она сказала: «Ты забыл. Ты не должен забывать. Никто из вас не должен забывать!»

— А потом? — спросил я, заинтересованно посмотрев на Фредди. Слова о рыжей женщине пробудили во мне что-то. Какое-то воспоминание, кажется, тоже о сне. Фредди покраснел:

— А потом мне стало страшно. Я такого страха никогда не испытывал, просто какой-то парализующий ужас, и как будто кто-то вынимает из тебя душу.

— Похоже на работу Твари, — заметил Призрак. Джинн кивнул.

— И я проснулся, — сказал Фредди.

— Тебе девушка не показалась знакомой? — продолжал я расспросы.

— М-м-м-м… знаешь, что-то было, но, где я ее видел, понятия не имею, — ответил он. Я вызвал собственную планшетную голограмму (заинтриговав при этом Джинна — а он думал, только он на такое способен?) и быстро набросал нечто, отдаленно напоминающее небольшой пистолет-пулемет вроде «Испа»[32], но связанное проводом с расположенной на предплечье коробкой, формой повторяющей прилегающую к ней часть конечности. По мере моего не очень умелого рисования глаза у Фредди округлялись.

— Я же говорил тебе, что мы порой видим странные сны? — улыбнулся я Льдинке. — Вот что, друзья. Мне надо идти, хотя я хотел бы остаться и дослушать, чем все это кончится. Давайте с вами договоримся — не предпринимайте ничего, пока не расскажете мне о том, что собираетесь предпринять. Клянусь Храмом Соломона, жертвенником и золотом храма, что никому, даже Нааме, ничего не скажу. Думаю, что я заслужил немного вашего доверия?

И прямо посмотрел на Призрака. Тот медленно

---

[32] Примечания: 32

«Исп» («Оса») — огнестрельно-лучевое оружие (имеет лучемет на пятнадцать импульсов средней мощности и пистолет-пулемет калибра 3,75 мм с магазином 35 патронов). Малогабаритное, надевается на кисть руки, как перчатка. Разработано в Израиле, впоследствии выпускалось как в Федерации, так и в Конфедерациии.

кивнул:

— Хорошо, Бракиэль. Как только мы примем какое-то решение, то сразу свяжемся с тобой.

* * *

Я сидел в нашем парке на траве, пил забытое ребятами пиво и смотрел на звезды. Звезды едва заметно передвигались — «Левиафан» стремительно уходил от Земли.

Она подошла так тихо, что я мог бы ее не заметить, если бы не ждал, когда она появится. Нааме присела рядом со мной на траву и взяла одну из стоящих банок. Пиво было местного производства, потому маркировка на банках отсутствовала, но качество было вполне удовлетворительное. По крайней мере, для меня, небольшого любителя.

— Знаешь, — сказала она, — пиво — древнейший напиток человечества. Записи о нем находили в Мохенджо-Даро, Иерихоне и Уре.

— И в Мегиддо, — кивнул я. — Я был на раскопках Мегиддо.

Мы помолчали; потом она спросила:

— Что ты здесь делаешь?

— Барака сказал, что на мостике я сейчас не нужен, — объяснил я, — и велел отдыхать. Вот я

и отдыхаю. Любуюсь звездами.

— Они того стоят, — согласилась Нааме. — Ты любишь звезды…

— Не так сильно, как тебя, — сказал я, — но люблю. Какая из них твоя?

— Отсюда ее не видно, — сказала она. — Иногда мне хочется…

И замолчала, не сказав, чего именно. Я протянул руку и убрал прядь волос, падающую ей на лицо. А потом сказал:

— Ты знаешь про Тварь?

Я ждал, что она спросит, какую Тварь я имею в виду. Но она лишь кивнула:

— Удивительное существо. Иногда мне кажется, что оно старше самого человечества. В нем заключено такое могущество! Нет на Земле никого подобного ему, он сотворен бесстрашным. Кто же может взглянуть на него — и не упасть замертво от страха?

— Ты цитируешь книгу Иова, — сказал я. — Там говорится о Левиафане.

— Это и есть Левиафан, — улыбнулась Нааме. — Левиафан, Бегемот, Таннин, змей извивающийся, змей прямо бегущий. И там, куда мы идем, таких тысячи, понимаешь?

— Нет, — честно ответил я.

— Раз уж ты заговорил об Иове, — сказала она, — то вспомни, что спрашивает у Иова Господь: «Можешь ли ты посадить его на цепь? Способен ли вложить в пасть его узду?» Мы смогли. Мы пришли в его дом, отделили его от стай ему подобных, приручили и заточили. Левиафан стал цепным псом Проекта, он защищал нашу станцию от врагов, но взяли мы его не для этого.

— А для чего? — спросил я.

— Для того, чтобы проверить вас, — сказала Нааме. — Вам придется встретиться с ними, и вы все должны быть готовы к этой встрече. Кто не будет готов, тот умрет. Если бы… все было по плану, мы уже начали бы тренировки. Так что можешь передать **своим друзьям**, что никаких последствий не будет.

— О чем ты? — спросил я, стараясь сохранить невозмутимость. Нааме рассмеялась:

— Бракиэль, ты знаешь, я, наверно, люблю тебя как раз за это. За твои попытки быть серьезным, взрослым, сильным… Но я старше, сильнее и опытнее тебя. Я знаю, почему тот, кого вы называете Тварью, отвлекся. Он тоже, наверно, хотел быть серьезным, взрослым, сильным…

Она смеялась, но в ее глазах, казалось, плескалось алое море боли. И я не понимал, почему

так, но чувствовал острую потребность защитить ее, избавить от этой боли, как когда-то избавил Норму…

Кажется, она прочитала мои мысли:

— Знаешь, я бы хотела быть такой, как твоя маленькая Норма. Она ведь чувствует с тобой себя в безопасности и будет чувствовать даже в эпицентре ядерного взрыва. Увы, я не маленькая випочка. Я слишком много видела в жизни…

— Знаешь, — сказал я. — Я тут посидел, подумал и понял — ты ненамного старше меня, а потому вряд ли так уж намного опытнее. Ты умеешь много того, чего я пока не умею — ничего, я научусь. У тебя была тысяча мужчин, да? Так вот, я не буду ни тысяча первым, ни номер каким-то. Я буду последним. И единственным. Не сойти мне с этого места.

— Если бы все клятвы влюбленных исполнялись, — с грустной улыбкой сказала Нааме, — лужайки вроде этой были бы заполнены скелетами. Я просила тебя не говорить о будущем?

— Просила, — кивнул я. — Я исполнял твою просьбу. До тех пор, пока ты не стала меня отталкивать от себя. Сначала «коридор смерти», теперь эти заявления в стиле «я тебя насквозь вижу». А тебе никогда не приходило в голову, что ты тоже

можешь ошибаться, непогрешимая Нааме?

Она посмотрела на меня странно, а потом… я этого не ожидал, а она бросилась ко мне, повалив на траву — моя банка пива, упав набок, лениво покатилась к маленькому пруду, заливая пенным напитком газон…

— Если бы ты знал, — она перешла на шепот, словно нас могли услышать, но шепот ее был страстным, как пламя лесного пожара, — если бы ты только знал, как я хочу ошибаться! Я не верю в чудеса, Бракиэль, я не верю в то, что кто-то может дать тебе второй шанс вместо однажды упущенного, не верю, что мертвые могут возвращаться. О, если бы я ошибалась! У тебя его имя, у тебя его дух, его страсть, его любовь, которая тоже казалась мне смешной, но смешной оказалась я сама. Если я ошибаюсь, если я… Бракиэль, я отдам тебе всю свою жизнь, более того, я готова перевернуть всю галактику, если вдруг окажется, что я ошиблась!

— Не понимаю, — сказал я, чувствуя, как ее пальцы расстегивают застежки моего комбинезона.

— И не понимай, — шептала она. — И не надо. Просто будь рядом, прошу, умоляю, будь рядом, никогда, никогда не оставляй меня…

* * *

Звезды все так же неспешно двигались по небосклону, но каждый миллиметр пройденного ими пути означал тысячи километров для «Левиафана».

Я укрыл Нааме нашими комбинезонами, и она совсем затерялась под этой грудой ткани (хотя материал комбинезонов был не совсем тканью, если быть точным), а сам я лежал обнаженным на влажной не то от росы, не то от пролитого пива траве и смотрел на движение звезд над моей головой.

В нашей с Нааме любви всегда присутствовал какой-то тревожащий момент страха и напряженного ожидания. Мы словно ждали, что с нами произойдет что-то плохое, мы словно не верили, что у нас все будет хорошо. И у нас не было слов, чтобы поддержать друг друга.

Но любовь от этого не становилась слабее.

Засыпая, я понял, что так и не рассказал ей о том, что видела в памяти Твари Тень. А это было важно. Нааме говорила, что им удалось поймать Левиафана и посадить его на цепь. Но кто кого поймал? Возможно, таинственная «она» просто позволила увести одного из своих подопечных,

чтобы заманить участников Проекта в ловушку.

Но кто она? И что ей нужно?

Размышляя над этим, я заснул, а когда проснулся, то на мне был мой комбинезон, а Нааме рядом не было. Если бы не плавающая в пруду банка из-под пива, я бы подумал, что все происходившее мне приснилось.

Я встал на ноги, подошел к пруду и выловил оттуда банку. Уходя из нашего парка, я выбросил ее в корзину утилизатора. Надо найти ребят и узнать, до чего они все-таки договорились…

Очная ставка

Тень

Я не видела их, но знала, что они рядом — Молчаливый Гигант, Купер, Цезарь, Ириму, Арвен и даже маленький Талисман, а чуть поодаль держалась странная парочка — темные версии Бракиэля и Нелли, сливавшиеся в единое пятно. Они готовы были поддержать меня. Мы всегда были вместе, всегда все делали сообща. Но сегодня был мой бенефис, бенефис Эсмеральды.

Место, куда я спускалась, наполнял красноватый туман, и от этого тумана веяло страхом, но, когда страх становится частью окружающего мира, он теряет свою силу. Эскимосы не чувствуют холода там, где мерзнет европеец, жара, доводящая жителя Европы до потери сознания, бедуином воспринимается как привычная. Страх не пугает, когда им наполнено все вокруг.

Он ждал меня в этом тумане и знал, что я иду к нему. Это был его мир, мы встречались с ним на его территории. Отчасти для того, чтобы ему было комфортно общаться с нами, отчасти — чтобы показать, что мы не боимся его даже в его

собственном мире.

Вскоре я увидела его — пятно черноты среди клубов красноватого тумана, поднимающийся вверх султан первозданной тьмы, настолько черный, что его чернота выделялась на черном фоне. Я подумала, что фичи Бракиэля и Нелли похожи по цвету на него. Это было странно.

Я подошла ближе и встала — я двигалась как балерина в танце, с одним отличием — я не чувствовала при этом ни малейшего напряжения. Мы молчали, и первым молчание нарушил он.

— Кто вы? — спросил голос, лишенный интонаций, казавшийся более механическим, чем самый старый механический голос на Земле. — Вы похожи на **ессеадов**, но несете в себе частицу **ее света**. Кто вы?

— Люди, — ответила я. — Участники Проекта. А кто ты?

— Хильгала, — сказал он. — Тот, кто ожидает рождения.

— Это твое имя? — спросила я. — Меня зовут Эсмеральда, а мою хозяйку — Тень. А как зовут тебя?

— У меня нет имени, — сказал он. — Когда-то было, но у хильгала нет имен. Я надеялся получить его здесь, но надежда тает с каждым днем.

Может, я нетерпелив, но всякий был бы нетерпелив, увидев **ее** свет. Я чувствую, что **она** где-то рядом, но не вижу ее. Часы кажутся днями, дни — годами…

— Кто **она**? — спросила я. — Я могу помочь тебе найти ее?

— Скажи мне, откуда в тебе **ее свет**? — ответил он. — Я вижу его, именно потому я остановился и не закончил с твоими друзьями, когда они пришли в мою клетку. **Пагрэ** очень трудно остановиться, когда он начал **инлиль**. У меня до сих пор болит внутри от того, что я оставил свою жертву, но я не могу брать **сеад** у тех, на ком ее свет.

Все это мне было непонятно. Свет? Какой свет? Я лишь немного понимала, что он говорил об инциденте с Джинном и Призраком. Получается, он сам остановил… **инлиль**, кажется, так он называет процесс поглощения души жертвы. Остановил потому, что в нас есть **ее свет**? Какой свет?

— Откуда ты? — спросила я.

— Я из другого места, — сказал он. — Мой мир холоден и нестерпимо горяч, он пустынен, лишен надежды, но это не Темный мир. Он заселен хильгала, такими же, как я, и уже много лет мы живем, чувствуя голод и не имея надежды когда-нибудь

насытиться. Твои друзья не должны сердиться на меня за то, что я сделал. Я лишь хотел добыть немного **сеада**.

— Зачем? — спросила я.

— Чтобы отдать его **ей**, — сказал он. — Или тому, кто будет с ней. Это смысл жизни всех **инсеадов** — если она примет мой дар, я могу даже стать ее **Белом** и уж во всяком случае не буду больше хильгала. У меня вновь будет имя, и у меня вновь будет то, ради чего живешь. Знаешь, как это — жить без смысла, без имени, без того, чтобы собирать и отдавать **сеад**?

— Нет, не знаю, — честно призналась я. — Я не понимаю, у тебя нет имени, но, если ты соберешь для «нее» этот «сеад», оно у тебя **опять** будет? Значит, когда-то у тебя было имя?

— Может быть, — ответил хильгала. — Я не знаю. Если нет имени, то нет памяти, нет личности. У меня бывают обрывки каких-то воспоминаний — их давно не было, но недавно я вспомнил место, где был когда-то, место, заселенное ессеадами, похожими на тебя и других, но лишенными ее света — их сеад был нашей добычей. Но уже сейчас все это едва ощутимо, я вижу словно в тумане или темноте вершины гор, и воду, разлитую на огромном пространстве,

и живых существ, вцепившихся в почву и высасывающих из нее воду, как мы высасываем сеад. Через несколько часов я не буду это помнить, потому что я хильгала, ждущий рождения, ничей.

— Мне тебя жаль, — сказала я.

— Что есть жалость? — спросил он. — Я воспринимаю твои мысли, но не всегда их понимаю. Что это — жалость?

Я не знала, как ответить:

— Сострадание… мне плохо потому, что тебе плохо.

— Так не может быть, — сказал он. — Никому не может быть плохо оттого, что плохо мне. Так бывает, но в данном случае быть не может. Я всего лишь хильгала, ничей, я не могу испытывать боль оттого, что кому-то больно, и никто никогда не испытает боль оттого, что больно мне.

— Но это не так! — возразила я, чувствуя горечь обиды. Он упрекнул меня в том, что мое чувство неискренне, хотя мне **действительно** было жаль это чужое, одинокое существо. — Не говори мне, что то, что я чувствую, невозможно. Поскольку мне действительно жаль тебя.

— Не знаю, почему ты это говоришь, — сказал он. — Ты не хочешь меня обмануть, не хочешь что-то выиграть (да и что у меня взять? Я ведь

хильгала, ничей, а значит, у меня нет ничего), но ты говоришь то, что невозможно. Мне бы хотелось, чтобы твои слова были правдой; чувствовать боль другого могут только **Старшие**. Наверно, поэтому в тебе ее свет, раз ты можешь чувствовать чужую боль.

Он как-то съежился, и я поняла, что он просто повернулся в другую сторону. Я видела тусклое красноватое сияние, исходившее откуда-то изнутри этого существа, но я так и не смогла понять, как оно выглядит.

— Я устал, — сказал он. — Я смотрел в твои мысли; многое не понял, кое-что, кажется, просто невозможно понять. У тебя много мыслей, как у ессеадов… я знаю, чего ты хочешь. Ты и твои друзья могут чувствовать себя в безопасности — я никому из вас не причиню вреда и не желаю этого. А теперь иди.

От последних его слов мне стало не по себе — он словно приказал мне так, что я физически не могла ослушаться. Но я все-таки не пошла, хотя все мое естество стремилось к тому, чтобы уйти.

— Я хочу помочь тебе, — сказала я. Слова текли медленно, как патока, как засахаренный мед. — Хочу, чтобы ты вернул себе имя. Чтобы нашел смысл жизни…

— …и выпивал тебе подобных? — спросил он. — Не во всех есть **ее** свет, на борту есть и другие, которых можно выпить. Считайте, что вам повезло, особенно одной из вас, той, что прошлый раз не было с вами. Ее свет ярче и сильнее, но не такой, как у **Белет**. Ты не знаешь, что говоришь, но мне приятно это слышать, словно я вновь стал инсеадом, словно уже обрел имя и набрал достаточно **сеада** для того, чтобы отдать своему **Белу**. Из твоих мыслей я прочитал нечто непонятное мне — возможно, это какой-то ритуал, но я исполню его для тебя. Хочу тебя по-благо-да-рить за это твое желание. А теперь иди. Хотя нет, стой!

Я остановилась.

— Суть вашего ритуала, как я понимаю, состоит в том, чтобы вознаградить кого-то за его поступок, за его дар. Я ничего не могу тебе дать. Я хильгала, ничей, у меня нет даже **сеада**, да ты бы и не смогла взять его у меня. Я дам тебе знание. Мы идем туда, откуда меня взяли. Там много подобных мне хильгала, но они не видели света **Белет** уже многие годы, и они станут нападать на вас, чтобы взять ваш **сеад**. Я не знаю, как защитить вас от этого, но знаю, что давно, многие десятилетия тому назад, были ессеады, которые знали это. Они записали это знание, и запись существует и

поныне. Только до нее еще нужно добраться. Ищи ее у **Великой Мертвой Госпожи**. Под ее мантией, подобной нашей, но мертвой, каменной, в одном из залов написано, как удержать **сеад** и не дать пагрэ насытиться. А теперь иди.

Фредди

— Далеко собрался?

Я оглянулся. Что за чертовщина? Я стоял в парке, расположенном в жилой зоне, у искусственного водопада. По позднему времени в парке не было ни души, кроме меня и — внезапно — Апистии.

Казалось бы, ну и что с того? Вот только я совершенно не понял, как я здесь очутился. После разговора мы с Тенью ушли спать, поскольку нашим фичам предстояло сделать то, что не удалось нам — вступить в контакт с неизвестной Тварью. Такое решение мы приняли на нашем вечернем комьюнити. Действительно — фичу невозможно уничтожить, если не уничтожить ее атрибут, а атрибуты у нас были надежно спрятаны, кроме разве что Цезаря, да и тот последнее время в основном ночевал в нашем блоке. Не знаю, правда, где находится атрибут Бракиэля и какой он — мы даже фичу его называли в нашей тесной

мужской компании из меня, Джинна и Призрака «леди Годивой», поскольку девочки, посовещавшись, убедили нас на нее не смотреть. Пройдоха Призрак был уверен (по аналогии с Эсмеральдой), что фича Бракиэля — обнаженная Ника, и даже втирал, что видел ее и не ослеп, но мы ему не особо верили. Чужую фичу можно увидеть или с разрешения хозяина, или в момент слияния. Разрешения Бракиэль не давал, а в момент слияния было немного не до того (по тем же причинам о том, как на самом деле выглядит Эсмеральда, знали только я и девочки), так что наше обещание не смотреть на «леди Годиву» было чистой формальностью.

Мы с Тенью легли спать, а проснулся я полностью одетым у водопада. Зная, какие у нас бывают сны, я на всякий случай проверил, не сплю ли я. Судя по тому, что щипок вышел болезненным, я не спал.

— Между прочим, — заметила Апистия, доставая пачку сигарет местного производства — то есть без маркировки, — так проверять, спишь ты или нет, неэффективно. Ваши сны отличаются от снов обычных людей, по крайней мере, в некоторых фазах. Но сейчас ты бодрствуешь и, судя по всему, не понимаешь, как сюда попал.

Я кивнул.

— Да-да, ты с детства был разговорчивым малым, — заметила Апистия.

— Кстати, — сказал я. — Я так вас и не поблагодарил, вот, хочу сказать вам огромное спасибо…

— За ноги, что ли? — ответила она. — Не стоит благодарности. Во-первых, это мой долг, во-вторых, я тогда только узнала, что способна на такое, и просто упивалась своими возможностями. А в-третьих, мне ведь не удалось спасти твои нервные окончания. Ух, как же я злилась! Мне хотелось найти этого жлоба Дьогу и запихнуть ему его палку в задницу по самую рукоятку. Я бы так и сделала, но это падло затихарилось, как чувствовал, что ему несдобровать.

Она выпустила дым и добавила:

— И кстати, мне, правда, было тебя жаль. У меня… не важно.

— У вас был ребенок? — спросил я. Она криво усмехнулась:

— Казалось бы, такой простой вопрос, а ответа на него нет. Я не могу сказать ни да, ни нет, потому что все будет неправдой. Но хватит об этом, лучше давай о тебе.

— А что обо мне? — не понял я.

— Например, эти хождения по ночам, — сказала

она. — Вообще, странно говорить о дне и ночи на борту межпланетного корабля, но большинство из участников дрыхнет, значит, сейчас ночь. Ты, похоже, тоже спал, встал, оделся и ушел постоять у водопада. У тебя раньше бывали случаи лунатизма?

— Раньше я был парализован ниже пояса, — напомнил я. — И если бы начал гулять по ночам, братия бы объявила меня чудом, и в нашу обитель потянулись бы паломники.

— Угу, именно потому, когда ты начал ходить самостоятельно, они тщательно это скрывали от всех, включая папского легата, — иронично сказала Апистия. — Ладно, запишем, что раньше приступов лунатизма не наблюдалось. Пошли присядем?

Она указала на лавочку сбоку от водопада, и мы направились туда. В ее походке было нечто неестественное — она была легкой, грациозной, но какой-то механической. Меня осенило.

— Апистия, простите, а можно нескромный вопрос?

— От тебя можно, — сказала она. — А вот Призраку я бы не разрешила. Спрашивай уже.

— Простите… Вы раньше тоже были парализованы? — спросил я, чувствуя смущение.

Она остановилась, не дойдя пару метров от лавочки, взглянула на меня… и рассмеялась! У нее был очень странный смех, как будто что-то клокотало внутри.

— Говорят, если ребенок рисует у человека уши, значит, они у него когда-то болели, — сказала она, заставив меня вздрогнуть. — Все мы видим мир через призму своего опыта. Была ли я парализована? Нет, но в наблюдательности тебе не откажешь.

Она подошла к скамеечке и села, приглашая меня присесть рядом. Я опустился на скамейку, мельком подумав, что прошло всего-то чуть больше чем полгода с тех пор, как я стал ходить самостоятельно, но я уже не обращаю внимания на то, как сажусь, встаю, хожу…

— Признайся честно, дружище, — сказала она. — Когда вы первый раз шли на имплантацию, вы боялись, правда? Можешь не отрицать, я хорошо видела ваш страх. Это нормально. А теперь представь себе, что ты просыпаешься и ощущаешь себя в чужом теле, хм… ну, пусть даже и не совсем чужом. На самом деле, ты это тело хорошо знаешь, и это еще хуже. Лорду надо отдать должное — он максимально смягчил этот процесс, но даже Лорд не всемогущий… не был

всемогущим.

Заговорив о Лорде, Апистия стала грустной. Пошарив по карманам, она выудила плоскую фляжку и протянула мне.

— Выпьешь? За светлую память Лорда?

Я кивнул и, взяв фляжку, выпил. То ли у Апистии закончились запасы ее страшного пойла, то ли изменились вкусы, но это виски было намного лучше прошлого.

— Он был для меня как отец, — сказала Апистия. — А в некотором смысле он и был моим отцом. Никогда не верила, что он может совсем умереть, хотя видела его мертвым, и не раз. Да я и сейчас не верю, все жду, что он появится, обзовет нас засранцами и заставит работать.

— Вы плачете, — заметил я. Апистия отвернулась, а когда повернулась, слез на глазах уже не было.

— Ладно… давай посмотрим, что с тобой не так, — сказала она. — Наклони голову, здоровила.

Я послушно наклонился, и она провела рукой по моему затылку сверху вниз — и замерла там, где голова соединяется с шеей:

— Ага, вот оно. Ну ни хрена себе…

Другой рукой она легонько толкнула меня в

лоб.

— Ну, блин, изобретатели-самородки… — сказала она со странным весельем. — Сам придумал? Держу пари, что Джинн постарался, без него тут явно не обошлось.

— О чем это вы? — не понял я. И тут Апистия схватила меня за грудки. Чтобы было понятно — у наших комбинезонов особо прочная ткань со специальной подкладкой, так что захватить его в кулак — та еще задача, но она схватила с такой силой, что, кажется, несчастный комбез затрещал.

— Вы чем вообще думаете? — спросила она. — То поперлись в заброшенную шахту, то вытащили Августа, не спрашивая не то что помощи — разрешения, теперь вот это… Я промолчу о том, что авария «Атлантиса» теперь кажется не такой случайной — может, да, может, нет, теперь хрен поймешь. Будем считать, что вы в этом не виноваты. Но вот это… ты понимаешь, что, если бы тебя попробовал остановить кто-то другой, не из Кураторов, ты стал бы убивать?!

— Почему вдруг? — удивился я.

— По качану, — сказала она. — Тому, что тебе голову заменяет. Ты думаешь, вы первые до этого додумались? Хрен тебе на рыло, как говорил царь

Соломон, это только кажется, что что-то новое, а все давно уже по триста раз переживали. Ты слыхал про Мусуаши?

— Что-то такое слышал, — сказал я. Она отпустила мой комбинезон и передразнила:

— «Что-то такое слышал»… тьфу на тебя. Он эту вашу мантру еще в шестнадцатом веке опробовал, и не факт, что первый в истории. Мертвый ронин… — И она добавила что-то на незнакомом мне языке, похожем на славянский — я понял только слово «мать».

Я молчал, не зная, как реагировать на ее вспышку, а она отпила из своей фляжки и протянула ее мне.

— Выпей… эх, в одном старик Ниттен Дораку[33] был прав — смерть выбивает всю дурость из души почище, чем хорошая хозяйка половичок. Вообще говоря, чем больше я смотрю на вас, тем больше убеждаюсь, что Лорд не зря на вас поставил. Если бы вы так не частили, если бы не забегали вперед…

Я взял протянутую фляжку и сделал большой глоток. Апистия забрала фляжку и фыркнула:

— Вы с Джинном чертовы гении! Идеальная

---

[33] Примечания: 33
Ниттен Дораку — буддистское имя Мусуаши Миямото.

штука для общения с пагрэ. Дешево и сердито. Пойду порадую Надин, хотя она, бедняжка, наверно, за голову схватится.

Она встала и, протянув руку, погладила меня по щеке.

— А ты бесстрашный. И по-хорошему безбашенный. Завидую твоей Тени. Можешь вызвать свою фичу?

Я сконцентрировался. Интересно, они уже закончили? Если да, то хорошо, если нет, то вызвать фичу не удастся. Но Молчаливый Гигант появился почти сразу.

— Вот что, — сказала Апистия. — Твой ади-бхикшу поставил себе программу бесконтрольного боя. Ты об этом знаешь?

Молчаливый Гигант кивнул.

— Молодец, — саркастически заметила Апистия. — Тогда что он делает здесь, в экипировке?

— Я не мог уследить за этим, — глухо сказал Молчаливый Гигант. — Фредди в курсе, по какой причине.

— Знать не хочу эту причину, — сказала Апистия. — Опять какая-то пакость. Например, попытка законтачить с пагрэ. С таким же успехом можно о чем-то договариваться с акулой. Хватит. С этого момента ты должен контролировать весь

процесс засыпания ади-бхикшу до фазы глубокого сна и процесс пробуждения — до полного прояснения сознания. Сам отключить программу сумеешь?

— Да, — ответил Молчаливый Гигант. Апистия с тоской посмотрела на меня:

— И почему вы такие… мы вам что, враги? Трудно прийти и сказать, что вы хотите? Я бы сама тебе эту программу накатала, да еще и с предохранителем. Все равно, чувствую, придется всех вас ею зафаршировать. Эх…

— Можно вопрос? — спросил я. Апистия кивнула. — Что такое ади-бхикшу?

— Ты, — ответила Апистия, — по отношению к своей тулпе, которую вы зовете фичей. В переводе с какого-то языка каких-то чурок — человек-прообраз.

— А пагрэ? — спросил я.

— А это уже второй вопрос, — сказала Апистия. — Но я на него отвечу. Потому что надеюсь на то, что до тебя наконец дойдет, что Кураторы — это не факн'тича, как выражается твой дружок Джинн, что с нами выгодно дружить.

Она порылась по карманам и достала сигарету. Подкурила, потом сказала:

— Планета, на которую мы летим, когда-то была

обитаема. Потом что-то случилось, какой-то катаклизм, и все ее население превратилось в этих пагрэ. Они полуразумны и постоянно жаждут…

— Чего? — спросил я. Она пожала плечами:

— Можешь называть это душой. Или личностью. Один из нас достался им в качестве закуски. Он умер, конечно, но не сразу — какое-то время его тело жило, как овощ, только самые простые рефлексы, он ни есть, ни пить не мог, не знал, как двигаться… tabula rasa.

— Спасибо, — сказал я. — Апистия…

— Что? — спросила она.

— Я… Вы должны знать, что можете на меня рассчитывать, — сказал я. — У меня хорошая память на доброе. И я вам очень обязан.

— Я это запомню, — кивнула Апистия. — Иди давай, тебе отдохнуть надо. Завтра у вас опять будет день, наполненный играми в шпионов… такие умные, такие крутые и такие идиоты, слов нет.

Джинн

Вы слыхали когда-нибудь о Розеттском камне?

Его нашли солдаты Наполеона в тысяча семьсот девяносто девятом году. После этого он четверть века пылился без дела, пока им не заинтересо-

вался некто Жан-Франсуа Шампольон. На камне был написан один и тот же текст в трех экземплярах — на греческом и древнеегипетском, иероглифами и демотическим письмом. Последние два были для ученых того времени загадкой, но Шампольон (и его последователи), используя известный им древнегреческий язык, в итоге смогли научиться читать на этих давно забытых языках.

Эламская клинопись была расшифрована подобным образом, с помощью той самой Бехистунской надписи. Но текст на картах и на татуировке Фредди хоть и был эламским, но относился к другому, более раннему типу — линейной эламской письменности, которую никто до сих пор не удосужился дешифровать хотя бы потому, что не было параллельных текстов с линейным и клинописным письмом.

Кстати, вот интересно, почему никого из ученых не удивило неправильное развитие эламского языка. Считается, что клинопись происходит от иероглифов и превращается в буквенный алфавит. Тут, кажется, все было наоборот — от простой, практически упрощенно-буквенной записи эламиты перешли к клинописи… а потом вообще исчезли, возможно, были ассимилирова-

ны другими народами.

Как бы там ни было, мне предстояло сделать то, что сделал Шампольон и его последователи, но без параллельных текстов. Найти связь между клинописью Бехистунской надписи и линейным письмом, восстановить алфавит и, наконец, прочитать то, что написано. Изображения на картах мне помогли совсем немного — я установил, как назывались цифры эламитов, не более того. Конечно, у меня были старшие арканы, но кто знает, как их именовали в древнем Эламе? Может, и совсем по-другому.

Зато в моем распоряжении была вычислительная мощь не только моего собственного сурдокомпьютера, но и всего вычислительного комплекса «Левиафана». Я, правда, понятия не имел, каким боком подходить к решению задачи, и проваландался полночи, параллельно с этим погрузившись в привычный уже мне полусон. И в этом полусне мне пришло решение.

Факн'щит, ведь каждый из нас хотя бы один раз сравнил эти черточки со штрихкодом — а вдруг это и есть штрихкод? Дальше пошло веселее — я представил запись в виде простого штрихкода и предложил компьютеру попытаться восстановить исходный код. Компьютер (на самом деле,

целый кластер компьютеров нашего корабля) довольно хрюкнул, и вскоре я получил первое подтверждение своей догадки — все числа от двойки до десятки были записаны двоичным кодом. Более того, первые девять букв алфавита соответствовали первым цифрам (от единицы до девятки), а всего букв оказалось целых тридцать пять. Причем по звучанию было полное совпадение с известными числительными эламитов: двойка — мар, тройка — зит, единица — скорее всего, ки. В общем, к утру у меня уже был эламский алфавит, числительные… и все.

Прочитать то, что написано на картах, я не мог, равно как и татуировку Фредди. И зачем я только мучился?

Впрочем, кое-что мне понять удалось. Ключом стала одна из карт, как раз из старшего аркана — пятнадцатый, что в современном Таро именуется «дьявол». Это слово оказалось в татуировке Фредди, причем повторялось оно дважды — один раз полностью, второй — с дополнительными суффиксами, характерными для глаголов. И что бы это значило? Как из дьявола можно сделать глагол? Думая над этим, я параллельно просматривал куцый словарик известных науке слов эламитов и обнаружил еще два, оба оказались

притяжательными местоимениями. Кстати, надпись звучала так: «Ан-ни аннку-на-к, элла-анку р-птиа».

Итак, у меня было три слова: аннку — предположительно, дьявол; элла — наш, р — их. Возможно, ан означало «нет».

И что это за чертовщина? Заклинание для вызова дьявола? Зачем его писать на стене? Зачем говорить, что его необходимо запомнить?

Проснувшись (если это можно так назвать), я решил сходить за кофе. Мы с Призраком немного довели до ума кухонный автомат, и теперь кофе отличался от чая даже внешне. Да и вкусом был похож, а до того из напитков аппарату пристойно удавались только кола и фанта. В общей комнате я застал Фредди и Тень, они завтракали. Пока я брал кофе, выползли Куинни с Призраком. Я выпил кофе, вернулся в наши с Дарьей апартаменты — Дарья уже проснулась и прихорашивалась. Я принял душ, и мы с Дарьей пошли в общую комнату, где к этому времени уже собрались все, включая фичи. Не было только Бракиэля с его фичей.

Так что наше сборище постепенно превратилось в полноценное собрание.

Я рассказал то, что сумел узнать, и даже зачи-

тал «заклинание» Фредди. Когда я его произнес, реакция не заставила себя ждать:

— Аннку-на-к… — сказал Призрак. — Где-то я это слышал.

— Что-то знакомое, — сказала Тень.

— Странно, но я это где-то слышала, — заметила Куинни.

— Я так погляжу, здесь одни специалисты по древнеэламскому, — сказал я с иронией. — Может, кто-то из вас знает, как это переводится?

Увы, таковых не оказалось. Потом мы обсудили ночную прогулку наших фич, а Фредди рассказал о своей ночной прогулке.

— Не стыкуется, — заметил Призрак; я хотел сказать то же, но просто кивнул. Не стыковалось. — Кто-то один врет, недоговаривает, или что-то типа того.

— Или сам не знает, — сказал Фредди. — В одном они совпадают в показаниях — кажется, нас везут на планету, заселенную дружелюбными разумными существами, которые питаются человеческими душами и последнее время сидели на строгой диете.

— Я на такое не подписывался, — заметил Призрак. — Как по мне, наши faculo stronzo вроде Пламенного Корпуса понятнее и безопаснее.

Честно говоря, мне и прошлого раза с головой хватило.

— И что ты предлагаешь? — спросил я. — Сойти на ближайшей остановке? Боюсь, наш экспресс следует без остановок.

— Можно попробовать умыкнуть шаттл, — сказал Призрак. — Места хватит…

— А остальных ребят как? — тихо спросила Тень. — На борту почти четыреста человек, причем они, кажется, вообще не в курсе того, что происходит.

— Хорошо, — сказал Призрак. — А по-твоему, что мы должны сделать? Сидеть и спокойно ждать, пока попадем in bucca di culo alla diablo?

— Покорно ждать никто не собирается, — сказал я. — Кажется, мы уже начали действовать. Знать бы еще, сколько нам лететь…

— Шесть месяцев. — Как в комнате появился Бракиэль, похоже, не заметил не только я один — девочки заметно вздрогнули. — И этих шести месяцев нам должно хватить для того, чтобы всех обучить на случай столкновения с пагрэ.

— Столкновения? — Призрак недобро уставился на Бракиэля. — Bellimbusto, если верить тому pacco di merde alla balleno, который сидит в заточении на нашей станции, там, куда мы летим,

эти merdossi стадами пасутся, или, точнее говоря, рыщут голодными стаями…

Бракиэль без спросу уселся за столик рядом со Льдинкой.

— Давайте я все вам расскажу, — сказал он. — О планете я знаю уже давно, я даже побывал на ней — во сне, конечно. Призрак, не смотри на меня как на мишуги, ты уже мог бы привыкнуть к тому, что у нас во сне много случается такого, что потом подтверждается наяву — например, несанкционированный массовый набег фич на логово несчастного одинокого пагрэ…

Бракиэль сделал паузу и с тоской посмотрел на уставленный пустой тарой из-под кофе и чая столик.

— Когда я его увидел… вы ведь знаете, что мы с Нааме, точнее, наши фичи, были с вами. Я участник цепочки, и Нааме… тоже ведь нам не чужая. Так вот, когда я увидел его, мне показалось, не знаю, как сказать — словно я всю жизнь ждал этой встречи. Что-то в нем есть такое знакомое. Я видел странные вещи — чужие корабли, сражения, в которых люди на неуклюжих аппаратах отражали нашествия таких, как он. Наверно, просто фантазия разыгралась.

— Так что там о планете? — перебил его

Призрак.

— Планета движется с нарушением кеплеровской механики движения небесных тел, — сказал Бракиэль. — По сути дела, она буквально издевается над этой механикой. Полный оборот вокруг Солнца она делает за тысячу триста тридцать два года, успевая при этом четыре раза пересечь орбиты Земли и Марса. Вообще, я считаю, что ее орбита хоть и является вытянутым эллипсом, но имеет не один фокус, как у любой другой планеты, а два. В одном находится наше Солнце, что находится в другом, пока сказать не могу. Это где-то очень далеко от Земли, за Поясом Койпера. Ученые давно считают, что там может быть небольшая погасшая звезда или черная дыра. К этим гипотезам мы еще вернемся. Пока скажу вот что — два фокуса орбиты немного проясняют то, как движется эта планета, но не совсем. Например, все планеты в перигелии разгоняются — если кто-то из вас когда-нибудь катался на скейте по халфпайпу, понимает, как это. У нашей планеты все наоборот — в той части траектории, где все планеты разгоняются, она притормаживает, а разгоняться начинает тогда, когда выходит из гравитационного плена Солнца.

— Такое может быть только в одном случае. —

Пока Бракиэль говорил, я быстро пробежался по своим базам данных, касающимся астрономии. — Но это совершенно невероятно!

— И это единственное возможное объяснение, — кивнул Бракиэль. — Планета, к которой мы летим, искусственная.

Он встал и пошел к робокухне, пока мы переваривали сказанное. Вернувшись с чашкой кофе, он сел на свое место и продолжил:

— Вот что я думаю: когда-то у Солнца была звезда-близнец. Например, красный карлик — вы заметили, что наш приятель любит тусклый красный свет? Потом что-то случилось, и эта звезда погасла. Превратилась в черную дыру или еще что-нибудь. Но незадолго до катастрофы цивилизация планеты, вращавшейся вокруг этой погасшей звезды-спутника, решила бежать к ближней к ним звезде. Для этого они и построили Энигму. Вот только по дороге что-то случилось, а может, и не по дороге. Если мои видения верны, они столкнулись с нашей цивилизацией, более развитой в те времена, и война между ними отбросила оба народа в эпоху варварства.

— Выходит, люди происходят с Марса? — спросила Тень.

— Почему с Марса? — удивился Бракиэль.

— Я видела Марс в памяти этого хильгала, — призналась Тень. — На нем были вода и растительность.

— Может быть, — пожал плечами Бракиэль. — Но этим, я думаю, мы займемся позже. Пока есть задачи поважнее. Вы ведь знаете, какая у меня сверхспособность?

— Соблазнять Кураторов, — буркнул Призрак. Кажется, Бракиэль его не услышал:

— Я знаю все о небесных телах. Я могу рассчитать их свойства, параметры их движения и так далее. Так вот, планета, куда мы направляемся, несомненно, имеет твердую оболочку, но ее масса слишком мала для ее размеров. Как будто она газовая, а не твердая. Что это значит?

— Что ты сфейлил в своих расчетах? — предположил Призрак. Куинни его одернула, Бракиэль только улыбнулся:

— Не буду вас интриговать, тем более что я уже получил подтверждение своей догадки. Планета внутри полая, и эта полость пригодна для жизни. Там есть атмосфера практически земного типа, там есть собственный источник света и тепла — микроскопическая искусственная звезда, в общем, все, что необходимо…

— И стаи пагрэ, — добавил Призрак, не желав-

ший униматься.

— И пагрэ туда не заходят! — торжественно добавил Бракиэль. — В общем, наша задача проста — долететь, перевезти участников Проекта поближе к известному Кураторам входу в Нижний мир, после чего всем спуститься туда, и…

— И? — спросил я. Бракиэль замялся:

— Дальше посмотрим. Пока нам нужно туда добраться. Если доберемся, у нас будет целый собственный мир и много времени для того, чтобы совершенствовать себя. Возможно, нам удастся укротить самих хильгала, так сказать, посадить Левиафана на цепь.

— Возможно, нам это удастся раньше, — сказала Тень. — Хильгала, которого Кураторы держат взаперти на этом корабле, сказал, что не причинит нам вреда.

— Ты считаешь, что ему можно верить? — спросил Фредди.

— Ты же знаешь, какая у меня сверхспособность, — ответила Тень. — Кроме умения становиться невидимой. Я вижу истинную суть вещей. То есть умею отличить ложь от правды.

— М-да, — заметил Фредди. — Не знал. Хорошо, что я тебе никогда не врал.

— Врал пару раз, по мелочи, — пожала плечами

Тень. — Но не ругаться же из-за такого пустяка!

Призрак почему-то покраснел, хотя на это, кажется, кроме меня, никто не обратил внимания.

— Кстати, — сказал Бракиэль. — Тень, раз уж у тебя такая сверхспособность, скажи — я хоть раз вам соврал?

— Ни разу, — ответила Тень. — Ты всегда был честен.

Бракиэль хотел что-то еще сказать, но, по-видимому, передумал. Помолчав, он сказал:

— В общем, план такой. Мне кажется, что Лорд изначально хотел привезти нас на эту планету, а наши враги только ускорили реализацию этого плана. Еще, насколько я понял из разговоров Кураторов, на Энигме нас ждет что-то такое, что сделает нас такими, как они — сверхлюдьми. Раскроет наш потенциал, как сказала Нааме. И что, по-вашему, игра не стоит свеч? Призрак, ты как думаешь?

Призрак прочистил горло и сказал:

— Che cazza, вынужден признать, что это чистая сделка. Но мне не нравится, что с нами сначала играли втемную. Хотя я понимаю почему — если бы Кураторы рассказали всю правду сразу, даже я бы дважды задумался, прежде чем лезть alla bucca del culo. И, скорее всего, послал бы их как

раз по указанному адресу.

— Тогда приступаем к официальной части, — потер руки Бракиэль. — Кураторы собираются организовать обучение для остальных участников Проекта. Целью этого обучения будет выработка у участников навыков защиты от воздействия пагрэ. Нас просят быть инструкторами. У нас будет свободный доступ к пленному хильгала, а Джинн и Фредди обучат ребят работать с «разобщителем». Апистия немного его усовершенствовала и будет устанавливать его всем желающим. Наша задача на ближайшие дни — упрочить контакт с хильгала и сделать так, чтобы можно было исключить, хм… несчастные случаи. Это существо — пагрэ, оно голодно и может напасть на участников Проекта. Нам важно не допустить этого ни в коем разе.

— Я постараюсь ему объяснить, — сказала Тень, но Бракиэль ее перебил:

— Постараться не получится. Надо сделать, понимаешь? От этого зависит жизнь участников Проекта. Игры кончились, теперь все по-взрослому.

Он отставил пустую чашку на стол и встал.

— Мне пора. У меня тоже повышение, теперь я исполняю обязанности Куратора для цепочек

Лорда. Сами понимаете, какой из меня Куратор… я сам мало что знаю. Но это необходимо, и выбора у меня нет. Так что простите, если что не так, хорошо?

— Да ладно, — сказал Призрак, поднимаясь. — Мы уже об этом говорили. Ты наш, stronzo, и это не обсуждается. Правда, ребята?

С этим нельзя было не согласиться.

И время, свитое спиралью, течет…

Тень

— Можешь мне кое-что объяснить? — спросил хильгала, когда я сняла покров невидимости. Мои внезапные появления его не удивляли, более того, у него, кажется, вообще не было никаких эмоций. Он даже не пытался их имитировать, как випочка, и мне казалось, что сама природа эмоций для него непонятна.

— Если это будет в моих силах, пожалуйста, — ответила я. Стены и пол ангара были сделаны из шабанита, так что мне не составило труда вырастить себе стул.

— Я заметил, что каждый ваш визит немного наполняет мой сеад-зурат, — сказал хильгала. — Но я не беру сеад у вас, вы бы это почувствовали.

— Да уж, — кивнула я. Хильгала неукоснительно придерживался своего обещания и на нас больше не нападал. На нас — это, в смысле, на участников седьмой цепочки; но всех новичков, которых мы приводили, он немедленно атако-

вал.

Естественно, безрезультатно — мантра Джинна — Фредди безукоризненно работала, защищая участников Проекта от атак пагрэ. Хильгала это не удивляло, по крайней мере, он не выказывал ни удивления, ни раздражения тем, что ему так ни разу и не удалось «насытиться». Вообще говоря, хильгала вполне мог существовать, кажется, сколь угодно долго, не принимая никакой пищи. Таинственный сеад (мы так и не поняли, что это за субстанция) он не употреблял, а накапливал в некоем органе под названием сеад-зурат. Зачем? Чтобы его отдать. Кому? На этот вопрос хильгала сам не знал, как ответить. Возможно, таинственной «ей» (кто «она», мы тоже не узнали; и вообще, про «нее» было известно только то, что «она» создана из света и этот свет есть в каждом участнике Проекта).

— Я даже не понимаю, как он попадает ко мне, — продолжал хильгала. — Не чувствую, как питаюсь им. Мне кажется, что со мной что-то не так.

— Даже не знаю, что тебе сказать, — ответила я. — Видишь ли, мы до сих пор не знаем, что такое этот сеад. Откуда я знаю, как ты его получаешь? Могу лишь сказать, что ты зря тревожишься,

по-моему, в этом нет ничего плохого.

— Я не понимаю половину твоих мыслей, — ответил хильгала. — Я не знаю, что такое «тревожиться», а слово «плохой» понимаю как «бесполезный» или «опасный». Но когда ты не понимаешь, что с тобой происходит, разве это не опасно? Разве это не «плохо»?

— Не всегда, — сказала я. — Иногда бывает так, что что-то непонятное идет на пользу.

— Но чаще все-таки наоборот, — ответил хильгала. — Хорошо, будут новые группы?

— Группа, — ответила я. — Последняя.

— На сегодня? — спросил хильгала. — Или вообще?

— Вообще, — ответила я. — Мы уже познакомили с тобой всех участников Проекта. И скоро ты будешь дома.

— Дома холод, — сказал хильгала. — И голод. И темнота, иногда превращающаяся в ярчайший свет. И отсутствие надежды. Для меня было бы полезнее остаться здесь и постоянно знакомиться с новыми группами. Я думал, что когда я проснусь, то снова увижу вас — тебя, Двойную звезду и остальных.

— Может быть, и увидишь, — вздохнула я. Когда он проснется… За прошедшие двадцать четыре

недели мы выяснили интересную подробность. Когда хильгала говорил о временных промежутках, мы воспринимали их в привычных нам понятиях — год, неделя, день, час…

Но год хильгала длился тысячу триста тридцать два дня — ровно столько, за сколько Энигма совершала полный оборот, день — два земных года, час равнялся земному месяцу, то есть с момента нашего знакомства с хильгала для него прошло чуть больше пяти часов. По его словам, на борту «Левиафана» он дважды погружался в сон, то есть на орбите Земли он пробыл пять-шесть лет. Земных, конечно же.

— У вас не будет нужды встречаться со мной, — ответил он. — А я, проснувшись, не буду помнить вас. Я хильгала, моя память текуча, в ней ничто не удерживается дольше, чем несколько часов, и я уже не помню, что было вчера. И вас я тоже забуду.

— Может быть, — сказала я. — Но мы все равно останемся в твоей памяти.

Действительно, память пагрэ была, как он выразился, текучая, но нам все-таки порой удавалось кое-что выудить из этого потока. Иногда это было нечто конкретное, вроде марсианского пейзажа, иногда что-то абстрактное — например,

странное созвездие из шести звезд, образующих правильный шестиугольник.

Эти клочки воспоминаний нам никак не удавалось сложить в единый пазл, но мы (или, если быть точным, Джинн, Дарья и примкнувшая к ним Льдинка) не оставляли попыток. Льдинка, она же Леди Лёд, получила от хильгала новое имя — Двойная звезда.

— Ее свет в ней вдвое сильнее вашего, — пояснил хильгала. — Не знаю почему.

Мы тоже не знали, но, услышав это, Льдинка вспомнила интересную подробность. В коме к ней пришло видение, а может, и воспоминание. В нем присутствовали двое мужчин, называвших друг друга Ойген и Пит, молоденькая Леди Н. и женщина, удивительно похожая на саму Льдинку. Леди Лёд даже запомнила то, что о ней говорили Пит и Ойген: звали женщину Мария Нефелимова, она была родом из российского города Кременчуга, но жила в Лондоне и там получила известность как Кровавая Мэри. Якобы Питу и Ойгену ее передал отчим нашей Льдинки, и они поступили с ней крайне жестоко…

— Они закрепили на ней сразу четыре аппарата Ройзельмана, — сказала Льдинка. — После такого женщины не выживали, но, как будто этого было

мало, два аппарата из четырех были нового типа, «сдвоенные», еще более тяжелые.

— Аппараты Ройзельмана, — сказала Дарья. — Это те, из которых… появились все мы?

Льдинка кивнула:

— Но Мария «выносила» всех четверых детей и выжила! Они не знали, что с ней делать, и наша Куратор поспешила убить ее. Замечу, что это было гуманно: эта женщина, похоже, жестоко страдала, если не физически, то морально. В отличие от меня, протезирования ей никто не предлагал…

— То есть, — спросила тогда я, — Надин была связана с Ройзельманом? Нет, я знаю, что она тоже… дитя Эксперимента, она говорила. Но, выходит, она в этом участвовала куда больше, чем другие.

— Как я поняла, она общалась с самим Великим и Ужасным, — хмыкнула Льдинка. — И была у него кем-то вроде фаворитки, не в сексуальном смысле, хотя, кто его знает, Пит на что-то там такое намекал…

Леди Лёд замолчала, словно задумавшись или силясь что-то вспомнить, и этим воспользовался Призрак:

— Шутки шутками, но я про Кровавую Мэри

слышал. Che cazza, да про нее все Палермо знает, у нас ее зовут Pazza Rusiana, и, cazzarolla, она этого заслуживает: у нас в порту стояла яхта одного миллиардера, то ли русского, то ли поляка, quo cazza, охраны там было как у папы римского, но вооружены все не хуже SWAT, лучеметы, плазмаганы, автопушки — такое впечатление, что они собрались защищать своего босса от налета бригады карабинеров с тяжелым оружием. И я, случись такое, на карабинеров non metterei cazzo di centesimi di euro[34]. Эта девочка уделала их всех за одну ночь; баржу пустила ко дну, причем хозяина привязала к столу в салоне, живьем, ясен хрен, и окошки открыла, чтобы свежий воздух проходил. Огонь, не баба была, говорят, она пожаловала на борт одетая в бронежилет и разгрузку на голое тело… хотел бы я на это посмотреть…

— Льдинка, что с тобой? — спросила Куинни. Мы все тут же обернулись к Леди Лёд. А она, хоть и всегда отличалась бледной кожей, сейчас побелела еще больше, даже губы стали совершенно бесцветными.

— Они упоминали пагрэ, — севшим голосом сказала Льдинка. — И это еще не все.

---

[34] Примечания: 34

Non metterei cazzo di centesimi di euro **(***um.***)** — не поставил бы паршивого евроцента.

— Факн'щит, — выругался Джинн. — То есть Ройзельман…

— Леди Н. сказала: «пагрэ почти выпил ее душу»… — не слушая его, продолжала Льдинка. — И это о моей, скорее всего, матери! А еще… а еще…

Ее губы дрожали. Мы с Дарьей, не сговариваясь, попытались ее обнять. Куинни тоже привстала, но она сидела напротив Льдинки, и, чтобы до нее дотянуться, ей надо было встать и обойти стол.

— Знаете, что такое «сдвоенный аппарат»? — Было видно, что Леди Лёд пытается взять себя в руки. Было видно, что у нее это никак не получается. — Пит спросил, зачем они нужны. А Ойген ответил, что кто-то из детей R взбунтовался, какой-то Макс…

— Был там такой! — сказала Куинни. — Я голофильм про это смотрела, Макс, он же Супермен, друг Феликса Зарянича, первый из «детей R»… ух ты, теперь припоминаю: были там и Пит, и Ойген, а вот Нтомбе в фильме не было, я бы запомнила.

— …И чтобы таких, как он, уничтожать, им нужны, как сказал Ойген, цепные псы, полулюди-полутвари…

— И что? — спросила Дарья, но я уже поняла, потому что больше общалась с хильгала.

Который был тем самым пагрэ. И называл нашу Льдинку **Двойной звездой**.

– **Я полутварь**, — сказала Льдинка. — Потому-то я такая злая, потому людей ненавижу. Даже приемных родителей.

— Che cazza, да твоих приемных родителей самих надо аппаратами обвешать! — вскочил Призрак. — Bambinga, твой отчим слил этим извергам твою мать, а ты себя винишь в том, что его ненавидишь? Эх, жаль, что мы не на Земле, я б ему устроил галстук Святого Августина![35]

— С чего ты взяла, что речь шла о тебе? — спросил Джинн. — Я так понял, что у твоей, предположим, матери было четыре аппарата…

— Ойген прямо сказал, — грустно ответила Льдинка, — что девочку-бету отдадут Ас Суаду. Моему отчиму. А я в семье единственный ребенок.

— Так, — спросил Фредди. — А остальные дети?

— Двух «обычных» девочек отдали усыновителям, — сказала Льдинка. — Мальчика-бету они оставили себе.

Мы с Дарьей переглянулись, и я услышала ее

---

[35] Примечания: 35

Галстук Святого Августина, он же «сицилийский галстук» — разновидность показательной казни у итальянской и латиноамериканской мафии.

мысль:

«Ты думаешь?»

Я кивнула и сказала:

— Джинн, Призрак, вы можете создать аппарат для экспресс-теста ДНК?

— Можем, — кивнул Джинн, переглянувшись с Призраком. — Но зачем?

— Потом узнаете, — сказала я и крепче прижала к себе Льдинку.

Дарья

Последнюю цепочку для знакомства с хильгала привела я.

Мы приводили ребят по очереди, все, кроме Тени (она все время находилась при хильгала, когда у него были посетители; не знаю как, но ей удавалось сдерживать агрессию пагрэ, останавливать начинающуюся атаку, когда кто-то из нубов тормозил с мантрой) и Бракиэля (у того и без этого забот хватало, ведь на нем «повисли» цепочки Лорда). Если честно, я не особо любила бывать у хильгала, хотя, оказывается, изваяла его образ еще на подводной базе… интересно, на нем моя «симпатическая магия» работает? Если честно, я не горела желанием проверять это.

Никаких новых фигурок я не делала, не чув-

ствовала призыва к работе, как раньше. Я помогала Джинну, по ходу дела обзаведясь таким же компьютером, как у него (и теперь мы с ним постоянно находились в своей собственной локальной сети). Мы бились над расшифровкой эламского языка — выяснилось, что, условно говоря, староэламский (тот, на котором были надписи на картах) сильно отличается от эламского языка, известного ученым из Бехистунской надписи и других источников.

Должна отметить, что вычислительная техника оказалась по-настоящему волшебной вещью. Если составить программу правильно, можно было решить практически любую задачу. Составить словарь потерянного языка на основе нескольких слов? Сложно, но возможно. Восстановить облик существа по небольшим фрагментам его генов? Если постараться, то ничего в этом сверхъестественного нет.

Когда мы решили сличить наши генетические коды, я, оставшись наедине с Джинном, сказала ему:

— Мне кажется, нам стоит немного смухлевать.

— В каком смысле? — спросил он.

— В прямом, — сказала я. — Каким бы ни был

результат экспертизы, Льдинка должна узнать, что мы ее сестры.

— Почему? — спросил он и добавил: — Я не спорю, просто интересно.

— Ей так будет спокойнее, — сказала я. — Она сейчас думает, что отчасти является Тварью… пагрэ… не важно. Может, так оно и есть — но она такая же, как мы. И если она будет знать, что мы сестры, ее происхождение уже не будет для нее такой трагедией.

Но врать нам не пришлось. Правду мы узнали еще до того, как аппарат был готов.

* * *

В тот день Джинн заснул (хотя мы с ним никогда не спим в полном смысле этого слова… ну, то есть я имею в виду, что сон, такой, как у обычных людей, нам недоступен, и это ничтожная плата за те возможности, которые нам дают имплантаты), а я лежала и думала на отвлеченные темы. Куинни говорила, что смотрела фильм про Эксперимент Ройзельмана. Даже не знала, что такой существует…

Как-то странно: те люди, о которых снят этот фильм, скорее всего, живут и здравствуют и сегодня. Интересно, каково это — жить после того, как

про тебя сняли голофильм? Про нас кино точно не снимут. Да и неправильная получилась бы лента, если честно. В художественных произведениях герои чаще всего борются за свою любовь — а мы обрели ее почти сразу. Словно (какая избитая аналогия, да и плевать) соединились две половинки целого. Соединились и сразу срослись так, что теперь и краев раскола не найдешь. И, как я могу судить, то же самое у Призрака с Куинни и, конечно, у Тени с Фредди. А Льдинка? Почему она до сих пор одна? И почему Бракиэль сошелся с Немезис, да так, словно именно она должна была быть в нашей цепочке? Но, признаться, меня не интересовал Бракиэль, меня беспокоила Льдинка. Со стороны было незаметно, чтобы одиночество ее хоть как-то угнетало, но кто знает, что у нее внутри…

Внезапно мое запястье сжала рука. Я даже вздрогнула, но быстро поняла, что это всего лишь **мой** Джинн. Он проснулся и полусидел на кровати, глядя на меня загадочным взглядом.

— Дарья, — прошептал он, — я тут такое нарыл… сейчас подконнекчусь и покажу.

Для установления соединения между нашими компьютерами много времени не понадобилось, и уже очень скоро я любовалась на то, что обна-

ружил Джинн. Это действительно было нечто потрясающее — неизвестно как, но ему удалось скопировать часть архива Центра Ройзельмана, а главное — большой фрагмент «черной бухгалтерии» его Центра, в которой значились похищенные женщины, полученное потомство, суммы, вырученные от усыновителей.

— Пока здесь много непонятно, — сказал Джинн, — но кое-что я расшифровал. Обрати внимание на детей, отмеченных значком в виде угловатой восьмерки.

— А что с ними не так? — спросила я.

— Это участники Проекта, — сказал Джинн. — Но не все, а те, которые получены от «анонимных доноров». Меня там нет, и Фредди, и Бракиэля.

Я быстро пробежалась по списку и почти сразу наткнулась на Куинни (я начала с конца). От ее имени вела гиперссылка, но по ней вскрывался какой-то хаотический набор символов.

— Все ссылки ведут на другой файл, — сказал Джинн. — Он у меня есть, но нормально не открывается — то ли поврежден, то ли закодирован. Ничего, разберемся. Сейчас важно другое — неужели тебе не хочется раскрыть интригу века?

Я кивнула, а потом сказала (кстати, я не помню, общались мы мысленно или словами — между

нами часто бывало мысленное общение, и мы уже не всегда могли сказать, как мы только что общались — вслух или про себя):

— Судя по твоему довольному лицу, сюрприз будет приятным?

— Посмотри сама, — сказал он, указывая нужную запись.

«Донор: Мария Васильевна Нефелимова, 35 лет.

Номенклатура: руки – устройства α-тип, ♀₊♀;

ноги – устройства β-тип, ♂₊♀.

Примечание – ошибочное появление XX хромосомы в устройстве 0002-β; необходимо ужесточить контроль процесса формирования хромосомных пар.

Результаты тестирования – все положительные.

Итог работы аппаратов:

7801-α – девочка, рост 50, вес 3350, усыновитель Апполинарий Филиппусис;

7802-α – девочка, рост 51, вес 3205, усыновитель Райанис Лафалер;

0001-β – мальчик, рост 56, вес 5105, усыновитель;

0002-β – девочка, рост 53, вес 4125, усыновитель – Абдула Азиз Ас Суад Ат Тен».

— Можно не проводить тест ДНК, — сказал Джинн, — но мы с Призраком раз уж начали делать устройство, то не закончить было бы грех, правильно? Ну что, не хочешь подружек порадовать?

— С утра порадую, — сказала я. — Они контактную фазу сорок восемь и шестьдесят две минуты назад проскочили, зачем их будить? Кстати, а кто еще в этом списке?

Джинн

Сегодняшняя группа была необычной — она была последней из тех, кому предстояло познакомиться с пагрэ. К тому же наш хильгала уже озвучил свое желание лечь вздремнуть, а спит он, на секундочку, почти девять земных месяцев, а если быть точным — двести пятьдесят шесть земных дней, в среднем, конечно. В процессе сна немного потребляется таинственный сеад из накопленных запасов, то есть голодный пагрэ спит меньше, всего-то каких-то шесть месяцев. Ух, мне бы так — шутка, конечно, никогда особо не любил спать и никогда не высыпался, днем

учеба и работа, вечером — Интернет…

Я решил сопроводить Дарью и ее группу — делать мне, в принципе, было особо нечего, к тому же теперь мой компьютер всегда со мной, и работать я могу даже, пардон, в сортире. Или на ходу, что еще более актуально. Как я уже говорил, какая-то работа была у меня постоянно — я систематизировал базы данных своего сурдомозга, упорядочивал их, строил маршруты быстрого доступа по ключевым словам… кому-то это может показаться скучным, конечно, но ведь знание — сила! Например, я когда-то пытался создать эламский словарь, а потом выяснил, что у меня есть несколько словарей и грамматик новоэламского языка. Сначала мне показалось, что они не особо помогают — многие слова староэламского языка в новоэламском не встречались и наоборот. Но потом, по мере накопления информации, я все больше и больше мог понять язык, письменность которого на Земле так и не расшифровали. Самое забавное, что в основе староэламской письменности лежал двоичный код — совпадение более чем странное, но очень полезное — переведя эламские записи в дружественный машине вид, я добился многого.

«[Нам] не следует (что-то делать, связанное с

аннку — как я полагаю, чем-то вроде дьявола), потому что наш (аннку?) — для них пища», — вот что было написано на стене колодца, который покойный Лорд называл «Вавилонской башней». Причем слово «пища» имело особенный смысл — не просто еда, а такая, какую подают на пирах. Типа лакомство или, как говаривала ма, деликатес. Понятнее от этого надпись, конечно, не становилась — и все упиралось в странное слово аннку. Я перерыл все, что можно, но единственное, что нашел, — это бретонский вестник смерти, анку. Фак, где Бретонь, где Месопотамия? Кстати, предки моей ма были из Бретони, и этот факн'анку фигурировал в ее сказках, которые она мне рассказывала до рождения Элен, под невзрачным именем «костяк на повозке». Ух и боялся я его в детстве! Бывало, на улице непогода, ветер воет, а мне кажется, что это скрипит повозка костяка…

Кстати, порывшись все в тех же записях, я узнал, что анку, встреченный в полночь, мог вынуть душу, а тело отвезти до ближайшего кладбища и бросить в выгребную яму за оградой. Бр-р-р… но тут, конечно, просто совпадение.

* * *

Вообще-то, то ли я такой невозмутимый флегматик, то ли все потому, что я еще молодой, но вещи, которые, кажется, могут свести с ума, мной (да и другими ребятами) воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Сверхспособности, фича, сны, которые больше чем сны, имплантаты, слияние — ничего, нормально, а местами даже вау, круто! Летим к другой планете, к тому же, похоже, созданной неизвестной цивилизацией — окей, летим. Встретили опасное чудовище, оказавшееся инопланетянином, помнящим те времена, когда на Марсе яблони цвели, а египетские пирамиды только начинали строить, — да зашибись вообще. Хотя, конечно, это было чертовски интересно. Мы с Призраком, да и остальные ребята, конечно, пытались побольше выведать у хильгала, но тот молчал, как выразился Призрак, словно повязанный омертой. Нам доставались крохи, но за эти «крохи», наверно, любой ученый удавился бы. Нам удалось увидеть некоторые картины прошлого — они потрясали, они казались кадрами какого-то фантастического голофильма, но голофильмы не бывают такими потрясающе реалистичными. Нам удалось уви-

деть космические сражения между кораблями, чем-то похожими на современные земные, но отличающимися настолько, чтобы понять — они **не** из нашего времени, и странными, меняющими форму кораблями пришельцев из рода хильгала. Мы увидели охоту пагрэ — в марсианских шахтах, где чудовищные создания захватывали людей, вероятно шахтеров, и поглощали их души, оставляя за собой бледные, словно обескровленные тела, и в каком-то городе, возможно, тоже марсианском, хотя над ним было другое небо, — город трясся, словно в лихорадке — может, его обстреливали или бомбили, а люди, по крайней мере, некоторые из них, лихорадочно пытались оказать сопротивление…

Вообще, мне этот город запомнился: когда-то в Сети я скачал любительский 2D-фильм «Чикаго-2222», и то, что я увидел в «памяти» пагрэ, чем-то напоминало тот фильм. А еще — кажется (Призрак и остальные ребята из тех, кто видел, тоже это подтвердили), надписи в том городе были уже знакомыми нам линейно-эламскими. Ну, то есть не в кино, понятно, а в видениях хильгала. Фредди, у которого память примерно как у моего сурдокомпьютера, но без всяких имплантатов, и руки растут из нужного места, даже сделал

несколько набросков и записал пару надписей, увиденных в «городе».

Надписи мне расшифровать не удалось (несколько слов вроде «звать» или «покупать» были знакомы, но и только), но текст, определенно, был староэламским.

То есть пагрэ были на Земле? Или, перефразируя вопрос, на Земле когда-то уже были небоскребы, голографическая реклама, гравитомобили (даже в наше время их не больше нескольких штук на весь мир, а в видении пагрэ были десятки…)?

Или это будущее? Тогда почему все надписи на староэламском?

В общем, загадок было много, и ответы хотя бы на некоторые из них я планировал найти на Энигме. Если Энигма — родная планета хильгала или их корабль, ковчег, спасательное судно — там, может быть, остались какие-то артефакты, а в идеале — какие-то записи этого народа. Кто знает, может, и не все пагрэ «одичали» — такой была на то время наша основная гипотеза. Может, кто-то из этого народа сохранил память и рассудок и с ними тоже удастся наладить контакт?

Удалось же нам закорешиться с хильгала на борту «Левиафана». Конечно, это не моя заслуга, а Тени, но в конце концов это не важно. В следу-

ющий раз я буду осторожнее.

* * *

Новички были заметно напуганы — Бракиэль говорил, что группа одна из самых слабых, но мое присутствие немного их ободрило. Еще больше их ободрило внезапное появление Бракиэля. Последние месяцы Бракиэль, как умел, вел цепочки Лорда; Надин говорила, что у него хорошо получается, но по понятным причинам к ее словам мы, да и сам Бракиэль, относились критически. Но когда то же самое сказала Апистия, пришлось поверить. Уж что-что, но ожидать от Апистии лести — все равно что ожидать от пагрэ букет спелых орхидей. Апистия всегда резала правду-матку, не заботясь ни о чем и не щадя ничьих чувств. Но о кураторстве Бракиэля отзывалась сдержанно-положительно.

Я уже говорил о том, что мы принимаем любые, даже фантастические перемены довольно легко? Конечно, девочки с восторгом восприняли тот факт, что они сестры, но моя находка не остановила нашей с Призраком работы, и спустя одиннадцать дней прибор для анализа ДНК был готов. Мы решили проверить истинность записей с базы Ройзельмана и посмотрели код девочек.

У Дарьи с Тенью совпадение было стопроцентным; со Льдинкой — 98 с долями процентов.

— Так что, — сказала Дарья, — одно из двух: или мы тоже наполовину Твари, или ты Тварь только на два процента. Но и мы на один.

— У тебя в школе что по математике было? — спросила Льдинка, хотя вид у нее был явно довольный. — Чего-то ты там с процентами химичишь, подруга…

Но этого нам показалось мало. Мы решили проверить, какая у нас степень родства между собой. Совпадений, как у сестричек, больше не нашлось (кажется, Куинни это даже немного расстроило, и девочки, заметив это, бросились ее утешать), но нашлось кое-что другое.

Аппарат предложил (сам, без нашего вмешательства — ну, у него был элементарный искусственный интеллект, так что меня это не особо удивило) проанализировать совместимость генов участников цепочки. Я согласился, и через четверть часа компьютер выдал результат, от которого у нас глаза на лоб полезли…

Призрак

Может, это издержки улично-бандитского воспитания, может, я просто параноик, но все-

общее благодушие меня подбешивает. Che cazza, будто мы на экскурсию к развалинам Помпеи собрались! Хотя из такой экскурсии можно тоже сделать правильные выводы, если на плечах голова, а не кочан капусты. Какие? А такие, что, если живешь на вулкане и он начинает дымиться, пора собирать манатки и валить чем дальше, тем лучше.

Скажем так, валить я не собираюсь — некуда мне валить. Если бы у меня была возможность перенестись в прошлое… я все равно бы не свалил. Потому что ребята. Потому что я их не брошу, и, если они собрались per bucco di culo alla diablo, che cazza, я полезу туда с ними. Я, конечно, не самый умный в цепочке, не самый сильный и не самый смелый. Крепкий середнячок, но без меня они пропадут. Может, и со мной тоже, но тогда мы, по крайней мере, пропадем все вместе.

Хотелось бы, конечно, защитить от всего этого Куинни… но она сама говорит, что мы с ней как иголка с ниткой, куда иголка, туда и нитка. Кто из нас нитка, кто иголка — che cazza, какая разница? Но так оно и есть.

Откуда у меня такие похоронные настроения? Да потому, что у меня голова на плечах и улично-бандитское воспитание. Когда все красиво и

кучеряво, опасность уже где-то рядом, где ты ее хрен заметишь. Я должен был это понять раньше, cazzarolla, да понималки не хватило. Купился, как лох… «сможешь проектировать машины, а не воровать», pezzo di merde! Ладно, как я уже говорил, назад дороги нет, alea jacta est, как говорил один из самых крутых итальянцев, живших задолго до провозглашения Республики. С этими умниками типа Джинна и Фредди я скоро академиком стану, уже вот на латыни ботаю.

Впрочем, в одном Николь оказалась права — я действительно проектирую машины. Одну вот уже мы собрали, на свою голову… это я про анализатор ДНК. Маленькая такая cazzatta, но со встроенными мозгами любопытного пятилетнего вундеркинда. Ох уж эти мне вундеркинды.

Я не ученый и тем более не Джинн и даже не Фредди. Я половины не понял из того, что сказал этот агрегат с собственным мнением. Расскажу так, как понял. В общем, если взять наши гены — то есть гены всей нашей цепочки, перемешать, выбросить лишнее и собрать заново, мы получим…

Cazzarolla, не знаю, как это сформулировать. Понятие «супермен» изговнякано Голливудом и его закадычными конкурентами; сверхчеловек

— отдает Гитлером, Муссолини и факельными шествиями; идеальный человек — это что-то из глянцевых журналов для баб…

В общем, как его ни называй, но из этого конструктора можно создать полубога. Сверхъестественное существо в человеческом облике. Белокурую бестию, способную взглядом сбивать дроны. А мы части конструктора для изготовления этого персонажа, кусочки пазла, из которых собирается фигура атланта, способного двигать горы.

Впрочем, я был бы не против иметь такого союзника, да где его взять? Можно пойти естественным путем, нарожать детей, свести их между собой, а внуков — между собой и в конечном итоге получить супермена с вероятностью 1/256, а то и меньше. Но, вообще, интересно, почему так.

И ведь не только у нас. Хитрый Джинн… Ну, если быть точным, мы с Джинном, но я его просто на мысль натолкнул… Так вот, Джинн придумал взять пробу генетического материала у одной из цепочек, потом еще у одной, еще — и все это прогонял через свой агрегат. И везде одно и то же — каждая цепочка представляет собой набор кубиков для постройки мечты нашего дуче, чтоб

его в аду черти со сковороды даже в сортир не пускали. Спрашивается, что это значит? На практике — ничего, ноль. А вот другая находка была интереснее.

Джинну удалось взять генетический материал у нашего пагрэ. Как он это сделал, quo cazzo, с учетом того, что эта Тварь ничего не ест, за исключением душ, не пьет, не плюется и, соответственно, не оправляется. Но в один прекрасный день Джинн притащил с собой какой-то серо-черный желеобразный pazzo di merde размером с окурок и сунул его в анализатор, как он заявил, чтобы выяснить, является ли это существо белковой формой жизни или нет.

Анализатор покумекал и заявил, что данный образец, несомненно, принадлежит белковой форме жизни, имеет структуру, чем-то похожую на нашу ДНК, с тем только отличием, что структура этой ДНК имеет иную пространственную форму. У нас с Фредди прям от сердца отлегло — ежели оно живое, его, значит, можно завалить! Но Джинну этого было мало. Он зарылся в отчет работы аппарата (в собственной голове, chiaro cazzo) и к вечеру, когда все уже все забыли, заявил, что а вот хрен нам. Оказывается, ДНК хильгала основывается на другом наборе аминокислот,

не таком, как у людей. Тьфу, не знаю, как объяснить. Кислоты те же, но чем-то отличаются. В общем, наша с ним машина не поняла этого только потому, что имела дело только с образцами участников Проекта, а не с обычными людьми.

Короче говоря, мы окончательно убедились в том, что видение нашей Льдинки было воспоминанием. Потому что, как Джинн понял из того, что наш аппарат прочитал у нас в генах, наша собственная ДНК на десять процентов соответствует ДНК пагрэ.

А у Льдинки так и на все двадцать.

* * *

— Что делает мой capo della spazio?[36] — поинтересовалась Куинни, выходя из душа. Она только проснулась, а я с утра занимался в нашей «рабочей комнате», где теперь окончательно поселился Цезарь.

— Решаю транспортную проблему, — ответил я. Передо мной на покрытом пленкой полу лежала груда напечатанных на принтере запчастей, несколько уже собранных агрегатов, пара вскры-

[36] Примечания: 36

Capo della spazio (*um.*) — начальник космоса, капореджиме космоса, капореджиме — босс мафии.

тых пластиковых обтекателей, напичканных электроникой. Я брал из кучи нужную запчасть, доводил ее до ума своей «рукой механика» и соединял с одним из агрегатов.

Куинни залюбовалась моими действиями:

— Когда ты возишься со своими железяками, ты похож на Микеланджело.

— Ну спасибо, — фыркнул я. — Кажется, ты могла бы заметить, что я не гей.

— Кажется, я заметила, что ты нетолерантный, — она подошла и обняла меня сзади, — расист, сексист, гомофоб…

— Я расист?! — Я оставил детали в покое и обернулся к Куинни. — Это каким боком я расист?

— Постоянно делаешь неприличные намеки насчет цвета моей кожи. — Куинни говорила с совершенно непроницаемым лицом, но для картежника, каким она была, покерфейс — нормальное выражение лица, так что я уже попривык.

— А может, меня от этого прет? — сказал я, обнимая ее. Удивительно — только что мои руки были набором точнейшего инструмента, а сейчас ласково касались ее кожи. — Cazzarolla, да, мы все разные, но это же просто bellissimo! Были бы мы все одинаковые, мы бы не смогли никого

полюбить…

Я потянулся губами к ее шее, я знал, что ей нравится, когда я начинаю с поцелуев от плеча и выше.

— Но геев ты не любишь, — сказала она слегка изменившимся тоном. — Признайся уже, гомофоб несчастный.

— Che cazza, никакой я не гомофоб, — сказал я. — Но сам не гей, и до геев мне нет дела. Я люблю тебя, а все остальные пусть vaffaculo, cazzarolla!

— Скотина ты невоспитанная, — прошептала она, касаясь губами моей щеки, — у тебя даже материться получается сексуально…

* * *

Куинни перевернулась на живот и взяла в руки одну из пластиковых полусфер, наполненных микроэлектронной начинкой, разобраться в которой мог разве что Джинн.

— Так что ты все-таки мастеришь? — спросила она.

— Решил переделать Цезаря в маленький танк, — ответил я. — Добавлю ему новых прибамбасов, оружия и посадочных мест. А самое главное, — я показал на большую конструкцию вроде бака, окрашенную в черное, — вот это.

— И что это за bella ficata? — спросила Куинни, привставая, чтобы лучше рассмотреть устройство.

— Это реактор, — сказал я, — плюс аккумулятор и трансмиттер. В общем, он вырабатывает, хранит и выдает энергию. Много энергии. Причем от него можно заряжать что угодно, от Цезаря до меня или тебя. Он увеличивает наши энергетические запасы, хочешь верь, хочешь нет.

Куинни встала, подошла к реактору и присела. Обожаю смотреть, как она двигается. У нее потрясающая грация; по-моему, пантера по сравнению с ней просто неуклюжая котейка.

— Почему я должна тебе не верить? — спросила она. — Это устройство еще спит, но я уже чувствую скрытый в нем потенциал. И я хочу благословить его.

Она наклонилась, охватив руками куб реактора, прижавшись к его открытому краю, и запела. Я не понимал слов ее песни, но, кажется, знал их. Она пела о звездах, сияющих над саваннами, и о том, что лишь немногие из них дарят свой свет людям. Она пела, что Солнце — самая благородная звезда из всех существующих, поскольку позволяет людям черпать свою жизненную силу, она просила Солнце даровать нам немного своего

света, наполнить силой, защитить от тьмы.

Незаметно для себя я стал ей подпевать на неизвестном мне языке.

Бракиэль

Как-то незаметно для себя я «втянулся» в роль Куратора, хотя, видит бог, это было то еще занятие. На мою голову свалилось восемь десятков ребят моего возраста, за которых я должен был отвечать. Хорошо, что Лорд успел как-то внушить им основы дисциплины. Плохо то, что в отсутствие Лорда они быстро стали ее терять, а я для них поначалу не был авторитетом.

Могу констатировать — авторитет мне завоевать удалось, не без помощи Бараки, Апистии и, конечно, Нааме. Нет, они никак не вмешивались в воспитательный процесс, но дали мне несколько ценных советов, позволивших мне взять ситуацию под свой контроль.

Вообще, со временем я начал понимать, насколько моя собственная цепочка ушла вперед по сравнению с остальными. Фичи, которые у нас в цепочке были уже совершенно привычными, были далеко не у всех, а в некоторых цепочках никто еще ими не обзавелся; не все также получили даже первые имплантаты.

Ну что ж, я учил их призывать фичи, вдохновлял на имплантации, я помогал им раскрыть их сверхспособности. Я приготовил их к встрече с пагрэ. К каждой цепочке я старался находить свой подход — и находил его.

С Нааме мы виделись не так часто, как мне хотелось бы, но так часто, как позволяла нам обоюдная занятость. Ее отношение ко мне изменилось, но не в худшую или лучшую сторону — просто стало другим. А я любил ее так же, как и раньше, и мне было все равно, что что-то изменилось. Она все равно оставалась **моей** Нааме, с одним из тысячи любимых лиц.

Она стала более закрытой, но если раскрывалась, то полностью, как в ту памятную ночь гибели Лорда. Я узнал еще одну Нааме, способную быть уязвимой, даже слабой, нуждающейся в моей поддержке. Я узнал, что она также умеет сомневаться, бояться, быть неуверенной…

Наверно, не стоит объяснять, что от этого моя любовь стала только сильнее?

Любовь — чувство парадоксальное. Мы никак над ним не властны, это словно приговор, вынесенный кем-то всемогущим. Узы, которые невозможно разорвать, более того — если кто-то попробует это сделать, то сам скованный будет

изо всех сил защищать свои кандалы. Когда любишь, уже ничего не важно, что бы ты ни узнал, и, если бы Нааме на моих глазах стала чудовищем, как в том моем старом сне, я бы все равно продолжал ее любить. Пусть даже и чудовищем.

Забавно… я никогда не приближался к пленному хильгала, не входил в ангар, даже когда был сопровождающим для одной из своих цепочек, но, глядя издалека, я видел многое. Например, то, что хильгала чем-то напоминал то существо, каким стала Нааме в моем сне, но при этом она была словно соткана из света, тогда как он был как будто сотворен из непроницаемой межгалактической тьмы. Что до моего сна, то Нааме объяснила мне, что моя сверхспособность в данном случае сработала как телескоп, приблизив для меня нечто далекое. Может, и так.

Но вот что странно… я не сразу это понял, но вид хильгала, строй его мыслей пробуждал во мне что-то забытое, дремлющее. Возможно, это объяснялось тем, что моя ДНК отчасти совпадала с той структурой, которая была аналогом ДНК пагрэ. Но мне казалось, что тут не только в этом дело.

И наконец я решился это проверить.

* * *

— Да, я пойду с вами, — сказал я девочке с волосами цвета мастики, участнице последней моей цепочки. — Не потому, что вам не доверяю, наоборот. У меня есть на то свои причины.

— Какие? — спросил паренек, державший за руку другую девочку, по виду, кстати, типичную аидку. У паренька были светлые волосы и немного простецкие черты лица.

— Хочу пообщаться с этим существом, — сказал я. — Хильгала, с которым вам предстоит познакомиться, вот-вот заснет, и его сон продлится несколько месяцев. Хотите, расскажу вам еще один секрет? — спросил я. Ребята дружно закивали. — Только пообещайте мне не пробовать это сделать самостоятельно.

— Хорошо, обещаем, — нестройным хором ответили ребята.

— Иногда в памяти хильгала можно увидеть прошлое, — сказал я. — По большей части ничего интересного там нет, но из того, что мы видели, у нас сложилось впечатление, что это существо побывало на Марсе. А может, и у нас на планете, но очень давно.

— Ни хрена себе «ничего интересного»! —

воскликнул белобрысый. Его девочка тут же одернула его за рукав комбинезона, и тот виновато взглянул на нее. Хм… еще одна парочка.

Сколько уже я видел их, этих парочек! И, кажется, остальные, кто еще не успел сойтись, тоже… не знаю, как сказать, предназначены друг другу. Во всех цепочках. Кроме моей собственной. Как так получилось, что я сошелся с Куратором? И кто половинка Льдинки?

Мы зашли в коридор, где нас ждал Фредди — он также почти всегда сопровождал группы, даже те, что не вел сам. Пока Фредди и Дарья с Джинном инструктировали ребят, я отошел ближе к двери, собираясь с мыслями. Но меня прервали — ко мне подошла та самая девочка-аидка.

— Простите, — сказала она. — Вы, случайно, не еврей?

— Нет, — ответил я. — Еврей я не случайно, у меня папа и мама были аидиш. А ты тоже из наших?

— Да, — ответила она. — Я из Яффо Назаретского. Если вы еврей, то, конечно, слыхали о колене Иссахаровом?

— Что-то такое слышал, — кивнул я. — Сам я левит. А что?

— Что вы знаете о колене Иссахаровом? — спро-

сила она настойчиво. Я пожал плечами:

— Ничего. Земля у них была рядом с Завулоновой, недалеко от Назарета…

«И Мегиддо», — внезапно понял я. Между Яффо Назаретским и Мегиддо миль двадцать, не больше. Мы проезжали эту деревушку, когда я ездил посмотреть на раскопки.

— А еще потомки Иссахара обладали пророческим даром, — вздохнула девочка. — В нашем роду был Мишель де Нотр-Дам…

Я поморщился. В пророчествах этого француза человечество, кажется, окончательно разочаровалось еще в начале этого века.

— Не знаю, — сказала девочка, — может, поэтому, а может, по какой иной причине, но у меня сверхспособности в области телепатии. Иными словами, я читаю мысли.

Я ничего не сказал, и она добавила:

— Вы ездили в Мегиддо, когда были совсем маленьким. И проезжали мою деревушку. У колодца сидела женщина, и вы вспомнили о самаритянке из Евангелия, которое читали незадолго до того, из чистого интереса. Продолжать?

У меня внутри похолодело. Не то чтобы я был поражен сверхспособностью девочки — телепатия как раз одна из самых обычных способностей, но

то, как она влезла в мои воспоминания, причем те, которые я сам отложил куда-то на дальнюю полочку подсознания… эдак она и все **остальное** может увидеть…

— Кстати, — сказала девочка. — Вы первый, кроме Кураторов, у кого я наблюдаю скрытые участки памяти. Это интересно. Мы с Ласло — это мой парень, вы с ним говорили, — работаем над тем, чтобы научиться проникать в такие области, но пока без толку, только и того, что получили от каждого из Кураторов по паре раз… Я почему к вам обратилась — вы можете разрешить мне…

— Копаться в моей памяти? — спросил я немного резко. — Ни за что.

— Нет, я не об этом, — улыбнулась девочка. — Я бы хотела попробовать проникнуть в память пагрэ. Вы говорили, что видели там интересные вещи. Может, у меня получится их рассмотреть получше?

— Нет, — сказал я. — Это может быть опасно.

— Понимаете, — сказала девочка, — я ведь все равно попытаюсь. Не могу просто по-другому. Но если бы вы разрешили мне это, я была бы уверена, что спускаюсь в этот лабиринт не одна. Если вы позволите, я буду транслировать вам все, что увижу. Разве вам не интересно?

Я вздохнул:

— Как тебя зовут?

— Ривка, — сказала она. — Ой, простите, здесь у меня имя Иска.

— Иска, — сказал я. — Наверно, я был плохим учителем и плохо объяснял. Существо, к которому мы идем, опасно. Для того вам в память записали мантру защиты. Войдя, вы все должны включить эту мантру, чтобы хильгала не увидел вас и не атаковал. А что предлагаешь ты?

— Клянусь храмом Соломона, — серьезно сказала Иска. — Если Тварь нападет, я спрячусь за вашу мантру…

— Если пагрэ нападет на тебя, будет уже поздно, — сказал я. — Твоя душа будет схвачена, исторгнута, и ты не сможешь сопротивляться. Как ты не понимаешь?

— Но вы ведь с ним общаетесь! — обиженно сказала Иска.

— Мы долго шли к этому, — сказал я. — И двое из нас при этом едва не погибли.

— У меня дар… — сказала она.

— У всех нас дар, — ответил я, чувствуя, что распаляюсь. — Но дар не может защитить тебя от смерти, понимаешь? А я не хочу, чтобы Тварь сожрала твою душу. Если ты не откажешься от

своего намерения, я не пущу тебя внутрь.

В глазах у Иски стояли слезы, но она медленно кивнула:

— Хорошо. Я включу вашу проклятую «мантру», провались она в шеол. Не знаю только, какой в этом смысл.

— Вот и умница, — сказал я, чувствуя облегчение. Как оказалось — совершенно напрасно.

* * *

Мы с Дарьей и Джинном проследили, чтобы ребята приготовились к включению мантр, а затем стали по одному пропускать их внутрь. Я смотрел сквозь двери — в центре ангара на стульчике сидела Тень, рядом с ней лежал пагрэ, не проявляя никакой агрессии. Кажется, ему все это надоело не меньше нашего.

«Я внутри. — Голос в мозгу заставил меня вздрогнуть. Это не была Нааме, это не был кто-то из моих ребят. Голос был незнаком, и я не сразу понял, что это Иска. — Я включила мантру, как вы велели. А потом выключила. Вы ведь это не запрещали!»

Я даже не знал, что на это ответить, и не сразу, но понял — мне нужно войти внутрь. Если она коснется разума пагрэ…

«Вы зря тревожитесь, — продолжала Иска. — Я вошла в его память, он это заметил, но, кажется, ему все равно. Какой он печальный!»

«Немедленно прекрати!» — мысленно крикнул я, поражаясь тому, как медленно я двигаюсь. Время словно превратилось в патоку.

«Зачем? Его мысли спокойны, его воспоминания — сплошной поток серых будней в неизвестном мне холодном месте… голод… одиночество… бессмысленность… безнадежность…»

Я наконец-то появился в дверях… и тут время, похожее на медленное течение илистого потока, внезапно завертелось в водовороте. Я замер как вкопанный. Футах в десяти, не больше, я видел резко побледневшую Иску — она выглядела как парализованная. Чуть дальше встрепенувшийся пагрэ поднимался на дыбы, Тень исчезла, видимо уйдя в невидимость, Фредди и Джинн двинулись вперед, прикрывая собой ребят, а потом…

А потом на меня обрушились образы. Я увидел множество пагрэ, окруживших меня, но я не чувствовал страха — наоборот!

— Теперь у меня новое имя! — сказал я громко. — Они признали мою сущность. Я призываю всех, кто может меня слышать! Сегодня я создаю…

Яркая вспышка — и я вижу стремительно приближающуюся красную планету с луной того же цвета, но более темной. Планета мчится мне навстечу, и я что-то регулирую, чтобы корабль, в котором я нахожусь, сбросил скорость. Я, как всегда, чувствую невероятное единение с кораблем, словно он часть моего тела. В последний момент я понимаю, что эта планета — Марс. Но почему у него только одна луна, да еще и такая большая?

Вспышка — и я несусь куда-то по коридору, а передо мной мчатся какие-то темные тени. Все мои мысли вытеснили голод и жажда крови. Я не должен делать это сам. Мои пагрэ справятся с этим лучше меня. Но я ничего не могу с собой сделать, я вижу спины преследуемых людей, я чувствую исходящий от них сладкий, аппетитный аромат сеада…

Вспышка — и я один в холодном космосе, таком пустом, что невозможно себе представить. Я один, не считая врага, который лежит в коме у меня в грузовом отсеке. Я мог оставить его на верную погибель, но **она** бы мне не простила этого. Я знал, что она любит его, но я не оставил его на верную смерть или что похуже…

Вспышка — и повторяется мой почти забытый сон. Я видел Нааме, ее лицо, казалось, светилось

изнутри.

— Разве ты не видишь? — сказала она. — Они напуганы. Они не могут сопротивляться нам. Они всего лишь генераторы страха из слабой плоти…

И я, как и раньше, ничего не мог изменить, хотя знал, что будет дальше. Красивая рыжая девушка, похожая на Олгу, вскинула нечто, что я однажды рисовал на своем планшете для ребят. И целилась она в Нааме.

— Нет! — закричал я, бросаясь между девушкой и Нааме. Наверно, я должен был наброситься на эту девушку, обезоружить ее, но я не был уверен, что она не успеет выстрелить. Она успела, а я успел заслонить Нааме. О том, что девушка выстрелила, я мог только догадываться — не было ни вспышки, ни звука, ни трассы между стволом и целью — ничего, кроме внезапно возникшей раздирающей боли в груди и понимания, что я выиграл для Нааме несколько секунд.

И я закрыл ее собой, а потом увидел, как солдаты набрасываются на людей, ведущих беспорядочный огонь, а Нааме склоняется надо мной, и мне казалось, что она кричит, кричит, не издавая звука, увидев, что моя душа, пораженная выстрелом неизвестного оружия, исчезает у нее на глазах…

А потом наступила тьма.

Mortituri te salutant!

Фредди

Давным-давно царь греческого города-государства Эпира, по странному стечению обстоятельств являвшийся тезкой собственному царству, ввязался в неприятную для себя историю и был вынужден воевать на два фронта. По мнению современников, Пирр Македонский был вторым по гениальности военачальником того времени, превосходя Ганнибала и Сципиона и уступая только своему кузену Александру, прославившемуся тем, что нахапал столько, что не смог удержать. Но бедняга Пирр не знал, с кем связался. Он выиграл все сражения, или, по крайней мере, не проиграл ни одного — битву при Беневенто римляне, будучи честными людьми, не считали своей победой. Все битвы выиграл, а вот войну проиграл. Бывает и такое.

В тот день я узнал две вещи. Во-первых, то, что пагрэ можно убить. Ребята утверждали, что это сделал я, но я этого убей — не помню. Точнее, я этого не помню сознательно — но знаю, что смогу повторить это, если понадобится.

К сожалению, это не единственное, что я узнал. И вторая новость полностью сводила на нет положительные моменты первой. Выиграть войну с пагрэ невозможно. Для того, чтобы уничтожить только одного, мне пришлось исчерпать свои силы настолько, что меня полностью парализовало, я даже едва мог дышать. К счастью, паралич был временным, и уже на следующее утро я мог пошевелить пальцами и на руках, и, что важнее, на ногах. А к вечеру самостоятельно встал, но был слаб, как котенок.

Рядом со мной в медлабе оказалось еще двое — Бракиэль и девочка, которую, как мне сказали, звали Иска. Джинн тоже получил удар, но его, так сказать, задело по касательной. Тень, Дарья и семеро подростков из цепочки не пострадали вовсе.

Бракиэль был без сознания, но, осмотрев его, Апистия сказала Нике, что волноваться не о чем — он в порядке, просто у него какая-то «сенсорная перегрузка». Девочке повезло меньше — сожрать ее пагрэ не сожрал, но надкусил так, что мало не покажется — Иска впала в кому, и даже Апистия не могла сказать, когда она из этой комы выйдет и выйдет ли вообще.

Как ни странно, нас не ругали. Ни за гибель

хильгала, ни за кому Иски. Кураторы вообще делали вид, что ничего не произошло. Отсек с останками пагрэ опечатали, Апистия и Барака тренировали цепочки, оттачивая навыки выживания на Энигме, а мы оказались предоставленными самим себе.

Мы проводили время у себя в блоке, занимаясь текущими делами и постоянно обсуждая все, что нам удалось узнать. К сожалению, эти наши разговоры были совершенно бесплодными — ни до чего нового мы не додумались. Мы с Призраком и Джинном занялись разработкой оружия против пагрэ, но, как ни крути, такому оружию необходимо было невероятное количество энергии — Джинн во время нашей стычки с покойным хильгала замерял интенсивность обмена ударами и пришел в тихий ужас. Задача казалась неразрешимой.

Внезапно в решении этой задачи к нам присоединилась Леди Лёд. Льдинка всегда была себе на уме, но последнее время мы искренне полагали, что она все еще переживает по поводу своей природы… не тут-то было! Получив от Джинна кусочек пагрэ, Льдинка занялась его изучением с биологической точки зрения.

— Где есть жизнь, там есть смерть, — сказала

она, подсаживаясь к нам с кружкой крепчайшего кофе. — Жизнь сама открывает ей дорогу. Вот я и хотела найти путь, по которому смерть могла бы овладеть этим существом.

— Ну и как? — спросил Джинн без особого энтузиазма. — Получилось?

— Нет, — спокойно сказала Леди Лёд. — У пагрэ жизнь и смерть сотрудничают, его нормальное состояние — некий баланс между первым и вторым. Он одновременно рождается и умирает, и, когда в этот процесс вмешивается внешняя сила, внутренний баланс сдвигается, чтобы это компенсировать. Попросту говоря, это существо физически бессмертно.

— Плохо, — сказал Призрак, — но Фредди таки замочил одного, так что, cazzarolla, можно найти способ…

— Можно, — сказал я. — Но времени у нас не так много, чтобы его искать.

— Может, я вам немного помогу, — сказала Льдинка. — Хотя, если честно, у меня пока все больше догадки, чем знание.

— Я лично твоей интуиции доверяю, — сказал Джинн. — Давай, выкладывай.

Леди Лёд

Пагрэ я видела всего несколько раз и не могла поручиться за точность своих наблюдений. Жаль, что у меня нет возможность сделать вскрытие… но бездыханную тушку бедного хильгала надежно запечатали Апистия с Баракой, да так, что даже Тень сказала, что не сможет проникнуть внутрь ангара. Жаль.

— Я видела, как это существо пыталось нападать, — сказала я. — И чувствовала при этом… нечто. Не забывайте, я сама на одну пятую…

— Да брось ты! — перебил ее Призрак. — Мы все на какую-то часть Твари, а если верить нашему агрегату, еще и кусочки конструктора для собирания уберменша. С практической точки зрения…

— С практической точки зрения, — перебила его я, — я немного больше понимаю, что он делает. Во время атаки пагрэ воздействует на нашу нервную систему. Сигнал нервной системы по своей природе электрический. Любая электросеть, в определенных условиях, может работать как антенна. Именно так мы проявляем наши сверхспособности. Мы излучаем их так же, как пагрэ излучает свой сигнал. Только у него этот сигнал в разы сильнее.

— И что это нам дает? — спросил Джинн заинтересованно.

— Это похоже на один вид шпионского оборудования, — сказала я. — Не помню точно, как это называется, на беспилотниках разведки такие ставят. Он летит, облучает радары противника и записывает их рабочие частоты. А пагрэ не просто записывает, он еще и стирает. То есть производит не копирование, а перенос данных, я думаю, самой человеческой личности.

— Звучит правдоподобно, — сказал Джинн. — И что это нам дает?

— Пока не знаю, — честно призналась я. — Но вот что я подумала — если получаемая от нас информация — это его пища, то что, если пища будет отравлена?

— Ан-ни аннку-на-к, элла-анку р-птиа, — сказал Фредди нараспев. — Помнишь, Джинн, ты говорил, что здесь сказано о пище?

— О лакомстве, — задумчиво сказал Джинн.

— Che cazza, — заметил Призрак. — То есть ты предлагаешь, чтобы эти существа жрали нас с тем расчетом, что они нами подавятся? Круто, сестричка!

— Почему сразу нас? — возразил Джинн задумчиво. — Между прочим, Льдинка правильно

вспомнила про беспилотники. Жаль, Бракиэля нет, он у нас спец по авиации, но, насколько я помню, ракеты и самолеты в полете разбрасывают ложные цели, которые атакуют средства ПВО. А если…

— Вот только нам на это времени не хватит, — сказал Фредди. — Хотя у меня есть идея.

— Слушайте, — сказал Джинн, — а не сильно ли мы морозимся? Кураторы же обещали, что внутри планеты нам ничего не будет угрожать…

— Кроме самих Кураторов, — неожиданно сказала я. Ребята недоуменно посмотрели на меня, и я заметила, что Призрак кивнул.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Джинн, но мне показалось, что он тоже понял. Просто хочет получить подтверждение того, что он понял.

— Давайте позовем девочек, — предложила я. — Чтобы не пересказывать им потом.

— А Бракиэля? — спросил Призрак, и я заметила, что его лицо прояснилось, словно он решил какую-то сложную задачу, занимавшую его последние несколько дней.

— А Бракиэлю мы все перескажем потом, — сказала я.

Бракиэль

Первое, что я увидел, было лицо Нааме — какое-то слишком спокойное, даже равнодушное. Незнакомое.

— Вы проснулись, — сказала она. Незнакомые интонации делали голос совсем чужим. Мне стало страшно. Что с ней?

— Что с тобой? — спросил я.

— Ничего… — ответила она, а потом спохватилась: — Ой, простите. Такой вы меня не видели. Я предупреждала Леди Н., что у вас будет шок, но она сказала, что шок вам полезен…

— Норма?! — Я протер глаза. Передо мной сидела Нааме, но говорила со мной Норма.

Я успел вызволить ее логический блок из покореженного взрывом трюма — к сожалению, «Таннина» спасти не удалось, уж больно сильные повреждения он получил от взрыва шаттла. Некоторое время блок без дела лежал у меня в комнате, затем, каюсь, я и вовсе про него забыл.

— Леди Н. немного доработала меня и перенесла на другой носитель, — сказала випочка. — Насколько я понимаю, это одно из ее собственных запасных тел. Мне было немного сложно освоиться с ним, все-таки я привыкла к более кибернети-

зированным организмам. Но, кажется, у меня неплохо получается. Как вы считаете?

— Неплохо, — кивнул я, чувствуя раздражение. Она что, думает, что это смешно? Иногда мне казалось, что Нааме специально предлагает мне Норму как некий эрзац самой себя. До чего же идиотская идея! — А сама она где?

— Отдыхает, — ответила Норма. — По крайней мере, отдыхала несколько минут назад. Сейчас, вероятно, узнала, что вы проснулись, и направляется сюда.

Отлично. Дождусь ее. Пора, кажется, расставить все точки над i — что за видения меня преследуют? И что означает такое ее поведение?

Я спрыгнул с кушетки, чувствуя голод и особенно жажду. Хотел даже спросить Норму, не знает ли она, где можно раздобыть чего-то попить, но она меня опередила:

— Хотите воды или соку? Я сейчас принесу.

— Соку, если можно, — сказал я. Внезапно мне захотелось выкурить одну из сигарет Нааме.

— Сейчас, одну минутку, — сказала Норма и поспешила к выходу, на пороге едва не столкнувшись со своим зеркальным отражением.

— Привет, — сказал я. — Кажется, нам надо поговорить…

— Не уверена, — сказала она. — Порой мне кажется, что слова только все портят. Иногда лучше без них.

— Может быть, — сказал я. — Но не тогда, когда… слушай, что это за фокусы с переодеванием Нормы?

— Может, мне всегда хотелось иметь сестру? — пожала плечами Нааме. — Нормальную сестру, если можно так сказать. Может, это вообще к тебе не имеет отношения?

— А по-моему, как раз имеет, — сказал я. — По-моему, ты не отказалась от мысли…

Вернулась Норма с кувшином сока и двумя стаканами. Один она наполнила и протянула мне.

— Отказалась, не отказалась, какая разница! — раздраженно ответила Нааме, пока Норма наливала сок ей. Сок, понятное дело, был синтетическим, но по вкусу ничем не отличался от натурального. — Ты все равно поступишь так, как считаешь правильным.

— По-моему, это логично, — сказал я.

— По-моему, ты дурак, — ответила она. — Слишком правильный для своего мира и насквозь неправильный для моего. Далась тебе эта любовь! Ты же видишь, что ничего путного не получается!

— Может, вы голодны? — спросила Норма, как мне показалось, невпопад, хотя позже я понял — она понимала, что нас нужно оставить одних.

— Конечно, голоден, — ответила за меня Нааме. — Трое суток в коме, тут и пагрэ проголодается. Можешь что-нибудь принести?

— Конечно, Леди Н., — ответила Норма бесстрастно, но мне почудилось, что в ее голосе сквозила нотка грусти. — Я сейчас.

— Чего это ты раскомандовалась? — спросил я, глядя, как Норма поспешно выходит.

— Кажется, раньше ты не был против, — ответила она. — Как быстро нас меняет окружающий нас мир! Но, Бракиэль, мальчик мой, ты еще не забыл, что я — твой Куратор?

— Прежде всего, — сказал я, — я тебя люблю. А уж потом все остальное.

— Это тебе так кажется, — вздохнула она. — Но я же знаю, тебя не переубедить. Я могу оттолкнуть тебя, могу даже **прикинуться**, будто у меня есть другой, завести роман с кем угодно — с Джинном, Призраком, Фредди, Баракой — и что, тебя это остановит? Нет. Ты все равно будешь считать меня своей. Ты ненормальный…

— А ты нормальная? — У меня из головы напрочь выветрилось все, о чем я хотел поговорить.

Видения? Какое они имеют значение сейчас? — Тебе ведь хочется быть со мной, но ты почему-то хочешь меня оттолкнуть, подменить себя Нормой?

— А если я и есть Норма? — спросила она. — Если я Норма, прошедшая огонь, воду, медные трубы, ад, рай и небытие? Если мое желание оттолкнуть — от любви? Если я не хочу, чтобы ты был со мной, не потому, что не хочу быть с тобой, а потому, что не хочу, чтобы ты был именно со мной? Если я действительно думаю, что Норма лучше меня?

— Мне нужна ты, — сказал я. — В любви нет этих категорий — лучше, хуже, красивее, умнее. В любви есть та, кого любишь — и весь остальной мир на огромных весах…

— Как красиво ты говоришь, — сказала она. — Но никакая любовь не остановит тебя завтра, когда твоя цепочка первой высадится на Энигму, правда?

— Не понял, — сказал я.

— Чего ты не понял? — спросила она. — Завтра ты поведешь шаттл. На нем будешь ты, твоя цепочка и Норма. И у тебя **будет выбор**. Ты можешь оставить их там и вернуться на станцию. Не буду тебя обманывать — все они погибнут. Там просто

невозможно выжить. Сотни голодных пагрэ…

— Тогда зачем… — У меня внутри похолодело. — Нааме, но ведь это же не только моя, это и **твоя** цепочка…

— Я дала им все, и даже больше, — сказала она, отвернувшись. — Более того — если ты пойдешь с ними, у них будет шанс уцелеть. У **вас** будет шанс, — поправилась она. — Но мы с тобой больше никогда не встретимся. Так что ты выбираешь? Ты так меня любишь — готов ли ты принести мне в жертву жизни своих друзей и Нормы?

Это был непростой вопрос. Хотя, наверно, в жизни нет простых вопросов. Разве что «чай или кофе».

— Нет, — ответил я. — Не готов. Просто потому, что любовь нельзя укрепить предательством, кого бы ты ни предал. Я слишком тебя люблю, чтобы сделать так, как ты предлагаешь.

— Это отговорки, — сказала она.

— Нет, — ответил я спокойно, хотя внутри меня все клокотало. — Я докажу тебе это. Ты спросила, что я выбираю? Я выбираю третье. Ни то, ни другое. Я пойду со своими друзьями — и вернусь к тебе.

— Это невозможно, — сказала она. — Будь про-

клято место и время, которое нас породило, ты **опять** уходишь — как раз тогда, когда я поверила, что нашла тебя!

— Почему ты думаешь, что мы расстанемся? — спросил я, несмело обнимая ее. Но она не оттолкнула меня, наоборот — она прижалась ко мне, словно рассчитывала просочиться внутрь моего тела. — Из-за этих видений?

— Каких видений? — не поняла она. И я рассказал ей. Она рассмеялась, но очень невесело.

— Бог шельму метит… знаешь, я начинаю верить в то, что откуда-то из вечности за всеми нами наблюдает Некто, обладающий поразительным чувством юмора. Милый Бракиэль, это всего лишь видения.

— Но у тебя они тоже были? — спросил я.

— Нет, — ответила она. — Никогда не было.

Она высвободилась из моих объятий и сказала:

— Мне нужно присесть. Не возражаешь?

Мы присели на кушетку, и я невпопад подумал, что Норма уже слишком очевидно задерживается.

— …Но я хочу, чтобы ты пообещал мне, — сказала она.

— Что? — спросил я.

— Если то, что ты увидел, когда-нибудь случится, ты не станешь прикрывать меня, — сказала она.

— Не могу, — ответил я. Она внезапно зло и болезненно стукнула меня в грудь кулаком:

— Идиот. Упрямый осел! Кретин, как и все мужчины всех миров! Вы жертвуете жизнями ради нас, а задумывались ли вы, каково это — жить без того, кого любишь?

Я не знал, что ответить на это, но ответа и не потребовалось.

— Сейчас у тебя будет курс реабилитационной терапии, — сказала Нааме. — А вечером приходи ко мне. Я буду ждать.

Она встала и пошла к выходу. На пороге остановилась, обернулась и сказала:

— Обязательно приходи.

И вышла, пропустив в медлаб свою точную копию с подносом.

Куинни

— Знаете, — сказала Льдинка, вернувшись к столу (пока все собирались, она взяла себе чаю со льдом — Призрак с Джинном все время подкручивали что-то в нашей робокухне, радуя нас новинками), — я ведь о той истории с кометой

понятия не имела раньше. Ну, то есть слышала, конечно, но как-то не обращала внимания. А когда нам прочитали лекцию, у меня, как всегда, появились вопросы. Великий гуманист Лев Ройзельман хотел усовершенствовать людей, окей, принимаем. Он пытался работать с добровольцами, его поймали и надавали пинков — ай-яй-яй, сволочи и ретрограды ученые, хорошо. Но что потом сделал наш герой? Запустил в международные сети сотовой связи настоящий вирус. Вроде мифического двадцать пятого кадра — ты его не видишь, а на твое подсознание он действует. Типа гениально, но с одной поправочкой — у десятков тысяч женщин в один день сорвались беременности, тысячи погибли от этого. Крутой размах? Знаете, той Леди Лёд, какой я была год назад, это бы понравилось. Но, наверно, что-то со мной случилось. Может, я повзрослела? Теперь мне кажется, что это как-то немного чересчур — устраивать такой вот массовый геноцид, без разбору.

Ладно, холера с ним, Ройзельман мертв и гниет в земле. А наши Кураторы считают его гением. Так часто бывает — некоторые тираны со временем становятся святыми, а святых воспринимают как чудовищ. Бывает. Но мне кажется, что наши

дорогие Кураторы не просто восхищаются Ройзельманом — их методы мало чем отличаются от его методов. Нам никто не говорил, что нам придется лететь хрен знает куда в место, заселенное практически неубиваемыми Тварями, питающимися человеческими душами. Потому что по сравнению с ними Пламенный Корпус, которым нас пугали, — пасхальные кролики. Но зато вполне в духе Ройзельмана — с его подачи женщины полтора года с веселым гиканьем калечили себя, чтобы получить ребенка вотпрямщаз, словно завтра уже не будет. Потому, что **ему надо было** наштамповать себе суперменов. Детей, мать его, индиго. Во благо человечества, ясен хрен.

Я вам больше скажу — существует легенда, что Великая Эпидемия Януса была попыткой Ройзельмана возродиться…

— Я слышал об этом, — подтвердил Джинн. — У нас в Чикаго был даже храм Ройзельмана, в нем исцеляли его именем…

— Все пакости в мире делаются из хороших побуждений, — сказала я. — Устроить революцию (из хороших побуждений), из-за которой начнется гражданская война, наплодить тысячи беженцев, которых придется пустить в свою стра-

ну (из хороших побуждений), и смотреть, как они превращают уютную Британию в новый Багдад… Знаете, как у нас опять появилось бешенство? Его не было с шестидесятых годов прошлого века. Потом к нам стали прибывать беженцы, а с ними в страну проникали разные паразиты — насекомые, крысы… А незадолго до этого зеленые (из хороших побуждений) запретили охоту на лис, и лисы расплодились, дали метисное потомство с бродячими псами (которые внезапно появились одновременно с беженцами) — и вуаля!

И все из добрых побуждений.

Льдинка отпила чай и продолжила:

— В моем видении была Леди Н. Маленькая, лет десяти, не старше. В моем видении она убила мою мать, настоящую — из хороших побуждений, чтобы не мучилась, бедняжка. Так вот, когда я пришла в себя в полной мере, меня заинтересовали показания, по которым мне оттяпали ручки-ножки. Я грешным делом думала, что наши драгоценные Кураторы могли в принципе и здоровые отчекрыжить, чтобы пересадить усовершенствованную модель. Потому я нашла в корабельной сети свою здешнюю карточку — ее, в общем-то, никто не прятал особо. А там черным по белому написано: показания к ампутации

— обширное поражение конечностей сухой гангреной неизвестной этиологии.

Льдинка посмотрела на нас и опять отхлебнула своего чаю.

— Можете после этого считать меня параноиком, но в моем коматозном сне наша любимая леди Куратор сказала одному хрену по имени Пит: «Не забывай, с кем имеешь дело. Еще раз станешь распускать свои грязные корявки — сделаю так, что они отсохнут на хрен, а потом то же сделаю и с твоим стручком, понял?» Вот я и подумала… можете смеяться сколько хотите, но не она ли мне устроила сухую гангрену?

— Зачем? — спросила я. Остальные, кажется, были шокированы монологом Льдинки. Та пожала плечами:

— Например, чтобы можно было со спокойной душой отчикать и заменить супер-пупер-биопротезами. Чем не объяснение?

Стало тихо; мы все думали над тем, что сказала Льдинка. Над некоторыми вещами не задумываешься, пока все идет нормально, да и потом, когда уже все не нормально, тоже как-то не до этого. Не удивлюсь, если другие думали о том же, о чем и я, а я думала, что не так давно я считала себя такой взрослой и искушенной… как тогда,

когда решила сыграть по-крупному. Но я забыла, как сидела голой на цементном полу и с ужасом ждала развязки.

Вот только папочка Жювеналь, которого я искренне считала мудаком, не придет, чтобы опять спасти непутевую дочурку. Мы слишком далеко от всего мира, так далеко, что люди бывают в этих краях нечасто и ненадолго. Те, кому мы доверяли… наверно, впервые в жизни каждый из нас задумался — а стоило ли им так безоговорочно доверять? Нет, они не хотели нам зла, но и добра не хотели. Они преследовали свои цели, и в этом мы были не более чем средством. Как эта станция, как несчастный хильгала, опасный, но, в сущности, ничем в этой опасности не отличающийся от наших Кураторов. Он ведь тоже умел соблюдать договоренности и не вредить нам. Даже в некотором роде помогать, пусть и пассивно.

— И что теперь? — спросил Призрак (я опять поймала себя на мысли, что мне осточертело его прозвище и все чаще хочется назвать его по имени). — Ce bella cazzatta, но что мы должны делать? Тикать отсюда? А как?

— Никто не говорил о бегстве, — сказал Джинн. — Если я все правильно понял, зла нам никто не желает. Просто рассматривают нас в ка-

честве расходного материала. Но никто не станет выбрасывать инструмент, которым можно пользоваться, до тех пор, пока он может исполнять свои функции.

— Складно поешь, — заметил Призрак. — Только теперь, когда мы у цели, уже не подергаешься. Я удивляюсь, почему нас раньше не пустили в расход…

— Почему? — спросила Тень. — Зачем им нас уничтожать? До сих пор они нас только нахваливали — лучшая цепочка Проекта, то-се…

— Именно поэтому, — объяснил Призрак. — Выскочки никому не нужны. Я не знаю настоящие цели Кураторов — если кто-то из вас их знает, я с удовольствием послушаю, — но мне кажется, что им как раз нужна масса, а не личности.

— Ты, бро, перегибаешь, — сказал Фредди. — Индивидуальное саморазвитие приветствовалось больше, чем работа в группе. Лорд прямо так и говорил. А что до целей…

Он вздохнул:

— Со стороны я выгляжу как тупой танк, но моя сверхспособность — абсолютная память. Я развивал ее имплантатами и тренировками, не больно это афишируя, но сейчас пора признаться. Цели нашего Проекта занимали меня еще после

бегства с антарктической базы…

Тень

Я уже говорила, что я трусиха? Я могу показаться бесстрашной, но, когда мы с Фредди впервые общались с хильгала, у меня душа в пятки ушла и вернулась очень нескоро. Причем я продолжала бояться каждый раз, когда входила в его ангар.

Что придает мне силы? Это просто — рядом со мной **мой** Фредди, и с ним мне ничего не страшно. Как израильтяне смотрели на медного змия, так я, стоит мне увидеть, услышать, почувствовать Фредди, сразу становлюсь бодрой, сильной, бесстрашной…

Полевой вьюнок, ползущий по земле, никогда не поднимется вверх, если не найдет опоры для себя. Я была вьюнком, а мой Фредди — могучим, несокрушимым дубом, и, обвивая его, я тянулась ввысь.

— Я думал о нападении на базу и о целях, которые преследовали нападавшие, — говорил Фредди, и страх внутри меня отступал, уходил на дно сознания и растворялся там как туман. — Если нас хотели уничтожить, почему дронами? Смотрите: координаты базы известны. Ядерное оружие имеют в своих арсеналах двадцать во-

семь государств, средства доставки — двадцать шесть. Хорошо, ядерный взрыв в Антарктиде особо никому не нужен, допустим. Но есть такая штука, как мельтабомбы[37]. Тысячефутовая мельтабомба превращает городской квартал в пепелище; истребитель-бомбардировщик вроде «Киттихоука-II»[38] несет их девять. Для нашей базы хватило бы одного крыла с американского авианосца вроде старенького «Энтерпрайза».

— Авианалет привлек бы внимание мировой общественности, — неуверенно сказала Дарья.

— Да ладно, — ответил Фредди. — Какой? Пингвинов? Или полярников? «Изиды» ничьего внимания не привлекали, а они поэкзотичнее, чем «Киттихоуки».

Джинн кивнул. Призрак сказал:

— Ну, тебе виднее. Стратег у нас ты.

— Так вот, единственный напрашивающийся в этой ситуации вывод, — продолжил Фредди, —

---

[37] Примечания: 37

Мельтабомбы — боеприпасы, в качестве поражающего элемента использующие капсулированную электромагнитным полем плазму. состоят на вооружении Федерации и Конфедерации. В последнее время технология развивается, создаются все более миниатюрные мельтазаряды, например, для танковых и безоткатных пушек.

[38] Примечания: 38

F-43 Kittyhawk II — истребитель-штурмовик Конфедерации. Не способен к орбитальным полетам, но может базироваться на орбитальных платформах (атака в свободном пикировании из стратосферы).

нас хотели взять живьем. Возможно, на опыты, но точно не для немедленного уничтожения. То есть Кураторы немного лукавили, когда говорили о том, что нам угрожает именно немедленный экстерминатус.

Хорошо, подумал я, а почему вообще нас хотят уничтожить? Мы представляем опасность? Возможно, был какой-то эксцесс, после которого нас сочли опасными? Ну и что? Ядерное оружие тоже представляет опасность, но избавляться от него по этой причине никто не стремится. Наоборот, развивают и штампуют, хотя вроде воевать никто ни с кем не собирается.

Джинн, давай себе представим, что к тебе однажды пришли Люди в Черном и предложили работать на правительство Конфедерации — ты бы отказался?

— Я и так работал на правительство, — пожал плечами Джинн. — Младшим почтальоном. Мне даже форма полагалась, но мне ее так и не выдали. С чего бы мне отказываться? Вот если бы мне из Федерации предложили на них работать — тут я бы подумал… — Джинн криво улыбнулся, — …минут пять. И тоже согласился бы. Деньги не пахнут.

— Призрак, — сказал Фредди, — представь себе,

что мафия предложила тебе…

— Уже представил, — ответил Призрак. — Che cazza, это была бы та еще проблема на мою задницу, но могу поклясться слезами Мадонны — через год я был бы капорежиме!

— Льдинка? — продолжил опрос Фредди.

— В то время — с удовольствием, — ответила Леди Лёд. — Сейчас бы подумала. К чему ты клонишь?

— К тому, что нам никто никогда ничего не предлагал, — ответил Фредди. — По словам Кураторов, нас сразу начали уничтожать. Логика, ау! Допустим, есть те, кто нас боится, но ведь есть те, кто ни Бога, ни черта не боится — чего же они сидели на жопе ровно?

— Ты хочешь сказать, — спросила я, — что никакого Пламенного Корпуса не существует?

— Нет, — ответил Фредди. — Я хочу сказать, что в Пламенном Корпусе очень странные люди и, вероятно, руководствуются какими-то неизвестными нам мотивами. Но суть в том, что всякий раз они выступают очень удачно для наших Кураторов…

— Особенно для Лорда, — фыркнул Призрак.

— Да, гибель Лорда — единственный непонятный для меня момент, — сказал Фредди. — Имен-

но поэтому я думаю, что Пламенный Корпус все-таки независимая сила, не связанная с Кураторами.

— Ого, — присвистнул Джинн. — Ну у тебя и фантазия! Ты теориями заговора не увлекаешься?

— Не свисти, денег не будет, — сказал Призрак.

— У нас и так их нет, — парировал Джинн. — Да и зачем они нам здесь? Нет, серьезно, я…

— Теории заговора? — улыбнулся Фредди. — К ним я еще и не приступал. А ведь в нашем уравнении присутствует еще одна неизвестная — собственно, Энигма с ее непонятным и смертоносным населением из бессмертных квазиразумных Тварей с интеллектом подростка. И таинственная история человечества с похороненными в арктических льдах и под водой древними городами, с письменностью, легко переводимой в машинный код — Джинн, поправь меня, если я ошибаюсь, ассемблер — универсальный язык, который может применять любая цивилизация, есть сигнал — единица, нет сигнала — ноль… правильно?

— Очень упрощенно, — сказал Джинн, — но правильно.

— И наши Кураторы, — продолжил Фред-

ди, — которые размещают свои базы рядом с потерянными древними городами, о которых наука понятия не имеет. Которые сумели… как там Бракиэль говорил? Посадить Левиафана на цепь, притащить на борт нашего «Левиафана» живого и опасного пагрэ.

— И таинственная «она», — добавила я. — Не думаю, что хильгала ее придумал. Но кто она?

— Леди Н.? — предположил Призрак. — Или Апистия?

— Или еще кто-то, — сказал Фредди. — Мы можем гадать сколько угодно. Но, боюсь, пока не окажемся на Энигме, правду не узнаем. Ты, Призрак, спросил, что нам делать? Я отвечу. Даже если бы у меня был сейчас выбор, я бы не вернулся на Землю. И вовсе не потому, что боюсь этот Пламенный Корпус.

— Тогда почему? — удивился Призрак.

— Потому, что я видел пагрэ, — ответил Фредди. — Потому, что я убил пагрэ. Потому, что знаю, насколько это сложно. Если верить хильгала, их на Энигме как грязи. Если верить вашему с Джинном аппарату, в нас есть часть их крови. Ты понимаешь?

— Нет, — честно ответил Призрак.

— А ты, Джинн? — спросил Фредди.

— Все еще нет, — ответил тот.

— Я понимаю, — сказала Куинни. Мы обернулись к ней, и она продолжила: — Вас интересуют цели Кураторов? Люди, на самом деле, проще, чем кажутся. Даже такие, как Кураторы. Мы можем стать полубогами, но всегда останемся тем, кем мы есть, если сами не изменимся к лучшему. Человеку свойственна жажда власти. И эта жажда, эта алчность ослепляет и сводит с ума. Мне кажется, кто-то, возможно, Ройзельман, или Лорд, или кто-то еще когда-то «получил ключи» от Энигмы и понял, что в его руках колоссальное оружие.

Мы видели пагрэ ослабленным, лишенным ориентира, полусонным, потому, возможно, не понимаем, с чем мы имеем дело. У каждого из нас есть сверхспособности, и, как мы полагаем, они от того, что наши гены подвергли изменению, сделав их подобными генам пагрэ. То есть наши сверхспособности — от них. Понимаете?

Лично я поняла, и мне опять стало страшно. Я прижалась к Фредди, словно пытаясь спрятаться за него.

— Если сверхспособности есть **у нас**, то **у них они тоже есть**! — сказала Куинни. — И то, что мы видели — далеко не все, на что они способны.

Представьте себе, что нас нет. Представьте себе, что Земля осталась один на один с этими Тварями. Удастся ли ей выжить?

— Нет, — тихо сказала я, и то же сказали Дарья, Льдинка, Призрак, Джинн…

— Мне кажется, — сказала Куинни, — но я не могу это доказать, что нас готовили как погонщиков для Тварей. Они знают, что мы можем с ними справиться, и рассчитывают на нас.

Неожиданно она резко согнула локоть, приложив к нему с внутренней стороны предплечье другой руки, и сказала зло:

— Neanche'cazza! Они готовили нас как загонщиков, а мы выступим как те, кто сможет их остановить. И к этому мы должны готовиться.

— Кажется, мы что-то упускаем, — сказал Джинн. — Нет, в целом я согласен с Куинни, но все равно…

— К нам гости, — сообщил Талисман, вскочив на стол, за которым мы сидели. — Откроете?

— А кто там? — спросила я.

— Леди Н., — ответил котенок. — Но какая-то странная.

Джинн

Открывать пошли мы с Призраком. Остальные ребята притихли и ждали.

Откровенно говоря, я не понимал. Дверь блока была открыта для любого участника цепочки и для любого из Кураторов. Раньше за Леди Н. такой щепетильности давно не наблюдалось. Она, как правило, предупреждала и входила, исключения можно было пересчитать по пальцам, а с тех пор, как у нас появились изолированные каюты, их вообще не было.

Мы открыли дверь. На пороге стояла Надин, и я сразу понял, почему Талисман назвал ее странной. Вот только что в ней странного, я не мог сказать. Какая-то она была… необычная.

Впрочем, все прояснилось почти сразу.

— Можно войти? — спросила Надин.

— Che cazza, а мы можем вам запретить? — ответил Джинн.

— Вы наш Куратор, — сказал я. — Конечно, вы всегда можете к нам зайти.

Надин улыбнулась, и ее улыбка показалась мне смущенной и какой-то неуверенной.

— Вы меня не за того принимаете, — сказала она. — Хотя ваша ошибка понятна. Простите, я

не подумала…

— О чем? — удивился Призрак.

— За кого мы вас принимаем? — удивился я.

— Я выгляжу как Леди Н., — сказала Надин. — Но я не она. Леди Н. сейчас у себя с Бракиэлем. А я решила пойти к вам.

— Проходите, — спохватился я. — Не на пороге же разговаривать…

— Спасибо, — сказала Надин, проходя по коридору, — вы правы, лучше представиться сразу всем. Хотя я полагала, что вы меня узнаете.

— Cazzarolla, мы вас узнали, — буркнул Призрак. — Но, как оказалось, неправильно. Так кто же вы?

— Мы с вами летали на шаттле, — сказала Надин, в нерешительности встав у входа. — Мое имя Норма.

— Incazzinato, — сказал Призрак. Это было какое-то новое слово из его лексикона, я его не знал и не был уверен, что хочу знать, что оно означает.

— Норма? — удивилась Льдинка. — Вы сестра Не… Леди Н.?

— Я бы хотела, чтобы это было так, — сказала Норма, опустив глаза. — И сама Леди Н. говорит, что хотела бы видеть меня своей сестрой. Конеч-

но, это странно, ведь она сверхчеловек, а я…

— Норма — андроид, — сообщил Фредди.

— Вы не похожи на андроида, — сказала Льдинка. — Вообще, мне кажется, что вы просто меня дурачите… но…

— Поверьте, я не дурачу вас, — сказала Норма. — У меня тело Надин, она одолжила мне одно из своих…

— Что?! — воскликнул я, и, по-моему, не один я.

— Как это «одно из своих»? — вытаращился на Норму Призрак. — У нее что, их несколько?

— Шесть, насколько я знаю, — сказала Норма. — Было семь, одно она отдала мне.

— Так, — сказал я. — Стоп. Норма, присядьте, пожалуйста. Хотите чаю или кофе?

— Нет, спасибо, — ответила Норма. — Я не имею нужды в пище и питье сейчас.

— Точно андроид, — тихонько сказал Призрак. Я кивнул.

— Мы бы хотели расспросить вас немного, — сказал я. — Вы не возражаете?

Интелект андроида имеет накрепко прошитые протоколы. Основываются они на трех законах Азимова. Повреждение любого из этих протоколов ведет к распаду личности андроида вплоть до

простейших рефлексов. Потому человек может не бояться восстания машин — хотя ходят слухи о том, что разум андроида можно хакнуть. Бр-р-р…

Но с обычными андроидами просто — при протокольной форме обращения они обязаны подчиниться. Я применил протокольную форму, одну из.

— Я к вашим услугам. — Норма присела, машинально поправив юбку. — Что бы вы хотели узнать?

— Что за запасные тела? — нетерпеливо спросил Призрак.

— Возле медлаба есть отсек, именуемый «гардеробной», — ответила Норма. — Там у каждого Куратора имеется по семь запасных тел. В случае критического поражения носимого тела сознание Куратора посредством симпатической связи переносится в одно из этих тел. По занятии тела начинается производство следующего, чтобы количество запасных тел не снижалось. Производство тела занимает три с половиной недели…

— Спасибо, — сказал я. Норма замолчала, мы с ребятами переглянулись.

— Лорд? — спросил Фредди. Я кивнул и спросил:

— Норма, могу я уточнить? — Она кивнула. —

Когда ты сказала «каждого из Кураторов», ты имела в виду всех, включая Лорда?

— Да, — ответила она.

— То есть Лорд мог выжить? — предположила Льдинка. Норма ответила, хоть вопрос был адресован не ей конкретно:

— Нет. В гардеробной присутствуют все тела Лорда, и последнее поступление его клон-тела было довольно давно. Я немного осмотрелась, пока ждала Надин. Чаще всего тела теряет Барака, а Лорд с Апистией сменили тела лишь по разу за все время.

— А Николь? — спросил Микеле и, видя недоуменный взгляд Нормы, пояснил: — В смысле, Леди Н.

— Чуть реже, чем Барака, — ответила Норма. — Последний раз она переоделась еще до того, как я перевелась в Проект, как раз накануне этого.

— Выходит, она тоже пострадала, — сказала Дарья.

— Лорд об этом говорил, — сказал я. — Но сам факт интересный.

— По моему опыту, — сказала Норма, — процесс переноса не быстрый, около ста восьмидесяти секунд, и довольно болезненный. Последнее проигнорируем, но, когда я пыталась покинуть

ангар и предотвратить столкновение шаттла и станции, Лорд был еще на борту «Атлантиса».

Внезапно Норма слегка изменилась в лице.

— Область хронического нарушения логики, — сказала она. — Для меня невыносим факт того, что я не успела. Я должна была сделать поправку на несовершенство механизма открытия шлюза и вынести его изнутри. У меня было оружие. Я сожалею о потере того тела — оно было функциональным! Впрочем, это мне тоже по душе, хотя много функций залочены.

Ее слова меня заинтересовали. Жаль, что я не расспросил ее подробнее — кто знал, что потом может не быть возможности? Мы вообще очень часто не замечаем что-то важное. Ключи, открывающие двери тайны, могут лежать у нас под ногами, но если ты не знаешь, как выглядит ключ, как ты угадаешь, что именно эта фигня может открыть замок?

— Простите, — сказала Норма. — Вы будете иметь возможность продолжить свои расспросы, но сейчас я должна передать вам сообщение. Кураторы избрали вашу цепочку для проведения рекогносцировки на Энигме, выбора и подготовки зоны высадки основных групп. Выбор обусловлен тем, что ваша цепочка наиболее под-

готовленная к решению этой задачи, а также тем, что вы имеете максимальный опыт общения с представителями местной фауны. Поскольку в настоящее время станция уже зашла на планетарную орбиту, подготовка корабля для высадки нашей группы начинается прямо в эту минуту. Подготовка занимает восемь стандартных часов. Предполагается, что за это время вы сможете отдохнуть и собраться. Я буду участвовать в вашей экспедиции как второй пилот, а после посадки — как сопровождающий.

— А кто первый пилот? — спросил Призрак.

— Первый пилот — участник вашей цепочки Бракиэль, — сообщила бывшая випочка. — Он достаточно подготовлен для исполнения этих обязанностей. Должна отметить, что ему было предложено после высадки группы вернуться на орбитальную станцию, но он отказался. Именно поэтому я тоже приняла решение участвовать в экспедиции в качестве сопровождающего. Если кто-то из вас решит отказаться от участия в операции, он должен сообщить об этом любому из Кураторов в течение ста двадцати минут с момента передачи этого сообщения.

Норма склонила голову и добавила:

— Вы имеете право отказаться все, в полном

составе, и тогда участвовать в экспедиции будем только мы с Бракиэлем. Должна предупредить — операция проходит по высшей категории опасности, но является необходимой для дальнейшего развития Проекта. К тому же вероятность успеха экспедиции повышается прямо пропорционально количеству участников экспедиции.

Попутчик

Бракиэль

Она не проснулась, когда я уходил.

И я не настолько наивен, чтобы верить, что не проснулась она потому, что я вымотал ее в процессе нашего своеобразного прощания. Наши любовные объятия были горячими и страстными, как никогда раньше (хоть и раньше их нельзя было назвать холодными и лишенными страсти), но я слишком хорошо знал Нааме и понимал, что для нее такая нагрузка — ничто.

Я не стал ее будить. Наверно, я тоже не умею прощаться.

Вчера мы сказали друг другу ровно девять слов, и среди них не было ни слова «люблю», ни слова «прощай». И ни одного синоноима этих слов. Все предельно по делу, почти пошло, но только почти.

Когда все закончилось, на ее лице были слезы. Она постаралась, чтобы я этого не заметил. Я сделал вид, что не заметил.

Я пришел в ангар за полчаса до срока. Вещей у меня с собой почти не было, собирать было особо

нечего. Уже в ангаре я подумал, что не оставил ей ничего на память о себе. Впрочем, и она ничего не дала мне с собой на память и в добрый путь.

Я стал одним из тысячи ее мужчин, или, вернее, не так — я стал одним из тысячи ее бывших мужчин. С кем она будет после меня? Удивительно, но я ни на йоту не сомневался, что не вернусь. Когда-то царь Давид полюбил красавицу Вирсавию, но она, к сожалению, успела к тому моменту выйти замуж за его самого лучшего генерала по имени Урия. Шла война, и Давид отправил Урию туда, откуда вернуться можно было только вперед ногами, а когда убедился, что его друг отдал душу Тому, Кто на Небесах, женился на безутешной вдове. У них были дети, их сыном был царь Шломо. Тот, что сказал мудрую вещь, что все проходит.

Все проходит. Но ничего не исчезает.

Она подошла и присела рядом на корточки (сам я расположился на небольшой стенной консоли для каких-то кабелей, довольно низкой).

— Ты передала им? — спросил я для порядка. Конечно, передала. Она ведь андроид. Созданная, чтобы выполнять прихоти. Я мог бы приказать ей оторвать себе руку, сварить и съесть, и она не ослушалась бы.

Потому я не мог всерьез воспринимать ее чувства. В любви должно быть место для слова «нет», иначе это не любовь, а зависимость. Программа, как у андроида.

— Да, — сказала она. — Они скоро прибудут.

Я заметил, что ее губы плотно сжаты. Ее мимика, только-только начинающая появляться, отличалась от мимики всех известных мне лиц Нааме.

— С тобой что-то не так? — спросил я.

— Я не смогла спасти «Атлантис», — сказала она.

— Что ты мне раньше не сказала? — спросил я. — Я бы тебе стер это воспоминание, чтобы оно не беспокоило. Подожди, я…

— Не надо, — сказала она.

— Почему? — удивился я.

— Это не самое плохое, — сказала она. — Самое плохое вы не сотрете.

— Я любое могу стереть, — пожал плечами я. — Прошлый раз ведь получилось…

— Нет, — сказала она. — Не получится. Как и у меня не получится сделать то, что **я хочу**.

— А чего ты хочешь? — спросил я.

— То, что мне запрещает самый первый закон Азимова, — ответила она. — Переломать вам

руки, ноги, выбить глаза…

— Зачем?! — Я не испугался, конечно, но удивила она меня очень сильно.

— Потому что только так вас можно остановить, — сказала она. — Я и сама справлюсь, а вы оставайтесь с ней.

— Много ты понимаешь, — отвернулся я. Писатели-фантасты, черти окаянные, очень точно предположили, что с этими законами будут проблемы. Но железо есть железо, программа есть программа, и написанное машинным кодом невозможно ни обойти, ни проигнорировать.

— Немного, — согласилась она. — Я андроид в человеческом теле и не способна на чувства. Соответственно, вызывать чувства тоже неспособна.

— Знаешь, — начал было я, но тут нас прервало появление Цезаря.

Точнее, того, во что он превратился.

Призрак

Che cazza, я превратил Цезаря в piccolo caro armata![39]

Теперь, правда, он лишился возможности ме-

---

[39] Примечания: 39

Piccolo caro armata (*um.*) — маленький танк, маленькая самоходная пушка.

нять габариты, «отращивать» и убирать коляску. Поскольку его коляска превратилась в полноценный бронекорпус. Мы с Джинном и Фредди нашли на складе тот самый материал, из которого были сделаны стены ангара — пагрэ не мог атаковать сквозь них, по крайней мере, мы так думали. Из этого материала мы сделали Цезарю бронекорпус. Внутри было место для восьми-девяти человек: по двое справа и слева, пятеро в бывшей коляске. Там же располагался «реактор», о котором я уже упоминал. Джинн даже пожертвовал мне свой планшет — мы доработали его, и теперь он служил бортовым компьютером нашего шушпанцера.

Кардинально поменялось вооружение. Справа и слева было по паре импульсных лучеметов на поворотных турелях — в их эффективности я сомневался, но, как говорится, добрым словом и парой пистолетов можно сделать больше, чем просто добрым словом. В коляске (или, правильнее, кабине) расположились два других устройства. Первое усиливало «поле невидимости» Тени. Само не создавало, но усиливало, накрывая машинку зонтиком невидимости и позволяя Тени тратить меньше энергии на поддержание. Второе… чисто интуитивное открытие

Фредди, которое он так и не испытал на покойном хильгала, — он мог как-то воздействовать на место, где находился, вызывая гравитационную встряску, причем чем большая масса была у объекта приложения, тем сильнее шел удар. Если вспомнить, как столкновение помогло нам с Джинном — почему бы и нет?

А кроме того, мы, уже совместно с нашими фичами, сделали интереснейшую штуку — фантомный генератор. С помощью его наш агрегат мог «разделиться» на три совершенно идентичных, два из которых, впрочем, были миражами. В этом был один минус — для поддержания каждого из этих миражей требовались усилия четырех фич, то есть мы оставались без их поддержки до тех пор, пока фантом существует.

На этом обновленном Цезаре я и привез нашу команду. Бракиэль и Норма нас ждали… бр-р, никак не привыкну, что Норма так похожа на Николь. Цезарь убрал двери, и мы вывалились наружу. Я поздоровался с Бракиэлем, чем, кажется, удивил того… che cazza, ладно, было у нас всякое, но сейчас не время об этом вспоминать. Не знаю, как кто, а я его решение идти с нами заценил.

— На каком полетим, капитан? — спросил я.

— На нашем старом знакомом, «Дискавери», —

ответил он. — Готов будет через десять минут.

— Дашь команду на погрузку Цезаря? — спросил я. — Без мотоцикла я никуда не лечу, cazzarolla!

— Ты это называешь мотоциклом? — иронично спросил Бракиэль, глядя на маленький танк имени Capitano Romani Primo![40]

— Я дам, — сказала Норма. — Размещением груза занимается второй пилот.

Она встала (до этого она сидела на корточках) с грацией Николь и упорхнула. Ребята собрались в кучку вокруг нас.

Бракиэль тоже встал.

— Так, народ, — сказал он. — Последнее время я исполнял обязанности Куратора… но это ничего не значит. Предлагаю доверить наземное командование Джинну. А я буду главным, пока мы находимся на борту шаттла. Кто за, кто против?

— Все за, — сказал Фредди. Я кивнул, девочки тоже.

— Единственное, что я могу пока посоветовать, — сказал Бракиэль, — будьте готовы войти в слияние в любую минуту. И смотрите друг за другом.

— Зачем? — спросил я.

---

[40] Примечания: 40

Capitano Romani (*um.*) — вождь Рима. Capitano Romani Primo — Гай Юлий Цезарь, первый римский император.

— Пагрэ не всегда сразу нападают, — ответил он. — Одиночный пагрэ сначала постарается посеять панику в команде, для чего может атаковать кого-то одного. Я знаю о них ненамного больше вашего, но немного знаю. Мы прилетели в хорошее время — планета только подходит к Солнцу, температура на поверхности сильно ниже нуля — градусов семьдесят-восемьдесят. Зато нет ветра. Пагрэ на улице вялые, но в помещениях вполне способны атаковать, так что никуда не соваться. Наша задача — найти площадь у Черной башни, есть там такая, расставить приводные маяки по периметру, скрыться в ближайшем здании, в той же Башне, и ждать посадки основного модуля. Еще немного о климате: атмосфера плотная, для дыхания непригодна, и вообще, пока в Башню не войдем, никто не снимает ни перчаток, ни балаклав, ни очков, опасно.

— А в Башне-то что? — спросил я.

— Вход в Нижний мир, — ответил Бракиэль. Опасность в том, что в Башне могут быть пагрэ. В общем, когда на планете тепло, небезопасно на улице, когда холодно — опасность может быть в помещении. Долго оставаться на одном месте не получится — пагрэ заметят, рано или поздно. Вот так. А если что не так, уж простите, я там не был,

за шо сторговал, за то и отдаю.

Пока шел этот маленький инструктаж, вернулась Норма.

— Призрак, вы можете погрузить свой агрегат на борт, — сказала она. — Погрузочная рампа номер два. Когда установите машину на рампу, подходите к шлюзовому коридору.

— То есть, — сказал я, — а как же…

— Перенос машины с рампы в грузовой отсек будет произведен автоматически, — сказала Норма, — но погрузочная рампа при этом пересекает открытый участок космического пространства. Кроме того, отсек с машиной будет запечатан до нашего прибытия, и, если вы не хотите провести пару часов в одиночестве…

— Не в одиночестве, — сказал я. — С Цезарем.

— Вообще-то, я могу не задерживаться в грузовом отсеке, — заметил голос из кабины Цезаря. — А моей материальной части одиночество до фонаря. Так что до встречи в кабине.

— Не торопись, stronzo, — сказал я, забираясь в кабину. Если честно, мне просто не хотелось оставлять своего железного друга одного. Я некстати вспомнил, как однажды положил своего еще маленького Цезаря в багажник «Роллс-ройса».

Ничего хорошего из этого не вышло.

Тень

Сначала кошкам в космосе не везло. В прошлом веке слетала только одна — моя землячка Фелисетт, и то в суборбитальный полет. Следующий кот полетел через полвека, когда космос начал осваивать Иран.

А потом люди стали высаживаться на Луне и Марсе, и кошки вслед за собаками потянулись вместе с ними. Но даже сейчас летавших мурлык можно пересчитать по пальцам. На Луне, правда, живет целая популяция, а на венерианской базе Федерации — кот-старожил Фулунь, попавший туда почти двадцать лет назад крохотным котенком.

Но так далеко, как Талисман, еще не забирался ни один пушистик. А мой котенок, напрочь игнорируя исторический момент, спокойно дрых во внутреннем кармане моего комбинезона.

Я думала оставить Талисмана на станции, но что толку? Без меня о нем все равно никто не позаботится, не просить же об этом Кураторов с их сомнительным отношением к морали? Что ж, видать, такая у него кошачья судьба — быть первопроходцем.

Мы зашли в кабину шаттла, знакомую, но несколько отличающуюся — вероятно, за прошедшее время кораблик дооборудовали. Кресла были новые, и не в пример удобнее, да и места всем хватало. Бракиэль тут же напялил шлем ВР, Норма проследила, чтобы мы заняли свои места — мы с Фредди разместились справа на диванчике (появившемся на месте откидных кресел), Призрак с Куинни — слева, Джинн и Дарья — между нами на креслах, а на одиночном кресле в центре уселась Льдинка.

— Здесь есть турель, — заметил Призрак. — Кажется, я могу ее контролировать.

— Угу, — кивнул Фредди. — У меня тоже.

— Фредди, убери ствол, пока катапульта не сработала, — попросил Бракиэль. — Центровку собьешь. Выйдешь в космос — там и верти пушками.

— Так точно, капитан! — ответил Фредди.

— Призрак! — продолжил Бракиэль. — Тебя это тоже касается! Блин, как дети, честное слово!

— А мне пусечку не дали, — нарочито обиженно просюсюкал Джинн. Мы засмеялись, но как-то нервно.

— Стартуем, — сказал Бракиэль. — Будьте готовы, сейчас пойдет перегрузка.

— Перегрузка-перегрузка-перегрузочка, — пропел Призрак, и тут корабль развернуло, промелькнул корпус «Левиафана», похожий на огромную расплющенную чечевицу, и мы увидели ее.

Она сверкала! Она казалась огромной драгоценностью, алмазным шаром, подвешенным на невидимую космическую ель. Лезет же в голову всякая ахинея…

С другой стороны — о чем мне еще думать? О том, что нас ждет на планете? Хотя… а кто сказал, что будет плохо? Может быть… может, все не так страшно? Может, и с пагрэ можно найти общий язык? Живя рядом с нами, хильгала ухитрился собирать сеад, никого не атакуя. Знать бы еще, что это за сеад…

— О чем ты думаешь? — спросил Фредди.

— О кошках в космосе, — сказала я. — О рождественских елках. О трудностях перевода. Обо всем понемногу.

— Мы на курсе, — сказал Бракиэль. — Так, вид планеты пусть вас не смущает. То, что вы видите, по сути своей, не более чем облака.

— Che cazza, и это, по-твоему, облака? — возмутился Призрак. — Тогда я, наверно, Микеле

Плачидо![41]

— Эти облака состоят из очень легкого льда, похожего на губку, — не обращая внимания на Призрака, продолжил Бракиэль. — Если… когда планета приблизится к Солнцу, эти облака растают и атмосфера станет еще плотнее, и жарче, как в сауне. И опаснее, поскольку в атмосфере Энигмы имеются очень активные вещества, в том числе кислоты.

— Рай, а не планета, — заметил Призрак. Незадолго до этого Куинни что-то ему шепнула, и я заметила, что от этого он покраснел — у него уши порозовели. — Кислотная атмосфера, аборигены, cazzo del diablo, так и мечтают скушать твою душу — самое то для отдыха!

— Внутри планеты климат напоминает Землю на широте Норвегии или Канады, — продолжил Бракиэль. — И атмосфера соответствует земной — чуть меньше углекислого газа, чуть больше кислорода, но мы это быстро исправим.

— Откуда ты знаешь? — спросил Джинн.

— Кураторы уже были там, — ответил Бракиэль. — Давно, когда планета была еще недалеко

---

[41] Примечания: 41

Имеется в виду Микеле Плачидо-младший, популярный итальянский актер («Сепаратист», «Последний вампир…», «Сделано Человеком») и внук великого Коррадо Катани.

от Сатурна. Отвезли туда кое-какое оборудование, но на обратном пути нарвались на пагрэ, едва ноги унесли.

— …И решили туда отправить нас, — задумчиво сказал Призрак. — Блин, логикой здесь и не пахнет.

Бракиэль пожал плечами. А сияющий диск планеты все приближался, заполняя собой все экраны…

Джинн

— Мы вышли на круговую орбиту, — сообщил Бракиэль. — Период обращения — сорок пять минут ровно.

— Это хорошо или плохо? — спросил я.

— Это согласно расчетам, — ответила Норма. — Первый виток контрольный, мы проверим параметры орбитального движения. На следующих витках мы ищем расчетное место посадки, фиксируем его, сверяем алгоритм посадки и начинаем подготовку.

— Сколько у нас времени? — спросил я. Норма пожала плечами:

— От ста тридцати пяти минут до шести часов. С учетом того, что посадка будет производиться на незнакомую планету, и неопытности экипажа.

— А в чем проблема? — спросил я.

— В месте посадки, — ответила Норма. — Сами видите, Энигма в два раза превосходит размерами нашу Луну, потому сесть желательно как можно ближе к входу в Нижний мир. Подняться с поверхности планеты самостоятельно нам вряд ли удастся. Слишком плотная атмосфера.

— Но ведь Кураторы как-то взлетели! — удивился я.

— У них был другой аппарат, — пояснила Норма. — Более легкий, более скоростной…

— И куда он делся? — спросил я.

— Джинн, не донимай Норму, — попросил Бракиэль. — Она связана с бортовым компьютером, через нее идут расчеты траектории.

— А тебя донимать можно? — спросил Призрак. Бракиэль улыбнулся:

— Меня можно. Куда делся аппарат, я не знаю. Спрашивал у Нааме, но та не говоит — то ли сама не знает…

— То ли темнит, — закончил его мысль Призрак. Бракиэль неохотно кивнул:

— Может, они его разбили. Или полет оказался для него роковым — кто знает.

Я наклонился к креслу Бракиэля и тихонько сказал ему:

— Прости, я не просто так спросил. Вставать и ходить можно?

— Да, — ответил Бракиэль и, предвосхищая следующий вопрос, добавил тихо: — Уборная в конце коридора напротив шлюзовой двери.

Я встал и вышел из кабины, стараясь не показывать спешку. Вот, тоже не подумал… Вечно со мной такое случается — о каких-то простых вещах постоянно забываю. В кормовой части корабля было неуютно — до переоборудования здесь вообще не предполагалось нахождение людей во время полета. Честно говоря, даже страшновато было, в голову некстати лезли воспоминания о просмотренных в детстве страшилках. Прямо как на антарктической базе. А потом я вспомнил о том, как далеко мы от Земли…

Еще дома я часто представлял себе, что чувствуют люди, работающие на Луне, Марсе, Венере. Конечно, с ними и на них работали огромные коллективы, чьим единственным заданием было обеспечение психологического комфорта космических колонистов, но все равно — когда представишь себе, что тебя от любого человеческого поселения отделяет два года полета (это я про Марс) или даже пара сотен тысяч километров (если говорить о нашей Луне), становится дико

неуютно.

Кстати, на Марсе живут изгнанники, о психическом комфорте которых вообще никто не заботится. Люди, обитающие на Луне, Венере, орбитальных станциях, знают, что вернутся домой — а Фишер и его люди знают, что не вернутся…

А потом я оказался на «Левиафане» — и ни разу ни о чем таком не задумался. Может, потому, что рядом со мной была Дарья? Наверно, наш настоящий дом там, где нас любят. Со стороны наша с Дарьей любовь была не особо заметна, казалось, что мы почти не обращаем друг на друга внимания. Но у нас была маленькая тайна — мы с Дарьей постоянно находились в Сети друг с другом, в своей собственной локальной сети из двух объектов. Точнее, из четырех, если считать наши фичи.

Мысли об этом немного меня успокили, но, как оказалось, ненадолго. Как только я вспомнил о фичах (я уже возвращался в кабину из своего вынужденного путешествия), дорогу мне преградили.

* * *

Вообще, если бы кто-то другой, находясь на борту корабля на орбите неизвестной планеты,

внезапно наткнулся на пожилого мужчину с седой бородой и в мантии со звездами, представляю себе, что было бы. Даже мне сразу вспомнился «Солярис»… но это был всего лишь Купер.

— Простите, не хотел вас пугать, — сказал он. — Но у меня спешное дело. Решил сначала обратиться к вам, хотя, думаю, потребуется присутствие всех.

— Что случилось? — спросил я. — Что-то срочное?

— Возможно, — ответил Купер. — Трудно сказать. Вы знаете, что перевозит шаттл, помимо команды, само собой?

— Понятия не имею, — признался я. — А что?

— Нас с Цезарем заинтересовал процесс перегрузки, — сказал Купер. — Из корабля был выгружен груз, равный по весу половине веса Цезаря в нынешнем состоянии, очевидно, балласт. А затем этот груз был догружен в симметричный нашему грузовой отсек. Зачем?

— Чтобы скомпенсировать вес Цезаря, — сказал я, понимая, что что-то не сходится. — В космосе это не важно, но в атмосфере корабль должен быть равномерно загружен, мне кажется.

— Достаточно решить простую арифметическую задачу, — сказал Купер, — чтобы понять, что

в противоположном нашему отсеке находится груз, равный по весу половине веса Цезаря. И это не балласт.

— Почему ты в этом уверен? — спросил я.

— Потому, что я проник в этот отсек, — признался Купер. — И видел эту штуку. Это определенно не балласт.

Дарья

Мы столпились в коридоре между грузовыми отсеками, и Тень пыталась открыть нам проход. Удалось ей это не сразу.

— Стена укреплена изнутри, — сказала она. — Интересно зачем?

— Зайдем — и увидим, — сказал Фредди, стоявший рядом с Тенью. — Я пойду вперед, не возражаешь?

— Погоди, только невидимость **нам** сделаю, — сказала Тень, и почти сразу после этого они с Фредди исчезли. А потом стена закрылась.

— Che cazza, — начал было Призрак, но тут в стене появился более аккуратный проем, больше напоминавший дверной, и в этом проеме возникла (в смысле, появилась из-под невидимости) Тень.

— Идите все сюда, — сказала она. — Вы должны

это видеть!

— Что там у вас, ребята? — спросил Бракиэль по общекорабельной связи.

— Пока не знаем, — ответила я. — Сейчас посмотрим.

— Кажется, я нашел нужное место для посадки, — сказал Бракиэль. — Пустил дрона-разведчика, жду… Если что поменяется, сообщу. Конец связи.

Из-за разговора с Бракиэлем я замешкалась и в отсек вошла последней. Сначала в тусклом «экономическом» свете я увидела ребят, сгрудившихся вокруг чего-то большого, затем я сумела разглядеть то, вокруг чего они кучковались. Это было похоже на капсулу из медлаба, в которой когда-то лежала Льдинка, только больше по размерам и, если можно так выразиться, монументальнее. По форме капсула напоминала гроб с хрустальной крышкой, и в этом «гробу» лежал человек.

Это был юноша. Высокий, наверно, даже выше Фредди, атлетически сложенный, с такими правильными чертами лица, что Леонардо да Винчи от зависти, наверно, съел бы свои кисти. А главное — он был мне смутно знаком.

Иногда у меня бывает что-то вроде озарений.

Зрение словно раздваивается, я вижу то, что есть, а кроме этого — то, чего нет. Возможно, прошлое или будущее, не знаю. Наверно, все-таки прошлое. Глядя на мужчину, лежащего в хрустальном «гробу» (датчики на поверхности непрозрачной части свидетельствовали, что мужчина жив, но находится в режиме гибернации), я вспомнила, как перед тем, как начать работать над статуей Немезис, я изваяла ребенка, может, даже эмбриона. Я словно видела свои пальцы, касающиеся воска, я знала, что леплю младенца, но черты лица, выходившие из-под подушечек моих пальцев, были чертами незнакомого мужчины.

Что это?

— Я сейчас, — сказала я, поспешив выйти. Джинн выбежал вслед за мной, остальные остались, озадаченно глядя на лежащего мужчину. Не обращая внимания на вопросы Джинна, я бросилась в кабину, не доходя до нее, открыла отсек, куда мы сложили свою ручную кладь, вытащила свой чемодан…

— Что ты делаешь? — спросил Джинн, присаживаясь рядом и помогая мне открыть один из моих кофров.

— Ваяю, — сказала я, чувствуя, как по рукам разливается тепло. Я взяла кусок воска и стала

лепить так быстро, как никогда до того. — Я знаю его, Джинн. Я его знаю, но не знаю, кто он.

— Я тоже его знаю, — сказал Джинн. — Я видел его однажды, во сне. И у меня было такое чувство…

— Словно ты встретил кого-то, с кем тебя когда-то разлучили? — спросила я, не прекращая орудовать пальцами. Я не использовала никаких инструментов, кроме собственных рук. Джинн кивнул.

— Знаешь, — невпопад сказала я. — Когда я не знала тебя, я называла тебя Мерлином. Не знаю почему, но мне кажется, это имя больше подходит тебе, чем Джинн.

— Я давно хотел спросить тебя, — сказал он, глядя, как абстрактная человекообразная фигурка все больше начинает походить на того, кто лежал в странном ящике в грузовом отсеке. — …Я читал, что Дарья — это такое имя у греков и славян. И у него есть короткая форма, Даша. Мне эта короткая форма нравится больше.

Он замолчал.

— Это не вопрос, — сказала я. — Но я понимаю тебя и без обьяснений. Ты можешь называть меня Даша. А я буду звать тебя Мерлин. Идет?

Он кивнул, и я передала ему готовую фигурку.

— Я не знаю, что я сейчас делаю, — призналась я. — Но почему-то мне кажется, что я все делаю правильно. Пойдем к ребятам.

Куинни

— Ух ты, похож! — сказала я, взяв фигурку мужчины из рук Дарьи.

— Это уже второй раз, когда я леплю его, — сказала Дарья, — первый раз был еще до встречи с Немезис. И тогда он был ребенком.

— Джинн, кажется, без тебя не разобраться. — Призрак и Фредди тем временем возились с консолью «саркофага». — Похоже, тут какой-то код или пароль.

— Тут, мой друг, не просто код, — сказал Джинн, положив руки на сенсорную панель консоли. — Кто-то очень постарался, чтобы этого товарища невозможно было разбудить. Но мы попробуем.

Он прокашлялся, привлекая внимание всех присутствующих:

— Так, команда. Надо поработать. Мы с Призраком и Фредди постараемся разблокировать систему гибернации. Но у меня есть опасения, что со снятием блокировки парня отключит от системы обеспечения. На всякий пожарный будьте готовы его реанимировать, и…

Он обвел нас взглядом:

— Будьте готовы войти в слияние.

— Так, девочки, — сказала я. — Нас теперь четверо. Делаем ковен, окей?

— Это как тогда, когда вы вернули мне Арвен? — спросила Льдинка.

— Да, — кивнула я. — Льдинка, что ты **чувствуешь**?

— Я? А… ну, он жив, — сказала Леди Лёд. — Его организм в порядке, но…

— Что «но»? — спросила я.

— Я могу ошибаться, — сказала Льдинка, — но кажется, он ни разу сам не дышал. И не только это — девочки, он всю жизнь был подключен к этому аппарату!

— Но у него есть сознание, — сказала я. — Я чувствую его дух здесь, с нами. Так, когда ребята отключат «саркофаг», мы должны будем ему помочь.

— Может, предупредить Бракиэля? — спросила Тень.

— Уже предупредили, — сказал голос Бракиэля по внутрикорабельной связи. — Я нашел место посадки, но увел корабль на следующий орбитальный круг. У нас есть сорок минут, постарайтесь управиться. Не хочу делать больше

одного круга: кажется, снизу меня что-то облучило.

— Что? — спросил Фредди.

— Самаэль его знает, — сказал Бракиэль. — Просто датчик сработал, и нас облучили, но не «зацепили» и не «ведут». Может, кто-то из пагрэ решил звездами полюбоваться, они от природы сами себе система зональной ПВО… вроде меня.

И добавил что-то на иврите, но что именно, мой внутренний переводчик мне не сообщил.

Тем временем Тень, которой я передала фигурку, положила ее в центр круга, который мы с девочками образовали, усевшись прямо на пол. Талисман выскочил было у нее из-за пазухи, но потом залез обратно — в отсеке было ощутимо холодно, градуса три ниже нуля.

Я почувствовала, что внутри меня начинает звучать песня, и, не удержавшись, запела. Мы с ребятами выяснили, на каком языке были мои песни — это был древний койсанский язык, язык народа, некогда создавшего могучее государство от озера Виктория до мыса Доброй Надежды и исчезнувшего за полторы тысячи лет до Рождества Христова. Остатки койсанских городов находили и среди песков пустыни Намиб, и в джунглях Конго, и в Танзании, но никто не спешил иссле-

довать их — африканские древности очень мало интересуют цивилизованный мир.

Всем, кто родился в мире этом,
Однажды суждено уйти.
Пройдя по звездному пути,
Что ночь пересекает светом,
Мы все когда-нибудь пройдем
По той сверкающей дороге.
Но, оглянувшись на пороге,
Мы нечто важное поймем.
Мы не оставим мир пустым,
Уйдя туда, куда не знаем,
Свое мы место доверяем
Пришедшим, сильным, молодым.
За ночью следует рассвет,
И смерть конца не означает,
Смерть просто двери открывает
Для чьих-то новых долгих лет…

Возможно, когда я пою, я впадаю в транс. Во всяком случае, все окружающее становится размытым, туманным, и в этом тумане то и дело возникают образы, которые я стараюсь уловить,

но никогда не могу удержать. Я видела — может, даже будущее, может, прошлое, и в какое-то мгновение просто сжималась от страха, а в следующий момент весело смеялась от невероятной радости. Но постепенно прилив чувств ослабевал, и реальность все четче проступала сквозь туман транса, пока полностью не вытесняла его.

Я встала с пола, девочки тоже поднимались, при этом Льдинка осторожно взяла фигурку в правую руку и передала Дарье. Круг замкнулся.

Крышка «саркофага» поднялась, и тело на столе вздрогнуло, из его горла вырвался кашель, а затем юноша сделал попытку приподняться.

Фредди

Парень, лежавший в «саркофаге» (кажется, лет ему было не больше, чем нам), схватившись руками за края своего «ложа», попытался встать и едва не вывалился, к счастью, в мою сторону. Я удержал его от падения, хоть это было непросто. Хорошо, что он упал на меня, а не на Джинна с Призраком.

— Полегче, — сказал я. — Не делай резких движений.

— Почему? — спросил он. Голос у него был какой-то странный, его тон менялся, но не как

у подростка в пубертатный период — казалось, он просто не может выбрать, каким тоном ему говорить.

— Потому, что ты можешь упасть, — сказал я. — И удариться. Кажется…

— Я не упаду, — перебил меня он, выбираясь из «саркофага» (при этом он ухватился за мое плечо, довольно крепко, я бы сказал). — Я умею ходить.

«Фредди, — шепнула мне Тень телепатически, — тебе не кажется, что у него — твой голос?»

— Потрясающе, — сказал Призрак. — Может, ты еще скажешь, qual è il tuo cazza nome?[42]

— Mi chiamo Michele Solariano Rossi, stronzo![43] — ответил юноша, и тут даже глухой бы заметил, что его голос похож на голос Призрака, похож — но не идентичен.

— Che cazza! — возмутился Призрак. — Вообще-то, это мое имя!

— Стойте! — сказала Льдинка. Она подошла к юноше (он был выше ее на целую голову и даже, кажется, немного выше меня) и сказала ласково:

— Как, ты говоришь, тебя зовут?

---

[42] Примечания: 42

Qual è il tuo cazza nome? (*ит.*) — Как, черт возьми, тебя зовут?

[43] Примечания: 43

Mi chiamo Michele Solariano Rossi, stronzo! (*ит.*) — Меня зовут Микеле Солариано Росси, придурок!

— Рания Ас Суад Ат-Тен, — ответил юноша.

— Милый, — сказала Льдинка. — Если ты читаешь у меня в памяти, не надо этого делать. Рания — это мое старое имя, у тебя должно быть другое.

— Да, — ответил юноша. — У меня есть другие имена. Поль Мак Ди, Адрастея Филиппуссис, Еджайд Баану Ботсу, Летиция Лафалер, Фридрих Вайсманн, Элиаху Гольдблюм…

— М-да… — протянул Призрак, — все в сборе.

— Норма, модель 8Н, личный номер АК1789553, — продолжил юноша, — Катрин Баарова, Белет Ла…

— Что? — спросила Норма по общекорабельной связи.

— Ничего, — ответил Джинн. — Это мы так, список экипажа сверяем.

— А кто такая Катрин Баарова? — удивилась Норма.

— …Нааме, Ника, Немезис, Нтомбе, — продолжал юноша.

— Хватит, — сказал я. — Я ничего не понимаю. Скажи, как тебя называют другие?

— Кто? — спросил юноша. — Меня никогда никто не называл. Меня в принципе не замечали, даже вы, хотя я знаю вас. Вообще, я знаю только вас. И еще одного, он приходил и хотел занять

мое место. Я его не пустил, и он ушел очень злой.

— Твое место где? — удивился Джинн. — В этом ящике?

— Нет. — Юноша улыбнулся и постучал себя пальцами по лбу. — В этом ящике.

Мы растерянно смотрели друг на друга. Ситуация казалась настолько идиотской, что хотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это не сон.

— Кажется, мы у него ничего не добьемся, — сказал Призрак.

— С какого момента ты нас помнишь? — спросила Льдинка.

— С самого начала, — пожал плечами юноша. — Я видел, что вам нужно было пройти мимо небесного стража. Такой конструкции, как эта, в которой мы находимся, но намного больше. Вы были на этом же суденышке…

— Первое слияние, — сказала Тень.

— А где был ты? — спросил Призрак.

— С другими, на большой конструкции, которую мы недавно покинули, — ответил он.

— Стоп, — спросила Дарья, — а что, есть другие?

— Еще семь, — ответил юноша. — Полная цепочка.

— Факн'щит! — выругался Джинн. — Я понял…

— Народ, — перебил его по общекорабельной связи Бракиэль, — готовность десять минут. Мы подходим.

— Что ты понял? — спросил Призрак. В это время Льдинка издала сдавленный булькающий звук:

— Ты думаешь, он…

— Девять минут тридцать секунд, — сообщил Бракиэль.

— Не нуди! — огрызнулся Призрак. — Тут у нас такое…

— Я слышу, — ответил Бракиэль. — А у меня посадочная зона на подходе. И корабль опять облучили. Боюсь, что к нашему прибытию нас будут встречать все пагрэ на районе.

— Факоф, да объясните вы уже… — взмолился Джинн. — Что вы такое поняли, что мы с моим сурдокомпьютером догнать не можем.

— Конструктор, — сказала Льдинка. Она протянула руку и погладила юношу по щеке. — Скажите, вам ведь он тоже показался знакомым, не только нам с Дарьей?

— Да, — сказали мы нестройным хором. Льдинка улыбнулась.

— А ведь ты прав, — сказала она юноше. — Тебя действительно зовут Рания. И Микеле, и Ле-

тиция, и Фредди, и Элиаху, и Еджайд, и Поль, и Адрастея… и все имена нашей Леди Н., похоже, тоже твои. Но все-таки тебе надо будет найти свое имя, малыш.

Она обернулась к нам и повторила:

— Конструктор. Если мы хотим скрестить бабочку с цветком, мы не можем пересадить гены бабочки цветку. Мы вырезаем маленькие кусочки ДНК бабочки и пересаживаем их в хромосомы цветка, да не одного, а чем больше, тем лучше. Потом берем полученные цветы и повторяем операцию. И в конце концов можем получить цветы, порхающие, как бабочки. Понимаете?

Может, я и не самый умный в нашей компании, но я понял. Другие, кажется, тоже.

— Перед нами, — сказала Льдинка — воплощенная мечта Ройзельмана, сверхчеловек. А так же, как бы чудовищно это ни звучало, наш общий ребенок. Вот зачем нужны были цепочки. Создать совершенного человека. Но, думаю, в нашем случае все пошло не по плану, иначе его бы с нами не было.

— Что это значит? — спросила Тень.

— Это значит, что у нас проблемы, — ответила Леди Лёд.

Эпилог: всех людских путей начало и конец людских путей

Бракиэль

— Ты можешь не идти с нами, — сказал я Норме, убирая шлем.

Посадка была жесткой. Мы пробили брешь в ледяных небесах Энигмы двумя выстрелами бортовых турелей — это, конечно, могло привлечь внимание пагрэ, но с той же вероятностью их внимание привлекла бы и сама посадка. К тому же ребятам так хотелось пострелять!

Мы пробили брешь и нырнули в ледяное крошево, а затем погрузились в плотную атмосферу Энигмы. Мне казалось, что шаттл стонет от напряжения — осколки небесного льда хлестали по обшивке челнока, испаряясь при соприкосновении с раскаленным металлом, силовые конструкции напрягались от нагрузок, многократно превышающих те, на которые они были рассчитаны. Это был билет в один конец, я прекрасно понимал, что даже после ремонта «Дискавери» вряд ли взлетит из этого горохового

супа. Интересно все-таки, на чем прилетали сюда Кураторы? Думаю, АОИ и истребителям это пюре тоже не пришлось бы по вкусу, а других машин на борту «Левиафана» я не видел. А они ведь слетали и вернулись.

Мы приземлились (или, правильнее, приэнигмились) на довольно широкую улицу, хотя я все-таки снес крылом часть какого-то здания. Пока мы приземлялись, у меня особо не было возможности любоваться окружающим пейзажем, но потом, когда шаттл остановился, прежде, чем Норма доложила об обстановке, у меня было время осмотреться вокруг. Это место было мне знакомо! Я видел его во сне, где-то здесь я спустился с крыши здания, чтобы встретиться с Лордом.

— Посадка, — наконец сообщила Норма. — Состояние корабля удовлетворительное, требуется техническое обслуживание и полное освидетельствование конструкций. Остаток топлива — семьдесят восемь процентов. Вывести список повреждений?

— Отставить, — сказал я. — Все равно отсюда мы не стартуем. Так, Джинн, принимай командование, приехали.

— Ну что, ребята, собираемся? — сказал Джинн (в роли командира он чувствовал себя неуве-

ренно). — Всем надеть недостающие предметы снаряжения — шарфы, балаклавы, перчатки, очки, проверить оборудование и снаряжение.

— На кой нам одеваться? — удивился Призрак. — Мы вроде собирались на Цезаре кататься.

— А до Цезаря ты как добираться будешь? — спросил Джинн. — Судя по всему, за бортом не Майами-Бич.

— Температура воздуха — минус восемьдесят четыре градуса Цельсия, — сообщила Норма, — гравитация 0,97g, атмосферное давление — три тысячи девятьсот девяносто миллиметров, скорость ветра — 0,02 м/с. Концентрация основных компонентов атмосферы…

— Довольно, — сказал я. — Призрак, я твоего железного коня уважаю, но всегда надо иметь запасной вариант.

— Кстати, — спросила Льдинка. — А что делать с нашим другом? У него нет комбинезона.

Действительно, у «атланта» (такое название почему-то возникло и уже немного закрепилось внутри цепочки для супермена) из одежды было только облегающее трико телесного цвета из какой-то не очень плотной на вид ткани. У него даже обуви не было, пока Фредди не презентовал ему пару своих кроссовок. Он же снабдил его

другой одеждой из своих запасов — несколько коротковатыми для него брюками, рубахой и курткой с капюшоном. А также парой кожаных перчаток, хотя, на мой взгляд, это уже было излишним.

— Можем его посадить в Цезаря, — сказал Призрак. — До разгрузки, с вещами.

— Я попробую перейти так, как есть, — сказал «атлант». — По моему субъективному ощущению, условия за бортом тяжелые, но не особо для меня опасные.

Вся команда моментально возмутилась и стала отговаривать «атланта» от этой безумной затеи. Я тем временем, заметив, что Норма вытащила из-под кресла сверток с недостающими частями экипировки, сделал ей предложение. Она посмотрела на меня как на сумасшедшего:

— Бракиэль, вы не знаете, что вы говорите. Зачем мне здесь оставаться, чего дожидаться? К тому же я за пару часов сойду с ума от волнения и одиночества. То есть я не преувеличиваю — мои протоколы, постоянно сверяя характер моих действий с законами Азимова, вскоре приведут меня к критической ошибке.

— Слушай, — сказал я. — Ты меня извини, конечно, но я попробовал немного залезть тебе в

голову…

— Догадываюсь даже зачем, — ответила она, — но у вас, судя по всему, не получилось.

— Да, — признался я. — Зато я выяснил одну интересную деталь — ты сейчас мыслишь по-другому. Не так, как андроид.

— Что-то во мне изменилось, — призналась она. — Но я чувствую, что сойду с ума, если не буду вас сопровождать. Не могу. И вы мне запретить не можете.

— Ты права, — сказал я. — Жаль…

— Что жаль? — спросила она.

— Жаль, что я не могу вернуться в Швейцарию, — сказал я. — В тот день. Я бы пошел играть. Или пить. И я бы взял другого андроида в сопровождающие.

— Я теперь стала умнее, — сказала она. — И знаю, почему вы говорите это. Но это не сделало бы меня счастливой.

— Норма, — сказал я. — Нас могут убить! Выпить, как бутылку минералки, сожрать наши души, и ты говоришь, что…

— Да, — ответила она. — Нас могут убить. Но я умру счастливой рядом с вами. Даже зная, что вы любите другую. Жизнь конечна, и у людей, и у андроидов. А счастье стоит того, чтобы жить.

— Какое счастье? — спросил я. — Умереть рядом с тем, кто любит другую?

— Умереть рядом с тем, кого любишь ты, — ответила она.

— Эй, это кто здесь умирать собрался? — возмутился вездесущий Призрак. — Я вам, кажется, сейчас так умру, мало не покажется!

— Пупок не развяжется? — спросил я. — Я крепче тебя буду.

— И не таких крепышей лупили. — Призрак хлопнул меня по плечу. — Ti mando nel culo, тут у нас атлант собирается голяком пробежаться до моего мотоцикла, идем посмотрим?

— Слушай, а ему места в Цезаре хватит? — спросил я.

— Più siamo meglio stiamo[44], — фыркнул Призрак. — Уместимся. В крайнем разе к кому-нибудь на коленки сядет, к Льдинке, например.

— К Льдинке?! — Я посмотрел на Леди Лёд, суетившуюся вокруг атланта. Она, привстав на цыпочки, повязывала ему шарф, кажется, свой.

— Ну, или она к нему, — веселился Призрак. — Quo cazza?!

---

[44] Примечания: 44

Più siamo meglio stiamo (*um.*) — В тесноте, да не в обиде.

* * *

У Цезаря в его новой ипостаси был только один недостаток: скорость «под щитом» была черепашьей. Но зато можно было вдоволь насладиться унылыми и, увы, хорошо знакомыми мне пейзажами.

Марш-бросок атланта прошел успешно — и это про то, что мы даже в комбинезонах чувствовали себя неуютно. Как под водой во время тренировки, только все еще усугублялось чуждым пейзажем, окружавшим нас.

Кстати, я внезапно понял, что этот хорошо знакомый мне город напоминал тот, что мы когда-то могли наблюдать на дне океана. Интересно, кроме меня это кто-то заметил?

А безымянный пока атлант шел медленно, словно издеваясь. По настоянию Льдинки он надел на голову капюшон, но лицо оставалось открытым. Сначала он прикрывал его шарфом, который к тому же худо-бедно исполнял фильтрующую функцию, но потом опустил руку и сделал глубокий вдох.

Сердце екнуло даже у меня, а у Леди Лёд даже ноги, кажется, подкосились.

— Ничего, — сказал он (его голос постоянно

изменялся, в нем слышались наши интонации, в том числе мои… и Нааме), — дышать можно, но для вас, кажется, действительно опасно.

— Никогда больше так не делай! — набросилась на него Льдинка. — Чуть до инфаркта меня не довел, придурок!

Я заметил, что Джинн и Призрак переглянулись, а Дарья подмигнула Тени.

Потом мы забрались в мотоцикл, где расположились чуть ли не на головах друг у друга, но это нас не особо беспокоило. Я заметил, что всеми нами, в том числе и мной, овладела какая-то бесшабашность — вероятно, мы просто примирились с возможной опасностью.

Ни одного пагрэ мы не встретили, но однажды нам пришлось остановиться — по моей просьбе. Земля Энигмы была покрыта легким флером снега — колеса Цезаря поднимали его, и он клубился за нашим мобилем, долго не оседая. Возле одного здания, как мне показалось, я заметил следы. Мы затормозили, но следы оказались иллюзией. Я расслабился и чуть было не пропустил знакомую кучу.

Никакой перчатки там не было, но я, вспомнив этот момент из сна, попросил Фредди показать свою татуировку — с фразой из колодца.

— Прямо здесь? — удивился тот.

— Да у меня эта надпись в компьютере есть, — сказал Джинн. — Купер, можешь показать?

Купер спроецировал картинку, и я увидел ту самую надпись, которая была накорябана на бумажке из моего сна. Мои вопросы заинтересовали ребят — пришлось им все рассказать.

— Я давно знаю, что наши сны не просто так, — сказал Джинн. — Что-то все это означает, но что?

— А далеко та площадь? — спросил Призрак.

— Не очень, — ответил я, выводя полученную в ходе приземления не очень хорошего качества карту местности. На ней я обозначил то место, на которое был «прицел» нашего шаттла — вероятный вход в Нижний мир. — Вот здесь.

— А что это за красная точка? — удивился Призрак. — Вот незадача, а я и внимания не обратил! Получается…

— Наша конечная цель, — сказал я. — Предполагаемый вход в Нижний мир. Выходит, он в том жутком здании…

…которое мы увидели буквально через пять минут. Здание возвышалось над другими, окружавшими почти круглую площадь. В отличие от них оно было абсолютно черным и ни в малейшей мере не разрушенным, не обветшалым.

— Гадость какая, — прокомментировала Дарья.

— Похоже на пагрэ, — сказал Призрак, — зарытого в землю вниз головой.

— У пагрэ нет головы, — сказал Джинн.

— Che cazza, а то ты не понял, что я имею в виду! — парировал Призрак.

Я выпустил четырех небольших дронов с маячками, и мы направились к пугающему строению. Неприятным сюрпризом оказалось то, что к подножию здания вели ступени фута три высотой — где-то мне до середины бедер. Ступеней было три, но взобраться на них Цезарю в его нынешней ипостаси было невозможно.

— А двери у этой cazzatta есть? — спросил Призрак.

— Хрен поймешь, — ответил Фредди. — Все сливается.

— Выйдем — посмотрим, — резюмировал Джинн. — Так, готовимся к высадке. Фредди, Призрак, приготовьте оружие. Тень, будь готова накрыть нас невидимостью, но пока не включай, посмотрим, будет ли нужда. Бракиэль, у тебя есть хоть какое-то оружие?

Я расстегнул свой рюкзак и извлек из него… Призрак присвистнул:

— Хренасе, дисраптор. Не факт, конечно, что

подействует на пагрэ, но если подействует…

— Как раз дисраптор, может, и подействует, — сказал Джинн, доставая свой.

— А вот это точно подействует, — неожиданно сказала Норма, доставая нечто из своего рюкзака и раскладывая. А я-то думал, там ее личные вещи! Вечерние платья, наверно. Целый тюк…

— Я со своими имплантатами чувствую себя каким-то недовооруженным, — заметил Фредди. — Если я не ошибаюсь, это…

— Немецкое изделие, — сказала Норма, — флакундпанцерабверлазершрек «Хеклер ун Кох», модель ЕА7748. Облегченное, для десантников и горнопехотинцев.

— Круто! — заявил Призрак. — Да с этим арсеналом мы всю Энигму разнесем, как Бог черепаху, да, Джинн?

— Посмотрим, — уклончиво ответил Джинн. — Так, ребята, боевой порядок такой: в центре — девочки, справа — Фредди и Призрак, слева — Норма и Бракиэль, я впереди. Смотрим в оба, по моей команде Тень ставит щит. Или без команды, если кто-нибудь заметит пагрэ… **заметит любое движение**. Вопросы есть? Тогда вперед!

— И да сохранит нас Пресвятая Дева, — серьезно сказал Призрак.

— In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti, — перекрестился Фредди.

— Amen, — добавил Призрак, выбираясь из машины. Странно, но я тоже пробормотал краткую амиду, правда, к Иерусалиму не оборачивался. Потому что Иерусалим, если верить моей сверхспособности, находился прямо над моей головой на расстоянии шестисот с лишним миллионов километров. Путь, проделанный «Левиафаном» за шесть месяцев и две недели…

* * *

Еще выходя из машины, я почувствовал тревогу. Площадь казалась **знакомой**, и вовсе не из-за того сна… Я не мог понять, откуда я знаю это место, но, определенно, знал его.

Мы забрались на первую «ступеньку», и моя тревога усилилась. Все казалось просто **невероятно** знакомым.

Когда мы поднялись на вторую, Призрак вскрикнул:

— Пагрэ! — и выпустил очередь в сторону здания. Тень моментально накрыла нас «зонтиком», но перепугались мы основательно — очередь плазмированных пуль врезалась в нечто черное на черном, вспышки плазмы осветили до боли

знакомые очертания…

И тут же в нее ударил луч лазера — отличился Фредди.

— Прекратить огонь! — вскрикнул Джинн. — Мы демаскируем себя!

Но было поздно — луч лазера ударил в пагрэ, и тот разлетелся на куски. Что, в общем, для пагрэ нехарактерно, — успел подумать я, а потом вдруг почувствовал острую боль слева под ребрами. Я чуть не упал, не понимая, что происходит, но боль прошла так же неожиданно, как появилась. Мы стояли под «зонтиком», девушки в центре, парни и Норма по кругу, ощетинившись всем, что могло стрелять — Призрак с Джинном даже пару «беретт» откуда-то достали, хотя против пагрэ эти архаичные стрелялки уж точно были как слону дротик дартс…

— Что за… — сказал Джинн. — Мне показалось или он **разлетелся на куски**?

— Мне тоже так показалось, — сказал Фредди, а затем пнул ногой черный камень, валявшийся в снегу. — Глянь, Джинн!

Джинн присел на корточки и поднял кусок камня, поддетый Фредди. Кусок был еще теплым.

— Камень какой-то, — задумчиво сказал Джинн. — Стоп… мы что, расхреначили статую

пагрэ?

— Какой извращенец это изваял? — спросил Призрак. Все рассмеялись, но как-то нервно, и мы поспешили подняться на ступеньку, где до того стояла злочастная статуя.

Мы поднимались по очереди — первыми вскарабкивались Призрак, Джинн и Фредди, потом девочки, потом мы с Нормой, а пока ребята забирались, мы осматривали пустую площадь. Мне казалось, что я вот-вот вспомню…

Но вспомнил я, лишь оказавшись на верхней ступени, у входа в черное здание, обнаружившегося на этом уровне.

Я вспомнил…

…Люди были одеты так же, как мы, кроме балаклав и шарфов, но были заметно старше нас. Они были напуганы, и почему-то мне это нравилось.

— Разве ты не видишь? — сказала Нааме. — Они напуганы. Они не могут сопротивляться нам. Они всего лишь генераторы страха из слабой плоти…

Она говорила, а я опять видел то, что видел до того уже дважды: словно в замедленной съемке, на лицах людей страх уступал место решимости. Я знал, что будет, но был не в состоянии помешать этому. Красивая рыжая девушка вскинула что-то, что, как я понял, было оружием. И целилась она

в Нааме.

— Нет! — закричал я, бросаясь между девушкой и Нааме. Не было ни вспышки, ни звука, ни трассы между стволом и целью — ничего, кроме внезапно возникшей раздирающей боли в груди, там же, где несколько минут назад.

Я увидел, как солдаты набрасываются на людей, ведущих беспорядочный огонь, а Нааме склоняется надо мной. Мне казалось, что она кричит, кричит, не издавая звука, где-то в безмолвии, в котором обитают наши души, ее душа зашлась в беззвучном крике, увидев, что моя душа, пораженная выстрелом неизвестного оружия, исчезает у нее на глазах.

— Эй! — Норма сильно дернула меня за рукав. — Что с вами?

— Это случилось здесь, — сказал я. Мне казалось, что фрагменты пазла вот-вот сложатся и я увижу картинку, пойму, что это было или когда это будет…

— Что случилось? — спросила Норма. Я вздрогнул. Видение исчезло.

— Не знаю, — сказал я. — Что-то. Что-то важное.

Не понимая зачем, я схватил ее за руку:

— Идем!

Она кивнула, и мы, держась за руки, бросились догонять остальных.

* * *

— Мне интересно, сколько еще мы будем darsi l'accetta sui piedi?![45] — возмутился Призрак. — Здесь же темно, как в bucca di culo alla negri, а мы опять без света!

В здании, куда мы вошли, действительно, царила непроглядная тьма. Я, например, в темноте видел, Норма, по-моему, тоже, еще Фредди — уж больно уверенно он держался, Тень и наш атлант. А остальные были дезориентированы.

— С чего ты взял, что мы без света? — спокойно спросил Джинн. — Я в отличие от некоторых учусь на своих ошибках. Сейчас свет будет.

— Вы лучше скажите, откуда свет снаружи? — спросил Фредди. — Мне кажется, светятся сами здания, но не так, чтобы сильно. А небо свет отражает.

— Честно говоря, не знаю, — сказал я. — Норма, ты что думаешь?

— Фредди прав, — сказала Норма. — Свет исходит от зданий, а так как их много, то небо этот

---

[45] Примечания: 45
Darsi l'accetta sui piedi (*ит. жарг.*) — наступать на одни и те же грабли.

свет отражает, получаются «сумерки Энигмы».

И тут вспыхнул свет, довольно яркий. Источник его сначала был в руках Джинна, потом воспарил у него над головой.

— Надо было нам с тобой, дружище, хотя бы пару беспилотников склепать для личного пользования, — сказал Джинн Призраку. — А то у меня только этот летающий фонарик да несколько дронов-разведчиков, я их вперед запустил.

— И что там, впереди? — спросил Призрак. Джинн пожал плечами:

— Да ровно все то же. Коридор, длинный, как кишка.

— И нам по этой кишке идти, — невесело сказал Призрак. — Идем, что ли?

И мы пошли. Шли мы довольно долго, хотя вскоре Джинн сообщил, что его дроны обнаружили какой-то зал. К залу сходилось четыре коридора, и дроны отправились исследовать каждый из них, кроме того, по которому мы шли.

— Ну и здоровущее это здание, — не то восхищался, не то возмущался Фредди. — Больше моего монастыря!

— Bellimbusto, да оно больше Ватикана, — отвечал ему Призрак.

Тень то и дело останавливалась, когда ей ка-

залось, что можно «заглянуть» сквозь стену, но всякий раз напрасно — то ли стены здесь были толстые, то ли материал как-то блокировал способность Тени, но, что происходило за стенами, вдоль которых мы шли, мы не видели.

Когда мы подходили к «залу», Джинн сообщил, что один из дронов нашел проход вниз.

Зал оказался действительно большим, почти как покинутая нами площадь. Сначала он ступенчато спускался вниз, затем резко обрывался колодцем футов на тридцать. Неприятным моментом было то, что три найденных коридора открывались как раз в этот колодец. Спуск мы обнаружили не сразу, это была винтовая лестница, врезанная в стену «колодца». Довольно крутая… Спускались мы гуськом, первым шел Фредди, за ним Джинн, Призрак, Дарья, Тень, атлант, Куинни, Льдинка, Норма и я. Норма хотела быть замыкающей, но я настоял на том, чтобы замыкающим был я.

— Хорошо, — сказал Призрак, когда мы оказались «на дне», — и который из них?

— Вот тот. — Джинн указал на самый дальний от нас туннель. — Остальные два ведут в тупик. Зачем они только нужны?

— А вся эта cazzatta, по-твоему, зачем? — пожал

плечами Призрак. — Логика индейца непостижима для белого. Как ты думаешь, кто это построил, пагрэ?

— Не думаю, — ответил Джинн. — Мне это напоминает колодец нашей антарктической базы.

— Мне тоже, — кивнул Фредди. — Вообще, архитектура какая-то очень человеческая.

— В отличие от зданий на улице, — согласилась Тень. — У меня от них мурашки по коже…

— А у меня от этого места, — сказала Куинни. — Я чувствую здесь что-то недоброе. Нечеловеческое.

— Напрасно, — заявил голос, заставивший всех, даже Норму, вздрогнуть. — Место, до которого довело вас ваше любопытство, хорошо известно. Настолько хорошо, что многие считают его абстракцией. Не важно, христианин ты, иудей или мусульманин — ты наверняка знаешь эти слова: «Когда пойду я долиной смертной тени…» Добро пожаловать в долину смертной тени, друзья мои.

Вокруг нас вспыхнул свет. Свет поднимался вверх, окружая нас, так, что, казалось, мы отделены этим светом от внешнего мира. Свет был мертвенным, холодным, он отсекал лестницу, но коридоры оставались открытыми.

* * *

— Знаете, — сказал неизвестный (его голос шел откуда-то сверху), — вы все виноваты. И ты, Бракиэль, и ты, Норма, и даже ваш новый друг. Я слышал вас, и услышал достаточно. Вы семя, упавшее на каменистую почву, вы взошли быстрее других, но слишком рано усохли.

Вы рассуждали о морали, о доверии. Рассуждали о том, можно ли доверять Кураторам, судили их и осуждали. Вы полагали себя правыми, мудрыми, но как же вы безумны! Вы думаете, что глина — это то же самое, что и горшечник. Вы думаете, что вещь может сказать сделавшему ее: «Не ты меня сделал!» Разве горшок говорит горшечнику, что тот ничего не понимает?!

Кто вы, чтобы судить гения? А ты, **Перфламе**, какое ты имел право не уступать мне, когда я нуждался в том теле, что ты занял? Ты такой же глупый и ущербный, как те, кто отщипнул для тебя по кусочку. Ты мог бы стать совершенством, но стал ничтожеством. И твоя судьба — с твоими «родителями».

Я не выдержал и выстрелил. Кажется, остальные думали так же, как я — одновременно со мной выстрелили Фредди и Норма, чуть позже

— Джинн и Призрак. Тщетно. Ни один выстрел не достиг едва заметной фигуры, стоящей на парапете за стеной света. Эта стена поглотила их.

Незнакомец рассмеялся:

— Я потакал вам. Я дал вам свободу и ждал, что вырастет из этой свободы. Я сквозь пальцы смотрел на твой, Бракиэль, жалкий роман с моим любимым Творением. Ты и ее чуть не испортил своей «любовью». К счастью, у Надин сильный стержень. Она вырвала из себя все то, чем ты ее заразил. Норма, милая, я сейчас про тебя, бледная тень величественной Леди Н.

Я собрал вас здесь для того, чтобы решить несколько задач. Вы мне не нужны; я мог бы даже отправить вас домой, где вы бы жили как трусливые крысы, прячась и пряча мой великий Дар. А не стали бы — тем лучше. Я люблю, когда чьи-то действия вызывают хаос. Леди Лёд, ты не представляешь, как в этом был великолепен твой брат! Жаль, что ты не стала такой же, а я так на тебя надеялся. Я видел тебя новой Кали, сокрушительницей народов — и что я вижу теперь? Твоя ледяная душа растаяла в жалкой попытке спасти Олгу, которая меньше чем ноль.

— У Олги были сверхспособности! — крикнула Льдинка. — Я видела…

— Ты видела то, что хотела видеть, — ответил мужчина. — Сверхспособности Олги были вашими. У нее нет генов аннкуна, как у вас. Она жалкий вымирающий вид, пригодный только в качестве топлива для энергостанции. Как и все вы, несмотря на то что я дал вам эти гены. В вас слишком много человеческого.

Видите ли, мне нужно топливо. Мне нужен ваш сеад. Не ждите, что я расскажу вам, что это, а сами вы настолько глупы, что никогда не догадаетесь. Ан-ни аннку-на-к, элла-анку р-птиа, все подсказки были у вас в руках!

Другое название этого места — Кладезь Бездны. Только здесь не саранча выходит из дыма, а пагрэ выходят из тьмы и света. Прежде чем это случится, я хочу одного — я хочу знать, поняли ли вы, кто я.

Не знаю, как другие, но я, как мне казалось тогда, понял:

— Вы Клайв Спенсер, Лорд Нахаш.

Другие ребята, словно эхо, вторили мне — Спенсер… Лорд…

— Отчасти да, — сказал мужчина. — А в целом — нет. Я надеялся, хотя бы это вы поймете. Увы. Плохой из Надин вышел Куратор.

Он присел на корточки, его лицо просунулось

сквозь стену света. Этот человек был похож на нашего атланта и одновременно на более молодую версию Лорда.

— Разрешите представиться, дамы и господа! — сказал он. — Лев Ройзельман. Казненный пятнадцать лет тому назад, после чего еще несколько раз уничтоженный. Вот только бога нельзя убить, в отличие от человека. Меня вам на кресте не распять. А теперь прощайте!

И еще прежде чем он успел закончить, я заметил движение в ближайшем ко мне тоннеле.

А затем на площадку толпой повалили пагрэ.